Рус. Старина
№ 7
1902 г.

АЯ
ИНА

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ІЮЛЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Михаила Николаевича Загоскина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1902.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. Графа П. Шереметева. Москва. 1902 г.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря 1900 года авторъ разсматриваемой нами книги вмѣстѣ съ графомъ А. А. Бобринскимъ отправились къ предѣламъ Бѣлаго моря. Цѣль поѣздки была охота. Попутно они намѣревались чередовать охоту съ развѣдываніемъ мѣстной старины. Неудачная охота содѣйствовала послѣдней цѣли. Они пробыли двѣ недѣли въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, большею частью вблизи Ѳерапонтова монастыря и недалеко отъ Кирилло-Бѣлозерскаго, а затѣмъ перемѣстились въ Петропавловскую волость, находящуюся къ сѣверу отъ озеръ Бѣлаго и Кубинскаго по направленію къ озеру Воже. За эти немногіе дни набралось очень много впечатлѣній отъ видѣннаго и слышаннаго.

Систематическое изложеніе этихъ впечатлѣній и составляетъ содержаніе интересной книги графа Шереметева.

«Переѣхавъ черезъ Бородаевское озеро и миновавъ цѣлый рядъ стоящихъ на берегу вѣтряныхъ мельницъ,—описываетъ авторъ свою поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь,—мы быстро сдѣлали остававшійся 15-ти-верстный путь и скоро увидали вдали, въ открытыхъ со всѣхъ сторонъ поляхъ, величественныя, бѣлыя крѣпостныя стѣны знаменитаго въ русскихъ лѣтописяхъ монастыря съ его внушительными башнями и главами монастырскихъ церквей. Два года назадъ минуло 500 лѣтъ, какъ преподобный Кириллъ изъ московскаго рода Вельяминовыхъ основалъ эту обитель. Монастырь лежитъ у самаго берега Сиверскаго озера, при впаденіи рѣки Свіяги.

Въ тепломъ придѣлѣ собора особеннаго вниманія заслуживаютъ царскія врата, складень надъ ракой древняго письма и серебряная обложка самой раки съ изображеніями святаго, устроенная Ѳ. И. Шереметевымъ, скончавшимся въ монастырѣ и принявшимъ схиму подъ именемъ Ѳеодосія. Вычеканенная надпись говоритъ: «При державѣ Государя царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича... здѣлалъ сію раку Преподобному Чудотворцу Кириллу Бѣлозерскому, по обѣщанію, Болляринъ Ѳедоръ Іоанновичъ Шереметевъ, при игумене Антоніе и при келаре старце Савватіе Юшковѣ, 7151 то есть 1643».

Въ ризницѣ находилось нѣсколько великолѣпныхъ чашъ,—изъ нихъ одна даръ Іоанна Грознаго,—кадилъ, панагій, крестовъ, малыхъ складней. Въ шкафу увидали нѣсколько рукописныхъ евангелій на пергаментѣ съ прекрасными лицевыми изображеніями евангелистовъ пергаментную псалтырь 1424 года съ превосходными заставками и богатую икону Божіей Матери, впрочемъ довольно поздняго письма, со слѣдами фрязи—даръ жены князя Ив. А. Воротынскаго, княгини Анастасіи Львовны, 1680 года. Въ сосѣдней комнатѣ хранятся ризы. Здѣсь они видѣли мухояровую ризу преподобнаго Кирилла, сосудъ изъ бересты, въ которомъ онъ носилъ воду, котелокъ и вериги. Цѣлый рядъ шитыхъ плащаницъ, одна на другой, лежали тутъ же. Послѣ долгихъ исканій нашли плащаницу, которую Ѳ. И. Шереметевъ пожертвовалъ монастырю въ 1645 г. Библіотека сильно опустошена. Множество рукописей увезено въ Петербургъ и находятся въ духовной академіи.

Холодный соборъ съ величественнымъ иконостасомъ и живописью по стѣнамъ произвелъ тягостное впечатлѣніе. Вся стѣнная живопись возобновлена, какъ это видно изъ надписи на стѣнѣ, въ 1838 г.; только при боковомъ входѣ уцѣлѣлъ кусочекъ древней фресковой живописи, да входныя двери съ аркой, съ колонками.

Ѳерапонтовъ монастырь основанъ преподобнымъ Ѳерапонтомъ, уроженцемъ города Волоколамска, изъ рода дѣтей боярскихъ Поскочиныхъ. Много именъ связано съ Ѳерапонтовою обителью: прежде всего, самъ Ѳерапонтъ, ушедшій изъ Симонова монастыря на сѣверъ, въ неустанныхъ трудахъ, основавшій средоточіе духовной жизни; преподобный Мартиніанъ, ученикъ и продолжатель Ѳерапонта,—позднѣе настоятель Троицко-Сергіева монастыря, современникъ междуусобій Димитрія Шемяки и Василія Темнаго.

XV вѣкъ и часть XVI-го—цвѣтущая пора въ жизни монастыря: здѣсь процвѣтаетъ древняя письменность и собирается богатое собраніе рукописей. Великій князь Василій Ивановичъ съ великою княгинею Еленою посѣтили монастырь и молились о дарованіи имъ наслѣдника. Дважды былъ въ этомъ монастырѣ Грозный.

Въ XVII вѣкѣ монастырь приходитъ въ упадокъ. Смутное время, воровскіе люди, литва оставили свои слѣды. Уже ко времени заточенія патріарха Никона [1]), какъ видно изъ писемъ его къ царю, за монастыремъ «вотчинка небольшая и крестьянишки обнищали до конца».

Въ концѣ XVIII столѣтія, именно 28-го апрѣля 1798 года, Св. Синодъ нашелъ, что

[1]) Келіи патріарха Никона въ монастырѣ не сохранилось, и даже не извѣстно мѣсто, гдѣ она находилась.

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

ЗАГОСКИНЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1902.

ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ОДИННАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1902.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVIII [1]).

Переселеніе поляковъ Западныхъ губерній въ Варшавское герцогство.— Варшавскій сеймъ 7-го марта 1809 г.—Волненія по поводу войны Наполеона съ Австріею.—Воззванія австрійскаго правительства и короля Саксонскаго къ полякамъ.—Состояніе Западныхъ губерній.—Газета „Литовскій Курьеръ" и ея значеніе.—Непріязненныя отношенія между русскими и польскими войсками.—Указы Сенату о конфискованіи имѣній бѣжавшихъ поляковъ.— Шенбрунскій миръ.—Поклоненіе поляковъ Наполеону и прославленіе его въ литературѣ.

Образованіе герцогства Варшавскаго вскружило голову полякамъ нашихъ Западныхъ губерній. «Одно уже существованіе герцогства Варшавскаго,—писалъ князь Адамъ Чарторыйскій,—поддерживаетъ въ полякахъ чувство любви къ отечеству. Оно, какъ призракъ прежней Польши, производитъ непреоборимое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые это разрушенное государство считаютъ своимъ отечествомъ. Какъ будто тому, кто потерялъ дорогаго для себя человѣка, вдругъ является его тѣнь и обѣщаетъ скорое возвращеніе и его самого».

Ожиданія эти казались тѣмъ болѣе осуществимыми, что Наполеонъ, при каждомъ случаѣ, поддерживалъ ихъ въ полякахъ производствомъ крѣпостныхъ работъ и формированіемъ войскъ подъ начальствомъ Домбровскаго, князя Понятовскаго и Заіончека.

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1902 г.

Польское населеніе нашихъ Западныхъ губерній, безъ дозволенія правительства, бѣжало въ герцогство Варшавское. Къ тому же тогдашнія власти были какъ нельзя болѣе снисходительны на счетъ паспортовъ, и бѣглецы свободно переходили черезъ нашу границу [1]). Они шли для поступленія въ ряды польскихъ войскъ или на жительство въ Варшаву и, по предсказанію Нѣмцевича, увозили съ собою значительные капиталы.

Патріотическій порывъ ихъ одушевлялъ и распалялъ съ церковной каѳедры бывшій впослѣдствіи примасомъ Янъ-Павелъ Вороничъ, который въ своихъ проповѣдяхъ сравнивалъ Наполеона съ Киромъ, такъ какъ онъ, подобно Киру, освободившему изъ плѣна іудеевъ, для возстановленія храма въ Іерусалимѣ, будто бы возстановлялъ Польшу, а европейскихъ государей низлагалъ по своему произволу съ престоловъ и возводилъ на ихъ мѣсто кого хотѣлъ [2]).

Приписывая всѣ благодѣянія Наполеону, а не Александру, поляки Западныхъ губерній присматривались, что сдѣлаетъ для нихъ русское правительство, и, не ожидая отъ него ничего крупнаго, въ тайнѣ и исподволь подготовляли себя къ соединенію, при удобномъ случаѣ, съ населеніемъ герцогства Варшавскаго и къ содѣйствію видамъ Наполеона. Они вооружались и шли на службу въ польскіе легіоны. Энтузіазмъ былъ всеобщій; оставшіеся въ предѣлахъ Россіи сочувствовали ушедшимъ, ободряли ихъ и обѣщали скоро соединиться съ ними.

«Почтенные соотечественники!—писалъ Адамъ Чарноцкій полякамъ, ушедшимъ изъ Россіи [3]). Не повѣрите, насколько вашъ отъѣздъ исполнилъ насъ печали и сѣтованія, тѣмъ паче, что политическое раздѣленіе нашей земли, до безпредѣльнаго времени продолжающееся, и назначеніе васъ подъ команду великаго богатыря Европы не даетъ намъ сладости скоро васъ увидѣть. Будьте увѣрены, что, исправивши всѣ дѣла, ни отъ одного изъ живущихъ не отстану, съ началомъ весны къ вамъ и вашимъ славнымъ шеренгамъ прибуду въ нѣдра друзей знакомыхъ и соотечественниковъ.

«Подъ знаменами бѣлыхъ орловъ и подъ повелѣніемъ самого разума лестно служить для спасенія любезнаго отечества. Кто ощущаетъ тяготящее насъ здѣшнее правленіе, ежедневнымъ поношеніемъ имени поляка и рекрутскимъ наборомъ, который, дикимъ образомъ, нынѣ вторично изъ тысячи душъ по 10 въ повѣтахъ производится, на паст-

---

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній „Русскій Архивъ". 1872 г. Т. II, 2274.

[2]) Старческія воспоминанія Авдія Востокова. „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи" 1864 г. № 2, Отд. II, стр. 62.

[3]) Отъ 20-го ноября 1808 г. Чарноцкій жилъ въ Гродненской губерніи Новогрудскаго повѣта въ сел. Ворончи. Арх. Госуд. Совѣт. дѣла Комитета 1807 г. дѣло 1809 г. № 2.

бище строгихъ начальниковъ, на голодъ, нужду и на жертву глупыхъ указовъ, тотъ сколь можно скорѣе долженъ поспѣшить къ оружію, для спасенія попраннаго человѣчества и угнетенныхъ соотечественниковъ»[1]).

Варшавскіе соотечественники его готовились тогда къ государственному сейму, который и состоялся 7-го марта 1809 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ раскрылъ передъ собравшимися далеко не привлекательную картину внутренняго состоянія герцогства. Онъ указалъ на замѣшательства при введеніи французскаго кодекса, повлекшаго за собою волокиту дѣлъ и безпорядки въ управленіи. Онъ указалъ на упадокъ внѣшней и внутренней торговли, на затруднительное положеніе финансовъ и бѣдность государственнаго казначейства.

Жители Варшавскаго герцогства,—сказано въ одной запискѣ [2]),—разорены совершенно прекращеніемъ торговли, содержаніемъ войскъ и большими податями, коихъ, не взирая на самую строгую экзекуцію, не платятъ, и оттого есть даже недостатокъ въ денежномъ содержаніи войскъ. Обыватели вступаютъ въ службу для прокормленія и одежды. Лучшіе дворяне, найдясь въ совершенно новомъ для нихъ обществѣ людей, ими презрѣнныхъ и самаго низкаго состоянія развратныхъ женщинъ, удаляются въ свои деревни, для поправленія разстроеннаго своего состоянія.

«Освобожденные по конституціи крестьяне обременены болѣе, нежели когда-либо, въ десять мѣръ (разъ) увеличенною платою и работами за землю, на которой живутъ нынѣ, (обременены) конскрипціею и тяжкими государственными податями».

Войны, театромъ дѣйствій которыхъ было герцогство Варшавское, разорили населеніе; большая часть сельскихъ произведеній была забрана реквизиціею, и стоимость ихъ не возвращена собственникамъ. Со времени нашествія французовъ, земледѣльцы не могли уже не только уплачивать своихъ долговъ, но и процентовъ на нихъ. Предпринятыя Наполеономъ финансовыя операціи были неудачны и не улучшили положеніе населенія [3]). Сейму предстояло обсудить, какъ выйти изъ столь затруднительнаго положенія. Онъ смягчилъ уголовные законы, уничтожилъ тѣлесныя наказанія, принялъ безусловно торговое французское право; но возстановилъ всѣ подати, существовавшія въ прежней Польшѣ, и прибавилъ новыя. Сеймъ прошелъ, однако же, безъ борьбы партій, безъ оппозиціи правительству и 27-го марта былъ закрытъ.

---

[1]) За это письмо Чарноцкій былъ отданъ въ солдаты въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ.

[2]) Записка, поданная М. М. Сперанскому и представленная имъ императору Александру безъ года и числа.

[3]) Подробности этихъ финансовыхъ операцій см. „Русскій Вѣст.“ 1866 г. № 1, стр. 26—29.

Не смотря на тяжесть его постановленій, поляки, обращая вниманіе только на внѣшность, ликовали.

«Кто, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ графъ М. Огинскій [1],—не увлекся бы широкими размѣрами политическаго устройства этой небольшой области (герцогства Варшавскаго) съ собственною арміею, сенатомъ, законодательнымъ собраніемъ, государственнымъ совѣтомъ, министерствами по всѣмъ отраслямъ управленія и даже французскимъ резидентомъ. Могли ли поляки оставаться равнодушными при томъ милостивомъ вниманіи, какое оказывалъ имъ въ то время Наполеонъ, при его трогательномъ обращеніи съ польскими воинами его гвардіи, при тѣхъ наконецъ лестныхъ надеждахъ, которыми не переставали обольщать ихъ и самъ Наполеонъ и приближеннѣйшія къ нему личности?»

Вотъ почему при послѣдовавшей вслѣдъ за тѣмъ войнѣ Наполеона съ Австріею поляки всецѣло принадлежали французскому императору.

Три недѣли спустя по закрытіи сейма, населеніе Варшавскаго герцогства неожиданно и съ удивленіемъ узнало о разрывѣ Франціи съ Австріею и о вступленіи войскъ послѣдней, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, въ предѣлы герцогства. 12-го (24-го) апрѣля 1809 года появилось въ Варшавѣ воззваніе австрійцевъ, въ которомъ они призывали поляковъ къ возстанію противъ французскаго владычества, къ переходу подъ законное прусское правительство и къ возстановленію порядка, нарушеннаго въ Европѣ.

Спустя нѣсколько дней, въ той же Варшавѣ читали, присланное изъ Лейпцига, воззваніе короля саксонскаго—герцога варшавскаго, подписанное имъ 13-го (25-го) апрѣля.

«Австрія,—писалъ онъ,—объявила войну его величеству, императору французовъ, подъ предлогомъ защищенія себя отъ нападенія. Войска ея вступили въ герцогство Варшавское. Командующій оными разсѣялъ (распространилъ) отзывы укорительные для великаго нашего союзника и вашего возстановителя, желая тѣмъ поколебать нашу вѣрность и наложить на васъ новое иго; но тщетно будетъ сіе безчестное его предпріятіе.

«Поляки! Великій Наполеонъ возвратилъ вамъ законы, правильно пріобрѣтенные общимъ желаніемъ народа; отъ него получили вы все ваше существованіе, конституцію и законы. Никогда сей государь отъ дѣлъ своихъ не откажется, которыя онъ съ удовольствіемъ укрѣпилъ съ великимъ своимъ союзникомъ (императоромъ Александромъ). Спѣшите къ оружію на отмщеніе нападенія на вашего воскресителя, короля, васъ любящаго, и вашей свободы. Спѣшите на защиту вашихъ

[1]) Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру, „Русскій Архивъ“ 1874 г. Т. I, стр. 650 и 651.

жилищъ, послѣдуйте примѣру храбраго воинства вашего, составляющагося изъ единоземцевъ вашихъ. Испытанія ваши скоро пройдутъ. Уже непобѣдимый богатырь передъ лицомъ войскъ своихъ новые готовитъ имъ лавры и мщеніе за нападеніе на васъ».

По полученіи этого воззванія въ Варшавѣ, всѣ стали усиленно готовиться въ военнымъ дѣйствіямъ. По условіямъ Эрфуртскаго договора императоръ Александръ обязанъ былъ помогать Наполеону, и съ этою цѣлію на нашей западной границѣ была сосредоточена армія въ 70.000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына. Не считая войну эту полезною для Россіи, Александръ не торопилъ главнокомандующаго скорымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. При этомъ зная, что населеніе Варшавскаго герцогства относилось постоянно враждебно къ Россіи, графъ Румянцевъ писалъ князю Голицыну 6-го мая, что если отъ правительства Варшавскаго герцогства послѣдуетъ предложеніе дѣйствовать совокупно противъ австрійцевъ, то соглашаться на это только въ томъ случаѣ, если можно ожидать важныхъ выгодъ для русскаго оружія; вообще же уклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ варшавскими войсками.

Предусмотрительность эта оказалась не лишнею. Польскія войска и ихъ предводитель князь Понятовскій на первыхъ же порахъ стали во враждебное отношеніе къ русскимъ войскамъ. Князь Понятовскій разсылалъ по всей территоріи прежней Польши свои воззванія, приглашавшія поляковъ къ возстановленію Польши, вербовалъ въ свои войска охотниковъ изъ нашихъ Западныхъ губерній и даже переманивалъ солдатъ польскаго происхожденія изъ арміи князя Голицына. На замѣчаніе о предосудительности подобныхъ поступковъ Понятовскій отвѣчалъ:

— Русскіе—союзники наши, такъ почему же имъ не служить вмѣстѣ съ нами.

Въ дальнѣйшихъ поступкахъ князя Понятовскаго еще болѣе выразилось нерасположеніе къ Россіи. Рѣка Висла дѣлитъ Галицію на двѣ половины: съ польскимъ населеніемъ и съ русскимъ. Населеніе первой части принимало съ восторгомъ варшавскія войска и враждебно русскія; вторая часть поступала совершенно наоборотъ. Походъ Понятовскаго въ глубь верхней Галиціи имѣлъ видъ тріумфальнаго шествія, сопровождавшагося патріотическими рѣчами и празднествами. Въ этой части Галиціи образовалось временное польское правительство, во главѣ котораго сталъ Игнатій Потоцкій, помѣстившій его въ своемъ имѣніи Климонтовичи. Австрійскіе чиновники, не смотря на приказаніе оставаться на мѣстѣ, узнавъ о движеніи польскихъ войскъ, толпами бросились къ Кракову, увозя съ собою женъ, дѣтей и имущество. Поляки заняли Замостье, Сендоміръ и Ярославль. Во Львовѣ образовалось цен-

тральное польское правительство для всей восточной Галиціи. Австрійскіе орлы были уничтожены на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ города. Польскія дамы составили комитетъ для ухода за ранеными. Галиційскіе поляки ликовали и жертвовали значительныя суммы. Отъ нихъ не могли отставать и поляки, жившіе въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ. Имѣя за собою большею частію русское населеніе края, они не могли произвести вооруженнаго возстанія и выказывали свое сочувствіе къ общему дѣлу, такъ сказать, по одиночкѣ.

Въ маѣ 1809 г. получено было свѣдѣніе, что нѣкоторые поляки изъ Варшавскаго герцогства берутъ на аренду земли въ Гродненской и Минской губерніяхъ, съ цѣлью подготовить возмущеніе, и ведутъ переписку съ людьми «приверженными къ системѣ возстановленія Польши» [1]).

«Безошибочно можно сказать,—писалъ литовско-гродненскій гражданскій губернаторъ [2]),—что здѣсь подъ пепломъ кроется огонь, который, при первомъ благопріятномъ случаѣ, готовъ вспыхнуть. Говорить о немъ такимъ образомъ я имѣю основаніемъ давность времени, въ которую сближенъ съ сими людьми; обращаясь же съ ними внимательно, не могу имѣть сомнѣнія въ сказанномъ мною на счетъ ихъ.

«При движеніи войскъ нашихъ, когда не было еще извѣстно о пресѣченіи сношеній нашихъ съ Австріею, видно было всеобщее здѣсь безпокойство, въ которой изъ двухъ воюющихъ державъ пріемлетъ Россія участіе. Теперь, знаютъ они, что мы со стороны французской, и потому хотя явно всеобщее о томъ удовольствіе; однако же оно смѣшано съ нѣкотораго рода сомнѣніемъ въ томъ отъ того, что имъ не кажутся быстрыми наши движенія. Явно не говорятъ они сего, но проговариваются».

Имѣя родственниковъ въ Варшавѣ и Галиціи, поляки Западныхъ губерній, конечно, находили много случаевъ и способовъ къ безпрестанному сообщенію съ Варшавою и «не только ежедневно, но ежечасно» распускали нелѣпые и противорѣчивые слухи. «Опасно,—писалъ виленскій губернаторъ,—повторять все то, что отъ нихъ выходитъ, ибо часто добавляютъ собственными выдумками» [3]). Молчаніе служило обыкновенно признакомъ, что французы потерпѣли неудачу, а всеобщее оживленіе выражало обратное [4]).

---

[1]) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ литовскому губернатору 8-го мая 1809 г. № 79.

[2]) Министру внутреннихъ дѣлъ 18-го мая 1809 г. № 66.

[3]) Письмо виленскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 19-го мая 1809 года.

[4]) Отношеніе литовско-гродненскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 22-го мая 1809 г. № 75.

Въ маѣ 1809 года въ Вильнѣ разсказывали, что въ Варшавѣ весь народъ ничѣмъ болѣе не занимается, какъ военными приготовленіями, что даже дѣти, собираясь на улицахъ, вооружаются палками, деревянными саблями, маршируютъ и производятъ разнаго рода эволюціи. Жители Варшавы были очень недовольны вступленіемъ нашихъ войскъ въ Галицію и предполагали, что это дѣлается для того, чтобы овладѣть ею, и потому всѣ состоянія выражали ненависть къ русскому имени. Многіе патріоты ободряли себя тѣмъ, что Наполеонъ не допуститъ Россію овладѣть Галиціею, а напротивъ, Литва и прочія польскія провинціи Россіи будутъ непремѣнно присоединены къ Варшавѣ; Польша попрежнему будетъ возстановлена и возьметъ отъ Россіи все пространство до Днѣпра [1]).

Какъ бы въ подтвержденіе этого среди польскаго населенія Западныхъ губерній появилось множество листковъ и брошюръ, утверждавшихъ въ скоромъ и несомнѣнномъ возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г. Въ числѣ такихъ изданій наиболѣе выдающимся было «Размышленіе о княжествѣ Варшавскомъ» (Uwagi nad xięstwem warszawskim). Въ немъ авторъ увѣрялъ читателей, что, какъ временно и Цизальпинская республика была началомъ покоренія Франціею Венеціи и образованія Италіанскаго королевства, такъ и Варшавское герцогство составляетъ начало къ образованію Сарматской имперіи, которую Наполеонъ намѣренъ образовать изъ польскаго королевства и западныхъ областей Россіи [2]).

Общее стремленіе было направлено къ тому, чтобы произвести возстаніе, которое виленскіе поляки надѣялись поддержать польскими легіонами изъ Варшавы. «Люди сіи ведутъ сильную переписку съ варшавскими патріотами, но не по почтѣ, а по большей части черезъ нарочныхъ жидовъ, которые прокрадываются черезъ кордонную стражу и въ Варшавѣ подробно знаютъ, даже до самыхъ мелочей, что̀ у насъ происходитъ».

Изъ столицы Польши тѣми же жидами приносились къ намъ самыя благопріятныя извѣстія о скорой самобытности Польши, и духъ своеволія между жителями усилился до явнаго нерасположенія къ русскому правительству. Хотя по донесеніямъ губернаторовъ и нельзя было ожидать явнаго возстанія, «тѣмъ не менѣе празднословіе сильно упражняетъ вѣтренныя и безпокойныя головы, и они болѣе, нежели когда-нибудь, мечтаютъ о соединеніи Польши. Нѣкоторые, искренно или нѣтъ, желаютъ и надѣются, что нашъ государь изволитъ принять на себя ти-

---

[1]) Письмо виленскаго губернатора Брусилова министру внутреннихъ дѣлъ 25-го мая 1809 г.

[2]) „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г. № 2, отдѣл. II, стр. 62.

тулъ польскаго короля. Наиболѣе занимающіеся симъ суть или бывшіе магнаты, или праздные молодые и никакого состоянія не имѣющіе люди, которые отъ всякой перемѣны чего-нибудь надѣются и ничего не теряютъ. Мелкая шляхта, въ деревняхъ живущая и въ хлѣбопашествѣ упражняющаяся, гораздо покойнѣе и кажется болѣе предана нашему правительству».

«При семъ,—прибавлялъ виленскій губернаторъ Брусилсвъ [1],—долгомъ считаю упомянуть, что весьма трудно имѣть здѣсь вѣрныя свѣдѣнія, что гдѣ происходитъ, понеже всѣ почти чиновники здѣшніе жители, а потому опасно иногда многое препоручать, дабы не распространить недовѣрчивости».

Въ то время въ Вильнѣ не было почти ни одного человѣка, котораго не захватывала бы политика; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за событіями и толковали ихъ на свой ладъ, какъ кому желалось. Большинство съ жадностью прислушивалось и читало извѣстія, получаемыя изъ Варшавы. Оттуда привозились патріотическіе стихи, печатаемые въ «Варшавскомъ Курьерѣ», и разныя воззванія, распространяемыя польскими патріотами. Эти воззванія вызывали тайныя пожертвованія, вооруженія и уходъ многихъ въ Варшавское герцогство.

«Дворянство, шляхта и все, что можетъ нести оружіе,—писалъ А. Столыпинъ [2],—изъ всѣхъ мѣстъ бѣжитъ въ предѣлы герцогства Варшавскаго и Галицію, безъ всякой опасности. Примѣръ ненаказанности и совершенной свободы, которою пользуются всѣ измѣнившіе Россіи, еще болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ поощряетъ всѣхъ обывателей, наполненныхъ желаніями востановленія Польши, къ разнаго рода пожертвованіямъ».

Наиболѣе богатые помѣщики уводили съ собою преданныхъ имъ и ими же вооруженныхъ шляхтичей, для чего покупали оружіе, привезенное въ большомъ количествѣ изъ Тулы. Шляхта шла толпами, разбивала наши кордоны и уходила въ Варшаву [3]). Тамъ всѣ выходцы поступали въ польскія войска, преимущественно въ полкъ князя Чарторыйскаго.

«Сѣмя возмущенія здѣсь,—доносилъ изъ Вильны Аркадій Столыпинъ [4],—въ сердцѣ духовенства, и особенно ректора университета, прославившаго себя любовію къ мучимому отечеству ихъ и зловреднымъ преподаваніемъ свободы и возстановленія Польши. Ректоръ университета пользуется

---

[1]) Въ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30-го мая 1809 г. № 2110.

[2]) Въ секретномъ письмѣ князю Куракину 16-го іюля 1809 г. изъ Гродно.

[3]) Донесеніе волынскаго гражданскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 24-го іюля 1809 г. № 118, Житоміръ.

[4]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Куракину отъ 23-го іюня 1809 г. изъ Вильны.

особенною дружбою и довѣренностію Вавржецкаго, которому Корсаковъ [1]), какъ онъ мнѣ самъ сказывалъ, выпросилъ Александровскій орденъ [2]). Духовенство и университетъ, а особенно духовенство, имѣя непомѣрные доходы, имѣютъ здѣсь милліоны средствъ быть совершенно вредными правительству, которое не оставляетъ ихъ покровительствовать».

Литовскія губерніи были наводнены духовенствомъ. Въ одной Виленской губерніи считалось болѣе 3.000 монаховъ, между которыми были и малолѣтніе. «Духовенство,—доносилъ А. Столыпинъ [3]),—состоитъ большею частью изъ людей развратныхъ, упоенныхъ безначаліемъ и буйною свободою, или изъ фанатиковъ, предразсудками къ котолической религіи ослѣпленныхъ.—Тѣ и другіе суть непримиримые враги Россіи. По извѣстной степени просвѣщенія и по важности своего званія, они издревле умѣли удержать поверхность надъ умами поляковъ.—Утопая въ праздности, нѣгѣ, роскоши и избыткахъ, они имѣютъ всѣ способы привлекать къ себѣ приверженниковъ и разсѣивать зловредныя свои внушенія».

Изъ частныхъ лицъ особенною дѣятельностью отличались Ѳ. Чацкій и Ходкевичъ, употреблявшіе всѣ средства для воспламененія умовъ на Волыни и вербовавшіе шляхту для пополненія галиційскихъ войскъ.—Всякому желающему поступить въ войска, для дѣйствій противъ Австріи, обѣщано полное обмундированіе и по 10 червонцевъ на руки. «Чацкій хитростію ума своего и по ввѣренной управленію его гимназіи (Кременецкой) существенно опаснѣе всѣхъ; онъ не только временное зло Россіи дѣлаетъ, но каждый день, такъ сказать, образуетъ новыхъ ей враговъ [4]). Долгъ чести и присяги требуютъ поставить въ виду правительства, что всѣ заведенія публичнаго воспитанія, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, ввѣренныхъ надзору поляковъ, не могутъ принести никакой пользы Россіи, но для блага и цѣлости ея, лучше всѣхъ ихъ до основанія истребить, нежели терпѣть въ настоящемъ положеніи».

Воспитаніе юношества преднамѣренно было передано въ руки людей, нерасположенныхъ къ Россіи, русскій языкъ былъ изгнанъ

---

[1]) Тогдашній генералъ-губернаторъ.

[2]) Вавржецкій былъ очень остороженъ и велъ себя двусмысленно. Когда ему пожалованъ былъ орденъ, то онъ нарочно два мѣсяца не пріѣзжалъ въ Вильну за полученіемъ его, чтобы увѣрить поляковъ, что онъ лишь по принужденію разстается съ орденомъ Бѣлаго орла и принимаетъ русскій.

[3]) Общія замѣчанія статск. сов. А. Столыпина о разныхъ предметахъ по присоединеннымъ отъ Польши губерніямъ, представленныя императору Александру I 19-го октября 1809 г.

[4]) Секретное письмо Столыпина кн. Куракину 7-го августа 1809 года. Житоміръ.

изъ школъ и русскимъ именемъ гнушались. По заявленію А. Столыпина, довольно было одного Виленскаго университета и Кременецкой гимназіи, подъ руководствомъ Чацкаго, чтобы возстановить противъ Россіи всѣ присоединенныя къ ней отъ Польши губерніи. Профессоры Виленскаго университета дѣлились на двѣ партіи, не сходныя между собою:—нѣмцевъ,—вообще спокойныхъ, не сочувствовавшихъ видамъ французской политики, и поляковъ, напротивъ, старавшихся способствовать планамъ Наполеона и воспламенявшихъ умы юношей. Въ томъ же направленіи дѣйствовало духовенство и монахи—враги русскаго правительства и православія, имѣвшіе по своему богатству огромное вліяніе на общество, весьма разнохарактерное по составу. Поселяне были такъ принижены своимъ скуднымъ и бѣднымъ состояніемъ, «что не имѣютъ никакого чувства; жиды не любятъ никого, но рады служить всѣмъ изъ барышей и потому радуются всякой перемѣнѣ, всякому волненію». При ихъ посредствѣ поляки, какъ мы видѣли, имѣли тайную почту и вели дѣятельную переписку съ Галиціею и Варшавою. Объ этой перепискѣ русская администрація не имѣла никакого понятія. «Полиціи здѣсь вовсе нѣтъ, писалъ Столыпинъ; губернаторъ Брусиловъ и вице-губернаторъ Багговутъ по справедливости отъ всѣхъ ненавидимы и презираемы; генералъ-губернатора Корсакова поляки довольно любятъ и потому именно, что считаютъ его не опаснымъ для себя, умѣя пользоваться слабостію его характера, его легковѣріемъ и нескромностію». При такомъ составѣ администраціи, полякамъ не трудно было даже гласно распространять преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ французскихъ и въ особенности польскихъ войскъ. Такими извѣстіями и разсказами въ духѣ польскаго патріотизма была наполнена виленская газета «Литовскій Курьеръ», цензура которой была поручена Виленскому университету, покровительствовавшему подобному направленію. «Литовскій Курьеръ» читали всѣ, даже низшія состоянія, но за то политическое просвѣщеніе польскаго общества не простиралось далѣе статей этой газеты. Всѣмъ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ «Курьерѣ», давалась слѣпая вѣра, и онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы разжигать страсти и тѣмъ побудить на пожертвованія и вооруженія. Такъ въ № 60 «Курьера» были напечатаны извѣстія изъ Варшавы, что польское войско предположено увеличить до 100 т. человѣкъ и что князь Понятовскій будетъ вице-королемъ Польши. По полученіи этого нумера газеты въ Житомірѣ замѣтно было необыкновенное движеніе на улицахъ и шинки были наполнены гораздо болѣе обыкновеннаго: тамъ пили и провозглашали тосты за «круля Понятовскаго». Этихъ извѣстій было уже достаточно, «чтобы поврежденные умы совершенно совратить». Директоръ Кременецкой гимназіи отправился за границу; всѣ воспитанники гимназіи, которые по

возрасту могли носить оружіе, уходили туда же партіями человѣкъ по 20 и поступали въ польское войско. «Воображеніе ихъ было воспламенено до такой степени, что они въ классахъ ходили въ усахъ, а тѣ, которые имѣть ихъ не могли, рисовали себѣ усы углемъ. Коль скоро виды возмущенія открылись въ Галиціи, Чацкій въ нѣсколько дней построилъ манежъ, крытый соломой, и всѣ ученики, извѣстнаго возраста, не выходили изъ него, чтобы оттуда идти прямо на поле славы. Всѣ поляки считаютъ Кременецъ ядромъ патріотовъ и тамъ учениковъ до 600 человѣкъ. Многіе помѣщики, которые всегда ходили во фракахъ и никогда усовъ не носили, нынѣ и особенно молодые люди,—въ усахъ—знакъ патріотизма, храбрости и готовности взяться за оружіе» [1]).

Эти свѣдѣнія были внесены въ Комитетъ министровъ, причемъ министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ всѣ учебныя заведенія въ Западныхъ губерніяхъ ввѣрить надзору гражданскихъ губернаторовъ или опредѣлить кураторовъ изъ русскихъ, которые бы имѣли тамъ пребываніе свое безпрерывно. При обсужденіи этого доклада министръ внутреннихъ дѣлъ, товарищъ его и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ полагали: Чацкаго, какъ человѣка, навлекшаго на себя подозрѣніе, о которомъ и прежде сего донесенія писалъ находящійся въ губерніяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, съ секретнымъ порученіемъ статскій совѣтникъ Столыпинъ,—отозвать сюда для присутствія въ главномъ училищъ правленіи на то время, пока не перемѣнятся обстоятельства. «Таковая мѣра,—сказано въ журналѣ Комитета министровъ 18-го августа 1809 г.,—не можетъ быть для него обидна, хотя бы открылось, что подозрѣніе на него было не справедливо, ибо въ такомъ случаѣ послужитъ она къ собственному его обезпеченію, и равнымъ образомъ вызвать сюда подъ какимъ-либо предлогомъ, какъ графа Ходкевича, такъ и генерала Княжевича». Министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, «что поелику подозрѣніе на сихъ людей основано на одной только молвѣ, по которой въ заключеніяхъ утверждаться не можно, то нѣтъ никакой надобности въ сей мѣрѣ, особливо же противъ Чацкаго, какъ человѣка полезнаго, и что впрочемъ по мнѣнію его все вообще опасеніе относительно жителей губерній, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, напрасно, ибо въ то время, какъ мы въ войнѣ съ французами находились, ничего ими предпринято не было, а теперь по союзу нашему съ французами не имѣютъ они ни повода, ни способовъ къ важнымъ противъ насъ покушеніямъ. По сему соображенію почитаетъ онъ мѣры кротости и ласки въ настоящемъ положеніи гораздо пристойнѣйшими и дѣйствительнѣйшими».

Относительно же прочихъ статей доклада министра внутреннихъ дѣлъ, Комитетъ положилъ: 1), что донесеніе о газетѣ виленской разрѣ-

[1]) Секретное письмо Столыпина князю Куракину 18-го августа 1809 г. Житоміръ.

шается сдѣланнымъ уже отъ министра народнаго просвѣщенія предписаніемъ, чтобы ни въ какія газеты политическія извѣстія болѣе не вносились; 2) Чтобы всѣ заведенія публичнаго воспитанія оставить въ настоящемъ положеніи, ибо порученіе ихъ другому начальству было бы противно учрежденію ихъ; 3) Чтобы о недостаткѣ воинской въ Житомірѣ команды сообщено было военному министру для усиленія оной [1]).

Въ засѣданіи Комитета 29-го сентября статсъ-секретарь Молчановъ объявилъ, «что его императорское величество, признавая согласно съ мнѣніемъ Комитета помѣщиковъ Волынской губерніи Чацкаго, графа Ходкевича и генерала Княжевича подозрительными, не изволитъ однако находить по настоящимъ обстоятельствамъ за нужное употребить предполагаемую Комитетомъ въ разсужденіи ихъ мѣру».

Снисходительность эта не подѣйствовала въ томъ направленіи, въ которомъ ожидали. Поляки не сочли ее великодушіемъ императора Александра, а напротивъ, въ чаду успѣха, видѣли въ этомъ слабость русскаго императора. Самозванное центральное галиційское правительство отправило къ Наполеону депутацію съ просьбою о присоединеніи всей Галиціи къ герцоргству Варшавскому. Въ составъ депутаціи были назначены: Игнатій Потоцкій, Игнатій Мончинскій и Ѳаддей Матусевичъ.

— Великій императоръ!—обратился Потоцкій къ Наполеону,—да исполнится воля твоя,—скажи слово, и Польша воскреснетъ.

Наполеонъ улыбнулся и сталъ разспрашивать Потоцкаго о положеніи обѣихъ Галицій [2]). Поляки жаловались, что жители южной Галиціи сочувствуютъ русскимъ, принимаютъ ихъ съ восторгомъ и даже выражаютъ желаніе остаться подъ властію Россіи.

Все это было справедливо, и князь С. Ѳ. Голицынъ предлагалъ Александру I присоединить эту часть Галиціи къ Россіи и объявить себя королемъ польскимъ.

Императоръ отклонилъ это предложеніе, и по его приказанію графъ Румянцевъ писалъ князю Голицыну [3]):

«Сколь ни лестно пріобрѣтеніе Польши во всемъ ея объемѣ, государь императоръ, не гоняясь за блескомъ его, обратилъ особенное вниманіе на послѣдствія сего пріобрѣтенія въ отношеніи къ Россіи, при чемъ представляются слѣдующіе вопросы: съ возстановленіемъ королевства Польскаго въ первобытномъ его состояніи, не должны ли отойти

[1]) Журналъ Комитета министровъ 18-го августа 1809 г.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г. № 2, стр. 580 и 581.

[3]) Отъ 15-го іюня 1809 г. На депешѣ рукою гр. Румянцева написано: «прошу в. с., отдѣля сію депешу отъ прочихъ, хранить ее подъ собственнымъ ключемъ вашимъ». М. И. Богдановичъ, „Исторія царствованія Александра I“, т. II, стр. 445—447.

отъ Россіи области, прежде принадлежавшія Польшѣ? Можно ли положиться на постоянство польской націи? И подъ самымъ видомъ пылкаго ихъ желанія соединиться съ Россіей, подъ скипетромъ его величества, не кроется ли умыселъ возвратить тѣ области, которыя достались намъ, и потомъ вовсе отложиться отъ насъ?»

Приводя въ примѣръ Венгрію и Ирландію, какъ области, состоявшія на различныхъ правахъ отъ кореннаго населенія Австріи и Англіи, и непрочность ихъ соединенія, графъ Румянцевъ сообщалъ еще и другія соображенія.

«Явное и непосредственное послѣдствіе возстановленія королевства Польскаго и присоединенія его къ Россійской имперіи было бы то, что связь между державами, по раздѣлу Польши естественно интересованными другъ друга поддерживать, тогда совершенно рушится.

«Таковы причины, по коимъ его величество, довольствуясь удѣломъ, отъ бывшей Польши намъ доставшимся, желаетъ предпочтительно видѣть ее въ настоящемъ положеніи, и присоединеніе Польши, въ прежнемъ составѣ ея, не изволитъ признавать полезнымъ для Имперіи, не говоря уже о томъ, сколь несовмѣстно сіе было бы ни съ честью, ни съ достоинствомъ, ниже съ безопасностью Россіи, еслибъ въ смыслѣ возстановленія королевства Польскаго могло входить присоединеніе къ оному края Бѣлорусскаго и участковъ, отшедшихъ къ составленію Кіевской и Подольской губерній.

«Со всѣмъ тѣмъ, при нынѣшнемъ гадательномъ положеніи Европы, его величество полагаетъ, что, съ одной стороны, принявъ во вниманіе представленіе вашего сіятельства, можно, льстя поляковъ надеждою возстановленія ихъ отечества, удержать ихъ въ спокойствіи и повиновеніи, а съ другой стороны, что, въ противномъ случаѣ, они могутъ обратиться къ Наполеону съ домогательствами о составленіи особаго владѣнія изъ герцогства Варшавскаго и Галиціи, что намъ весьма не выгодно. Государь императоръ соизволяетъ, чтобы ваше сіятельство, удостовѣрясь вполнѣ, что магнаты варшавскіе и галиційскіе имѣютъ прямое и твердое желаніе поступить подъ скипетръ его величества, внушили имъ подъ рукою отъ себя, что ежели они дѣйствительно намѣрены, составя изъ герцогства Варшавскаго и княжествъ Галиційскихъ особое царство, подъ именемъ королевства Польскаго, ввѣрить скипетръ онаго на вѣчныя времена государю императору и его преемникамъ, то вы почти увѣрены, что таковой подвигъ ихъ и предложенія о томъ не останутся безуспѣшны, и что вы, съ вашей стороны, примете на себя быть въ семъ дѣлѣ ревностнымъ ходатаемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ князю Голицыну было поручено оставить въ занятой нами Галиціи прежнее управленіе, назначивъ чиновниковъ изъ

мѣстныхъ жителей такихъ, которые не были употреблены ни австрійцами, ни кн. Понятовскимъ.

Послѣдній, постоянно интригуя противъ Россіи, старался убѣдить Наполеона, что медленность дѣйствій русскихъ войскъ объясняется тайными соглашеніями съ австрійцами [1]). Когда русскія войска заняли Львовъ, онъ исходатайствовалъ у Наполеона повелѣніе привести галичанъ къ присягѣ на вѣрность французскому императору, его именемъ производить судъ и управлять страною, набирать солдатъ во французскую армію и замѣнить австрійскіе гербы французскими. Понятовскій тотчасъ же сообщилъ это повелѣніе князю Голицыну, но тотъ отвѣчалъ, что «повелѣніе императора Наполеона можетъ быть исполнено только тамъ, гдѣ находятся варшавскія войска, а не въ странѣ, занятой русскими, гдѣ безъ повелѣнія его величества императора Александра не будутъ допущены ни присяга Наполеону, ни замѣна австрійскихъ гербовъ французскими, ни наборъ войскъ» [2]).

Этотъ отвѣтъ и внушенія князя Понятовскаго подали поводъ Наполеону заявить объ измѣнническомъ образѣ дѣйствій русскихъ войскъ въ Галиціи. Петербургскій кабинетъ выяснилъ французскому послу тѣ отношенія, которыя существовали между русскими и польскими войсками. Отношенія эти съ каждымъ днемъ ухудшались. «Наглость варшавскихъ войскъ выходитъ изъ границъ», доносилъ князь Голицынъ императору Александру [3]). Обоюдная ненависть другъ къ другу царствуетъ не только между офицерами, но и между нижними чинами обѣихъ армій.

«Не могу изъяснить вашему величеству всѣхъ униженій, которыя

---

[1]) Въ этомъ отношеніи Понятовскій былъ правъ. Императоръ Александръ не желалъ воевать съ австрійцами. Отпуская присланнаго изъ Вѣны князя Шварценберга, государь сказалъ ему: „ничего не будетъ забыто, что только человѣчески возможно придумать для ослабленія наносимыхъ ударовъ" Наполеономъ Австріи. Къ этому Александръ присовокупилъ, что „его положеніе настолько странное, что хотя мы и находимся въ противныхъ лагеряхъ, однако же онъ не можетъ удержаться отъ выраженія пожеланій въ пользу успѣховъ австрійцевъ". Императрица Марія Ѳеодоровна говорила Шварценбергу: «Дѣйствіе, разсчитанное съ хладнокровіемъ и благоразуміемъ, но выполненное съ быстротою и величайшею энергіею во всѣхъ его частностяхъ, произвело бы здѣсь въ скоромъ времени самое благопріятное вліяніе» (Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I", т. II, стр. 238 и 240). Все это и было причиною того, что, при первомъ появленіи русскихъ войскъ, австрійцы стали отступать, заявляя, что они не считаютъ императора Александра врагомъ Австріи и не будутъ драться съ его войсками.

[2]) М. И. Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра I", т. II, стр. 444.

[3]) Отъ 5-го іюля 1809 г. Богдановичъ, т. II, 449.

войска ваши отъ варшавцевъ переносить должны. Смѣю сказать, что еслибы я былъ помоложе, то не достало бы у меня терпѣнія» [1]).

Положеніе князя Голицына еще болѣе ухудшилось, когда 3-го іюля, русскій авангардъ занялъ Краковъ. Спустя нѣсколько дней пришли туда и войска кн. Понятовскаго. На заявленіе, что городъ занятъ уже русскими войсками и долженъ остаться въ ихъ власти, Понятовскій отвѣчалъ, что право занять этотъ городъ принадлежитъ ему, потому что онъ сражался подъ его стѣнами и заключилъ конвенцію съ австрійцами. Поднялись споры, едва не окончившіеся кровавымъ столкновеніемъ мнимыхъ союзниковъ. Дѣло кончилось соглашеніемъ, что городъ будетъ занятъ какъ русскими, такъ и польскими войсками въ равномъ числѣ; что предмѣстье Подгурже будетъ занято одними русскими войсками, а польскія перейдутъ Вислу, подъ предлогомъ преслѣдованія непріятеля.

Въ Краковѣ и другихъ мѣстахъ происходили поединки между русскими офицерами и офицерами польскихъ войскъ. Жители повѣсили въ театрѣ занавѣсъ, на которомъ было изображено восходящее солнце, и изъ гроба, освѣщеннаго его лучами, возставалъ польскій король; рѣки Днѣпръ и Двина, обозначенныя на занавѣсѣ, изображали границы Польши.

При каждомъ случаѣ поляки старались выказать свою непріязнь къ русскимъ: перехватывали нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ, вскрывали депеши, вербовали свои войка перебѣжчиками изъ русскихъ и австрійскихъ владѣній. Князь Понятовскій, носившій прежде званіе начальника войскъ Варшавскаго герцогства, потомъ командира 9-го корпуса великой арміи, сталъ именовать себя теперь главнокомандующимъ польской арміей.

«Не могу признать,—писалъ ему князь Голицынъ въ письмѣ отъ 21-го іюля,—ни Польши, давно отжившей, ни арміи, ни войскъ польскихъ, но признаю только войска Варшавскаго герцогства. Оно учреждено тильзитскимъ миромъ, и тамъ вовсе не упомянуто о Польшѣ».

«Не могу вѣрить,—отвѣчалъ ему князь Понятовскій отъ 24-го іюля (5-го августа),—чтобъ вы имѣли повелѣніе оспаривать у императора французовъ право давать имена корпусамъ, состоящимъ въ его великой арміи».

Подобныя происшествія вынуждали князя Голицына просить императора Александра опредѣлить для дѣйствій русскихъ войскъ такую мѣстность, на которой они не сталкивались бы съ польскими войсками. Въ противномъ случаѣ онъ слагалъ съ себя отвѣтственность, если произойдутъ весьма непріятныя происшествія. Для отстраненія ихъ въ будущемъ, графъ Румянцевъ, по повелѣнію императора Александра, 15-го (27-го) іюля писалъ Коленкуру:

[1]) Донесеніе князя Голицына отъ 11-го августа 1809 г., тамъ же.

«Австрія соприкасается съ русскою имперіею обѣими Галиціями. Эти области должны были сдѣлаться поприщемъ дѣйствій его (русскаго императора) войскъ и отчасти войскъ саксонскаго короля, состоявшихъ въ распоряженіи главы Рейнскаго союза (Наполеона). Ничто, казалось, не нарушало выгодъ русскаго императора: войскамъ его величества могло быть только пріятно дѣйствовать совокупно съ войсками саксонскаго короля въ однихъ и тѣхъ же видахъ. Но войска Варшавскаго герцогства, въ силу самыхъ обстоятельствъ, дѣйствовали двойственно. Они не оставались въ предѣлахъ саксонскаго войска, напротивъ, они называли себя польскими войсками, повсюду разсылали прокламаціи во имя отечества, провозглашали возстановленіе прежней Польши, набирали въ свою службу воиновъ, даже внѣ предѣловъ герцогства и, возбуждая патріотическія чувства, привлекли къ себѣ многихъ изъ подданныхъ русскаго императора, которые до того времени оставались, послѣ паденія Польши, мирными гражданами его имперіи. Они безъ паспортовъ ушли за границу, увели съ собою цѣлые отряды, которые дѣйствовали оружіемъ противъ пограничной стражи, которая не была такъ сильна, чтобы удержать ихъ переходъ.

«Гербы старой Польши явились на границахъ имперіи. Съ тою ли цѣлію, чтобы показать, кому принадлежитъ область, на которой ихъ ставили?..

«Мысль о возстановленіи прежней Польши бродитъ въ умахъ всѣхъ обитателей герцогства Варшавскаго. Она не передается въ видѣ тайнаго желанія; напротивъ, выражается явно съ полною надеждою осуществленія и съ этою цѣлію проповѣдуютъ крестовый походъ противъ Россіи. Но осуществленіе этой мысли, даже воображаемое, можетъ основаться только на разрывѣ союза между двумя императорами. Всѣ стремленія вооруженныхъ силъ герцогства Варшавскаго и его правительства естественно направлены къ этой цѣли. Они должны постоянно и безостановочно дѣйствовать для того, чтобы разрушить эту дружбу. Это такъ должно быть; это иначе и быть не можетъ».

Въ виду скрѣпленія тѣснѣйшей дружбы Россіи съ Франціею, графъ Румянцевъ, по порученію императора Александра, просилъ Коленкура обсудить вмѣстѣ съ нимъ будущую судьбу Галиціи и заключить по этому вопросу особую конвенцію.—При этомъ было заявлено Коленкуру, что императоръ Александръ, желая доказать дружбу своему союзнику и вѣрность въ соблюденіи принятыхъ на себя обязательствъ,—приказалъ кн. Голицыну не обращать вниманіе на проповѣдниковъ возстановленія Польши, не поддерживать никакими уступками ихъ заблужденій, но продолжать съ рѣшительностью военныя дѣйствія.—«Во всѣхъ случаяхъ поступать такъ, какъ это принято между державами, когда одна изъ нихъ дѣйствуетъ въ союзѣ съ другой, т. е. чтобы въ заня-

тыхъ ими у непріятеля странахъ она имѣла равное вліяніе на управленіе въ нихъ, требованія отъ жителей присяги, взиманія налоговъ и рекрутовъ.

«Миръ,—писалъ графъ Румянцевъ,—произнесетъ послѣднее слово объ окончательной судьбѣ обѣихъ Галицій; но дружба, которая царствуетъ между двумя императорами, и ихъ взаимное довѣріе могутъ подготовить ее въ настоящее время и я очень радъ приступить къ этому дѣлу.—Мнѣ поручилъ мой государь совокупно съ вами, господинъ посолъ, еще болѣе скрѣпить союзъ, существующій между двумя императорами. Онъ одинъ можетъ упрочить миръ въ Европѣ, въ которомъ она такъ нуждается».

Между тѣмъ послѣ сраженія при Ваграмѣ 24-го іюня (6-го іюля) Австрія признала себя побѣжденною, и 30-го іюня (12-го іюля) было заключено перемиріе въ Цнаймѣ, а затѣмъ начались переговоры о мирѣ въ Альтенбургѣ. Приступая къ нимъ и сознавая, что австрійскія войска не были еще окончательно уничтожены, что они могли быть усилены новымъ комплектованіемъ, что въ Австріи преобладала партія, желавшая продолженія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ желалъ знать, что предприметъ Россія въ случаѣ возобновленія таковыхъ. Ему было отвѣчено, что императоръ Александръ готовъ предписать 20-ти тысячному корпусу дѣйствовать противъ Австріи вмѣстѣ съ войсками императора Наполеона. Корпусъ этотъ откроетъ немедленно военныя дѣйствія, но лишь по заключеніи французскимъ посломъ предложеннаго ему соглашенія, которое одно только можетъ обезпечить отъ слуховъ, распускаемыхъ тѣми подданными Саксонскаго короля (т. е. поляками), которые считаютъ себя какъ бы отдѣльнымъ государствомъ, и, дѣйствуя согласно съ этимъ мнѣніемъ, надѣются на расширеніе своихъ границъ въ явный ущербъ выгодамъ Россіи. Поэтому одновременно съ дѣйствіями этого корпуса императоръ Александръ считаетъ необходимымъ удержать другой корпусъ въ Галиціи, для поддержанія спокойствія въ этой области, гдѣ возбуждено опасное для Россіи волненіе.

Не имѣя никакихъ инструкцій, Коленкуръ не могъ отвѣчать ничего опредѣленнаго, а Наполеонъ съ намѣреніемъ уклонялся отъ отвѣта на сдѣланное русскимъ кабинетомъ предложеніе. Онъ приглашалъ только русскаго императора принять участіе въ мирныхъ переговорахъ, но Александръ не прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Альтенбургъ и предоставилъ своему союзнику договариваться съ Австріею за Россію. Отказываясь отъ всякаго вознагражденія, но желая, чтобы Галиція, попрежнему, оставалась во владѣніи Австріи, Александръ просилъ только Наполеона не забывать, при заключеніи мира, интересовъ его имперіи въ отношеніи къ бывшей Польшѣ.

«Ваше величество,—писалъ онъ Наполеону [1]),—можете дать мнѣ полное ручательство и обезпеченіе, если вспомните все то, что было мною часто повторяемо въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ объ интересахъ Россіи по отношенію дѣлъ прежде бывшей Польши, и то, что я поручилъ своему посланнику вамъ объяснить... Мое наибольшее желаніе заключается въ устраненіи всего того, что можетъ вредить союзу, дабы онъ могъ скрѣпиться еще болѣе».

Наполеонъ старался всячески уклониться отъ раскрытія своихъ видовъ и намѣреній. Онъ сказалъ Горголи, при отправленіи его въ С.-Петербургъ съ депешами: «La Pologne va donner lieu à quelques contestations; mais le monde est assez grand pour que nous puissions nous arranger» [2]).

Такія слова и уклоненія Наполеона отъ заключенія конвенціи ободряли окружающихъ его поляковъ, постоянно за нимъ наблюдавшихъ, и они стали еще смѣлѣе. Генералъ польскихъ войскъ Карвицкій, жившій обыкновенно въ своемъ имѣніи въ Любарѣ, ѣздилъ по Подольской губерніи и воспламенялъ умы. Это былъ человѣкъ открытаго характера, смѣлый и патріотъ до энтузіазма. Карвицкій имѣлъ даръ слова, «манеры его весьма просты и несутъ на себѣ печать достоинства воинскаго,—однимъ словомъ, онъ одинъ изъ тѣхъ людей, который легко можетъ заставить себя уважать, любить и ему вѣрить» [3]).

Карвицкій говорилъ, что лично онъ терпѣть не можетъ Наполеона и ни въ чемъ ему не вѣритъ; что онъ знаетъ его давно, слѣдилъ за всѣми его поступками и поведеніемъ, и что конечно поляки схватили за хвостъ чорта.

— Но,—прибавилъ Карвицкій въ разговорѣ со Столыпинымъ, кто изъ насъ не читаетъ отечественныхъ газетъ. — «Литовскій Курьеръ» предвѣщаетъ намъ, что Понятовскій будетъ королемъ. Всѣ кампаніи я сдѣлалъ съ нимъ вмѣстѣ; противъ непріятеля онъ великъ, сохраняетъ все благоразуміе и хладнокровіе; въ политическихъ видахъ хитръ и неутомимъ. Понятовскій жилъ все время въ Варшавѣ самымъ открытымъ образомъ: два раза въ недѣлю у него былъ балъ и довѣренность къ нему соотечественниковъ неограничена. Я ручаюсь жизнію своей, что когда Понятовскій будетъ королемъ или вице-королемъ, онъ ни минуты не потерпитъ французскаго ига, и Польша или совсѣмъ пропадетъ или возстанетъ въ бо́льшей силѣ, нежели когда-нибудь была.

Рѣчи Карвицкаго увлекали поляковъ, и ему помогалъ въ этомъ «Литовскій Курьеръ». Въ № 64 газеты было напечатано:

---

[1]) Отъ 21-го августа 1809 г.

[2]) Польша даетъ поводъ къ нѣкоторымъ спорамъ, но миръ достаточно великъ для того, чтобы мы могли взаимно устроиться.

[3]) Письмо А. Столыпина кн. Куракину 24-го августа 1809 г. Житоміръ.

Краковъ. Августа 10-го дня 1809 г.

«Пожертвованія обывательскія не прекращаются: купцы сей столицы дали 44.962 злотыхъ; городъ собственнымъ иждивеніемъ содержитъ караулы; помѣщики безденежно дали 100 быковъ и соразмѣрное количество хлѣба, водки, вина и припасовъ. Празднество возстановленія французскихъ орловъ производится по городамъ разнымъ образомъ. Люблинъ учинилъ присягу прежде, Радомъ позже; Краковъ недавно сіе исполнилъ; теперь сдѣлали то же Сѣдлецъ и Замосцъ несчастный, въ которомъ непріятель, будучи не въ состояніи защищаться, сжегъ 431 домъ. Вездѣ съ великолѣпіемъ совершался обрядъ взятія во владѣніе именемъ Наполеона. Древніе цехи стояли около вновь сформировавшагося войска; знамена первыхъ, въ древнія еще времена сдѣланныя, развѣвались и удивительно соперничали съ новыми знаменами вторыхъ. Особливо же обращали на себя вниманіе полки князя Константина Чарторыйскаго и Ордината Замойскаго, вновь порядочно образовавшіеся. Пушечный громъ, радостныя восклицанія, гласныя молитвы, рѣчи, проповѣди, иллюминаціи, толпы народа разнаго состоянія составляли празднество присяги въ вѣрности.

«Варшава, Модлинъ, Сѣроцкъ съ неменьшимъ великолѣпіемъ праздновали побѣды надъ австрійцами въ теперешней войнѣ. Всѣ власти гражданскія, все войско, духовенство, разнымъ образомъ при таковомъ обстоятельствѣ отличались. Резидентъ французскій Серра далъ великолѣпный балъ. Полковникъ Нейманъ въ Сироку поставилъ обелискъ, украшенный трофеями и пристойными случаю надписями. Особливо же занимало всѣхъ вновь сформированное войско, какъ-то новый полкъ 14-й Семяновскаго, кавалерія и гвардія ломжинская, ветераны и гвардія варшавская. Освѣщеніе домовъ общее».

Подобныя слова живили поляковъ и вызывали съ ихъ стороны поступки, нарушавшіе порядокъ. «Вообще о Подольской губерніи сказать можно, доносилъ Столыпинъ [1]), что здѣшніе обыватели преступили уже всѣ границы пристойности, проходили за границу въ парадѣ. На-дняхъ разбитъ былъ эстафетъ, на-дняхъ же два чиновника въ Каменецкомъ повѣтѣ земскаго суда встрѣтились съ патріотами въ корчмѣ. Поляки начали бранить москалей и прибили сихъ чиновниковъ до полусмерти, хотѣли одного изъ нихъ зарѣзать; бунтовщиковъ отыскать не могутъ. Полиція кромѣ капитанъ-исправниковъ вся составлена изъ поляковъ; исправники безъ стражи не смѣютъ никуда показаться. Губернское же начальство имѣетъ очень мало средствъ къ водворенію спокойствія».

Люблинскій комендантъ распечатывалъ письма, адресованныя на имя министра иностранныхъ дѣлъ, снова прикладывалъ печать и от-

---

[1]) Кн. Куракину отъ 8-го сентября 1809 г.

правлялъ по назначенію. «Всѣми передается,—писалъ графъ Румянцевъ Коленкуру [1]),—за достовѣрный слухъ, что этого рода власти остановили нарочнаго отъ князя Прозоровскаго [2]) и силою отняли отъ него бумаги».

Всѣ почты въ Волынской и Подольской губерніяхъ находились въ рукахъ поляковъ, которые, имѣя надобность въ лошадяхъ для военныхъ цѣлей, уводили ихъ со станцій; многіе ямщики также ушли, и русская власть теряла всякое сношеніе съ Петербургомъ. Оставшіяся на почтовыхъ станціяхъ лошади, при безпрерывномъ движеніи, едва волочили ноги. Курьеры, ѣхавшіе въ Турцію съ депешами къ главнокомандующему, принуждены были нѣкоторыя станціи проходить пѣшкомъ; письма лежали на станціяхъ по нѣскольку дней; офицеры, отправлявшіеся въ армію, платили по 20 и 25 руб. за проѣздъ одной станціи.

Положеніе края становилось настолько серьезнымъ, что правительство признало необходимымъ всѣхъ поляковъ, задержанныхъ при переходѣ черезъ границу, отсылать прямо въ солдаты въ сибирскіе баталіоны, а имѣнія бѣжавшихъ конфисковать.

«До свѣдѣнія нашего дошло,—сказано было въ указѣ Сенату [3]),—что нѣкоторые изъ поселянъ и обывателей пограничныхъ губерній, предаваясь, по простотѣ ихъ, ложнымъ и неосновательнымъ слухамъ, отлучаются безъ вѣдома начальства отъ жилищъ ихъ за границу.

«Въ пресѣченіе таковыхъ противузаконныхъ отлучекъ, мы признали нужнымъ принять слѣдующія мѣры: 1) поселянъ, приличенныхъ въ таковыхъ отлучкахъ, по поимкѣ ихъ, отдавать безъ зачета годныхъ въ солдаты, а негодныхъ ссылать, яко бродягъ въ крѣпостную работу. 2) Хотя по извѣстной намъ благонамѣренности дворянства и помѣщиковъ, въ пограничныхъ губерніяхъ пребывающихъ, нельзя предполагать, чтобы кто-либо изъ нихъ, предаваясь тѣмъ же ложнымъ и неосновательнымъ толкамъ, покусился на таковыя отлучки, тѣмъ не менѣе, если бы паче чаянія и изъ дворянъ и изъ помѣщиковъ кто-либо обличенъ былъ въ таковомъ преступленіи, или же подущеніи, подговорѣ, а паче въ доставленіи какихъ-либо способовъ къ вооруженію, таковыхъ имѣнія не медленно конфисковать, а ихъ самихъ предавать суду по всей строгости законовъ».

Вслѣдъ за тѣмъ 5-го октября послѣдовалъ новый указъ Сенату, въ которомъ было сказано [4]): «По представленіямъ нѣкоторыхъ начальниковъ пограничныхъ губерній, затрудняющихся, какъ поступать относительно тѣхъ самовольно отлучающихся за границу дворянъ, у коихъ имѣнія нѣтъ, а состоитъ оное за ихъ отцами, въ разрѣшеніе обстоя-

---

[1]) Отъ 15-го іюля 1809 г.

[2]) Главнокомандующаго войсками въ Турціи.

[3]) Отъ 24-го августа 1809 г. Полн. Собр. Зак. т. XXX № 23806.

[4]) Полное Собр. Закон., т. XXX № 23893.

тельства сего повелѣваемъ: на имѣнія отцовъ, коихъ дѣти отъ нихъ неотдѣленныя отлучаются безъ вѣдома правительства за границу, налагать запрещенія, съ тѣмъ, чтобы части, которыя послѣ ихъ смерти отлучившимся дѣтямъ слѣдовать будутъ, конфисковать на основаніи указа 24-го минувшаго августа».

Наконецъ, 17-го декабря 1809 г. послѣдовалъ третій указъ Сенату, въ которомъ было сказано:

«Постановивъ указомъ 24-го августа сего года мѣры къ пресѣченію самовольныхъ отлучекъ за границу, въ разсужденіи тѣхъ, кои отлучились прежде сего времени, повелѣваемъ: чтобы отлучившимся безъ вѣдома начальства за границу до состоянія того указа, назначенъ былъ для возвращенія въ Россію шестимѣсячный, считая со дня подписанія нами настоящаго указа, срокъ, и опубликовать объ ономъ какъ въ Россійскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ, съ тѣмъ, что если кто къ оному сроку не возвратится, съ имѣніями таковыхъ тогда уже поступать по точной силѣ указовъ 24-го августа и 5-го октября сего года» [1]).

Эти распоряженія произвели удручающее впечатлѣніе на всѣхъ поляковъ западныхъ и юго-западныхъ губерній. Всѣ, ожидавшіе отъ Александра самостоятельности Польши, разочаровались въ немъ, перестали вѣровать въ него. Всѣ ихъ надежды сосредоточивались теперь на Наполеонѣ, и они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали условій заключенія мирнаго договора Франціи съ Австріей.

Во все время, пока велись мирные переговоры, императоръ Александръ оставался въ полномъ невѣдѣніи о характерѣ ихъ. Только 28-го сентября (10-го октября) Наполеонъ написалъ собственноручное письмо, какъ будто съ цѣлію приготовить императора Александра къ извѣстію о раздѣлѣ Галиціи.

«Государь братъ мой!—писалъ онъ. Герцогъ Виченскій (Коленкуръ) извѣстилъ меня, что ваше величество заключили миръ съ Швеціею и что вы получили тѣмъ выгоды и преимущества, которыя желали. Ваше величество позволите ли мнѣ сдѣлать этимъ письмомъ мое привѣтствіе. Альтенбургская негоціація ведется въ Вѣнѣ. Князь Лихтенштейнъ занимается ею съ Шампаньи, и я надѣюсь на возможность увѣдомить вскорѣ ваше величество о заключеніи мира съ Австріею. Въ немъ ваше величество увидите, что большая часть Галиціи, согласно вашимъ желаніямъ, не перемѣняетъ повелителя и что я, угрожаемый вашими интересами, старался сдѣлать все, что могъ, совѣтуясь во всемъ съ собственною честію и тѣмъ, что она внушала мнѣ.

«Благоденствіе Варшавскаго герцогства требуетъ, чтобы оно поль-

[1]) Полное Собр. Закон., т. XXX, № 24035.

зовалось милостивымъ расположеніемъ вашего величества; ваши же подданные могутъ быть увѣрены, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ надѣяться на мое покровительство.

«Я далъ миръ Австріи болѣе выгодный, чѣмъ она сама могла надѣяться. Она ничего не уступаетъ кромѣ Зальцбурга и нѣсколькихъ незначительныхъ владѣній. Она ничего не уступаетъ со стороны Богеміи. Она ничего не уступаетъ со стороны Италіи за исключеніемъ того, что мнѣ необходимо для моихъ сообщеній съ Далмаціею. Австрійская монархія остается цѣлою. Это второе доказательство, которое я хотѣлъ сдѣлать. Я употребилъ относительно ея умѣренность, которой она не имѣла никакого права ожидать. Я, надѣюсь, сдѣлалъ этимъ весьма пріятное вашему величеству»...

— Если Галиція должна быть отдѣлена отъ Австріи,—говорилъ императоръ Александръ,—то пусть отдадутъ ее одному изъ эрцгерцоговъ,—я не стану противиться этому; но если хотятъ раздѣлить ее между мною и Варшавскимъ герцогствомъ, то надобно, чтобы оно получило меньшую, а я большую ея часть.

— Меньшая часть, данная Россіи,—отвѣчалъ Коленкуръ,—будетъ всегда имѣть обширныя преимущества и выгоды, тогда какъ герцогство Варшавское никогда не образуетъ сильнаго королевства и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опасно.

— Поляки,—отвѣчалъ на это императоръ Александръ,—никогда не будутъ для васъ тѣмъ, чѣмъ для Россіи. Рано или поздно они сдѣлаются недовольными.

Наполеонъ, казалось, раздѣлялъ мнѣніе императора Александра и намекалъ Чернышеву, что, въ вознагражденіе за содѣйствіе въ этой войнѣ, Россія получитъ большую часть Галиціи съ городомъ Львовомъ. Но, окруженный поляками, Наполеонъ уступилъ ихъ просьбамъ, въ особенности Матусевича и поступилъ какъ-разъ наоборотъ. По заключенному въ Шенбрунѣ, 2-го (14-го) октября, миру съ Австріею, Россія, въ вознагражденіе за помощь, оказанную Франціи, получила Тарнопольскую область съ народонаселеніемъ въ 400.000 человѣкъ, а къ герцогству Варшавскому было присоединено два милліона душъ, отторгнутыхъ отъ Австріи. Присоединяя къ Россіи Тарнопольскую область, Наполеонъ включилъ въ условія договора, чтобы въ область не входили Броды—единственный пунктъ, имѣвшій нѣкоторую важность по значительной своей торговлѣ. Къ Варшавскому герцогству было присоединено семь округовъ Западной Галиціи: Замосцьскій, Краковскій, Кѣлецкій, Радомскій, Люблинскій, Бяльскій, Сѣдлецкій и два повѣта Станиславскій и Сѣнницкій. Такимъ образомъ число департаментовъ герцогства Варшавскаго возрасло до десяти.

«Австрія, пояснялъ Шампаньи, французскій министръ иностранныхъ

дѣлъ [1]),—сохраняетъ еще три пятыхъ части Галиціи, при томъ именно тѣ области, которыя наиболѣе привыкли къ ея господству. Та часть, которая перешла во власть саксонскаго короля, заключаетъ въ себѣ не много болѣе четверти всего ея народонаселенія и едва десятую часть владѣній прежней Польши. Неужели присоединеніе такой незначительной части можетъ вызвать къ жизни уже окончившее свое существованіе, большое государство? Но, повторяю, императоръ Наполеонъ готовъ всѣми средствами содѣйствовать всякой мѣрѣ, которая бы обезпечивала спокойствіе и покорность старыхъ поляковъ, и онъ полагаетъ, что имъ же можетъ принести пользу, избавивъ ихъ отъ новыхъ несчастій, подчиняя ихъ болѣе и болѣе мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга».

Въ этихъ строкахъ нельзя было не видѣть лишь однѣ убаюкивающія фразы и совершенную противоположность дѣйствительности. Обязавъ саксонскаго короля, за увеличеніе герцогства Варшавскаго, платить Франціи ежегодно 10 милліоновъ франковъ и усилить польскую армію до 60.000 человѣкъ, Наполеонъ этимъ послѣднимъ далъ надежду на постепенное возстановленіе въ будущемъ всей Польши.

При увлекающемся характерѣ поляковъ это казалось имъ почти несомнѣннымъ и при томъ въ недалекомъ будущемъ. «Ваше сіятельство, писалъ А. Столыпинъ [2]),—не легко изволите повѣрить, съ какою удобностію здѣсь можно управлять общимъ мнѣніемъ. Одинъ редакторъ виленской газеты можетъ заставить думать всѣ пріобрѣтенныя отъ Польши губерніи, какъ желаетъ. Конечно, нѣтъ народа безъ меньшаго характера, непостояннѣе и вѣтреннѣе, какъ обитатели сихъ губерній».

Понятно, что этотъ народъ преклонился теперь передъ Наполеономъ и писалъ въ честь его хвалебные гимны, стихи и басни.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1810 г. въ г. Лидѣ были задержаны книгопродавцы, австрійскіе подданные Щепанскій, Клещинскій и шляхтичъ Кіевской губерніи Хоментовскій, которые развозили и продавали разнаго рода запрещенныя книги [3]). Въ числѣ ихъ была напечатан-

---

[1]) Въ письмѣ графу Румянцеву изъ Вѣны отъ 8-го (20-го) октября 1809 г

[2]) Въ письмѣ князю А. Б. Куракину 7-го ноября 1809 г. Минскъ.

[3]) Книгопродавцы эти возили книги на трехъ фурахъ и провезли ихъ черезъ Радзивиловскую таможню, находившуюся въ Волынской губерніи, при посредствѣ тамошняго купца еврея Волька. Онъ купилъ ихъ у Щепанскаго, а потомъ перепродалъ ему же, когда книги были перевезены черезъ границу. Отсюда книгопродавцы отправились въ Дубно, Житоміръ, Новгрудокъ, Бердичевъ, гдѣ были въ то время контракты, потомъ въ Вильно и Кіевъ. Изъ этого города часть книгъ была отправлена въ Украйну. (Арх. Государств. Совѣта, дѣла Комитета 1807 г., дѣло 1810 г. № 2).

ная въ 1809 г. въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ «Кошка и пудель. Повѣсть въ стихахъ, съ присовокупленіемъ галиційскаго Отче нашъ».

Содержаніе книжки состояло въ томъ, что между кошкою (герцогство Варшавское) и пуделемъ (Австрія), въ отсутствіе хозяина (Наполеона), произошла драка. Прибывшій въ это время хозяинъ, любившій кошекъ за то, что истребилъ ими много мышей, прибилъ собаку и приказалъ запереть ее въ будѣ (будкѣ) [1]).

— Пускай,—сказалъ онъ,—котъ покоится въ давнишнемъ уголкѣ своемъ.

Въ галиційской молитвѣ поляки такъ обращались къ императору Франціи: «Отче нашъ Наполеонъ, французскій императоръ, иже еси въ Парижѣ, да святится имя твое, яко въ нѣмецкой, прусской, такъ и въ нашей галиційской землѣ! Правленіе польское даждь намъ днесь, а ты Францъ (императоръ австрійскій), остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ недостойнымъ чиновникамъ твоимъ; не веди насъ отъ скораго искушенія, но избави насъ отъ лукаваго, дьявольскаго нѣмецкаго народа».

«Радуйся, Франція благодатная,—говорилось въ другихъ молитвахъ,—Наполеонъ съ тобою; благословенна ты въ народахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего Наполеонъ, спаситель польскаго народа. Святая мать Наполеона, моли о насъ, галичанахъ, нынѣ и во время смерти Франца. Аминь».

«Вѣруемъ въ Наполеона, французскаго императора, сильнаго избавителя польскаго народа, и въ фамилію его, иже зачатъ отъ Духа Свята и рожденъ отъ блаженнѣйшей жены. Былъ бы умерщвленъ интригами англійскаго и другихъ сопротивныхъ народовъ и умеръ бы въ сердцахъ непріязненныхъ и недоброжалательныхъ; но, вступивъ въ Пруссію, потомъ въ Варшаву, тамъ побѣдилъ сперва нѣмцевъ, а послѣ пруссаковъ, и...[2]) избавилъ поляковъ. Потомъ вошелъ въ Испанію и тамъ сидитъ на престолѣ. Оттуда пріидетъ черезъ Вѣну въ Краковъ судить оставшихся въ живыхъ нѣмцевъ за ихъ беззаконія. Вѣруемъ въ Духа Святаго, иже одарилъ Наполеона великимъ умомъ. Соборная церковь да будетъ между всѣми благомыслящими поляками, дабы они никому противляющемуся не прощали. Тако будемъ имѣть въ землѣ нашей животъ мирный, безопасный и вѣчный. Аминь».

Всѣ эти молитвы и басни указываютъ на ту силу преданности и поклоненія, которыя питали поляки къ Наполеону. Они увлекались его

---

[1]) Буда—столичный городъ Венгріи, гдѣ, по занятіи Наполеономъ Вѣны, поселился австрійскій императоръ съ семействомъ.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

ласками, даваемыми мимоходомъ обѣщаніями, ожидали только отъ него одного благополучія своей родины и жертвовали для него своею жизнію. Правда, что они неоднократно слышали отъ того же Наполеона, что слово дано человѣку для скрытія своихъ мыслей, а не для выраженія ихъ, но императоръ Франціи постоянно ласкалъ поляковъ надеждой на осуществленіе ихъ желаній, какъ только настанетъ къ тому удобное время.

Образованіе сначала Варшавскаго герцогства, а затѣмъ и увеличеніе его были нѣкоторыми доказательствами его заботъ о возстановленіи Польши. Въ дѣйствительности Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшаго сочувствія къ дѣлу польской національности по той простой причинѣ, что не признавалъ никакой національности. Но онъ былъ очень доволенъ, что нашелъ «въ восточной Европѣ народъ, который волновался и предъявлялъ безпрестанно свои претензіи на самостоятельное существованіе. Наполеону было нужно отъ времени до времени манить этотъ народъ, чтобы пугать имъ сосѣдей» [1].

Страстныя мечты приводятъ часто къ увлеченію, къ отсутствію разсудительности и даже къ самозабвенію. Наполеонъ очень хорошо зналъ, говоритъ современникъ, долго жившій въ Польшѣ [2],—что съ «поляками должно имѣть мягкость въ пріемахъ и твердость въ исполненіи. Подайте руку поляку вѣжливо и ласково, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка прижмите ее такъ, чтобы онъ могъ догадаться о силѣ вашей. Полякамъ некогда быть благодарными: они легко или упадаютъ духомъ, или увлекаются энтузіазмомъ, хотя часто не по разуму. Главное дѣло: ихъ заговорить и охмѣлить. Такъ поступалъ съ ними Наполеонъ. Онъ никогда не думалъ возвратить имъ политическую независимость, а только въ льстивыхъ словахъ обольщалъ ихъ легковѣрный патріотизмъ этою независимостію, и они лѣзли за него въ огонь и тысячами гибли».

Тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы цѣлая нація была настолько слѣпа, что не могла опредѣлить, гдѣ ея истинная польза и у кого именно она должна искать содѣйствія къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній.

За время своего царствованія Наполеонъ надоѣлъ французамъ и былъ въ тягость многимъ изъ своихъ приближенныхъ, но поляки никогда не разочаровывались въ немъ, и онъ былъ для нихъ всегда кумиромъ. Почему это? Потому, что, смотря на частыя перемѣны, происходившія въ Европѣ, на то, какъ легко падали и разрушались прежнія государства и возникали новыя, поляки естественно могли допустить

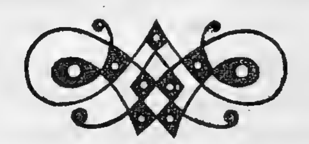
[1]) „Еще замѣтка о Наполеонѣ I и Польшѣ" С. М. Соловьева. „Московскія Вѣдомости" 1863 г. № 39.

[2]) Князь П. А. Вяземскій. Полное собраніе сочин., т. VIII, стр. 51.

мысль, что, при желанiи и содѣйствiи Наполеона, и они могутъ возстановить свое отечество. Они преклонялись передъ силою и генiемъ того, который перекроилъ всю Европу по своему усмотрѣнiю и не встрѣчалъ равнаго себѣ противника. Ни отъ Австрiи, ни отъ Пруссiи поляки не могли ожидать для себя ничего хорошаго. Посмотримъ же, что могъ дать имъ императоръ Александръ, подобно Наполеону, не прерывавшiй съ ними сношенiй.

Н. Дубровинъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ 1824 году.

II [1]).

Письма великой княгини Александры Ѳеодоровны къ императору Александру I.

1.

6-го (18-го) августа 1824 г., 8 час. вечера.

Послѣ многихъ препятствій, послѣ очень долгаго и тягостнаго путешествія, вотъ мы, наконецъ, счастливые и довольные, у Мекленбургскихъ береговъ. Дорогой братъ, дорогой другъ, вы поймете мое счастье! Мой отецъ, два брата, двѣ сестры! Все это ожидаетъ меня завтра.

Вамъ пришлось пережить нѣсколько дней безпокойства о насъ—мое сердце говоритъ мнѣ это. Вѣдь вы были очень долго безъ извѣстій о путешественникахъ. И я въ особенности представляю себѣ, какимъ мрачнымъ мыслямъ предавалась maman. Вотъ что усиливало мою тоску среди тѣхъ физическихъ и нравственныхъ мукъ, черезъ которыя я прошла. Да, должно сознаться вамъ, что у меня была морская болѣзнь,

---

II.

Письма великой княгини Александры Ѳеодоровны къ императору Александру I.

1.

Le 6 (18) août 1824, à 8 heures du soir.

Après bien des contrariétés, après un bien long et pénible voyage, nous voilà heureux et contents, vis-à-vis des côtes de Mecklembourg. Cher frère, cher ami, vous comprendrez mon bonheur! Mon père, deux frères, deux sœurs! Tout cela m'attend demain.

Vous aurez eu quelques jours d'inquiétude pour nous, c'est ce que mon cœur me dit. Car vous avez été bien longtemps sans nouvelles des voyageurs. Et je me figure, surtout, que Maman aura été toute pleine d'idées noires. Voilà ce qui augmentait mes angoisses, parmis les maux physiques et moraux par lesquel j'ai passé. Oui, il faut bien vous

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1902 г.

и въ очень сильной степени. Одинъ разъ я пролежала въ постели 36 часовъ подъ-рядъ, больная, точно какая-нибудь несчастная, а затѣмъ прекрасный день, періодъ хорошаго вѣтра или спокойствія возвращали мнѣ здоровье и надежду, чтобы затѣмъ снова отдать меня во власть всѣхъ ужасовъ тошноты. Мнѣ потребовалось напряженіе всѣхъ моихъ душевныхъ силъ и вся моя вѣра въ Божественную благость, чтобы не впасть въ полное уныніе. Несмотря на это, мнѣ представляется, что впослѣдствіи мы съ удовольствіемъ будемъ вспоминать объ этомъ путешествіи и даже объ его невзгодахъ. Были очаровательныя мгновенія, лунныя ночи, которыхъ я никогда не забуду. Сколько разъ вашъ обликъ вставалъ въ моей душѣ, а когда я начинала терять терпѣніе, я думала, что вы стали бы порицать меня, и это придавало мнѣ силъ. Въ письмѣ къ maman я описала достаточно пространно и достаточно скверно наше путешествіе, а такъ какъ всѣ письма не минуютъ васъ, то вы тоже будете освѣдомлены о нашихъ приключеніяхъ. Что касается сегодняшняго дня, то глаза и руки опускаются у меня отъ усталости и волненія, и, нѣжно обнимая васъ со всею дружбою, которую, вы знаете, я чувствую къ вамъ, остаюсь на всю жизнь вашъ вѣрный другъ Александра.

Вашъ бинокль не разстается со мною.

---

l'avouer que j'ai eu le mal de mer, et cela à un haut degré. J'ai été couchée une fois 36 heures de suite dans mon lit, malade comme une malheureuse, et puis, un beau jour, un moment de bon vent ou de calme me rendait la santé et l'espérance pour me faire tomber de plus belle dans les horreurs des maux de cœur. J'avais besoin de toute ma force d'âme et de toute ma foi dans la bonté divine, pour ne pas être découragée tout à fait. Malgré cela, je crois que nous nous rappellerons avec plaisir de ce voyage et même de ses infortunes dans la suite. Il y avait des moments charmants, des nuits de clairs de lune que je n'oublierai jamais. Combien de fois votre image s'est offerte à mon âme, et quand je commençais à perdre patience, je pensais que vous me blâmeriez, et cela me donnait de la force. J'ai écrit assez au long et assez mal la description de notre voyage à Maman, et comme toutes les lettres passent devant vos yeux, vous serez donc aussi instruit de nos aventures. Pour aujourd'hui les yeux et les mains me tombent de fatigue et d'émotion et c'est en vous embrassant tendrement avec toute l'amitié que vous me connaissez pour vous, que je suis pour la vie

Votre fidèle amie

Alexandra.

Votre lorgnette ne me quitte pas.

2.

Берлинъ, 10-го (22-го декабря) 1824.

Довольно продолжительное нездоровье, вынуждавшее меня лежать, мѣшало мнѣ до сихъ поръ отвѣчать на ваше милое письмо. А какую пользу принесло оно мнѣ, это письмо, какъ ваши слова проникли прямо въ сердце, такъ нуждавшееся въ участіи! Но сами вы были поглощены столь горестными треволненіями, вы пережили столь грустное время, что я должна быть вдвойнѣ благодарна вамъ за эти слова состраданія. Плохое состояніе здоровья императрицы, смерть бѣднаго Уварова, петербургское наводненіе—все это должно было ужасно подѣйствовать на васъ. О, дорогой другъ, ваше письмо заставило меня пролить очень горячія слезы! Мнѣ казалось, что этимъ лѣтомъ небо ниспослало вамъ довольно страшный ударъ, что чаша была довольно-таки горькая, но, повидимому, небомъ было предрѣшено, что въ этомъ году одно несчастье должно смѣняться другимъ, и что этотъ 1824-й годъ навсегда долженъ остаться отмѣченнымъ въ вашей жизни черною чертою. Я думаю, что не грѣхъ молиться страстно о томъ, чтобы будущій годъ былъ менѣе несчастнымъ. Если будетъ иначе, то, нечего дѣлать, нужно будетъ нести крестъ съ покорностью и извлечь изъ этого дѣй-

---

2.

Berlin, le 10 (22) décembre 1824.

Une incommodité assez longue qui m'obligeait de rester couchée, m'a empêché jusqu'ici de répondre à votre chère lettre. Et quel bien elle m'a fait, cette lettre, comme vos paroles sont allées droit au cœur qui avait tant besoin d'intérêt. Mais vous étiez occupé vous-même par des émotions si douloureuses, vous avez passé par un si triste temps, que je dois vous être doublement reconnaissante pour ces paroles compâtissantes. Le mauvais état de la santé de l'Impératrice, la mort du pauvre Ouvarof, l'inondation de Pétersbourg, tout cela a dû vous éprouver cruellement. Oh, cher ami, votre lettre m'a arraché des larmes bien amères. Il me semblait que le ciel vous avait envoyé un coup assez terrible cet été, que le calice avait été assez amer, mais il paraît que là-haut il a été décidé que dans cette année un malheur devait succéder à l'autre et que cette année 1824 devait à jamais être marquée d'un trait noir dans votre vie. Je crois que ce n'est pas un péché de prier avec ferveur pour que l'année prochaine soit moins douloureuse. S'il en est autrement, eh bien! il faudra porter la croix avec humilité et en tirer un profit réel pour l'âme et surtout travailler sur soi, pour que l'adversité ne nous rende pas amers.

ствительную пользу для души и, въ особенности, работать надъ собою, чтобы превратности не сдѣлали насъ озлобленными.

Какъ вы легко можете представить себѣ, мое пребываніе здѣсь не было все время розовымъ. Однако, я солгала бы, еслибы сказала, что принцесса Лигницъ ввела какое бы то ни было измѣненіе въ обыденномъ распорядкѣ жизни. Все остается такъ же, какъ было прежде, но, тѣмъ не менѣе, сущность всего измѣнилась.

Мы близки къ отъѣзду, хотя еще не можемъ назначить дня. Почти уже рѣшено, что, въ виду ужаснаго состоянія дорогъ въ Пруссіи, мы поѣдемъ черезъ Варшаву. Я заранѣе радуюсь свиданію съ Константиномъ и Жаннетой, и, въ особенности, возможности возобновить знакомство съ послѣдней, которую я такъ нѣжно люблю.

3.

12-го декабря.

Вы легко можете сказать себѣ, дорогой другъ, думаю ли я о васъ въ сегодняшній день и возношу ли мольбы о вашемъ счастьѣ. Я надѣюсь, что на будущій годъ я проведу этотъ день вмѣстѣ съ вами, и тогда намъ можно будетъ окинуть вмѣстѣ взоромъ событія года, который теперь еще прикрытъ для насъ густой завѣсой. Намъ сообщаютъ болѣе успокоительныя извѣстія на счетъ здоровья императрицы; разъ только зима пройдетъ, нужно будетъ, чтобы она выдержала вполнѣ система-

---

Tout mon séjour ici n'a pas été rose, comme vous pouvez facilement vous l'imaginer. Je mentirais cependant, si je disais que la princesse de Liegnitz ait introduit le moindre changement dans le train de vie journalier. Tout est comme autrefois, et pourtant le fond est changé.

Nous sommes sur notre départ, sans cependant pouvoir fixer le jour. Il est à peu près décidé que nous passerons par Varsovie, à cause des chemins affreux de la Prusse. Je me fais une fête de revoir Constantin et Jeannette, et surtout de pouvoir renouveler connaissance avec cette dernière que j'affectionne si tendrement.

3.

Le 12 décembre.

Vous pouvez facilement vous dire, cher ami, si je pense à vous aujourd'hui et si je forme des vœux pour votre bonheur. L'année prochaine j'espère que je passerai ce jour avec vous, et que nous pourrons récapituler ensemble les évènements d'une année qui est encore couverte maintenant pour nous d'un voile épais. On nous donne des nouvelles plus rassurantes sur la santé de l'Impératrice; une fois l'hiver passé, il

тическій курсъ лѣченія, и чтобы она заботилась о себѣ въ бо̀льшей степени, чѣмъ она дѣлала это до настоящаго времени.

4.

24-го декабря.

Вмѣсто того, чтобы уѣхать 15-го, мы вотъ все еще ждемъ здѣсь, чтобы дороги стали менѣе ужасны, чего, быть можетъ, совершенно не будетъ, такъ какъ я не запомню зимы болѣе теплой и дождливой, чѣмъ эта. Моя семья такъ радуется этому промедленію, что я была бы въ высшей степени неблагодарной, еслибы не воспользовалась съ признательностью этими днями и этими недѣлями, которыя небу угодно даровать мнѣ въ моемъ прежнемъ отечествѣ; но, тѣмъ не менѣе, признаюсь, что, будучи принуждена ѣхать, я желала бы, чтобы это большое путешествіе было совершено въ первую половину моей беременности. Но что дѣлать! Ожидать съ терпѣніемъ? Это—добродѣтель, которую съ нѣкотораго времени мнѣ выпало на долю приложить къ дѣлу.

Прежде чѣмъ закончить это письмо, я не могу не сказать вамъ о томъ чистомъ наслажденіи, которое я испытала, читая различныя письма изъ Петербурга, въ каждомъ изъ которыхъ съ восторгомъ говорилось о государѣ, о томъ, какъ онъ послѣ наводненія явился среди несчастныхъ

---

faudra qu'elle fasse une cure bien suivie et qu'elle se soigne davantage qu'elle ne l'a fait jusqu'ici.

4.

Le 24 décembre.

Au lieu d'être parti le 15 décembre, nous voilà encore ici à attendre que les chemins soient moins horribles, ce qui n'arrivera peut-être pas du tout, car jamais je n'ai vu un hiver plus doux et pluvieux que celui-ci. Ma famille se réjouit tant de ce retard, que je serais bien ingrate, si je ne profitais avec reconnaissance de ces jours et de ces semaines que le ciel veut bien m'accorder dans mon ancienne patrie, mais j'avoue pourtant qu'étant obligée de partir, je voudrais que ce grand voyage fût entrepris dans la première moitié de ma grossesse. Mais que faire! Attendre avec patience! C'est une vertu que j'ai eu loi de mettre en pratique depuis quelque temps.

Avant de finir cette lettre, il faut que je vous parle de la jouissance pure que j'ai éprouvée en lisant différentes lettres de Pétersbourg qui parlaient tous de leur Souverain avec enthousiasme, comme il avait paru en ange consolateur parmis les malheureux après l'inondation et subjugué par là les cœurs durs et entraîné les âmes sensibles. En général, si vous

ангеломъ-утѣшителемъ, и тѣмъ самымъ покорилъ жесткія сердца и увлекъ отзывчивыя души. Вообще, если бы вы могли иногда читать въ глубинѣ многихъ сердецъ, вы несомнѣнно нашли бы тамъ очень чистую и искреннюю любовь, которая явилась бы для васъ утѣшеніемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы злоба и неблагодарность людей привели васъ въ вашей жизни къ грустнымъ опытамъ.

Прощайте, дорогой братъ, дорогой другъ; я очень нѣжно обнимаю васъ, прося небо, чтобы оно вскорѣ привело меня въ Петербургъ, къ моимъ дѣтямъ и къ вашей дружбѣ. Вашъ вѣрный другъ А.

III.

Письма императора Александра I къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

1.

С.-Петербургъ, 19-го ноября (1-го декабря) 1824.

Ваше письмо отъ 30-го октября (11-го ноября), дорогой другъ, вывело насъ изъ полной неизвѣстности, въ которую поставили насъ ваши предъидущія письма къ моей матушкѣ. Теперь, по крайней мѣрѣ, объяснилась причина вашихъ огорченій, и наше воображеніе уже не

---

pouviez lire quelquefois dans l'intérieur de bien des cœurs, vous y trouveriez sûrement un amour bien pur et sincère qui vous serait une consolation, quand même la méchanceté et l'ingratitude des hommes vous ont fait faire de tristes expériences dans votre vie.

Adieu, cher frère, cher ami, je vous embrasse bien tendrement, en priant le ciel de me ramener bientôt à Pétersbourg, à mes enfants et à votre amitié.

Votre fidèle amie

A.

III.

Письма императора Александра I къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

1.

Le 19 novembre (1 décembre) 1824.
St-Pétersbourg.

Votre lettre du 30 octobre (11 novembre), chère amie, est venue nous tirer de l'incertitude complète dans laquelle vos précédentes à ma Mère nous avaient placés. Maintenant du moins la cause de votre peine se trouve expliquée, et notre imagination n'erre plus d'une supposition à une autre tout aussi peu fondée.—Mais vous savoir dans l'affliction,

блуждаетъ болѣе отъ одного къ другому, столь же мало обоснованному предположенію. Но знать васъ въ печали для меня то же, что испытывать ее самому. Я такъ хорошо понялъ все, что̀ должно было происходить въ вашемъ сердцѣ, и насколько живо воспоминаніе о вашей неоцѣненной матушкѣ должно было пробуждаться въ васъ при подобныхъ обстоятельствахъ! Это испытаніе, дорогой другъ, ниспослано вамъ Провидѣніемъ и одно изъ тѣхъ чувствительныхъ испытаній, которыя бываетъ трудно перенести. Еще не одно изъ нихъ ожидаетъ каждаго изъ насъ! Но не забывайте, дорогой другъ, того, что̀ было сказано и неоднократно повторено намъ, что кого оно любитъ, того и испытываетъ по преимуществу!

Николай говорилъ мнѣ обо всемъ съ величайшими подробностями и показывалъ мнѣ мѣста изъ вашихъ писемъ, касающіяся этого неожиданнаго событія. Я, такъ сказать, мысленно слѣдилъ за вами во всѣхъ тягостныхъ положеніяхъ, черезъ которыя вы прошли послѣдовательно, и ваше сердце съумѣетъ подсказать вамъ, дѣлалось ли это съ участіемъ и чувствомъ.

Будьте покойны, дорогой другъ, насчетъ моего сужденія по отношенію къ королю. Никто еще никогда не слышалъ отъ меня чего-либо неблагопріятнаго для него. Теперь, когда дѣло кончено, у меня одна лишь мысль, одно желаніе—знать, что король счастливъ, на сколько онъ заслуживаетъ этого; и если его супругѣ удастся доставить ему это счастье,

---

c'est comme si j'en ressentais moi-même. J'ai si bien compris tout ce qui devait se passer dans votre cœur et combien le souvenir de votre inappréciable Mère devait se reproduire vivement en vous, dans une circonstance semblable! C'est une épreuve, chère amie, par laquelle la Providence vous a fait passer, et une de ces épreuves sensibles difficiles à supporter! Plus d'une en attend encore chacun de nous! Mais n'oubliez pas, ma bonne amie, ce qui nous est dit et répété plus d'une fois, que c'est ceux qu'Elle aime, qu'Elle éprouve de préférence!

Nicolas m'a parlé de tout dans le plus grand détail et m'a montré les passages de vos lettres qui ont trait à cet événement imprévu. Je vous ai suivi en pensée, pour ainsi dire, par toutes les situations pénibles par lesquelles successivement vous avez passé, et votre cœur saura vous dire, si c'est avec intérêt et émotion.

Soyez tranquille, chère amie, sur mon jugement quant au Roi. Jamais personne encore n'a entendu de ma bouche rien de défavorable à son égard. Maintenant que la chose est faite, je n'ai plus qu'une pensée, qu'un vœu, c'est de savoir le Roi heureux autant qu'il mérite de l'être, et si son épouse réussit à lui procurer ce bonheur, je vous assure que je lui

увѣряю васъ, я буду питать къ ней чувство расположенія и признательности. Увѣреніе съ вашей стороны, что согласіе въ семьѣ, слава Богу, не было нарушено, явилось для меня настоящимъ облегченіемъ, и я изъ глубины сердца благодарю Его за это.

Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю васъ, дорогой другъ! возвращайтесь къ намъ; столько интересовъ призываетъ васъ сюда! Ваши дѣти болѣе очаровательны, чѣмъ когда-либо. Я не могу въ достаточной степени выразить вамъ, на сколько васъ не хватаетъ здѣсь для меня, и насколько тягостно было для меня, по возвращеніи сюда, не найти васъ въ нашемъ кругу.

Мнѣ доставило очень большое удовольствіе увидѣть при своемъ возвращеніи сестеръ; но это удовольствіе не замедлило быть отравленнымъ рядомъ прискорбныхъ происшествій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ.

Я нашелъ жену сильно пораженною груднымъ катарромъ, который, въ особенности со времени ея прибытія въ Зимній дворецъ, лишь все сильнѣе развивается и, вмѣстѣ съ другими, еще болѣе тревожными симптомами, дѣлаетъ ея положеніе однимъ изъ самыхъ критическихъ.

Три дня спустя послѣ нашего возвращенія въ городъ, а именно 7-го ноября, ужасное наводненіе, подобное бывшему въ 1777 году, за-

---

porterai un sentiment d'affection et de reconnaissance. L'assurance que vous me donnez que l'accord dans la famille, grâce à Dieu, n'a pas été troublé, m'a fait un bien véritable et je L'en ai remercié du fond de mon cœur.

Avec quelle impatience je vous attends, chère amie! revenez chez nous; tant d'intérêts vous y rappellent. Vos enfants sont plus délicieux que jamais. Je ne puis assez vous exprimer, combien vous me manquez ici, et combien à mon retour il m'a été pénible de ne pas vous trouver des nôtres.

J'ai joui d'un bien grand plaisir en revoyant mes sœurs à mon arrivée; mais ce contentement n'a pas tardé à être empoisonné par une série d'évènements funestes, qui se succedent avec rapidité l'un après l'autre.

J'ai trouvé ma femme fortement attaquée d'un rhume de poitrine qui, depuis surtout son arrivée au Palais d'Hiver, n'a fait qu'empirer et la place avec d'autres symptomes encore plus alarmants dans une situation des plus critiques.

Trois jours après notre rentrée en ville, nommément le 7 novembre, une inondation affreuse, pareille à celle de l'année 1777, ayant couvert d'eau toutes les rues, à l'exception du quartier de la Liteynaya, est venue

лило водою всѣ улицы, за исключеніемъ Литейной части, и поселило ужасъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ городѣ и его окрестностяхъ сдѣлались жертвами волнъ свыше 500 человѣкъ. Вы можете себѣ представить, дорогой другъ, что̀ происходитъ въ моемъ сердцѣ, и до какой степени оно опечалено.

Затѣмъ, чтобы закончить эту грустную картину, которую я началъ набрасывать вамъ вчера и долженъ былъ пріостановиться, чтобы отправиться провести нѣсколько мгновеній съ однимъ умирающимъ, съ достойнымъ генераломъ Уваровымъ, я скажу вамъ сегодня, что онъ пересталъ существовать, и что меня постигло горе потерять въ немъ человѣка, съ которымъ меня тѣсно связывали около 30 лѣтъ испытаній и привязанности! Я подавленъ скорбью, дорогой другъ, и лишенъ возможности сказать вамъ что-либо большее. Вы съумѣете понять эту печаль и ваше сострадательное сердце удѣлитъ нѣсколько сожалѣнія испытываемымъ мною мукамъ.

Сердцемъ и душою всецѣло вашъ на всю жизнь.

20-го ноября (2-го декабря).

P. S. Благоволите передать прилагаемое королю и кланяйтесь отъ меня всей семьѣ.

---

répandre la consternation dans Pétersbourg, car dans la ville et ses environs au delà de 500 personnes ont été victimes des flots. Vous pouvez vous représenter, chère amie, ce qui se passe dans mon cœur, et à quel point il est affligé.

Enfin, pour achever ce triste tableau que j'ai commencé à vous tracer hier et que j'ai dû interrompre pour aller passer encore quelques moments avec un mourant, avec le digne général Ouvarof, je vous dirai qu'aujourd'hui il a cessé d'exister et que j'ai eu le chagrin de perdre en lui un être, auquel près de 30 années d'épreuves et d'affection m'unissaient étroitement! Je suis navré de douleur, chère amie, et je n'ai pas la possibilité de vous en dire davantage. Vous saurez la comprendre, cette douleur, et votre cœur compâtissant accordera quelques regrets aux peines que j'éprouve. De cœur et d'âme tout à vous pour la vie.

Le 20 novembre (2 décembre).

A.

P. S. Veuillez remettre l'incluse au Roi et rappelez moi au souvenir de toute la famille.

2.

Петербургъ, 29-го ноября 1824.

Хотя еще не очень давно, какъ я писалъ вамъ, дорогой другъ, но мнѣ не хочется отпустить Николая, не давъ ему нѣсколькихъ строкъ для васъ, хотя бы только для того, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Быть можетъ, вамъ суждено принести намъ съ собою нѣсколько утѣшеній, такъ какъ до сихъ поръ все вокругъ меня носитъ мрачный оттѣнокъ. Вчера мы присутствовали на похоронахъ Уварова, а за нѣсколько дней передъ этимъ—на панихидѣ по всѣмъ тѣмъ, которые погибли во время бѣдственнаго наводненія 7-го ноября.

Пока что, моя жена все находится въ очень тревожномъ положеніи, хотя и замѣтно легкое улучшеніе.

Поэтому вы поймете, дорогой другъ, что мое настроеніе не можетъ быть свѣтлымъ, и, значитъ, я сильно разсчитываю на вашу снисходительность ко мнѣ, если пишу вамъ въ подобномъ душевномъ настроеніи.

Я пишу королю самъ, поэтому не даю вамъ никакихъ порученій для него. Но зато благоволите принять на себя трудъ передать мой привѣтъ вашимъ братьямъ. Повергните меня къ стопамъ наслѣдной принцессы, вашихъ сестеръ и тетушки Маріанны. А вы сами, дорогой

2.

Pétersbourg, le 29 novembre 1824.

Quoiqu'il n'y ait pas très longtemps que je vous ai écrit, chère amie, je ne veux laisser partir Nicolas, sans lui donner quelques lignes pour vous, ne fût-ce que pour me rappeler à votre souvenir. J'attends votre retour avec impatience. Peut-être vous est-il réservé d'apporter chez nous quelques consolations, car jusqu'ici tout a une teinte lugubre autour de moi. Hier nous avons assisté aux funérailles du général Ouvarof et peu de jours de cela au service funèbre pour tous ceux qui ont péri pendant la calamiteuse inondation du 7 novembre.

En attendant, ma femme est toujours dans un état très alarmant, quoiqu'une légère amélioration soit perceptible.

Vous comprendrez donc, chère amie, que mon humeur ne peut être rose, et il faut que je compte beaucoup sur votre indulgence pour moi, pour vous écrire dans une situation d'âme pareille.

J'écris au Roi moi-même, ainsi je ne vous charge pas de commissions pour lui. Mais, par contre, veuillez vous charger d'exprimer mille amitiés à vos frères. Mettez-moi aux pieds de la princesse Royale, de vos sœurs et de la tante Marianne. Et vous-même, chère amie, ménagez-

другъ, тщательно берегите себя въ теченіе этого зимняго переѣзда, въ особенности, въ виду того положенія, въ которомъ находитесь, и думайте иногда о братѣ, который отъ всего сердца нѣжно любитъ васъ.

А.

3 [1]).

При прибытіи каждой почты я надѣялся, дорогой другъ, получить извѣстіе, что вы уже находитесь въ дорогѣ, и что, слѣдовательно, письмо, которое я адресовалъ бы вамъ, уже не застало бы васъ въ Берлинѣ. Но, къ несчастью, небо, повидимому, рѣшило иначе. Состояніе дорогъ не позволяетъ вамъ двинуться и подвергаетъ мое нетерпѣніе увидѣть васъ очень тяжелому испытанію. Я не въ состояніи высказать вамъ, сколько мнѣ недостаетъ васъ здѣсь, дорогой другъ, и какъ горячо я желаю вашего возвращенія. Но не подумайте, чтобы я былъ до такой степени жестокъ, чтобы не понимать, что вы должны испытывать удовольствіе отъ того, что находитесь среди нѣжнолюбимой семьи; и если, повидимому, сами стихіи содѣйствуютъ тому, чтобы продолжить для васъ это удовольствіе, то мнѣ не остается ничего другаго, какъ покориться; но, при всемъ томъ, я хочу нѣсколькими строками напомнить вамъ о себѣ и поблагодарить васъ за столь чудное письмо отъ 10-го, 12-го и 24-го декабря, которое было получено съ безконечной призна-

---

vous soigneusement pendant ce trajet d'hiver, dans l'état surtout dans lequel vous êtes, et pensez quelquefois à un frère qui vous chérit de tout son cœur.

A.

3.

A l'arrivée de chaque poste, j'espérais, chère amie, recevoir la nouvelle que vous étiez déjà en route et par conséquent que la lettre que je vous adresserais ne vous trouverait plus à Berlin. Mais malheureusement le Ciel paraît en avoir décidé autrement. L'état des chemins vous empêche de bouger, et met mon impatience de vous revoir à une bien rude épreuve. Je ne peux vous rendre, combien vous me manquez ici, chère amie, et combien votre retour est ardemment désiré. Mais n'allez pas croire que je sois assez égoïste pour ne pas sentir ce que vous devez éprouver de satisfaction de vous trouver au milieu d'une famille chérie, et puisque les éléments semblent eux-mêmes avoir conspiré pour prolonger pour vous cette jouissance, il ne me reste qu'à m'y soumettre; mais je veux du moins par quelques lignes me rappeler à votre souvenir et vous remercier pour votre si excellente lettre du 10, 12 et 24 dé-

---

[1]) Относится къ началу 1825 г.

тельностью, равно какъ и то, что вамъ угодно было высказать по поводу дня моего рожденія. Все то, что доказываетъ мнѣ хоть нѣкоторую дружбу съ вашей стороны, доставляетъ мнѣ громадное удовольствіе, и несомнѣнно, что не неблагодарному вы выказываете ее.

Съ наступленіемъ новаго года удовольствія снова вошли въ свою обычную колею. Танцуютъ достаточно; даже въ то время, какъ я пишу вамъ эти строки, у моей матушки происходитъ балъ.

Что касается меня, то я остаюсь вѣренъ своимъ привычкамъ къ уединенію, которыя однѣ согласуются съ моими вкусами, моими занятіями и моимъ здоровьемъ. При всемъ томъ, большой балъ въ Бѣломъ залѣ будетъ 28-го, въ день рожденія Михаила, а большой балъ-маскарадъ 4-го февраля, въ день рожденія Маріи; на нихъ я разсчитываю присутствовать какъ обыкновенно. Это ежегодная дань, которую я выплачиваю каждую зиму, и она представляется мнѣ достаточной для того, чтобы затѣмъ я имѣлъ возможность считать себя освобожденнымъ отъ остальнаго. Мнѣ нѣтъ надобности, я думаю, прибавлять, что въ этомъ году оба эти бала будутъ представлять для меня еще менѣе очарованія, такъ какъ на нихъ не будетъ васъ. Ваше положеніе должно также служить препятствіемъ къ тому, чтобы вы попользовались много Берлинскимъ карнаваломъ, и, какъ мнѣ кажется, спокойствіе должно быть необходимо вамъ болѣе, чѣмъ что бы то ни было другое. Поэтому-то невольно мои мысли постоянно приводятъ меня къ желанію увидѣть

---

cembre, qui a été reçue avec une reconnaissance infinie, ainsi que ce que vous voulez bien me dire pour ma fête. Tout ce qui me prouve quelque amitié de votre part, me cause un plaisir extrême, et certes ce n'est pas à un ingrat que vous la témoignez.

Depuis la nouvelle année, les plaisirs ont repris leur train habituel. On danse assez; même pendant que je vous trace ces lignes, il y a un bal chez ma Mère dans la chambre de service pour la fête de la nièce Marie. Quant à moi, j'en reste à mes habitudes de retraite qui cadrent seuls avec mes goûts, mes occupations et ma santé. Cependant, un grand bal dans la salle blanche va avoir lieu pour le 28, fête de Michel, et un grand bal masqué pour celle de Marie, le 4 février, auxquels je compte assister comme de coutume. C'est la contribution annuelle que je paye chaque hiver et elle me paraît suffisante, pour pouvoir ensuite me dispenser du reste. Je n'ai pas besoin, je crois, d'ajouter que cette année-ci ces deux bals auront encore moins de charme pour moi, vous n'y étant pas. Votre état doit mettre aussi obstacle à ce que vous profitiez beaucoup du carnaval de Berlin et plus que toute chose, le calme, il me semble, doit vous être nécessaire. Aussi, involontairement, mes pensées

васъ спокойно сидящею въ вашемъ зеленомъ кабинетѣ, на голубой софѣ. Когда-то наступитъ это время?

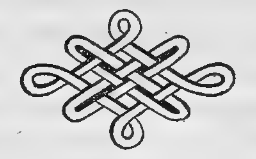
Прощайте, дорогой, добрый другъ; думайте иногда о братѣ, который изъ глубины своего сердца нѣжно любитъ васъ. А.

---

me ramènent toujours à vous souhaiter tranquillement assise dans votre cabinet vert, sur le sopha bleu. Quand ce temps viendra-t-il?

Adieu, chère bonne amie, pensez quelquefois à un frère qui vous chérit du fond de son cœur.

A.

И. Паскевичъ [1]) о пользѣ изученія дѣяній великихъ полководцевъ и о своихъ дѣйствіяхъ.

Письмо И. Паскевича—Егору Борисовичу Фуксу.

10-го февраля 1828 г. Туркманчай.

Я получилъ ваше пріятнѣйшее письмо и томъ вашихъ сочиненій, почтеннѣйшій Егоръ Борисовичъ, въ то самое время, какъ наши осадныя орудія громили стѣны Сардарь-Абада. Урывками, сколько время дозволяло я прочитывалъ занимательныя ваши описанія Италіи, Вѣны, а пуще всего черты, такъ удачно вами схваченныя изъ характера безсмертнаго Суворова. Во время войны приводить себѣ на память дѣянія такого великаго человѣка значитъ одушевлять себя еще болѣе огнемъ славы и жаждою военныхъ подвиговъ. Кто знаетъ? можетъ быть нѣсколько строкъ, прочтенныхъ въ вечернемъ утомленіи, передъ тѣмъ, какъ человѣкъ засыпаетъ, на другой день рождаютъ въ немъ и мысли отважныя и рѣшительность неожиданную.

Вы меня слишкомъ выхваляете въ письмѣ вашемъ,—я это не стою. Къ счастію, что я не далъ вамъ болѣе случая подстрекать мое ратное самолюбіе. Миръ подписанъ, конецъ осадамъ и сраженіямъ, и я васъ, какъ истиннаго патріота, поздравляю съ этимъ счастливымъ событіемъ. Грибоѣдовъ разскажетъ вамъ сколько угодно подробностей о нашей кампаніи въ Арменіи, потрудитесь только расшевелить его. Кстати и внукъ боготворимаго вами Суворова теперь въ Петербургѣ, онъ во все время войны находился при мнѣ, пускай вамъ повѣствуетъ, а мнѣ пріятно замѣтить, что онъ, кажется, старается идти по слѣдамъ отца и дѣда.

Прощайте, почтеннѣйшій другъ, Егоръ Борисовичъ, въ вашемъ шумномъ Петербургѣ, вспоминайте иногда о насъ, скитальцахъ по горамъ и пустынямъ, и подарите еще вѣсточкою, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Паскевичъ.

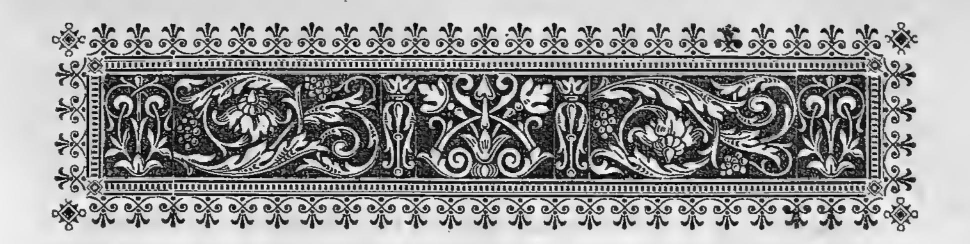
P. S. Прилагаю послѣдній мой приказъ.

Сообщ. **Викт. Всевол. Жерве.**

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій,—графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій.

Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ[1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

6.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

Москва, 16-го генваря 1818 г.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ.

Благодаря душевно ваше превосходительство за поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ новолѣтіемъ, взаимно и васъ поздравляя съ оными, желаю вамъ сего благодатнаго рожденія Искупителева вкусить въ глубинѣ души вашей, ибо оно есть единственная цѣль промысла о насъ Божія и единое на потребу.

Письмо ваше государю императору [2]) представилъ, и въ отвѣтъ на оное здѣсь прилагается высочайшій рескриптъ [3]).

Въ разсужденіи мнѣнія вашего о соединеніи въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, я совершенно съ вами согласенъ; но признаюсь, что, ежели бы надѣялся на собственныя силы, никогда бы не осмѣлился принять званія, на меня возложеннаго непремѣнною волею государя. По моимъ способностямъ я долженъ былъ отказываться, но когда его величество, зная меня, со всѣмъ тѣмъ хотѣлъ употребить

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., іюнь.

[2]) Отъ 25-го декабря 1817 г. (напеч. въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 138).

[3]) Отъ 13-го января 1818 г. (напеч. тамъ же, стр. 138—139).

къ такому мѣсту, которое никогда не было моимъ предметомъ, то должно было повиноваться волѣ Божіей.

При семъ позвольте себѣ попенять за ваше столь долгое молчаніе, я уже не помню, когда предпослѣднее письмо отъ васъ получилъ. Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и таковой же преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

7.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

28-го января 1818 г.

Письмо вашего сіятельства отъ 16-го сего мѣсяца и приложенный при немъ рескриптъ всемилостивѣйшаго государя я имѣлъ честь получить и приношу вамъ, милостивый государь, совершеннѣйшую и искреннюю мою благодарность.

Когда я писалъ о соединеніи въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, тогда не дошло еще до меня учрежденіе сего министерства. Нынѣ, прочитавъ его со вниманіемъ, я болѣе еще порадовался и утвердился въ сей мысли. Я не поздравлялъ и нынѣ не буду поздравлять васъ съ симъ званіемъ; въ свѣтѣ такъ много лжи, что есть нѣкоторая застѣнчивость говорить даже и истину; но не могу умолчать, что то же самое Провидѣніе, которое распредѣляетъ званія, обыкновенно даетъ и силу къ ихъ прохожденію, когда принимаютъ ихъ безъ притязанія и проходятъ съ покорностію святой Его волѣ. Впрочемъ, во всѣхъ званіяхъ, а наипаче въ вашемъ, твердый и здравый образъ мыслей и духъ благочестія, всегда и вездѣ животворный, есть единое на потребу; все прочее само собою прилагается.

Я долженъ еще вашему сіятельству дать отчетъ въ книгѣ Подражанія, которая и по сіе время еще не въ печати. При чтеніи первыхъ трехъ частей нѣкоторымъ знатокамъ въ Петербургѣ показалось, что переводъ не довольно гладокъ; я истребовалъ его сюда и нашелъ мнѣніе ихъ справедливымъ.

Принялся поправлять; а между тѣмъ доставили ко мнѣ новое латинское изданіе сей книги, въ 1810-мъ году напечатанное, исправнѣйшее, нежели всѣ доселѣ бывшія; сіе заставило меня все вновь пересмотрѣть, и теперь надѣюсь, что переводъ дѣйствительно будетъ лучше. Какъ скоро окончу, то и доставлю его по прежнему назначенію. А. Ф. Лабзинъ вызывается самъ смотрѣть за изданіемъ; по малой опытности въ сихъ дѣлахъ г. Цейера и по болѣзненному его состоянію, сіе предло-

женіе считаю я весьма обязательнымъ и нынѣ же о семъ къ нему пишу [1]).

Сколь ни лестенъ для меня упрекъ вашего сіятельства въ долговременномъ молчаніи, но никогда не дозволю себѣ часто занимать васъ, среди важныхъ дѣлъ, безплодною моею бесѣдою, хотя, признаюсь, бесѣдовать съ вами въ откровенности есть и всегда будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.

Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и преданностію и проч.

8.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

12-го февраля 1818 г.

Получивъ отъ Д. А. [2]) списокъ съ высочайшаго указа о пожалованіи мнѣ земли [3]) и полагая, что его величество уже въ Москвѣ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство поднести всемилостивѣйшему государю при удобномъ случаѣ благодарное письмо [4]), при семъ прилагаемое.

По истинѣ даръ сей есть великая для меня милость. Покупка здѣсь деревни и предыдущія мои обстоятельства завели меня въ долги, изъ коихъ безъ высшей помощи не зналъ я, какъ вытти. Теперь, благодареніе Богу, все само собою устроится, а на мнѣ останется одинъ долгъ всегдашней благодарности.

Сохраните, милостивый государь, драгоцѣнное ваше ко мнѣ расположеніе и вѣрьте всей искренности чувствъ, основанныхъ не на внѣшнихъ соображеніяхъ, но на истинномъ и внутреннемъ уваженіи, съ коимъ честь имѣю быть и проч.

9.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

3-го декабря 1818 г.

Утѣшенъ и успокоенъ письмомъ вашего сіятельства отъ 18-го ноября, вчера мною полученнымъ, поспѣшаю принести вамъ искреннюю

---

[1]) Извлеченіе изъ этого письма Сперанскаго къ Лабзину см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 года, № 3, столб. 434—435.

[2]) Т. е. Дмитрія Александровича Гурьева, министра финансовъ.

[3]) Высочайшимъ указомъ отъ 23-го января 1818 г. Сперанскому было пожаловано 5.000 десятинъ въ Саратовской губерніи (см. „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 140).

[4]) Напеч. тамъ же, стр. 140.

благодарность и вмѣстѣ признаніе, что я совершенно виноватъ. Точная истина, что я на госпожу К. [1]) смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія; согласиться съ вами не могъ, а противорѣчить не хотѣлъ, а потому и рѣшился промолчать, разсчетъ, который тогда казался мнѣ благоразумнымъ, а теперь кажется малодушнымъ и довѣрію ко мнѣ вашему несоразмѣрнымъ. Мысль о симбирскихъ вѣстяхъ пришла мнѣ въ голову единственно потому, что я обыскивалъ себя со всѣхъ сторонъ, чтобъ найти хотя маловѣроятный поводъ; впрочемъ, вреда отъ сихъ вѣстей я не опасаюсь: ибо семилѣтняя отвычка есть лучшій и самый простой отвѣтъ на всѣ предположенія.—Салватори [2]) я зналъ въ Перми, и хотя по тогдашнему моему положенію не могъ быть съ нимъ знакомъ коротко, но имѣю понятіе о свѣдѣніяхъ его, дѣйствительно обширныхъ и разнообразныхъ. Онъ довольно, бѣдный, потерпѣлъ, чтобъ быть достойнымъ благодѣтельнаго вашего призрѣнія и покровительства.

Мы здѣсь съ удовольствіемъ слышимъ и читаемъ, что Новый Завѣтъ издается на русскомъ языкѣ. Послѣ сего предпріятія, безъ сомнѣнія, самое полезнѣйшее было бы перевести также на русской или хотя на полуславянской языкъ псалтырь. Я называю полуславянскимъ то, чтобъ, сохранивъ обороты, свойственные церковному нашему языку, перемѣнить только нѣкоторыя слова обветшалыя или неудобопонятныя. Но переводъ должно составить съ еврейскаго. Сіе весьма много послужило бы къ ясности и удобнѣйшему разумѣнію. Извѣстно, что сію часть Священнаго Писанія наиболѣе читаютъ, и что на ней большею частію обращается вся наша служба церковная. Переводъ съ еврейскаго былъ бы лучшимъ ея толковникомъ. Удивительно, сколько высокихъ истинъ заключается въ псалмахъ! Что значатъ всѣ мистическіе писатели нашего времени въ сравненіи съ симъ древнимъ и по истинѣ богодухновеннымъ ученіемъ. Надписи на псалмахъ, еврейскими позднѣйшими писателями положенныя, отводятъ отъ истиннаго внутренняго ихъ смысла, относя и сжимая значеніе ихъ въ кругъ гражданской и политической жизни царя-пророка, между тѣмъ какъ всѣ мысли его изображаютъ внутреннее состояніе его души, гонимой, страждущей и спасаемой; брань его не есть брань къ крови и плоти, но къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Посему-то и Церковь, находя въ нихъ самое точное приложеніе къ душѣ каждаго воюющаго христіанина, ввела ихъ въ существенный составъ ея службы.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» имѣются еще два слѣдующія письма его изъ Пензы къ находившемуся

[1]) Извѣстную г-жу Криднеръ.
[2]) Извѣстнаго доктора.

съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ Дмитрію Марковичу Полторацкому, извѣстному сельскому хозяину (отцу библіофила и библіографа Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго):

1.

Пенза, 16-го генваря 1817 года.

Не можете ли вы мнѣ изъяснить, любезный другъ Дмитрій Марковичъ, какимъ образомъ, получивъ письмо ваше здѣсь въ ноябрѣ, отвѣчаю только въ генварѣ, собираясь писать къ вамъ каждую почту, каждый почти день?—Странной духъ отлагательства, которой мучилъ меня всю мою жизнь, и теперь еще мучитъ. Чѣмъ болѣе считаю я на снисхожденіе друзей моихъ, чѣмъ болѣе увѣренъ въ независимости ихъ чувствъ отъ внѣшнихъ изъясненій, тѣмъ болѣе дозволяю себѣ отступать отъ формъ обыкновенныхъ.

Я прибылъ сюда 20-го октября; принятъ здѣшнимъ многолюднымъ дворянствомъ съ отличною ласкою. Люди здѣсь дѣйствительно добрые, земля благословенная; какая сила природы! какой кладъ богатствъ неистощимыхъ! Если бы я былъ чародѣй, я бы переносилъ васъ изъ одной губерніи въ другую; дарилъ бы вамъ за ничто большія помѣстья и заставлялъ бы васъ творить земледѣльческія ваши чудеса попемѣнно въ Олонцѣ и въ Пензѣ, въ Новѣгородѣ и въ Тамбовѣ.

Письмо ваше къ государю и всѣ подробности вашей встрѣчи много меня утѣшили и ободрили. Письмо прекрасное и по содержанію, и по слогу; вообще линія поведенія вашего въ семъ дѣлѣ соображена весьма умно и основательно.

Благодарить ли мнѣ васъ за намѣреніе ваше о молотильной машинѣ? Безъ меня она, кажется, не пойдетъ; но я благодарю за предположеніе ваше точно такъ, какъ бы самъ ею пользовался. Мнѣ не дозволено, видно, въ семъ мірѣ основать ничего прочнаго. Такъ поднялись на воздухъ всѣ мои затѣи великопольскаго хозяйства. Не ропщу, но смѣюсь иногда внутренно перемѣнчивости судьбы моей и радуюсь впрочемъ, что у меня, какъ у ребенка, вырываются всѣ мои игрушки по мѣрѣ того, какъ я къ нимъ пристращаюся. Выдетъ ли что-нибудь изъ сего образа воспитанія, не знаю; но увѣренъ совершенно, что онъ есть наилучшій. Прощайте, любезный другъ; душевно васъ обнимаю. М. Сперанскій.

P. S. Письмо сіе было совсѣмъ готово къ отправленію въ Калугу, какъ получаю сейчасъ другое письмо ваше отъ 15-го декабря, надписанное въ Нижній. Сія ошибка произвела тамъ по обыкновенію множество догадокъ и предположеній. По сему письму ожидали меня

туда; наконецъ одинъ добрый человѣкъ привезъ его сюда съ собою. Итакъ, машина моя скоро будетъ, или и доставлена уже, въ Великополье, прежде нежели собрался я васъ благодарить. Въ письмѣ есть немножко гнѣву; но и подѣломъ! Но никогда не можете вы мнѣ сдѣлать столько упрековъ, сколько я дѣлаю ихъ себѣ. Впрочемъ гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Я боюсь только вашего молчанія. Не подражайте мнѣ; пишите сколько можно болѣе и чаще и вѣрьте всей искренности чувствъ моихъ, исполненныхъ дружбы и сердечнаго почитанія. Пишу къ Масальскому [1]), чтобъ изъ первыхъ моихъ доходовъ отсчиталъ онъ тысячу рублей за машину: ибо долгъ платежемъ красенъ. Но нравственный долгъ останется вѣчно на мнѣ.

2.

Пенза, 12-го марта 1818 г.

Не совѣстно ли вамъ, любезный мой Дмитрій Марковичъ, имѣть въ Пензенской губерніи деревню, и не сказать мнѣ о томъ ни слова, и быть недовольну управителемъ, и отнять у меня изъ рукъ случай сдѣлать для васъ что-либо полезное или пріятное. Непростительно по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, доколѣ не пришлете вы мнѣ подробной записки о всемъ, что вамъ нужно по сему имѣнію, чтобъ привесть его въ порядокъ. Здѣшніе господа помѣщики вообще меня любятъ, а многіе любятъ даже и отъ сердца. Слѣдовательно, пособія сего рода весьма для меня удобны. Никто не откажется услужить вамъ надзоромъ, ревизіею, всѣмъ, что будетъ нужно. По рѣдкому счастію даже и исправникъ того уѣзда, гдѣ лежитъ ваше имѣніе, есть старикъ честной и основательной.

И я проповѣдаю здѣсь ротацію полей и даже помышляю съ будущаго лѣта ввести ее въ здѣшней моей деревнѣ, безлѣсной, но благословенной тучными полями. Θеорій большихъ не нужно тамъ, гдѣ столѣтній ручается опытъ. Вообще должно сказать къ чести нашего дворянства, что нынѣ несравненно болѣе занимаются сельскимъ хозяйствомъ, нежели прежде, ищутъ усовершенія, часто идутъ ощупью на угадъ, но все идутъ впередъ.

Поздравляю васъ съ помѣщеніемъ сына вашего въ лицеѣ одесскомъ. При самомъ первомъ его основаніи я бесѣдовалъ о немъ съ дюкомъ де-Ришелье, которой отличалъ меня своимъ довѣріемъ, и тогда уже я какъ бы предчувствовалъ счастливое событіе. Ваше замѣчаніе весьма справедливо; домашнее воспитаніе не свойственно дѣтямъ мужеска пола.

---

[1]) Петру Григорьевичу, завѣдывавшему денежными дѣлами Сперанскаго.

Ихъ первая наука есть бороться съ самолюбіемъ своимъ и съ самолюбіемъ другихъ. Гдѣ же найти дома сію борьбу, необходимую для развитія душевныхъ силъ.

Прощайте, любезный другъ; примите свидѣтельство искренняго почитанія и приверженности неизмѣняемой. М. Сперанскій.

Лѣтомъ 1818 года пріѣхалъ въ Пензу, проѣздомъ въ свои саратовскія имѣнія, графъ Нессельродъ, тогда уже управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. При этомъ свиданіи Сперанскій передалъ ему желаніе быть назначеннымъ въ сенаторы, чтобы положить конецъ своей «очистительной» службѣ, и просилъ, при случаѣ, завести о томъ рѣчь съ государемъ. Нессельродъ исполнилъ просьбу Сперанскаго, который, по полученіи его благопріятнаго отзыва, поспѣшилъ 1-го августа отослать С. К. Вязмитинову, для представленія государю, письмо, которымъ просилъ сенаторскаго званія, хотя бы съ оставленіемъ его вмѣстѣ, «на нѣкоторое время, если угодно будетъ», и въ настоящей должности. Отвѣтъ Вязмитинова, въ которомъ онъ сообщалъ, что государь соизволилъ принять это письмо весьма милостиво и оставить у себя, не соотвѣтствовалъ ожиданію Сперанскаго; отвѣтъ значилъ, что просьба принята къ свѣдѣнію и останется—безъ исполненія. Но для Сперанскаго вопросъ былъ слишкомъ важенъ; онъ не могъ довольствоваться такимъ уклончивымъ, неопредѣленнымъ отзывомъ и потому попытался обратиться еще къ графу В. П. Кочубею, который, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границею, занималъ въ это время должность предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта, но, при посредствѣ своихъ связей и положенія въ обществѣ, продолжалъ пользоваться большимъ на все вліяніемъ. Письмо къ нему Сперанскаго, отъ 21-го сентября 1818 г., было слѣдующаго содержанія [1]):

«Отправленіе отсюда моей дочери подаетъ мнѣ случай возобновить себя въ памяти вашего сіятельства и представить новое увѣреніе въ давнишней и непоколебимой моей преданности.

«По участію, которое ваше сіятельство всегда принимали въ судьбѣ моей, я считаю долгомъ прежде всего дать вамъ краткій отчетъ въ похожденіяхъ моихъ съ тѣхъ поръ, какъ отсутствіе ваше за границу могло ихъ сокрыть изъ вашего виду. Въ счастіи и въ несчастіи доброе ваше мнѣніе всегда было и будетъ однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.

«При самомъ отбытіи вашемъ изъ Петербурга, письмомъ къ его величеству и въ особенности къ графу Аракчееву [2]) я просилъ суда и

---

[1]) Въ „Жизни графа Сперанскаго“ изъ этого интереснаго письма приведена (т. II, стр. 153—154) лишь небольшая выдержка.

[2]) Изъ Великополья.

*

рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ моимъ представлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности я присовокуплялъ къ сему другое средство: службу. Изъ двухъ однакоже имянно выбрали худшее, и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми [1]). А чтобъ довершить всю странность сего положенія, то примкнули ко мнѣ Магницкаго, поставивъ такимъ образомъ мое поведеніе не только въ связи, но и въ зависимости отъ его порывовъ. Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коими появился я въ губерніи. По счастью, и единственно по счастью, добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало-по-малу разсѣяли всѣ предубѣжденія. Ихъ совѣтами и ихъ сильною помощью я сталъ здѣсь помѣщикомъ, и хотя зашелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и пріобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность [2]). Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Дмитрій Александровичъ [3]) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился. По его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ присвоенной, и землю въ Саратовѣ. Вообще по всѣмъ частямъ министерствъ я не встрѣчалъ ничего, кромѣ пріятнаго. Его величество, сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ, удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независимомъ слогѣ рескриптами. Въ нихъ нашелъ я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ. Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія. Домашнія дѣла мои между тѣмъ устроиваются, и какъ скоро удастся мнѣ окончить начатую продажу петербургскаго дома и новгородской деревни: то я буду имѣть состояніе небольшое, но чистое и независимое. Мнѣ останется послѣ сего желать отойти отъ службы съ нѣкоторою благовидностью, а именно пройти въ отставку чрезъ Сенатъ. Въ семъ намѣреніи я просилъ чрезъ Сергѣя Кузьмича [4]) сдѣлать меня сенаторомъ, оставивъ, ежели будетъ угодно, на время въ настоящемъ мѣстѣ. Просьба сія пришла поздно; но принята, какъ меня формально извѣстили, весьма милостиво и оставлена у государя.

«Между тѣмъ и прежде, нежели изъявилъ я сіе желаніе, были уже

[1]) Намекъ на указъ Сенату 30-го августа 1816 г. о назначеніи Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ.

[2]) 15-го января 1819 г. пензенское дворянство поднесло Сперанскому благодарственный адресъ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, стр. 131—132).

[3]) Гурьевъ, министръ финансовъ.

[4]) Вязмитинова.

здѣсь довольно вѣрные слухи объ учрежденіи областныхъ правленій и о предположеніи вмѣстить и меня въ число избранныхъ [1]). Гдѣ не спрашиваютъ, тамъ, конечно, остается только повиноваться; но еслибы оставлено было мѣсто какому-либо выбору: то по всѣмъ расчетамъ предпочелъ бы я скромное свое предположеніе почетному чужому.

«Разсуждая вообще, нѣчто похожее на то, что придумано было во Франціи, помнится Тюрго, и потомъ отчасти приведено въ дѣйствіе Неккеромъ подъ имянемъ administrations provinciales, безъ сомнѣнія, весьма полезно было бы для Россіи. Учрежденіе таковое въ высшихъ политическихъ отношеніяхъ послужило бы къ образованію общаго народнаго мнѣнія, безъ коего самыя благонамѣренныя правительства не могутъ иначе двигаться, какъ ощупью и наудачу; въ видахъ управленія оно послужило бы къ лучшему распорядку податей и къ пресѣченію вопіющихъ злоупотребленій. Но сколько предметовъ должно обозрѣть и пріуготовить прежде, нежели введено будетъ сіе учрежденіе! Областные начальники должны явиться не только съ полными инструкціями, но и съ готовыми матеріалами или обдуманными проектами разныхъ полезныхъ учрежденій. Никогда не должно выпускать изъ виду, что совѣты полезны только для совѣщанія на обдуманные и уложенные уже предметы; всякое сословіе, по существу своему, есть нестройная толпа, какъ скоро заставятъ его составлять, а не судить уже составленное. Если областные начальники явятся среди собраній своихъ съ пустыми, такъ сказать, руками, то лучшіе изъ нихъ пристыдятъ себя. Все величіе и умъ Екатерины не могли избѣжать сей судьбы, когда въ 1762 г. собраны были законодатели прежде, нежели уложены были законы. Прекраснѣйшая инструкція (Наказъ) ни къ чему не послужила. Я понимаю, что предметъ областныхъ начальниковъ не можетъ быть столь огроменъ; но если дѣло ихъ ограничится только тѣмъ, чтобъ ввести или предположить лучшій и уравнительнѣйшій распорядокъ въ губернскихъ сборахъ и издержкахъ: то сіе безъ шуму и уновленій могутъ легко сдѣлать и губернаторы съ предводителями, если сдѣлать имъ прикажутъ и дадутъ способы и правила. Если же дѣло областныхъ начальниковъ состоять будетъ въ томъ, чтобъ ввести вообще лучшій порядокъ губернскаго управленія, то еще повторяю, они должны привезти съ собою готовыя къ сему учрежденія, такъ чтобы оставалось только сообразить ихъ съ мѣстными обстоятельствами и уважить опытнымъ совѣтомъ. Безъ сего всѣ ихъ предположенія плавать будутъ по воздуху и никогда ничего твердаго не составятъ.

---

[1]) См. въ письмѣ графа К. В. Нессельрода къ Сперанскому („Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 151). Здѣсь идетъ рѣчь о предполагавшемся раздѣленіи Россіи на генералъ-губернаторства.

«Если бы теперь вопросили, какія же для внутренняго устройства Россіи учрежденія наиболѣе нужны,—не теряясь въ воздушныхъ высотахъ, можно бы было съ достовѣрностію отвѣтить: всего нужнѣе учрежденіе, или уставъ объ управленіи губерній. Настоящее учрежденіе ни времени, ни пространству дѣлъ, ни народонаселенію, ни уму управляемыхъ не соразмѣрно. Пересмотръ его и соображеніе есть первая потребность губерній. Доколѣ будутъ онѣ состоять на настоящемъ инвалидномъ положеніи: дотолѣ, можно рѣшительно сказать, духъ народный и общее нравственное образованіе не только не пойдутъ впередъ, но отъ одного года къ другому будутъ отставать назадъ.

«Мысль о лучшемъ губернскомъ уставѣ сама собою уже приведетъ къ другимъ учрежденіямъ, для внутренняго гражданскаго порядка необходимымъ; къ учрежденіямъ, кои во всѣхъ случаяхъ должны предшествовать преобразованіямъ политическимъ, если желаютъ, чтобъ сіи послѣднія когда-либо у насъ возникли съ прочною пользою и безъ потрясеній. Словомъ: добрая администрація есть первый шагъ; а въ администраціи правила и учрежденія занимаютъ первое мѣсто; выборъ и нарядъ исполнителей второе; слѣдовательно, начинать съ нихъ есть начинать дѣло съ конца.

«Я переступилъ, можетъ быть, всѣ предѣлы приличія, войдя въ разсужденія, для меня почти чуждыя. Но я считаю за грѣхъ утаить отъ васъ образъ моихъ мыслей въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ, по общему мнѣнію, приписываютъ вамъ сильное участіе и отъ коего, именно потому, что вы въ немъ участвуете, ожидаютъ важныхъ и благотворныхъ послѣдствій.

«Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобъ сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы на мѣсяцъ или на два въ Петербургѣ единственно для того, чтобъ заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось.

«Въ постепенномъ приближеніи къ сей единственной, неподвижной цѣли, которую одну я буду преслѣдовать не только постоянно, но даже съ несвойственнымъ мнѣ упрямствомъ, я буду всегда полагать мою надежду на сильное ваше содѣйствіе по мѣрѣ случаевъ и возможности, кои представиться къ тому могутъ. Я не имѣю другихъ правъ на сію надежду, кромѣ искренней моей къ вамъ преданности и вѣрныхъ опытовъ вашего въ судьбѣ моей участія.

«Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и проч.».

Кочубей на это письмо Сперанскаго прислалъ обширный отвѣтъ, отъ 18-го октября 1818 г. [1]):

---

[1]) Небольшой отрывокъ изъ этого письма приведенъ въ „Жизни графа Сперанскаго", т. II, стр. 154—156.

«Вы себѣ легко представить можете, по чувствамъ моимъ къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше, дочерью вашею привезенное. Она можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что не меньше онаго имѣлъ я и жена моя видѣть ее и предложить ей, чтобъ она домъ нашъ не почитала чужимъ. Мы просили M-me Weichart, чтобъ она доставляла намъ чаще случаи видѣть Елисавету Михайловну. Я признаюсь вамъ, что образованіе ея немало меня удивило. Мнѣ представлялось вещью невозможною въ Перми и Пензѣ имѣть средства къ воспитанію. Г. Цееръ просвѣтилъ меня, изъясня, что вы онымъ занимались исключительно.

«Теперь обращусь я къ подробному отвѣту на письмо ваше. Не можетъ, конечно, не быть пріятно каждому доброе мнѣніе, которое о немъ имѣютъ; а потому и для меня были утѣшительны разныя изъявленія чувства сего, по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ; не меньше былъ я тронутъ и благосклоннѣйшимъ пріемомъ государя, осыпавшаго меня и жену ласками и оказательствами наилучшаго къ намъ расположенія; но въ семъ единственно состояли сношенія мои съ его величествомъ, и слухи здѣшніе, разнесшіеся потомъ во всей имперіи, объ участіи моемъ въ образованіи областномъ, объ опредѣленіи меня въ министерство внутреннихъ дѣлъ и пр. не имѣли никакого основанія. Государь съ 1816 года, когда при отъѣздѣ моемъ нѣчто сказать изволилъ мнѣ о намѣреніи его учредить округи, ничего мнѣ не упоминалъ и никакихъ предложеній къ помѣщенію меня въ министерство не дѣлалъ. Объ округахъ однакожъ слышалъ я весьма много отъ разныхъ лицъ и видѣлъ тутъ намѣреніе государя вывести имперію изъ того отчаяннаго по администраціи положенія, въ коемъ онъ ее видитъ и о коемъ сокрушается; но при сихъ лучшихъ намѣреніяхъ не довольно былъ я вразумленъ въ учрежденіе сіе, чтобъ изъ онаго могъ ожидать той пользы, которою иные, болѣе меня, можетъ быть, свѣдущіе, могли ласкаться. По свѣдѣніямъ, до меня дошедшимъ, первое образованіе областей сдѣлано было у графа Аракчеева. Оно состояло въ томъ, чтобъ назначить генералъ-губернаторовъ къ четыремъ или пяти губерніямъ, съ тѣмъ, чтобъ они, не мѣшаясь въ обыкновенное теченіе дѣлъ губернскихъ, имѣли по всѣмъ частямъ главное наблюденіе съ обширною властью, въ видѣ инспекторовъ. Послѣ сего составлено было другое образованіе Н. Н. Новосильцовымъ, который, какъ кажется, примѣняясь къ устройству Царства Польскаго, предлагалъ областнаго намѣстника съ совѣтомъ, состоящимъ изъ членовъ, каждому министерству принадлежащихъ. Совѣтъ сей подъ предсѣдательствомъ намѣстника долженствовалъ имѣть обширную власть, ничего изъ губерній мимо него въ столицу не могло итти и vice versa и пр. и пр.

«Въ семъ послѣднемъ учрежденіи между многихъ неудобствъ нахожу

я важное то, что система единства, столь въ хорошей администраціи полезная, совершенно бы истребилась. Сколько намѣстниковъ, столько и системъ; сколько намѣстниковъ, столько пашей. Счастлива можетъ быть область та, которая попадается въ руки благоразумнаго и добраго намѣстника, но много ли такихъ наберется, а здѣсь упоминали о такихъ, коимъ бы жребія своего ввѣрить я не хотѣлъ.

«Первое учрежденіе (родъ инспекторскаго) я бы полагалъ удобнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что осталось бы существующее въ губерніяхъ неприкосновеннымъ, пока могли бы обратить вниманіе на свойственное преобразованіе учрежденія. Я совершенно съ вами согласенъ, что сіе послѣднее, и съ самаго начала недостаточное, требуетъ необходимо не только дополненій, но и полнаго установленія. Сіе именно твердилъ я здѣсь многимъ изъ людей, дѣлами кое-какъ занимающимся; но, по несчастію и добрыхъ слугъ государевыхъ и по большему еще несчастію самого государя, нѣтъ въ людяхъ сихъ никакой твердой системы; нѣтъ никакихъ точныхъ понятій объ управленіи. Каждый идетъ отъ своихъ и какихъ-то особенныхъ началъ. Иной хочетъ все привлечь къ себѣ; иной ищетъ, чтобъ только по части его шло хорошо, а в с е п р о п а д а й; иной думаетъ, что надобно слѣдствія, жостскость, непомѣрная строгость и пр.; но никто не хочетъ или не умѣетъ вразумиться, что все сіе составляетъ вмѣстѣ систему разрушенія въ администраціи; что умножающіеся безпорядки, всякое воображеніе превосходящіе, конечно, заключаютъ какія-нибудь коренныя начала, а не побочныя мелкія обстоятельства и что, вѣроятно, зло происходитъ отъ недостатка или несвязанности въ установленіяхъ. Но если бы, къ счастію государя, и превозмогли здѣсь сіи истинныя начала, то кто при лучшихъ намѣреніяхъ его величества исполнять оныя будетъ? Въ подтвержденіе моего тутъ сомнѣнія приведу вамъ въ примѣръ учрежденіе областей. Три года онымъ занимаются, и какъ доселѣ никто не придумалъ, какимъ образомъ наилучше намѣреніе его величества выполнено быть можетъ. Впрочемъ я скажу вамъ откровенно, что многое меня здѣсь удивило и произвело во мнѣ чувство немалаго сожалѣнія. Вы знаете всю доброту души государя, либеральныя его правила; желаніе его, чтобъ справедливость на твердыхъ началахъ была основана. Началъ сихъ трудно искать. Вездѣ употребляютъ имя его, вездѣ хотятъ дать волѣ его видъ, правиламъ его несоотвѣтственный; однимъ словомъ, мнѣ кажется, что въ сравненіи прошедшаго мы далеко ушли вспять, и если скоро не осмотримся, то еще далѣе уйдемъ.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ, и единственно только по онымъ, я бы чрезмѣрно желалъ, чтобы вы были здѣсь употреблены. Два предмета могли бы составить полезное въ обязанностяхъ вашихъ упражненіе: з а к о н ы и у ч р е ж д е н і я. Вы соединяете практику съ теоріею; а у

насъ, истинно, никого нѣтъ, который бы могъ удовлетворить по симъ частямъ ожиданіямъ его величества. Вы пишете о намѣреніи вашемъ искать увольненія отъ службы; но если бы предложено было вамъ здѣсь мѣсто, неужели не согласились бы вы, вмѣсто Сената, посредствомъ такого переходу возстановить себя въ томъ положеніи, коего вы послѣ ссылки вашей желаете? Скажите мнѣ при случаѣ мысли ваши. Впрочемъ я легко себѣ представляю, что, послѣ прошедшаго, съ трудомъ можете вы желать основать себя здѣсь. Партіи здѣсь по-прежнему существуютъ, но тѣ же люди, которые прежде васъ ругали (не при мнѣ однакожъ), теперь васъ хвалятъ или по крайней мѣрѣ изъявляютъ сомнѣнія въ преступленіи вашемъ. Сначала всѣ къ вамъ обратятся; а дѣло ваше будетъ расположиться въ предѣлахъ надлежащей осмотрительности. Все сіе, конечно, не можетъ тѣшить; я и противу себя вижу уже направляющіяся пружины; но это суть послѣдствія положенія всѣхъ тѣхъ людей, кои у насъ что-нибудь значили; это есть свойство нашего правительства. Я и въ отношеніи себя различаю двѣ вещи. Желанія къ службѣ дѣятельной, при теперешнихъ стихіяхъ и при худомъ здоровьѣ моемъ, не могу я имѣть; но нѣкоторая обязанность, упованіе, что, можетъ быть, дѣла поправятся, мысль, что, можетъ быть, иной хуже тебя еще будетъ, заставятъ меня, при личныхъ моихъ къ государю отношеніяхъ, принять мѣсто, если оно будетъ, какъ то утверждаютъ, мнѣ предложено и если основанія, на коихъ оно будетъ мнѣ предложено, покажутъ мнѣ хоть нѣкоторую возможность быть полезнымъ. Возвращеніе его величества рѣшитъ участь мою. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что министерство полиціи присоединится къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а о Балашовѣ заключаютъ, что онъ получитъ званіе окружнаго начальника въ Казани. Я собираюсь составить записку о разныхъ предметахъ по внутреннему управленію къ пріѣзду его величества. Полагаю коснуться и до крестьянъ. Нужно непремѣнно вывести государство изъ настоящей нерѣшимости. Всѣ чего-то боятся. По моему мнѣнію, лучше дать свободу, нежели томить людей непрестаннымъ страхомъ. Я думаю, что большой шагъ былъ бы сдѣланъ, если бы опредѣлены бы(ли) закономъ повинности крестьянскія, дано было имъ право судиться съ помѣщиками и пр., однимъ словомъ, если бы безъ оглашенія постановленіями уничтожено было рабство и крестьяне привязаны были къ землѣ. Въ министерствѣ финансовъ занимаются образованіемъ казенныхъ палатъ. Полагаютъ совсѣмъ отдѣлить отъ губернскаго начальства. Я говорилъ людямъ, кои управляютъ симъ министерствомъ, что это никуда не годится. Чѣмъ болѣе въ губерніяхъ развлечены будутъ власти, тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, произойдетъ неустройства.

«Обращаясь снова къ вамъ лично, позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько разсужденій. Мнѣ кажется, что въ положеніи вашемъ желать

вы можете, чтобъ прекратилось нѣчто неопредѣлительное, въ ономъ еще оставшееся. Нерѣшимость сія происходитъ неминуемо отъ того, что трудно взять на себя увидѣть васъ, при самомъ однакожъ несомнѣнномъ желаніи, чтобъ сіе совершилось. Что бы васъ ни ожидало сообразно мыслямъ вашимъ, увольненіе или служба, все полезно было бы прежде выйти изъ сего несообразнаго положенія. Я думаю, что вы могли бы попросить дозволенія прибыть сюда, объясня, что вы желаете сего для окончанія дѣлъ вашихъ (продажи дому и деревни) и полагаете остаться въ столицѣ на самое короткое время; но если бы еще могли вы взять на себя самое полезное предпріятіе составить систематическое описаніе о недостаткахъ въ губернскомъ устройствѣ и о способахъ исправленія, то непосредственнымъ доставленіемъ сочиненія сего къ его величеству оказали бы вы немалую услугу, изъяснивъ при томъ въ письмѣ ту мысль, что указомъ, по коему опредѣлены вы губернаторомъ, предоставлено было вамъ заслужить милость его величества, что высочайшимъ одобреніемъ по отправленіи должности вашей вы достигли счастія удовлетворить ожиданіямъ etc. etc., но что, сверхъ сего, руководствуяся неограниченной преданностію къ его величеству, зная, сколь велики суть старанія его объ устройствѣ государства, и убѣждены будучи въ настоятельной нуждѣ исправленія, вы повергаете (хотя сокращенно) все то, что изъ опыта нынѣ еще болѣе сдѣлалось вамъ извѣстнымъ, что вы, не обременяя его величество обширнымъ изложеніемъ недостатковъ и лучшаго устройства, готовы будете представить оныя тому, кто получитъ приказаніе съ вами снестись; что тутъ не имѣете вы и не можете имѣть лично никакихъ видовъ, понеже просьба, вами прежде принесенная о сенаторствѣ, должна служить доказательствомъ, что вы не могли прочить себя къ продолжительному занятію настоящаго вашего мѣста и пр. Я думаю, что подвигъ сей могъ бы быть весьма полезенъ; вреда же, безъ сомнѣнія, не можетъ онъ произвести. Много я о семъ думалъ и удостовѣренъ, что вездѣ, такъ, какъ и у насъ, надобно избирать приличное для всего время, а таковымъ нахожу я настоящее для расположенія вышеупомянутымъ образомъ поведенія вашего; но надобно только поспѣшить, дабы напрасно не потерять времени.

«Впрочемъ я не нахожу нужды удостовѣрять васъ, что, предлагая вамъ мысли сіи, я не могу имѣть никакихъ личныхъ видовъ. Двумя побужденіями руководствуюсь я: желаніемъ, чтобы государь пріобрѣлъ въ васъ полезнаго слугу, и желаніемъ, чтобъ вы выведены были окончательно изъ непріятнаго положенія вашего. Вы сему легко повѣрите, зная меня и вспомня, что я не только чрезъ васъ ничего не искалъ, когда вы здѣсь были, но что и самъ лично ни о чемъ, до меня касающемся, не безпокоилъ его величество. Я паче всего желаю, чтобъ могло умножиться число людей способныхъ въ разныхъ званіяхъ. Недостатокъ

оныхъ есть прямое бѣдствіе. Удивится надобно, какъ мы отошли назадъ даже въ отношеніи редакціи бумагъ; перемѣнился языкъ, и логики не много.

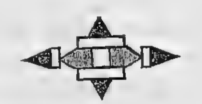
«Описывая мнѣ обстоятельства перемѣны положенія вашего, вы весьма съ основаніемъ оказываете нѣкоторое удивленіе, что дѣло ваше было связано вмѣстѣ съ дѣломъ Магницкаго. Я всегда считалъ его различнымъ и еще болѣе теперь здѣсь удостовѣрился, что вы весьма правильно онаго съ своимъ не сливали. Г. Магницкій можетъ имѣть хорошія качества, но не полагаю я, чтобъ онъ о всемъ здраво судилъ и чтобъ всегда благоразумно поступалъ. Вы не можете напередъ соединять съ нимъ вашего жребія.

«Поздно, можетъ быть, примѣтилъ я, что искреннее мое желаніе вамъ всякаго добра заставило меня перейти предѣлы, дозволяемые въ обыкновенномъ партикулярномъ письмѣ. Я не извиняюсь, ибо побужденія мои вамъ извѣстны. Прошу по прочтеніи истребить мое письмо, не потому, чтобъ я не былъ готовъ всегда сознать того, что я пишу, но потому, что многіе меня не разумѣютъ и что изъ многихъ опытовъ видѣлъ я, что и самыя чистыя намѣренія нерѣдко у насъ перетолковываются.

«Примите увѣреніе искренней моей преданности».

Такимъ образомъ и отъ Кочубея, вмѣсто помощи и прямаго содѣйствія, были только—совѣты. Прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ, не послѣдуетъ ли чего по отправленному черезъ Вязмитинова письму о сенаторствѣ, Сперанскій, въ началѣ февраля 1819 года, обратился къ тому же Вязмитинову, какъ непосредственному своему начальнику, съ ходатайствомъ о четырехмѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ для устройства домашнихъ дѣлъ. Но Сперанскаго ждало другое: 22-го марта 1819 года былъ подписанъ указъ о назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

Памяти В. А. Жуковскаго.

Помню я юношей дни незабвенные,
Полные прелестей нѣжной любви,
Дни мимолетные, дни многоцѣнные,
Жаръ возбуждавшіе въ юной крови.

Помнится время, время чудесное,
Какъ намъ Жуковскій баллады читалъ,
Что-то прекрасное, что-то прелестное
Въ сердцѣ онъ юныхъ всегда возбуждалъ.

Рѣчь поведетъ-ли про наши обычаи
Праотцевъ, дѣдушекъ Русской земли,
Полные мудрости, честности звычаи;
Всѣ они пылью временъ поросли.

Вспомнитъ-ли старую Русь православную
Отчину-дѣдину полную силъ,
Духомъ могучую, щедрую, славную,
Какъ ее въ бѣдствіяхъ Богъ сохранилъ.

Съ грустью помянемъ многое милое,
Что безпощадно нашъ вѣкъ измѣнилъ,
Что было юное, сдѣлалось хилое...
Заступъ коснулся и древнихъ могилъ.

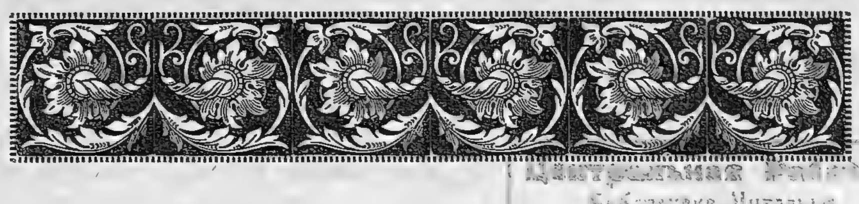
Гдѣ нынче „съборници“, вѣча, собранія?
Гдѣ нынче встрѣтите думныхъ бояръ?
Сгинули „весей“ многихъ названія,
Все поизчезло, словно какъ паръ.

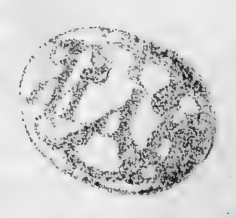
Гдѣ наши пущи и дебри дремучія?
Всѣхъ ихъ порушилъ торговый топоръ.
Гдѣ были сосны, березки плакучія,
Тамъ теперь бурямъ и вѣтрамъ просторъ.

Смолкли и пѣсни, колядки, гаданія,
Старымъ потѣхамъ время прошло.
Рѣдко кто вспомнитъ и Руси преданія,
Видно, что было—быльемъ поросло.

А. И. С—въ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

V.

Манифестаціи въ Вильнѣ.—Пѣніе гимновъ.—Ожиданіе религіозной процессіи изъ царства Польскаго.—Участіе въ безпорядкахъ римско-католическаго духовенства.—Его проповѣди и сочиненныя молитвы.—17-е ноября въ Вильнѣ.—Воззваніе.—Положеніе русскихъ служащихъ.—Отъѣздъ автора въ Москву въ отпускъ.—Студенческая исторія.—Возвращеніе автора въ Вильну.

Вспоминая все происходившее, невольно является вопросъ: что бы сдѣлали съ подобными демонстраціями поляковъ, напримѣръ, хоть во Франціи, которая постоянно имъ покровительствовала? Можно сказать съ достовѣрностію, что данный имъ тамъ урокъ отрезвилъ бы ихъ, если не окончательно, то лѣтъ на сто по крайней мѣрѣ; а у насъ оттого они и мятежничаютъ періодически, что мы дѣйствуемъ снисходительно и словно ощупью. У насъ послѣ каждаго польскаго возмущенія, гдѣ народъ не принималъ участія, спокойствіе въ краѣ, и то наружное, водворялось на то время, пока не подростало молодое поколѣніе, не видѣвшее всѣхъ гибельныхъ послѣдствій возстанія. Возьмемъ для примѣра текущее столѣтіе.

Въ 1812 году поляки шли въ авангардѣ нашествія на Россію. Самыя страшныя звѣрства продѣланы были ими тогда надъ русскимъ народомъ съ оскверненіемъ и поруганіемъ нашихъ святынь. Въ 1830 году вспыхнулъ вооруженный мятежъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, передъ Венгерскою кампаніею, по цѣлому Западному краю производились политическія

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1902 г.

слѣдствія объ эмиссарахъ, и если дѣло не дошло до серьезнаго въ 1848 году, во время венгерскаго возстанія, то благодаря единственно тому обстоятельству, что наши войска наводнили собою царство Польское. Въ 1863 году повторился снова вооруженный мятежъ, страшный не штыками и вооруженною силою, а своею подпольною организацією и разными интригами, которыя не прерывались никогда, да при нашемъ способѣ дѣйствія никогда и не перестанутъ [1]).

Но возвратимся къ разсказу.

Въ тотъ же самый день, 31-го іюля, въ г. Вильнѣ съ самаго ранняго утра замѣчено было чрезвычайное движеніе народа. Погода стояла великолѣпная и придавала особенную торжественность цѣлому городу, который въ этотъ день припомнилъ намъ, русскимъ, то золотое время еще столь недавняго прошлаго, когда удовольствія и веселіе были неизмѣнными спутниками нашей общественной жизни. Болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ глазъ нашъ ничего другаго на улицахъ не видѣлъ, кромѣ чернаго цвѣта платьевъ,—и вдругъ въ описываемый день костюмъ городскихъ жителей поляковъ, обоего пола, измѣнился какъ бы по мановенію волшебнаго жезла и принялъ яркій цвѣтъ радуги. Самый нелюбопытный даже наблюдатель, всмотрѣвшись въ эти костюмы, съ перваго же разу могъ бы замѣтить театральную обстановку этого переодѣванія; очевидно, били на эффектъ; возможное и невозможное сочетаніе цвѣтовъ было допущено въ этотъ день и въ дамскихъ, и въ мужскихъ костюмахъ. Встрѣчались сѣдовласыя личности, которыя вмѣсто галстуха имѣли на шеѣ розовый или пунцовый бантъ; нѣсколько паръ появилось даже въ польскихъ національныхъ кунтушахъ. По всѣмъ костеламъ совершалось торжественное богослуженіе. Въ ожиданіи, чѣмъ кончится городской маскарадъ, В. И. Назимовъ сидѣлъ со мною и племянникомъ своимъ, чиновникомъ особыхъ порученій Тырковымъ, въ верхней гостиной, около кабинета, и по временамъ входилъ туда, чтобы взглянуть на улицу, по которой толпы народа пробирались къ римско-католическому каѳедральному собору.

Въ началѣ перваго часа по полудни, старшій полицеймейстеръ Васильевъ привезъ съ собою во дворецъ какого-то мальчика лѣтъ 13—14 отъ роду, одѣтаго въ черную однобортную чамарку съ конфедераткою на головѣ, въ которой и ввелъ его въ комнату, гдѣ находился генералъ-губернаторъ.

— Гдѣ это подхватили такого шута, Петръ Сергѣевичъ?—обратился В. И. Назимовъ съ вопросомъ къ вошедшему полицеймейстеру, и въ

---

[1]) Во время турецкой войны 1877—1878 г. панъ Грохольскій въ Австріи снова поднималъ польскій вопросъ. Вообще при каждомъ затрудненіи Россіи наши благожелатели стараются поднять это архивное дѣло.

то же время взялъ изъ рукъ сконфузившагося мальчика шапочку, которую онъ снялъ съ головы.

— Сынъ богатаго минскаго помѣщика (фамилію я не разслышалъ), живетъ у родныхъ, въ домѣ Карабановича близъ Острыхъ воротъ. Арестовалъ я его на Нѣмецкой улицѣ изъ числа десяти паръ, шедшихъ въ польскихъ національныхъ костюмахъ по Нѣмецкой улицѣ изъ Францисканскаго костела, любимое мѣсто аристократическихъ прогулокъ.

— Отправьте-ка его въ этомъ костюмѣ по этапу къ отцу,—пусть посмѣшитъ народъ.

Само собой разумѣется, слова эти были сказаны въ шутку, чтобы попугать мальчика... И дѣйствительно, едва только кончилъ эту фразу генералъ-губернаторъ, какъ переряженный мальчуганъ-патріотъ бросился къ нему и, цѣлуя руки, сталъ умолять о помилованіи. Добрѣйшій В. И. Назимовъ дѣлалъ видъ, что не соглашается; шалунъ ревѣлъ навзрыдъ. Минутъ пять продолжалась эта комическая сцена... Затѣмъ обратившійся ко мнѣ генералъ-губернаторъ поручилъ мнѣ отвести мальчика на квартиру и передать отъ его имени тѣмъ, у которыхъ тотъ жилъ, что, изъ уваженія къ отцу его, онъ прощаетъ на первый разъ шалость, но не совѣтуетъ допускать повторять ее, иначе взысканіе падетъ не на шалуна, а на тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено попеченіе о немъ. Признаюсь откровенно, я не ожидалъ подобнаго порученія, и оно было для меня крайне непріятно. Дѣйствительно мы, русскіе, подвергались чуть не на каждомъ шагу разнымъ поруганіямъ, возмездіе за которыя намъ было строго воспрещено, а тутъ мнѣ даютъ приказаніе отвести мальчика въ патріотическомъ костюмѣ, арестованнаго полицеймейстеромъ, который, въ виду могущаго быть сопротивленія, счелъ болѣе благоразумнымъ захватить съ собою изъ двадцати лицъ самаго слабаго, но дѣлать было нечего. Когда я пригласилъ съ собою мальчугана, онъ протянулъ было руку къ конфедераткѣ, которую все еще держалъ въ рукахъ генералъ-губернаторъ.

— Нѣтъ, мой любезный, тебѣ дадутъ шляпу,—сказалъ В. И. Назимовъ; слѣдовало бы надѣть на тебя дурацкій колпакъ съ бубенчикомъ, да и провести по городу; былъ бы впередъ поумнѣе, ну да ужъ Богъ проститъ на этотъ разъ.

Мы вышли. Первая попавшаяся въ передней шляпа была вручена моему спутнику, котораго и повезъ я на извозчикѣ по назначенію. Шляпа оказалась не по мѣркѣ, то и дѣло сползала на носъ молодому патріоту; это обстоятельство сильно его конфузило. Сначала онъ ѣхалъ молча, затѣмъ, не доѣзжая до магазина Фіорентини, то есть сдѣлавши половину пути, этотъ невылупившійся демонстраторъ сталъ громко роптать на то, что его, какъ шута, отправили въ подобной шляпѣ домой.

— Народъ идетъ и смѣется, глядя на меня,—произнесъ онъ со злобой.

— Пусть смѣется. Развѣ вы это не заслужили? Благодарите Бога, что еще такъ дешево отдѣлались; не долго и до грѣха; пожалуй, могли бы и постегать...

— Польскихъ дворянъ не сѣкутъ,—отвѣтилъ нахально мальчишка.

Второй разъ мнѣ приходилось услышать эту фразу и отъ подобнаго же малолѣтка-героя. Желая дать ему добрый урокъ, я крикнулъ извозчику:—Поверни-ка, братецъ, назадъ, да поѣзжай поживѣе въ цитадель къ коменданту, тамъ наведутъ справки по поводу словъ его мосьци.

Увидѣвши, что извозчикъ сталъ поворачивать лошадь, мальчишка бросился на дрожкахъ на колѣни и началъ просить у меня прощенiе. Сцена была дотого комична, что я невольно расхохотался.

— А что, паничъ, не нравится вамъ прогулка въ цитадель? Впередъ будьте поосторожнѣе и повѣжливѣе, а то, пожалуй, долго ли до бѣды.

Наконецъ мы прiѣхали по назначенiю. Когда я вошелъ въ переднюю съ своимъ спутникомъ, насъ встрѣтила молодая служанка, помиравшая со смѣху; въ то же самое время смѣхъ нѣсколькихъ лицъ доносился и изъ послѣднихъ комнатъ; дверь изъ передней туда была затворена. На мой вопросъ: есть ли кто-нибудь дома изъ старшихъ, чтобы я могъ передать полученное приказанiе генералъ-губернатора? служанка отвѣтила, что никого нѣтъ дома. Очевидно, польскiе паны не хотѣли принять русскаго чиновника, такъ какъ, подъѣзжая къ дому, я видѣлъ нѣсколько лицъ, обоего пола, смотрѣвшихъ на насъ изъ оконъ; раздававшiйся при входѣ моемъ смѣхъ происходилъ, по всей вѣроятности, отъ комической фигуры мальчугана, которую онъ представлялъ изъ себя въ большой шляпѣ. Я былъ радъ отрицательному отвѣту служанки; пожалуй можно было бы наткнуться на непрiятную исторiю... Сдавши привезеннаго мною демонстратора на руки прислужницы, я поручилъ ей передать господамъ слова генералъ-губернатора и, взявши ссуженную шляпу, возвратился во дворецъ, гдѣ и разсказалъ В. И. Назимову свои похожденiя.

День 31-го iюля, какъ оказалось, этимъ только начался; большiя безобразiя предназначены были коноводами на послѣ обѣда; утромъ же послѣ торжественнаго богослуженiя, пѣли по костеламъ революцiонный гимнъ. Возвращаясь отъ Острыхъ воротъ во дворецъ, я былъ пораженъ силою звуковъ органа въ Св. Янскомъ костелѣ, подъ который пѣли тамъ этотъ гимнъ. Стѣны храма, казалось, дрожали отъ негодованiя при такомъ явномъ оскорбленiи святыни, а люди, ослѣпленные ненавистью, старались, повидимому, неистовымъ своимъ выкрикиванiемъ пересилить самый органъ, и въ святомъ мѣстѣ вѣры и любви выразить

свою злобу и ненависть къ своимъ русскимъ собратіямъ. Къ четыремъ часамъ по полудни, народная толпа болѣе пяти тысячъ человѣкъ запрудила не только всю Остробрамскую улицу, но и доходила почти до каѳедральнаго Николаевскаго собора. Когда окончилась вечерня въ Остробрамской часовнѣ, къ которой собрались народныя массы, служившій ее ксендзъ, съ зажженою свѣчею въ рукахъ, опустился на колѣни предъ иконою Богоматери, историческимъ достояніемъ святой нашей церкви, которое оттягали всѣми неправдами латиняне, и началъ пѣніе революціоннаго гимна; вся толпа послѣдовала его примѣру. Болѣе получаса продолжался гимнъ подъ открытымъ небомъ... Наконецъ, когда поднявшійся съ колѣнъ ксендзъ задернулъ, по обычаю, занавѣску передъ образомъ, и послѣдній звукъ пѣнія замеръ въ воздухѣ, дворяне Дисненскаго уѣзда Гайдамовичъ и Юхневичъ закричали во все горло по-польски: «господа братья! пожалуйте въ Бельмонтъ».

Немногіе изъ русскихъ городовъ могутъ посоперничать съ Вильною такимъ разнообразіемъ своихъ окрестностей, которыми природа одарила эту древнюю столицу Литвы. Къ числу такихъ безспорно принадлежатъ: Маркуци, Верки, Закретъ, Поплавы, Бельмонтъ и другія подгородныя мѣстности лѣтнихъ прогулокъ и дачъ.

Раскинутая въ полутора верстѣ отъ центра города, у подножія горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ, почти на самомъ берегу быстрой рѣчки Вилейки, мѣстность Бельмонтъ представляетъ очаровательный видъ: туда-то и двинулась, по полученному приглашенію, народная толпа, оглашая воздухъ разными восклицаніями. По прибытіи на мѣсто, часть публики остановилась на площадкѣ, подлѣ простой загородной гостиницы, а другая, бо̀льшая, направилась въ находящійся за нею Маркуцкій лѣсъ; затѣмъ началось веселье и бражничанье, которымъ до того времени не бывало еще примѣра. У гостиницы подъ открытымъ небомъ начались танцы. Богатыя аристократки танцовали съ простыми ремесленниками—утѣшительная картина равенства и братства! Танцами распоряжался чиновникъ гражданской палаты Невядомскій, который, въ упоеніи восторга отъ оказанной ему чести, неоднократно провозглашалъ: «еще полонезъ на погибель Москвы». Но и подобныхъ благопожеланій было мало для бѣсновавшихся, и вотъ чей-то голосъ закричалъ изъ толпы: «шпіоновъ на фонари»; эта пошлая выходка дотого понравилась присутствовавшимъ на этой сатурналіи, что громкое «виватъ» долго потрясало воздухъ и сильно перепугало воронъ. Между танцами пѣлись патріотическія пѣсни: «еще польска не сгинела», и «маршъ, маршъ, поляцы». Въ то же самое время, когда подобныя безобразія происходили у гостиницы, лѣсная партія не отставала отъ своихъ собратій ни въ танцахъ, ни въ пѣніи гимновъ, которое для бо̀льшаго эффекта заключено было выстрѣломъ и криками: «москалей на висѣ-

лицу». Нѣкто Юхневичъ произнесъ возмутительную рѣчь къ ремесленникамъ, которую окончилъ словами: «не бойтесь шпіоновъ, мы грудью защитимъ васъ... Приходите въ воскресенье въ костелъ, мы тамъ помолимся Богу». «Виватъ!» было отвѣтомъ доморощенному оратору, а присутствовавшій при этомъ графъ Тышкевичъ за три слова: «дальше, господа, дальше», былъ поднятъ толпою на руки при всеобщихъ крикахъ. Заключеніемъ гулянья было угощеніе дамъ въ гостиницѣ, при чемъ произведена складка денегъ на освобожденіе угнетенной ойчизны. Поздно вечеромъ разошлась по домамъ толпа, упоенная восторгомъ по случаю выраженной открыто ненависти къ москалямъ. Что же, спрашивается, дѣлала мѣстная власть въ то время, когда публично происходили подобныя безобразія? Какимъ образомъ полиція допустила эти сборища, направленныя прямо на поруганіе всего того, что носило названіе русскаго? Первая бездѣйствовала отчасти потому, что у нея связаны были руки изъ Петербурга, который не хотѣлъ вѣрить, благодаря интригамъ поляковъ, въ серьезность этихъ демонстрацій; при томъ надо сказать правду, она потеряла голову въ этомъ политическомъ водоворотѣ страстей, разжигаемыхъ съ запада, и положительно не знала, что ей дѣлать. Полиція же, большею частію составленная изъ поляковъ, потворствовала подъ рукою безпорядкамъ; если же, при поддержкѣ, и нашлись бы въ средѣ ея немногія личности, которыя не захотѣли бы нарушить вѣрноподданническій долгъ, то, подвергаясь публично и среди бѣлаго дня разнымъ дерзостямъ, они вынуждены были держаться въ сторонѣ. Чтобы составить себѣ хоть легкое понятіе о томъ невыносимомъ положеніи, въ которое поставлено было наше малочисленное русское общество, я прошу благосклоннаго читателя прослѣдовать за мною по виленскимъ событіямъ. Мы, русскіе, были осуждены на безропотное терпѣніе; намъ строго-настрого было приказываемо устраняться отъ столкновеній съ поляками. Конечно, это приказаніе было благоразумно, но каково-то было исполнять его, когда на каждомъ шагу преподносили намъ разныя дерзости.

Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца, семейство В. И. Назимова возвратилось изъ-за границы въ Вильну, чему я крайне обрадовался, такъ какъ, укрывая жену отъ уличныхъ обидъ, я отправилъ ее незадолго передъ тѣмъ въ Москву къ моимъ родственникамъ и остался совершенно одинокимъ. Одинъ только гостепріимный домъ коменданта былъ единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Въ виду того, что всѣ уличные безпорядки происходили въ отсутствіи Назимовыхъ, 4-го августа, въ семь часовъ послѣ полудня, весь женскій персоналъ пріѣхалъ въ крѣпость въ гости къ семейству коменданта А. С. Вяткина; имъ хотѣлось, сидя укрытыми на балконѣ, выходившемъ на рѣку Вилію, послушать мотивъ революціоннаго гимна, который ежедневно пѣли поляки

на находившемся вблизи оттуда форштадтѣ Снипшикахъ, предъ статуею Спасителя, за Зеленымъ мостомъ. Въ этотъ день ожидалось туда большое стеченіе народа. Въ исходѣ восьмаго часа вечера дѣйствительно тамъ собралась толпа до трехъ тысячъ человѣкъ, изъ лицъ разныхъ сословій. Ровно въ восемь часовъ начался гимнъ. Ежедневное упражненіе толпы въ этомъ гимнѣ достигло такихъ результатовъ, что пѣніе происходило довольно стройно; можетъ быть, и отдаленный нѣсколько пунктъ, избранный для слушанія, былъ тому причиною, но волны звуковъ доносились до слуха нашего довольно стройно и были лишены тѣхъ рѣзкихъ выкрикиваній, которыми ярые патріоты хотѣли заявить свое усердіе въ дѣлѣ ойчизны. Звуки эти то замирали, то возвышались и, какъ бы катясь по струямъ быстрой Виліи, на берегу которой происходила описываемая сцена, доносились до насъ. Молча стоялъ я на балконѣ и, опустивъ голову на грудь, чувствовалъ, какъ кровь переливалась въ моихъ жилахъ. Видѣть ежедневныя поруганія дорогой Россіи, не только молча переносить ихъ, но даже не видѣть и возможности положить имъ конецъ,—все это было для меня постояннымъ мученіемъ, настоящею нравственною пыткою. Минутъ двадцать продолжалось пѣніе гимна, какъ вдругъ среди тихаго мотива раздается отчаянный крикъ: «помогите, спасите». Поднявшаяся вслѣдъ за симъ на мѣстѣ происшествія суматоха прекратила пѣніе. Услышавши этотъ отчаянный крикъ, не помня себя, я бросился вонъ изъ комнаты, схватилъ форменную фуражку, которую постоянно носилъ, и, выбѣжавъ на дворъ, перелѣзъ черезъ валъ цитадели, перебѣжалъ мостикъ и, поднявши два камня, пустился опрометью по берегу Виліи къ мѣсту происшествія, до котораго было саженъ двѣсти; кровь била мнѣ въ голову, въ вискахъ стучало... Я подбѣжалъ къ дому Карабановича (половина пути) и замѣтилъ, что народная толпа стала расходиться; тутъ же встрѣтилъ я квартальнаго надзирателя, который издали наблюдалъ за происходившимъ; отъ него я узналъ, что во время пѣнія раздались въ толпѣ слова: «шпіонъ, шпіонъ». Затѣмъ схваченъ былъ нѣкто Давидовичъ, котораго народъ потащилъ отъ статуи Спасителя къ Зеленому мосту, чтобы сбросить его оттуда въ рѣчку. Къ счастію, Давидовичъ былъ кѣмъ-то скоро опознанъ и отдѣлался только полученными пинками, въ которыхъ обидчики тотчасъ же и извинились передъ нимъ. И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ... Дѣлать было нечего, Давидовичу пришлось утѣшаться мыслію, что онъ получилъ потасовку за ойчизну и въ добавокъ еще отъ братьевъ-родаковъ. Потирая бока, оттасканный пѣвецъ отправился во-свояси; за нимъ поспѣшила по домамъ и толпа, такъ какъ, услыхавъ крики на берегу рѣки, дежурный казачій патруль показался изъ манежа на Виленской улицѣ. Этотъ случай, за который досталась мнѣ нравоучительная головомойка, показалъ наглядно, что

толпа была сильно раздражена; малѣйшій поводъ могъ повести за собою серьезныя послѣдствія. Поводъ этотъ и не замедлилъ явиться.

Послѣ ковенской демонстраціи 31-го іюля распущены были по Вильнѣ слухи, что изъ царства Польскаго черезъ Ковно идетъ сюда процессія съ хоругвями и разными эмблематическими знаками единенія Литвы съ Польшею. Слухи эти, при всей неправдоподобности, сильно взволновали городское населеніе, которое и безъ того было уже порядкомъ возбуждено полною безнаказанностію бельмонтскихъ безобразій; а это какъ разъ было на руку вожакамъ безпорядковъ. Не смотря на объявленія полиціи, расклеенныя по цѣлому городу, что никакой процессіи изъ Польши не прибудетъ, толпа любопытныхъ ходила ежедневно на Погулянку (городское предмѣстье), съ котораго цѣлая Вильна видна, какъ на ладони, откуда ожидалась процессія. Нѣсколько дней сряду повторялось уже это путешествіе и каждый разъ напрасно. (Прождавъ попусту нѣсколько часовъ, встрѣчавшіе спокойно расходились по домамъ). Были между ними и такіе, которые выходили навстрѣчу ожидаемой процессіи верстъ за десять отъ города, на Панарскія высоты, близъ которыхъ разбитъ былъ въ 1831 году Гелгудъ. Не посвященные въ тайну задуманной манифестаціи не подозрѣвали даже, что въ распущенной молвѣ о процессіи скрывалась совершенно другая цѣль, обнаруживать которую заблаговременно коноводы не рѣшались, изъ боязни, чтобы правительство не воспрепятствовало демонстраціи, тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени къ сборищамъ посылались казацкіе патрули или взводы солдатъ, которымъ, однако, строго настрого было приказано стоять смирно. Тайная цѣль агитаторовъ состояла въ томъ, чтобы произвести большую демонстрацію за Трокскою заставою, на мѣстѣ казни политическаго преступника Канарскаго, разстрѣляннаго тамъ 13-го февраля 1837 года. У нѣкоего Бонольди, учителя пѣнія, была заготовлена литографированная брошюра съ подробнымъ описаніемъ выдуманныхъ похожденій этого сумасброда и небывалыхъ пытокъ, которыя онъ будто бы вытерпѣлъ во время ареста. Нѣсколько экземпляровъ этой брошюры впослѣдствіи найдено было во время обыска въ литографіи и фотографіи, которую открылъ Бонольди съ политическою цѣлію; передъ началомъ обыска Бонольди успѣлъ скрыться и затѣмъ бѣжалъ за границу. Для привлеченія бо́льшей массы народа, день для манифестаціи выбранъ былъ 6-го августа, праздникъ Преображенія Господня. Такъ какъ приготовленія къ этой демонстраціи были слишкомъ очевидны, то для предотвращенія безпорядковъ, по распоряженію генералъ-губернатора, поставлена была въ этотъ день съ утра одна рота пѣхоты съ сотнею казаковъ у Трокской заставы съ приказаніемъ не пропускать за нее толпу; кромѣ того три роты ожидали въ полной готовности дальнѣйшихъ распоряженій въ цитадели—въ казармахъ. Въ назначенный

для демонстраціи день распущенъ былъ коноводами по городу слухъ, что столь давно ожидаемая процессія прибудетъ наконецъ въ Вильну къ 8 часамъ вечера. Вслѣдствіе этого, начиная съ послѣ-обѣда, народъ сталъ собираться къ Трокской заставѣ, такъ что къ пяти часамъ вечера толпа возросла до трехъ тысячъ лицъ обоего пола; но такъ какъ у заставы стояли войска, то народъ остановился въ тѣнистыхъ аллеяхъ, обрамляющихъ съ обѣихъ сторонъ улицу, ведущую къ заставѣ. Въ то самое время, когда все это происходило, генералъ-губернаторъ прислалъ за мною жандарма съ приказаніемъ немедленно явиться къ нему по очень спѣшному дѣлу, что я тотчасъ же и исполнилъ. В. И. Назимовъ ожидалъ меня въ нижней гостиной.

— Вотъ вамъ предписаніе и подорожная,—сказалъ онъ мнѣ послѣ привѣтствія,—немедленно отправляйтесь въ Трокскій уѣздъ и осмотрите побережье Нѣмана. Если замѣтите, что готовится какая-нибудь демонстрація изъ царства Польскаго,—распорядитесь тотчасъ же не допускать ее оттуда. Исправникъ будетъ вамъ содѣйствовать. Возьмите съ собою для безопасности и въ помощь двухъ жандармовъ... Скорѣе возвращайтесь.

— Какую же помощь,—отвѣчалъ я,—могутъ оказать мнѣ два жандарма противъ толпы? Позвольте мнѣ ѣхать одному... Въ статскомъ платьѣ меня никто не узнаетъ. По-польски я говорю, значитъ, бояться мнѣ нечего; одному мнѣ легче будетъ собрать нужныя свѣдѣнія, а жандармы только меня задержатъ, вѣдь тамъ проселокъ, трудно будетъ собрать лошадей.

— Ну, пожалуй, возьмите съ собою одного жандарма. Сейчасъ же и поѣзжайте.

Пожавъ мнѣ руку, добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ перекрестилъ меня на дорогу.

Вышедши изъ дворца, я направился по Доминиканской улицѣ къ жандармскому полковнику А. М. Лосеву, съ которымъ жилъ дружно; я хотѣлъ попросить его поскорѣе командировать жандарма и приказать пріѣхать ему за мною на квартиру на почтовыхъ лошадяхъ. Не доходя полиціи, противъ Европейской гостиницы, я увидѣлъ слѣдующую сцену: дѣвочка лѣтъ четырнадцати на видъ, ухватившись за водосточную трубу полицейскаго дома, усиленно старалась удержаться на мѣстѣ, вырываясь изъ рукъ одѣтой въ черный шерстяной салопъ женщины, которая тащила ее за собою. Подходя къ нимъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, я замѣтилъ, что вышедшая тогда изъ Нѣмецкой улицы сплошная толпа народа повернула на Трокскую улицу, ведущую къ заставѣ. Хотя хвостъ толпы скрывался отъ меня за кривизною Нѣмецкой улицы, но можно было безошибочно сказать, что видѣнная мною народная масса, состоящая изъ лицъ всѣхъ сословій, простиралась за двѣ тысячи че-

ловѣкъ. Понявши, въ чемъ дѣло, я бросился опрометью во дворецъ и нашелъ при генералъ-губернаторѣ управлявшаго канцеляріею, дежурнаго штабъ-офицера полковника Галлера и старшаго полицеймейстера полковника Васильева.

— Вы еще здѣсь?—спросилъ меня съ удивленіемъ В. И. Назимовъ, когда я вошелъ съ поспѣшностію въ гостиную. Я разсказалъ причину моего возвращенія.

— Пожалуйста, Иванъ Владиміровичъ, поѣзжайте поскорѣе къ коменданту,—отвѣтилъ генералъ-губернаторъ на мой докладъ, обращаясь къ полковнику Галлеру, и передайте Александру Сергѣевичу мое приказаніе послать на Погулянку батальонъ солдатъ, у него люди уже готовы. Пусть пройдутъ по городу съ барабаннымъ боемъ. А васъ прошу, Петръ Сергѣевичъ, продолжалъ В. И. Назимовъ, обращаясь къ полицеймейстеру, немедленно взять изъ манежа сотню донцовъ и вести лично ихъ туда же. Только, пожалуйста, избѣгайте насилія и постарайтесь убѣдить народъ разойтись по домамъ, за заставу не пропускать никого, хоть бы пришлось пустить въ дѣло нагайки.

Послѣ этихъ словъ мы всѣ поспѣшно вышли для исполненія возложенныхъ на насъ порученій.—Отъ души желаю вамъ полнѣйшаго успѣха,—послышалось за нами.

Оказалось, что встрѣченная мною толпа, въ которой было много и пьяныхъ лицъ, послѣ обычнаго гимна передъ Острobрамскою часовнею, направилась, по приглашенію коноводовъ, по Нѣмецкой улицѣ черезъ Трокскую на Погулянку, чтобы идти на могилу Канарскаго. Эта послѣдняя цѣль, какъ сказано выше, была извѣстна многимъ, большинство же народа шло навстрѣчу ожидаемой изъ царства Польскаго процессіи. Разставленные цѣпью казаки старались задержать идущихъ, но, видя, что толпа сильно напирала, шагъ за шагомъ подавались назадъ. Въ то время, когда уже поровнялись съ нѣмецкимъ кладбищемъ, черезъ Малую Погулянку прискакалъ съ казаками полицеймейстеръ и сталъ уговаривать народъ разойтись по домамъ, увѣряя толпу, что никакой процессіи не будетъ, а за заставу никого не пропустятъ. Слова его были встрѣчены криками и бранью, а между тѣмъ толпа настойчиво подавалась впередъ и наконецъ слилась въ одну съ прежде тамъ находившимся народомъ. Во время переговоровъ полицеймейстера дворянинъ Виленскаго уѣзда Кржижевичъ и сапожный подмастерье Вельцъ, убѣждая толпу послѣдовать ихъ примѣру, бросились на взводъ солдатъ пѣхоты, поставленный около заставы поперекъ дороги. Солдаты держали ружья на-руку; минута была критическая, малѣйшая оплошность, и кровь хлынула бы рѣкою. Только благодаря страшной сдержанности нашего героя-солдата все кончилось благополучно. По зову зачинщиковъ, толпа двинулась впередъ, а они,

схватясь за штыки, старались прорваться сквозь войско за заставу. Надо отдать справедливость нашимъ солдатамъ. Исполняя приказаніе, они старались только удержать въ рукахъ своихъ ружья и не пропустить нападавшихъ, которые при этомъ еще кричали: «ну, попробуй, ударь штыкомъ... не посмѣешь, Наполеонъ не приказалъ». Видя стойкость солдатъ и не смѣя напасть на нихъ, зачинщики начали бросать изъ толпы камнями, которые имъ подносили въ подолахъ платьевъ женщины. Когда и это не могло поколебать ряды солдатъ, раздраженная толпа, видя безнаказанность дѣйствій, бросилась къ заборамъ огородовъ, разобрала колья и была готова атаковать солдатъ, но въ этотъ самый моментъ державшіеся за штыки Кржижевичъ и Вельцъ, получивъ удары прикладами въ грудь, повалились на землю. При видѣ ихъ паденія, нападающіе остановились; въ это время оба зачинщика были подняты съ земли и отнесены на гауптвахту; изъ толпы снова посыпались камни въ солдатъ. Такъ какъ дальнѣйшее снисхожденіе къ безчинствующимъ могло только усилить серьезность безпорядка, то полицеймейстеръ попросилъ командира Донскаго № 42 полка приказать казакамъ очистить мѣсто нагайками. Раздалась команда: «на коней», и вслѣдъ за тѣмъ казацкая сотня въ разсыпанномъ строю двинулась шагомъ на бушевавшую толпу; при этомъ случаѣ офицеръ, трубачъ и трое казаковъ получили довольно сильные ушибы кольями и камнями. Это сопротивленіе толпы послужило поводомъ къ тому, что казаки ударили въ плети... Не прошло затѣмъ и пяти минутъ, какъ на мѣстѣ сборища никого не осталось. Мужчины и женщины, аристократки и мѣщанки— все бросилось вразсыпную, кто куда успѣлъ; пострадали при этомъ: капуста на огородахъ, по которымъ разсыпались бѣгущіе, да спины ихъ, получавшія въ догонку на память о событіи ударъ казацкой плети. Въ этомъ преслѣдованіи всѣ сословія были уравнены, богатая владѣлица Абрамовичъ, ея внучка, одна изъ дочерей генералъ-губернаторскаго чиновника особыхъ порученій генералъ-маіора Абрамовича, купчиха Орельбрандъ и другіе долго, вѣроятно, помнили погулянское происшествіе.

— Порядкомъ таки перепятнали народу,— заключилъ мнѣ свой разсказъ казацкій полковникъ,—никого не обошли, авось поуймутся.

Въ этотъ день въ первый разъ, отъ начала политическихъ безпорядковъ, войска наши получили хоть какое-нибудь удовлетвореніе за постоянныя оскорбленія, которыя сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Бѣжавшая съ Погулянки толпа все-таки не унялась... Масса народа, спасшаяся отъ нагаекъ на Погулянской улицѣ, направилась снова къ Остробрамской иконѣ Божіей Матери, оглашая Вильну неистовымъ пѣніемъ революціоннаго гимна, и затѣмъ разошлась по домамъ. Такъ

кончился день 6-го августа въ Вильнѣ, но не такимъ его изобразили наши доброжелатели, имѣвшіе въ виду натравить на насъ Европу. Иностранная пресса, благодаря центральному комитету и заграничнымъ выходцамъ, изобразила это происшествіе самою безпощадною бойнею, во время которой, къ стыду и ужасу цивилизаціи, погибло множество беззащитныхъ жертвъ, при чемъ часть изъ нихъ пала, будто бы, подъ штыками разъяренныхъ солдатъ, а другая была потоплена въ Виліи, которая, къ слову сказать, отъ мѣста происшествія находилась около полутора версты разстояніемъ, за городомъ. Но этого еще мало... По цѣлому краю разослано было подпольнымъ комитетомъ посланіе, призывавшее поляковъ къ молитвѣ за упокой мнимо-убіенныхъ за ойчизну въ этотъ день на Погулянкѣ и лишенныхъ даже христіанскаго погребенія!..

Хотя и не стоило бы обращать никакого вниманія на подобныя выходки, но генералъ-губернаторъ, въ виду нападковъ на него заграничныхъ газетъ и разныхъ жалобъ въ Петербургъ, счелъ нужнымъ оффиціальнымъ путемъ собрать по этому поводу всѣ необходимыя разъясненія и опубликовать ихъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Посланы были запросы губернатору, губернскому предводителю дворянства, городскому головѣ и старшему полицеймейстеру. По полученнымъ отъ нихъ оффиціальнымъ донесеніямъ оказалось, что въ городѣ Вильнѣ 6-го августа и въ послѣдующіе затѣмъ дни не только убитыхъ, но и утопленниковъ не оказалось, равно и безъ вѣсти пропавшихъ изъ мѣстныхъ жителей никого не было. Ударенные прикладами въ грудь Кржижевичъ и Вельцъ, пролежавъ недѣлю въ военномъ госпиталѣ, были отправлены въ политическую тюрьму для производства слѣдствія. Не смотря на все это, заупокойныя молебствія по убитымъ будто бы на Погулянкѣ въ праздникъ Преображенія Господня шли своимъ обычнымъ чередомъ. Интереснѣе всего здѣсь то, что когда задуманная демонстрація потерпѣла 6-го августа фіаско, въ городѣ стали обвинять правительственную власть, что она сама подала поводъ къ безпорядкамъ, умышленно распустивъ слухи о процессіи изъ царства Польскаго, и въ подтвержденіе приводили то обстоятельство, что виленскій вице-губернаторъ И. И. Набоковъ, исправлявшій тогда должность губернатора, воспретилъ чиновникамъ губернскаго правленія встрѣчать процессію. Какъ ни нелѣпо подобное обвиненіе, а все-таки оно было сдѣлано и наглядно характеризуетъ подпольную тактику поляковъ, привыкшихъ сваливать вину съ больной головы на здоровую.

Вышеописанное происшествіе задержало меня въ Вильнѣ почти до девяти часовъ вечера; но вотъ, наконецъ, поѣхалъ я на тройкѣ перекладныхъ, въ сопровожденіи жандарма въ г. Троки, расположенный на берегу озера. Подъѣхавши къ дому исправника, я насилу могъ тамъ

достучаться; хотя пробило только одиннадцать часовъ,—грязный городишка спалъ глубокимъ сномъ. Отъ вышедшаго, наконецъ, полицейскаго сторожа я узналъ, что исправникъ Чернявскій два дня тому назадъ уѣхалъ куда-то по Нѣману, и неизвѣстно, когда возвратится. Очевидно было, что вѣсть о процессіи проникла и въ этотъ смиренный уголокъ, населенный исключительно караимами, и что исправникъ, весьма дѣльный и распорядительный человѣкъ, отправился на розыскъ. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе благопріятствовало исполненію возложеннаго на меня порученія. Перемѣнивши лошадей, отправился и я на всю ночь въ путешествіе. Погода стояла отличная, и ночная прохлада умѣряла дѣйствіе пыли, которая была крайне несносна въ этой мѣстности, такъ какъ путь лежалъ по глубокимъ пескамъ. Въ десять часовъ утра нашелъ я, наконецъ, исправника въ одной корчмѣ на берегу Нѣмана; тамъ онъ сидѣлъ инкогнито уже двое сутокъ и ожидалъ процессіи, но она не появлялась, и было основаніе предположить, что никакой процессіи не будетъ, такъ какъ два дня тому назадъ изъ мѣстнаго костела въ м. Румшишкахъ ксендзъ отпустилъ въ лодкѣ хоругви и образа въ царство Польское, откуда они уже и возвратились. При томъ по всему побережью находились, по распоряженію исправника, тысяцкіе, которымъ приказано было давать ему немедленно знать обо всемъ, что только они замѣтятъ по поводу ожидавшейся демонстраціи. Вооруженный такими данными и распростившись съ исправникомъ, который предполагалъ проѣхать берегомъ Нѣмана, я направилъ путь свой въ Вильну, куда и прибылъ въ исходѣ пятаго часа по полудни прямо къ обѣду генералъ-губернатора, которому и доложилъ о своемъ путешествіи.

Такъ какъ демонстрація 6-го августа грозила нарушеніемъ общественной безопасности, то генералъ-губернаторъ на другой день послѣ этого происшествія вошелъ къ военному министру съ представленіемъ объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія, для подавленія политическихъ безпорядковъ, производить надъ виновными военный судъ въ двадцать четыре часа, съ предоставленіемъ ему власти конфирмовать такія дѣла окончательно и приводить конфирмаціи въ исполненіе немедленно. 31-го августа послѣдовало высочайшее соизволеніе на эту мѣру; но она осталась безъ примѣненія, какъ по крайней добротѣ В. И. Назимова, такъ и потому, что 9-го августа были опубликованы высочайше утвержденныя правила на случай объявленія въ западныхъ губерніяхъ военнаго положенія, и были учреждены, такъ названные, полицейскіе суды для разбора по политическимъ дѣламъ. Но угроза военнымъ положеніемъ нисколько не остановила безчинствующихъ, а полицейскіе суды скорѣе принесли вредъ, чѣмъ пользу, за весьма ничтожными исключеніями, такъ какъ виновные постоянно были освобож-

даемы отъ отвѣтственности. Приводитъ, бывало, полицейскій чиновникъ или городовой какое-нибудь лицо, взятое имъ при пѣніи гимна; обвиняемый выставляетъ свидѣтелей, что полиція схватила его мимоходомъ; вызванные свидѣтели подтверждаютъ слова обвиняемаго, и судъ поневолѣ долженъ былъ освобождать обвиняемаго полиціею отъ взысканія. Подобные факты не могли не подрывать кредитъ правительственной власти въ краѣ, а она и безъ того не могла похвалиться своимъ значеніемъ. Подверглись взысканіямъ только тѣ, кто хотѣлъ пощеголять своимъ краткосрочнымъ арестомъ или показать, что штрафъ для него ровно ничего не значитъ.

Такъ какъ волненіе въ Вильнѣ послѣ погулянской исторіи, не смотря на полицейскіе суды, нисколько не уменьшалось, то генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ объявить 25-го августа военное положеніе. Объявленіе военнаго положенія сопровождалось въ городѣ разными шутовскими выходками, явно показывавшими то мнѣніе, которое составили себѣ поляки о правительственной власти въ краѣ и объ ея распоряженіяхъ. Въ числѣ другихъ мѣръ, принятыхъ по поводу военнаго положенія, приказано было, чтобы послѣ девяти часовъ никто, кромѣ военныхъ, не ходилъ по городу безъ фонаря, и въ первый же вечеръ появились на улицахъ мальчишки съ демонстраціями: одни изъ нихъ имѣли разныхъ видовъ и формъ фонари, воткнутые на длинныя палки, у другихъ, шедшихъ гуськомъ или попарно, небольшіе фонарики были помѣщены по срединѣ шеста, длиною сажени въ три. Впрочемъ, аресты и наказанія при полиціи скоро прекратили подобныя выходки. Но зато расклеенныя распоряженія генералъ-губернатора или объявленія полиціи едва только появлялись на стѣнахъ домовъ, какъ тотчасъ же и срывались; тамъ же, гдѣ этого сдѣлать было невозможно, всѣ объявленія пачкались навозомъ или грязью; толки о разныхъ распоряженіяхъ центральнаго комитета стали все болѣе и болѣе распространяться по городу. Впрочемъ, со времени объявленія военнаго положенія открытыя манифестаціи поляковъ замѣтно уменьшились, такъ какъ сборища на улицахъ были воспрещены; вскорѣ затѣмъ прекратилось и самое пѣніе гимновъ по костеламъ; сохранилась только музыка, на которую и передѣлали разныя церковныя пѣсни; одинъ только трауръ по оскорбленной ойчизнѣ остался во всей своей силѣ. Пѣніе революціоннаго гимна было прекращено слѣдующимъ подпольнымъ воззваніемъ отъ 6-го сентября:

«Братья соотечественники!

«Мученія и всякаго рода преслѣдованія и притѣсненія, дѣлаемыя врагами беззащитному польскому народу, обратили весь народъ къ стопамъ Предвѣчнаго, какъ единственнаго и вѣрнѣйшаго защитника и покровителя угнетенныхъ... Но молитва, высказанная откровенно и

громко, въ гимнѣ «Boze cos Polska», сдѣлалась несносною гонителю. Она напомнила ему и преступленіе, которое имъ совершено, и наказаніе въ будущемъ изъ рукъ Божіихъ, которое онъ заслужилъ. Чтобы принудить народъ къ оставленію этой молитвы, врагъ совершаетъ новыя мученія и преслѣдованія даже и въ святыняхъ, и выдумалъ новые суды, гдѣ нѣтъ тѣни правосудія и справедливости, и подъ законнымъ видомъ производитъ грабежъ съ невинныхъ для увеличенія истощенной казны.

«А потому, братья соотечественники, чтобы не оставить врагу и вида законности къ мученіямъ и грабежу, вмѣняется вамъ въ обязанность, чтобы на нѣкоторое время оставили громкое пѣніе по костеламъ національнаго гимна, а только говорили его въ извѣстное время, какъ тихую молитву, а вмѣсто того, послѣ литургіи пѣли псаломъ: «Богъ наше прибѣжище» и «Aniol Panski» за упокой мучениковъ, павшихъ въ бою за независимость родины и беззащитно замученныхъ врагами. Во всѣхъ религіозныхъ пѣніяхъ, которыя обыкновенно совершаются народомъ, или въ начатыхъ ксендзомъ, всѣ находящіяся въ храмѣ обязаны принимать участіе».

Съ самаго начала политическихъ безпорядковъ въ краѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, первыя роли играли женщины и молодежь, ксендзы, хотя и принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе, но проявленіе своей дѣятельности ограничивали совершеніемъ заупокойныхъ молебствій, присутствіемъ при пѣніи революціоннаго гимна, принятіемъ участія въ этомъ пѣніи и наконецъ тайными поощреніями совершавшихся безпорядковъ. Съ августа мѣсяца они становятся смѣлѣе, мало-по-малу пускается въ ходъ проповѣдь. Проповѣдь эта идетъ къ цѣли шагъ за шагомъ, начиная говорить о событіяхъ иносказательно, намеками. Такая проповѣдь была сказана 14-го августа въ Остробрамскомъ костелѣ. «Народъ долженъ быть устойчивъ»,—говорилъ проповѣдникъ,—«и терпѣливъ въ тяжкое время преслѣдованія церкви и христіанъ, подобно тому, какъ терпѣли предки наши во время нападенія на города, разоренія ихъ и всеобщаго убійства, и Всевышній Господь умилосердился и избавилъ ихъ. И теперь безъ сокрушенія и наказанія никто не можетъ быть спасенъ. Будьте мужественны и переносите все терпѣливо». Солидарность ксендзовъ въ дѣйствіяхъ видна изъ того, что въ тотъ же самый день настоятель костела св. Іоанна ксендзъ Гундіусъ, послѣ подобной же проповѣди, не велѣлъ играть на органѣ, какъ бы слѣдовало, чтобы не помѣшать пѣнію революціоннаго гимна. Вообще можно сказать съ достовѣрностію, что римско-католическое духовенство съ своимъ архипастыремъ во главѣ предано было и душою и тѣломъ польской справѣ; но болѣе другихъ выдавались въ то время своими выходками ксендзы Гундіусъ, Бышевскій и Шульцъ. Послѣдній,

прибывшій недавно изъ Петербурга, былъ назначенъ проповѣдникомъ; онъ былъ самый красный изъ этой тройки. На 17-е ноября, въ воспоминаніе перваго дня возстанія 1830 года, назначена была въ Вильнѣ огромная манифестація. Какъ видно, вожаки безпорядковъ не стѣснялись военнымъ положеніемъ, которое, кстати сказать, и соблюдалось-то весьма нестрого. Въ этотъ день, по совершеніи торжественнаго молебствія во всѣхъ городскихъ костелахъ, предполагалось собраться передъ дворцомъ, жилищемъ генералъ-губернатора, и потребовать, чтобы онъ вышелъ къ народу и, выслушавъ его желаніе, изложенное въ особомъ адресѣ, представилъ бы таковой къ государю императору; хотѣли требовать возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года! Чтобы подготовить толпу къ столь дерзкой манифестаціи, ксендзъ Шульцъ произнесъ 12-го ноября самую ярую проповѣдь, въ которой обвинялъ правительство, что оно угнетаетъ религію, оскверняетъ храмы, запрещая молиться и отрывая силою отъ образа Богоматери молящихся, наполняетъ ими темницы. Можно себѣ представить тотъ эффектъ, который произвели эти слова на возбужденныя и безъ того уже страсти. Своды костела, вслѣдъ за послѣднимъ словомъ проповѣди, огласились неистовымъ пѣніемъ революціоннаго гимна, который вскорѣ за введеніемъ военнаго положенія совсѣмъ было прекратился; женщины начали пѣніе, которое затѣмъ подхватила толпа, не только находившаяся въ храмѣ, но и собравшаяся въ громадномъ числѣ около костела за недостаткомъ мѣста внутри. Вслѣдъ за этимъ по городу расклеено было объявленіе о манифестаціи, которое гласило слѣдующее:

«День 17-го (29-го) ноября былъ первымъ днемъ народнаго возстанія въ 1830 году, въ который Польша, въ присутствіи Бога и человѣчества, торжественно запротестовала противъ сдѣланныхъ злодѣяній разъединенія и богатырскою битвою убѣдительно заявила, что никакой злой рокъ, никакое несчастіе не пошатнутъ вѣры въ будущность и что въ предопредѣленный часъ она добьется своей свободы и правъ, у нея вырванныхъ. День этотъ въ нашемъ прошедшемъ составляетъ лучшее воспоминаніе о нашей дѣятельной жизни. День 17-го (29-го) ноября есть тридцать первая годовщина ноябрьскаго возстанія и, какъ образъ близкаго возрожденія отечества, есть день публичной радости.

«Посему призываемъ всѣ провинціи и всѣ сословія Польши въ этотъ праздничный день торжествовать память великаго народнаго акта и помолиться небу общею молитвою о благотворномъ исполненіи душевныхъ своихъ желаній. Трауръ въ этотъ день имѣетъ быть снятъ.

«О разглашеніи и исполненіи этого объявленія взывается ко всѣмъ усерднымъ людямъ».

Не смотря на усердіе и разглашеніе, задержанная манифестація все-таки не удалась. Проповѣдь ксендза Шульца послужила поводомъ къ

обыскамъ, произведеннымъ тогда одновременно у него и другихъ ксендзовъ Гундіуса и Бышевскаго. Всѣ трое патеровъ были крайне скомпрометтированы, но болѣе всѣхъ Шульцъ: у него найдено было 59 книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія; взято было нѣсколько черновыхъ адресовъ, въ которыхъ указывалось на необходимость отдѣленія Сѣверо-Западнаго края отъ Россіи и присоединенія къ Польшѣ. Всѣ эти ксендзы были высланы изъ края административнымъ порядкомъ. Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что на день 17-го (29-го) ноября была сочинена новая молитва, на голосъ революціоннаго гимна; вотъ ея содержаніе:

«Всемогущій Боже! Въ память возстанія Польши, мы всѣ, чада Твои, возносимъ наши молитвы къ Твоему Престолу! Возврати прежній блескъ и могущество нашего отечества, возврати свободу цѣлому народу польскому! Всемогущій Боже! Когда польется кровь за вѣру предковъ нашихъ, за отнятыя права, подкрѣпляй силою Твоею насъ, угнетенныхъ, да забьются сердца наши мужествомъ предковъ нашихъ, легіонъ же польскій, напутствуемый Тобою и предводительствуемый Людовикомъ (Мѣрославскимъ), да сразится съ тиранскимъ народомъ.

«Пресвятый Боже! Сколько уже невинной польской крови пролилъ нашъ народъ въ нѣмомъ отчаяніи! Сколько этой крови пролито въ адской Сибири, гдѣ скитаются польскіе изгнанники! Свѣтъ надежды лучшихъ временъ съ каждымъ днемъ меркнетъ, но сердце наше не перестаетъ возноситься къ Твоему Престолу. Пресвятый Боже! сколько уже усилій и жертвъ понесли мы для возрожденія нашей Польши! Сколько перенесли мы страданій! Для прославленія Твоего имени, для сокрушенія нашихъ цѣпей, мы обагрили кровію старый и новый свѣтъ.

«Всеблагій Боже! Неужели свѣтлыя надежды наши померкнутъ въ самомъ ихъ зародышѣ, а враги наши, разставляя намъ сѣти на каждомъ шагу, поколеблютъ нашу вѣру въ будущность? Но Ты, Праведный, защитишь насъ и дозволишь Мѣрославскому утвердиться въ царствѣ.

«Пресвятый Боже! осѣни Твоею хоругвіею чадъ Твоихъ, собранныхъ для возстановленія свободы Польши, не откажи имъ въ Твоемъ покровительствѣ на пути браней и побѣдъ въ народномъ дѣлѣ, чтобы съ Тобою, Господи, и волею Твоею сокрушили послѣдніе признаки нашего ига. Всемогущій Боже! Если уже совершилось призваніе и намъ суждено страдать вѣчно и обагрять землю кровію нашихъ мучениковъ, даруй намъ мужество испить чашу страданій, и пускай уже польская земля будетъ гробомъ нашимъ!»

Выше было сказано, что со времени объявленія военнаго положенія въ Вильнѣ наружное проявленіе политическихъ манифестацій стихло. Римско-католическое духовенство, которое до того времени открыто потворствовало всѣмъ совершавшимся безобразіямъ по костеламъ, стало

держать себя гораздо сдержаннѣе и только по временамъ, дабы выразить свое сочувствіе польской справѣ и поднять духъ борьбы, прибѣгало къ разнымъ выходкамъ, напримѣръ: не произносило по временамъ установленной молитвы о здравіи и благоденствіи государя или осуждало правительство въ проповѣдяхъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что для бо́льшей безнаказанности своихъ дѣйствій ксендзы прибѣгали иногда къ школьническимъ уверткамъ. Такъ, прелатъ Бовкевичъ, спрошенный о причинѣ, по которой ксендзъ Бышевскій не молился перваго ноября за государя императора, отвѣчалъ: «что ксендзъ Бышевскій почувствовалъ внезапно слабость и потому по окончаніи литургіи установленной молитвы совершить не былъ въ состояніи». Вообще можно сказать, что ослабленіе безпорядковъ было только видимое; на самомъ же дѣлѣ, огонь скрывался подъ пепломъ; агитаторы избрали другой путь; наступалъ періодъ тайнаго подготовленія къ вооруженному мятежу. Этой-то подпольной дѣятельности никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, начиная съ генералъ-губернатора; между тѣмъ, враждебное настроеніе поляковъ высказывалось по-прежнему въ совершенномъ отчужденіи ихъ отъ русскаго общества. Домъ Назимовыхъ оставался опустѣлымъ, одни только русскіе, которыхъ было немного въ Вильнѣ, посѣщали болѣе прежняго радушныхъ хозяевъ и усиленнымъ къ нимъ вниманіемъ старались озолотить пилюли, которыя преподносились имъ чуть не на каждомъ шагу прежними ихъ друзьями; изъ польскаго же общества, которое большею частію разъѣхалось за границу и по деревнямъ, являлся только мужской персоналъ служащихъ, да, какъ оказалось впослѣдствіи, лица, принадлежавшія къ тайной мятежной организаціи. Подобное положеніе было крайне тяжело. Меня одолѣла тоска. Разлука съ семействомъ и всѣ испытанныя передряги дотого разстроили мои нервы, что я порѣшилъ просить перевода въ Петербургъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Жаль было мнѣ разстаться съ прекраснымъ семействомъ моего добраго начальника, домъ котораго для меня замѣнялъ по-истинѣ родной, но, дѣлать было нечего, надобно было рѣшиться. Я такъ исхудалъ въ это несчастное время, что секретарь генералъ-губернаторской канцеляріи Давидовичъ подалъ докладную записку В. И. Назимову, въ которой, указавъ на скоро предстоявшую мнѣ смерть, ходатайствовалъ предоставить ему имѣющуюся открыться послѣ меня вакансію чиновника особыхъ порученій. Записка эта, своего рода курьезъ, хранится при дѣлахъ канцеляріи и по-нынѣ, съ собственноручною, весьма нелестною для просителя, резолюціею начальника, и, какъ я узналъ уже впослѣдствіи, она оставалась для меня тайною нѣсколько лѣтъ; добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ, видя разстроенное мое здоровье, боялся потревожить меня и приказалъ держать ее отъ меня въ секретѣ.

Порѣшивши, наконецъ, послѣ долгой внутренней борьбы, разстаться съ Вильною, гдѣ я прожилъ болѣе десяти лѣтъ и гдѣ протекли самые лучшіе дни моей жизни, кромѣ золотыхъ дней студенчества и четырехлѣтней службы въ Калугѣ, я составилъ отчаянную докладную записку на имя генералъ-губернатора, въ которой, изложивъ и поводъ своего удаленія, просилъ его оказать содѣйствіе къ достиженію предположенной цѣли.

Чтобы избѣжать личныхъ объясненій и не поколебаться въ моей рѣшимости, я отправилъ докладную записку съ человѣкомъ, которому вручилъ особое письмо къ Анастасіи Александровнѣ, умоляя ее оказать помощь въ моемъ ходатайствѣ. Не прошло затѣмъ и часу, какъ я получилъ въ отвѣтъ записочку отъ А. А. Назимовой, которою она приглашала меня придти напиться къ нимъ чаю и переговорить лично о моемъ дѣлѣ. Дѣлать нечего, нужно было отправиться на объясненія.

Никогда не забуду я то сочувствіе, которое выказала мнѣ тогда эта достойнѣйшая и добрѣйшая женщина; она уговаривала меня остаться, подумать хорошенько, повременить; но я твердо оставался при своемъ намѣреніи до тѣхъ поръ, пока не услышалъ отъ нея слѣдующихъ словъ:

— Вы русскій, служба ваша нужна для края. Неужели вы захотите покинуть въ такое время Владиміра Ивановича, который васъ любитъ? Вѣдь это будетъ похоже на бѣгство военнаго отъ знамени чести; намъ развѣ легче? Поѣзжайте въ Москву, отдохните, успокоитесь! Владиміръ Ивановичъ дастъ вамъ отпускъ на мѣсяцъ, на два...

Въ отвѣтъ на эту душевную теплоту, я зарыдалъ, какъ ребенокъ; слезы успокоили меня, а напомненный мнѣ долгъ службы заставилъ меня измѣнить намѣреніе бѣжать изъ несносной Вильны, о чемъ я и заявилъ моей доброжелательницѣ. Проведши цѣлый вечеръ во дворцѣ, съ спокойнымъ духомъ возвратился я домой, гдѣ ожидала меня новая радость. Видя изъ писемъ мою хандру, жена пріѣхала звать меня въ нашу матушку-Москву—бѣлокаменную, въ гости къ моему дорогому отцу. Сборы были недолги; черезъ два дня мы покатили вмѣстѣ по почтовому тракту на Динабургъ. Шесть недѣль, проведенныхъ въ кругу родныхъ, освѣжили мои ослабѣвшія силы и укрѣпили мой духъ. Въ Москвѣ мнѣ удалось быть случайнымъ очевидцемъ студенческой исторіи, которая разыгралась на Тверской площади, передъ домомъ генералъ-губернатора.

Наканунѣ отъѣзда моего въ Вильну я зашелъ въ магазинъ Бирмана, рядомъ съ магазиномъ Андреева, купить теплыя перчатки на дорогу. Выходя оттуда, я замѣтилъ шествіе отъ Кремля большой толпы народа по Тверской улицѣ. Когда толпа поравнялась со мною, я увидѣлъ очень много молодыхъ людей, одѣтыхъ въ сѣрыя чамарки; ше-

ствовали они отрядами; съ боку ихъ шли полицейскіе офицеры и служители. Толпа двигалась молча, направляясь къ дому генералъ-губернатора. На вопросъ мой, обращенный къ шедшимъ по тротуару любопытнымъ зрителямъ, я получилъ въ отвѣтъ: «студенты глупятъ, идутъ къ генералъ-губернатору съ какою-то просьбою». Слово студенты подѣйствовало на меня магически; въ мысляхъ моихъ промелькнуло то золотое время, когда и я былъ въ Московскомъ университетѣ. Первымъ моимъ движеніемъ—было желаніе вмѣшаться въ толпу зрителей, но голосъ разсудка припомнилъ мнѣ столь недавнюю плачевную развязку погулянской исторіи въ Вильнѣ и, вернувшись въ магазинъ, я попросилъ у сидѣльца позволенія обождать конца исторіи; при томъ за множествомъ народа не было никакой возможности ѣхать домой. Ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, какъ масса народа разошлась по домамъ, браня студентовъ, которые и были арестованы на дворѣ Тверской части. Описывать эту исторію не стану, такъ какъ она въ подробности мнѣ не извѣстна; скажу одно, что между этою демонстраціею студентовъ и тѣми событіями, которыя такъ недавно совершались на западной нашей окраинѣ, непремѣнно была таинственная связь, хотя нѣкоторые и утверждали противное. Тогдашняя одежда, которую я замѣтилъ на многихъ студентахъ, послужила формою для мятежническихъ шаекъ и называлась чамаркою; агитаторы, вѣроятно, считали нужнымъ заявить Европѣ, что политическія волненія съ береговъ Вислы перенеслись даже въ самое сердце Россіи. Этотъ же разсчетъ побудилъ революціонныхъ дѣятелей прекратить и внѣшнее проявленіе политическихъ манифестацій въ западныхъ губерніяхъ, думая усыпить тѣмъ бдительность правительственной власти, и приготовиться втихомолку къ мятежу. По возвращеніи моемъ въ Вильну, я нашелъ общественное настроеніе въ томъ же самомъ положеніи, какъ и прежде. Прежнее отчужденіе поляковъ отъ русскихъ замѣчалось на каждомъ шагу, только внѣшнія безобразія прекратились. Вообще конецъ 1861 года прошелъ довольно спокойно. Получались по временамъ безъименные доносы политическаго свойства, но они не оправдывались по дознаніямъ. Эта уловка подпольныхъ дѣятелей еще болѣе укрѣпила убѣжденіе администраціи края въ томъ, что вожделѣнное спокойствіе близко къ возврату; эту же сладкую мечту нашептывали и постоянно твердили генералъ-губернатору и посѣщавшіе его поляки. Но, увы! наружная тишина предвѣщала намъ грозную дѣйствительность... О чемъ и поведу рѣчь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки М. Н. Загоскина [1]).

(р. 14-го іюля 1789 † 23-го іюня 1852).

I. Письма А. Н. Оленина—М. Н. Загоскину.

1.

4-го апрѣля 1820 г.

Вчера я получилъ знакъ монаршаго благоволенія [2]) къ трудамъ вашимъ; но какъ онъ оказался не тотъ именно, котораго я ожидалъ, то я рѣшился его у себя оставить до объясненія. Сегодня я имѣлъ честь говорить о семъ предметѣ съ кѣмъ надлежало, и при объясненіи открылось, что такова была высочайшая воля. Я осмѣлился спросить, нѣтъ ли тутъ особеннаго неблаговоленія? Нѣтъ! никакого, ни малѣйшаго. Но недавное ваше служеніе при Императорской Публичной Библіотекѣ [3]) тому только причиною. Итакъ малое примите—большаго подождите, отъ васъ зависитъ послѣднее получить, можетъ быть, съ наступленіемъ будущаго года; между тѣмъ примите мое поздравленіе и увѣреніе искренное въ готовности моей содѣйствовать во всемъ, что вамъ можетъ быть пріятно. Вспомните и надѣйтесь на французскую

---

[1]) 23-го іюня нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины нашего извѣстнаго романиста Михаила Николаевича Загоскина. Печатая рядъ писемъ къ нему разныхъ лицъ, по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, редакція „Русской Старины“ сочла долгомъ помѣстить въ настоящей книжкѣ и портретъ этого писателя.

[2]) Орденъ св. Анны 3-й степени.

[3]) Загоскинъ занималъ съ 1818 г. должность помощника библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, которой директоромъ былъ А. Н. Оленинъ.

присловицу: ce qui est remis, n'est pas perdu [1]). Затѣмъ пребываю навсегда васъ истинно почитающій и преданный вамъ, милостивый государь мой, покорный слуга Алексѣй Оленинъ.

2.

23-го октября 1823 г.

Какъ мнѣ начать къ вамъ мое письмо? Развѣ только по старинному русскому обычаю и съ старинною русскою присловицею, а именно: сперва челомъ ударить въ ноги, а потомъ, поднявъ это письмо на голову, сказать: повинную голову и мечъ не сѣчетъ! да и полно. Лучшаго средства извинить себя передъ вами я не нахожу и потому, препровождая при семъ давно вами требуемый аттестатъ [2]), болѣе писать къ вамъ не буду, доколѣ не узнаю, что вы положили гнѣвъ на милость. Между тѣмъ, я все-таки могу васъ увѣрить, что при истинномъ къ вамъ почтеніи я искренно вамъ преданъ. Вы не вѣрите! Но это, право, такъ, и въ томъ мнѣ можетъ послушествовать Н. И. Гнѣдичъ. Ожидая великихъ и богатыхъ вашихъ милостей, имѣю честь быть вамъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ.

3.

3-го генваря 1830 г.

За день передъ Новымъ годомъ я имѣлъ удовольствіе получить обязательное ваше письмо и при немъ два экземпляра «Юрія Милославскаго». Не медля я одинъ отослалъ, по желанію вашему, къ Александру Семеновичу Шишкову; другой, по благосклонности вашей, оставилъ у себя и тотъ же часъ началъ читать. Будучи нездоровъ, я не могъ этого дѣлать безъ разстановокъ и потому кончилъ мое чтеніе сегодня только поутру, съ твердымъ однакоже намѣреніемъ немедленно повторить столь пріятное занятіе. Удостоивъ меня дорогимъ вашимъ подаркомъ, вы захотите, можетъ быть, узнать, любезный и почтенный Михаилъ Николаевичъ, мнѣніе мое о семъ новомъ произведеніи въ русской словесности. На это вамъ скажу устами избраннаго вами безподобнаго образца [3]):

Monsieur, je suis malproprе à décider la chose [4]).

---

[1]) Т. е. Что отложено, то не потеряно.

[2]) О службѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изъ которой Загоскинъ вышелъ 5-го іюля 1820 года.

[3]) Мольера.

[4]) Т. е. Я не считаю себя способнымъ судить объ этомъ.—Это слова Альцеста въ „Мизантропѣ“ (актъ I, сцена 2).

Но такъ и быть, я скажу вамъ, что думаю; а какъ вы описываете старые русскіе обычаи, то я старымъ же нашимъ языкомъ молвлю: «Утѣшь тебя самъ Богъ, какъ ты меня утѣшилъ пріятнымъ, полезнымъ и даже назидательнымъ твоимъ твореніемъ». Однимъ словомъ, я въ восхищеніи отъ вашего романа, и не я одинъ—это чувство я раздѣляю съ В. А. Жуковскимъ, и съ Н. И. Гнѣдичемъ, и со всѣми, кто успѣлъ его прочесть. Выборъ предмета и времени, характеры дѣйствующихъ лицъ, гладкость слога, пристойность выраженій въ самыхъ низкихъ людяхъ; сила и краснорѣчіе, безъ всякой надутости, въ людяхъ высокаго званія или высокихъ чувствъ; игривость, важность и занимательность, а притомъ истина и природа во многихъ неожиданныхъ явленіяхъ; сохраненіе характера въ обычаяхъ того времени, все это—заставляетъ иногда думать, что ваша повѣсть не выписана ли изъ какой-нибудь лѣтописи, составленной современникомъ или самовидцемъ сей знаменитой для Россіи эпохи? Картина самой натуры. Я разумѣю здѣсь русскую натуру. Рѣчь Минина на площади нижегородской внушена автору чистою любовью къ отечеству. Смерть боярина Шалонскаго и кончина юродиваго Мити показываютъ чистоту христіанскихъ правилъ сочинителя. Умѣренность въ порицаніи и насмѣшкахъ, а, напротивъ того, отданіе должной похвалы непріятелямъ нашимъ доказываютъ безпристрастіе и справедливость автора. Однимъ словомъ, сей романъ долженъ быть пріятенъ для всѣхъ сословій русскаго народа, въ томъ числѣ и русскимъ художникамъ, которые могутъ въ немъ почерпать множество прекрасныхъ сюжетовъ для картинъ; но съ тѣмъ, однакожъ, что они ихъ отнюдь не такъ станутъ выполнять, какъ гг. Барановъ и Скотниковъ [1]).

Съ этого мѣста позвольте, милостивый государь мой Михаилъ Николаевичъ, говорить уже какъ президенту Императорской Академіи Художествъ. Спросите сихъ господъ отъ лица президента: за что они вздумали страмить академію, доказывая виньетками, приложенными къ тремъ томамъ вашего романа, что они не умѣютъ ни рисовать, ни композировать или сочинять, ни даже порядочно гравировать. Къ чему гг. Барановъ или Скотниковъ вздумали представить Милославскаго и пана Копычинскаго—мальчишками? Почему они это уродливое превращеніе повторили и въ другихъ двухъ виньетахъ? На что они, отрѣзавъ у Копычинскаго цѣлую лѣвую ногу, положили ее на стулъ возлѣ него? Почему ни въ одной фигурѣ г. Баранова нѣтъ отчета, а въ рѣзцѣ г. Скотникова ни правильности, ни чувства, ни легкой отдѣлки? Неужели они думаютъ, что такія фигурки не стоятъ этого труда? Я со-

---

[1]) Художники, которымъ принадлежатъ виньеты, украшающія первое изданіе „Юрія Милославскаго", вышедшее въ свѣтъ въ 1829 году.

вѣтую имъ посмотрѣть, какъ въ Англіи этого рода рисунки и гравировки отдѣлываются тамошними художниками, и въ томъ числѣ однимъ русскимъ г. Стефановымъ, и въ чемъ же? Въ альманахахъ! Боже избави, если государь императоръ обратитъ свое вниманіе на сіе постыдное произведеніе русскихъ художниковъ. Его величество дѣло это разумѣетъ и, награждая щедро истинный талантъ, не попускаетъ: лѣни, неумѣнію и небрежности. Извините эту выходку, любезный Михаилъ Николаевичь, но на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ. При томъ грустно видѣть, что прекрасное твореніе въ словесности русской обезображено недостойными твореніями русскихъ художниковъ. Теперь, надѣясь на старое ваше ко мнѣ благорасположеніе, остается мнѣ нѣсколько словъ сказать о нѣкоторыхъ незначущихъ выраженіяхъ, которыя меня при чтеніи вашего безподобнаго романа кой-гдѣ пріостанавливали. Чортъ возьми или чортъ меня возьми есть божба, которая русскому народу вовсе не принадлежитъ. C'est le diable emporte ou le diable m'emporte français. По-русски она такъ гласитъ: чортъ побери или чортъ его побери—діавола. Чортъ бы тебя побралъ etc. Слово виднѣется я въ первый разъ слышу,—оно хорошо, но совсѣмъ необыкновенно. У насъ говорится: кажется. Выказывался кинжалъ etc.

Дать хребетъ—не случалось мнѣ ни слышать, ни читать. Въ лѣтописяхъ часто стоитъ: вдать плечи непріятелю т. е. бѣжать.

Вотъ всѣ мои замѣчанія—и за тѣ прошу прощенія. Если вы будете печатать новое изданіе вашего прелестнаго романа, что, конечно, не замедлится, то прошу только мнѣ дать знать. Здѣсь, подъ моимъ надзоромъ, вамъ сочинятъ, нарисуютъ и выгравируютъ виньеты къ тремъ титульнымъ листамъ и по картинкѣ къ каждой части. Сими новыми произведеніями русскаго искусства я надѣюсь, что вы будете довольнѣе тѣхъ, коими обезображено первое ваше изданіе.

Полно, пора кончить плодовитое мое письмо—искреннимъ увѣреніемъ въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности къ автору «Юрія Милославскаго».

Имѣю честь быть вамъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ.

NB. Я приказалъ взять нѣсколько десятковъ экземпляровъ вашего романа для награды при экзаменахъ питомцевъ Императорской Академіи Художествъ.

4.

С.-Петербургъ. 8-го маія 1830 г,

Я вчера имѣлъ удовольствіе получить ваше поздравленіе съ новымъ моимъ длинно-писуемымъ и долгопроизносимымъ чиномъ [1]. Очень вамъ благодаренъ за всѣ ваши дружескія желанія въ мою пользу, но я вамъ искренно скажу, что я теперь дошелъ до моего nec plus ultra—и совершенно доволенъ—по части службы, а не по части кармана. Но никто такъ, какъ Богъ! говоритъ русская старая присловица.

Да, милостивый государь мой Михаилъ Николаевичь, земля слухомъ полнится—и мы здѣсь узнали, что нашъ справедливый государь васъ къ себѣ призывалъ [2]) и обласкалъ васъ по истинному достоинству вашему.

«Et la palme du Cid en dépit de l'envie» [3])—цвѣтетъ и красуется, говоритъ Пиронъ [4]) въ своей Метроманіи—и говоритъ правду. Это свидѣтельствуется отчасти и «Милославскимъ». Вотъ вы уже приготовляетесь къ четвертому изданію сего прелестнаго романа. Третье печатается, а второе, говорятъ, уже все вышло [5]). Публика справедлива и оправдываетъ прелестные стихи безподобнаго нашего Крылова. И при семъ случаѣ можно сказать:

„Смотри, ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ,
„И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“ [6]).

Поздравляю, еще разъ поздравляю съ особою милостью царскою—это стоитъ многихъ чиновъ и орденовъ.

Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Но какъ говорить? Во-первыхъ, мнѣ должно сознаться, что я если и богословъ, то не однословъ, ибо совсѣмъ не выполнилъ русскую присловицу: «Не давъ слова, крѣпись—а давъ его, держись». Но какъ я вамъ скажу, почему я не могъ слòва моего (въ отношеніи виньетъ къ «Милославскому») сдержать, то я увѣренъ, что вы меня тотчасъ простите.

Знаете ли, любезный Михаилъ Николаевичь, что въ началѣ года я было совсѣмъ отправился на тотъ свѣтъ. Я былъ при смерти боленъ и, послѣ долгаго выздоровленія, едва еще мѣсяцъ, какъ я началъ изъ дома выѣзжать. Слѣдственно, между тѣмъ накопилось множество казен-

---

[1]) Чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

[2]) Это происходило въ Москвѣ 10-го марта 1830 года.

[3]) Т. е. И пальма Сида, несмотря на зависть, цвѣтетъ и красуется.

[4]) Французскій поэтъ (р. 1689 † 1773). Метроманія (Métromanie) извѣстная его комедія, написанная въ 1738 году.

[5]) Второе и третье изданія „Юрія Милославскаго“ появились въ 1830 году.

[6]) Стихи изъ басни Крылова „Слонъ и Моська“.

ныхъ дѣлъ, которыя я долженъ былъ очистить, несмотря на мою слабость. А тамъ долженъ былъ заняться весьма важными дѣлами по Государственному Совѣту. Все это вмѣстѣ и строительныя большія дѣла у меня отняли всѣ свободныя минуты въ пользу наукъ, художествъ и словесности. Итакъ, если я удосужусь нынѣшнимъ лѣтомъ на своей дачѣ, куда я ѣду, чтобъ воспользоваться чистымъ, хотя и холоднымъ еще сельскимъ воздухомъ, тогда я постараюсь по силѣ, по мочи, украсить ваше прекрасное твореніе приличными произведеніями художества. Вы только мнѣ пришлите величину печатнаго вашего формата. Затѣмъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вамъ, милостивый государь мой, покорнѣйшій слуга Алексѣй Оленинъ.

P. S. Это письмо вамъ вручитъ г. художникъ 14-го класса Өедоръ Григорьевичъ Сонцевъ [1]). Онъ мною посланъ въ Москву. Будьте къ нему милостивы; порученіе, ему данное, полезно и пріятно.

II. Письма и записки графа А. Х. Бенкендорфа—М. Н. Загоскину.

1.

Москва. 17-го октября 1834 г.

Шефъ жандармовъ, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ приказать [2]) актеру Спепанову [3]), игравшему вчерашній день въ комедіи «Горе отъ ума» роль Тугоуховскаго, быть ему сегодня въ театрѣ. Его величество, намѣреваясь въ ономъ быть, изволилъ изъявить свою волю видѣть сего актера.

2.

11-го августа 1836 г. Москва.

Шефъ жандармовъ, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ

---

[1]) Извѣстный впослѣдствіи художникъ-археологъ († 1892).

[2]) Загоскинъ состоялъ въ то время въ должности директора московскихъ театровъ.

[3]) Петру Григорьевичу (р. 1800 † 1869).

статью, которую и доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа къ 12-ти часамъ утра, для помѣщенія оной въ газету «Сѣверная Пчела» [1]).

3.

С.-Петербургъ, 24-го января 1839 г.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ!

Издатель альманаха «Утренняя Заря» В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, пріобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщаемыхъ въ ономъ статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ, въ роскошнѣйшемъ видѣ, въ пользу С.-Петербургской дѣтской больницы.

По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностію столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая съ своей стороны по возможности содѣйствовать его предпріятію, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ изданіе его на будущій 1840 годъ, присовокупляя при томъ, что всякое приношеніе ваше въ сей альманахъ принято будетъ мною съ искреннею благодарностью [2]).

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ.

III. Письма О. И. Сенковскаго—М. Н. Загоскину.

1.

С.-Петербургъ, 6-го мая 1835 г.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль, я каждый день сбирался писать къ вамъ, и всѣ мои каторжныя занятія съ журналомъ, въ этой страшной пустынѣ литературной, гдѣ не растетъ ни одного прочнаго и трудолюбиваго дарованія, гдѣ я долженъ работать одинъ или видѣть

[1]) См. Прибавленіе къ № 191 „Сѣверной Пчелы“, отъ 21-го августа 1836 г.

[2]) Въ „Утренней Зарѣ“ на 1840 годъ помѣщенъ (стр. 255—297) разсказъ Загоскина „Нескучное“.

все перепорченнымъ, искаженнымъ, огрубѣлымъ, похищали у меня послѣднюю свободную минуту времени. А у меня есть двѣ важныя причины писать къ вамъ,—двѣ причины, которыя все время лежали у меня на сердцѣ. Во-первыхъ, я хотѣлъ всегда поблагодарить васъ за знакомство съ вами, которое вы мнѣ такъ любезно подарили въ бытность вашу въ Петербургѣ, сказать вамъ, сколько внушили вы мнѣ уваженія къ себѣ и дружбы; во-вторыхъ, я обязанъ былъ написать къ вамъ нѣсколько словъ о статьѣ, которою украсили вы нашъ журналъ [1]).

Теперь случилось третье обстоятельство, которое я спѣшу присоединить къ двумъ первымъ, и съ котораго даже начну.

Податель этого письма англійскій литераторъ и путешественникъ Ричи (Ritchie) [2]), извѣстный своими сочиненіями и одинъ изъ хорошихъ нынѣшнихъ прозаиковъ въ Англіи, просилъ меня доставить ему знакомство съ какимъ-нибудь отличнымъ русскимъ литераторомъ въ Москвѣ. Вы понимаете сами, почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ, что изъ народнаго тщеславія и для спасенія чести русской словесности передъ иностранцемъ я указалъ ему на одного васъ, какъ на единственнаго представителя русскаго изящнаго ума и литературной образованности въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, не говоря уже о вашихъ любезныхъ качествахъ. Поэтому пріймите же его подъ покровительство всей вашей блистательной любезности, а я съ своей стороны не сомнѣваюсь, что, потершись о ваши дарованія, онъ уѣдетъ изъ Россіи наэлектризованный восхищеніемъ и самымъ лучшимъ и лестнымъ понятіемъ о русскомъ литературномъ сословіи. Постарайтесь показать ему Москву съ самой живописной и выгодной стороны, потому что, надобно вамъ знать, онъ путешествуетъ съ такими злобными намѣреніями, которыя должны сильно подстрекнуть вашъ патріотизмъ кореннаго москвича. Онъ издалъ въ прошломъ году великолѣпный альманахъ въ Лондонѣ, имѣвшій большой успѣхъ въ Англіи и на твердой землѣ: это Walter Scott and Scottland, съ пышными гравюрами и текстомъ, относящимся къ разнымъ достопримѣчательностямъ Шотландіи. Въ нынѣшнемъ году издаетъ онъ такой же альманахъ подъ названіемъ—Russia. На будущій годъ онъ беретъ Швецію, потомъ Германію, Францію, Испанію, Турцію и прочая! Такимъ образомъ въ шесть лѣтъ они, то-есть, онъ и книгородавецъ Heath, съ которымъ онъ предпринялъ это прекрасное изданіе, проведутъ черезъ альманахъ всю Европу. Въ прошломъ году они присылали въ Россію живописца для снятія разныхъ видовъ, которые уже гравируются на стали въ Лондонѣ. Теперь г. Ричи самъ пріѣхалъ по-

[1]) Повѣсть Загоскина: „Три жениха. Провинціальные очерки", напечатанная въ X томѣ „Библіотеки для Чтенія" 1835 года.

[2]) Leitch Ritchie (р. 1800 † 1865).

смотрѣть на предметы, которые срисованы живописцемъ, чтобы описать ихъ. Альманахъ ихъ называется Picturesque Annual.

Теперь о вашей прекрасной статьѣ—«Три жениха». Вы не можете себѣ представить, сколько имѣлъ я хлопотъ съ ценсурою. Я чуть не заплакалъ кровавыми слезами, когда принесли ее ко мнѣ всю помаранную красными чернилами: превосходная сцена ваша, сцена высочайшей комики, между княземъ и мальчикомъ, привязаннымъ къ столу, была вычеркнута вся, кромѣ множества уничтоженныхъ пассажей. Пристрастившись къ вашей повѣсти, какъ собственному дитяти, я старался отстоять всякое слово; многія мѣста спасъ; другія принужденъ былъ перемѣнить, то-есть, сказать то же иными словами, потому что, какъ вы знаете, у насъ все дѣло въ словахъ, какъ у дѣвокъ; иными, малозначущими мѣстами пожертвовалъ, чтобъ только возстановить хоть тѣнь сцены, которую они вымарали. Такъ, я долженъ былъ истребить всѣ слѣды мѣстности, чтобы статья не имѣла характера анекдота, то-есть, личности,—что впрочемъ и лучше,—и согласиться на выпущеніе нѣсколькихъ словъ тамъ и тамъ. Что касается до уничтоженной сцены, то я представлялъ ценсурѣ три разныя редакціи ея: одна была очень близка къ вашему подлиннику, съ малыми смягченіями, ее отринули; вторая, совершенно другими словами, но совершенно вашего же содержанія—и ту обраковали; третью придумалъ я такъ, чтобъ только сохранить вашу мысль и по возможности ваши слова, а изложенію дать другой оборотъ: эта редакція прошла, и вы безъ сомнѣнія удивились, быть можетъ, и прогнѣвались на меня, находя буффонаду—«сердобольно—больно—больно»—въ вашей статьѣ.

Что жъ дѣлать! Помощію этого, я спасъ по крайней мѣрѣ смыслъ вашего сочиненія. Впрочемъ, если вы на меня гнѣваетесь, то можете утѣшиться однимъ—ваша повѣсть fait fureur здѣсь, въ Петербургѣ, и успѣхъ ея таковъ, что еслибъ я былъ способенъ къ зависти, то уже былъ бы вашимъ врагомъ въ эту минуту. Но я надѣюсь, что вы не скажете, что я испортилъ ваше твореніе: могу васъ увѣрить, что я увертывался съ нимъ отъ ценсуры какъ съ своимъ собственнымъ и поступалъ съ нимъ съ такимъ же чувствомъ любви, какъ будто оно было мое,—потому что въ него нельзя не влюбиться.

Такимъ образомъ, почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ, отдавъ вамъ отчетъ въ судьбѣ вашей повѣсти и препоручивъ вашему знакомству г. Ричи, который подъ оболочкою Джонъ-Булла скрываетъ много проницательнаго ума, остается мнѣ просить васъ, чтобы вы продолжали ко мнѣ ту благосклонность, которую такъ дружески и такъ любезно обнаружили при первой нашей встрѣчѣ, и увѣрить васъ въ пламенномъ моемъ желаніи заслужить ее съ вашей стороны.

Съ истиннымъ почтеніемъ къ вашему характеру и искреннимъ уди-

вленіемъ вашему таланту имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Сенковскій.

2.

С.-Петербургъ, 7-го ноября 1835 г.

Повергаюсь къ подножію высокаго алтаря вашей славы, съ моленіемъ: присылайте намъ вашу повѣсть, которой я давно ожидаю съ нетерпѣніемъ. Я желалъ бы украсить ею первый нумеръ «Библіотеки для Чтенія» на 1836 годъ [1]), и вы сами чувствуете, что это украшеніе было бы вмѣстѣ и капитальною стѣною для цѣлаго зданія годичной жизни журнала, который имѣетъ счастіе считать васъ въ числѣ своихъ покровителей и благотворителей. Ради Христа, присылайте ее передъ первымъ декабря.

Я очень стражду здоровьемъ: работая какъ каторжный, я нажилъ себѣ мучительной боли въ сердцѣ, трепетаній сердца, спазмовъ, потерялъ силы и едва-едва живу. Проклятая «Библіотека»! Но едва я оставлю ее на одинъ день, какъ она тотчасъ падаетъ. Хочется какъ-нибудь поддержать ее, и не достаетъ силъ. Поддержите ее вашей статьею!

Считайте меня, Михайло Николаевичъ, въ первомъ ряду вашихъ искреннѣйшихъ обожателей и сохраните для меня навсегда то благорасположеніе, которымъ вы меня обрадовали въ бытность вашу здѣсь: одного васъ станетъ для меня за всѣхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Сенковскій.

3.

С.-Петербургъ, 1-го іюля 1836 г.

Ужасныя вѣсти дошли до меня изъ Москвы и поразили меня, какъ громомъ: говорятъ, вы на меня сердитесь, или сердились, или хотите сердиться. Что вы это вздумали? На вашего лучшаго друга и перваго почитателя? Вотъ это уже было бы свѣтопреставленіе и конецъ всему! Впрочемъ я самъ виновенъ: вотъ, уже третій мѣсяцъ, каждый день сбираюсь писать къ вамъ, и не могу улучить свободной минуты времени. Я чувствую, что долженъ былъ писать вамъ тотчасъ по напечатаніи вашей превосходной были и отдать вамъ полный отчетъ во всемъ, что

---

[1]) Повѣсть Загоскина „Кузьма Рощинъ“ въ январскую книжку „Библіотеки для Чтенія“ не поспѣла; она помѣщена въ XVI томѣ этого журнала за тотъ же 1836 годъ.

съ ней приключилось. Вы давно узнали бы такимъ образомъ, какъ я спасъ вашего «Рощина» и какое принялъ въ немъ участіе, и поблагодарили бы меня за то, что имѣете во мнѣ такого коммиссіонера въ Петербургѣ, который хлопочетъ о вашихъ произведеніяхъ усерднѣе, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: вся вторая часть «Рощина» была обречена цензурою запрещенію. Безъ второй части, первая не могла быть напечатана, и сочиненіе, все, пропадало. Давай я торговаться съ этими господами. Нѣкоторыя мѣста отстоялъ; пропустили; но все-таки весь конецъ хотятъ отрѣзать, потому что это описаніе бунта. Я сдѣлалъ имъ такое предложеніе: пропустите ли вы вторую часть, если въ ней не будетъ даже слова бунтъ, мятежъ и т. п.? Послѣ долгихъ колебаній, согласились пропустить съ этимъ условіемъ. Рѣжьте же всѣ мѣста, которыя вамъ не нравятся. Они и сдѣлали это. Статья возвратилась ко мнѣ въ ужасномъ состояніи: я провелъ цѣлыя сутки надъ склеиваніемъ остальныхъ обломковъ, такъ, чтобы они представляли правильный, логическій разсказъ. Опять въ цензуру. Мы возились такимъ образомъ цѣлую недѣлю, споря до слезъ за каждое выраженіе, за каждое обстоятельство. Уже нѣсколько разъ, съ досады въ этой мучительной борьбѣ съ цензорскимъ упрямствомъ, я хотѣлъ приказать разобрать наборъ и рѣшился не печатать вашей были: до того они мнѣ надоѣли своими щепетильными придирками! Наконецъ я побѣдилъ всѣ трудности, и статья вышла въ томъ видѣ, какъ вы ее читали. Этихъ обстоятельствъ вы навѣрное и не подозрѣвали. Скажите же по крайней мѣрѣ—спасибо.

Я слышалъ еще, что вы сердитесь на меня за измѣненіе нѣкоторыхъ фразъ: повѣрьте мнѣ, что ни одна не измѣнена безъ крайней необходимости. Вы приводили одну фразу—«дѣды наши не строили домовъ изъ лучинокъ и почаще оставляли ихъ своимъ наслѣдникамъ». Эта фраза требовала легкаго измѣненія: небрежность, маленькая, которая у всякаго можетъ вырваться отъ невниманія, дѣлала ее неясною. Мѣстоименіе ихъ неизвѣстно къ чему относится, къ домамъ или къ лучинкамъ; по правиламъ грамматики, оно относится къ ближайшему имени, къ лучинкамъ; общій смыслъ фразы выходилъ еще тотъ, что дѣды наши не строили домовъ изъ лучинокъ и почаще оставляли ихъ (то-есть, оставляли дома изъ лучинокъ) своимъ наслѣдникамъ. Обязанность редакціи всякаго журнала обратить вниманіе сочинителя на этого рода небрежныя словосочиненія, которыя ускользнули отъ его бдительности, или ихъ исправить по крайнему своему разумѣнію и умѣнію. Если бъ вы здѣсь были, я показалъ бы вамъ это мѣсто; васъ не было, я сдѣлалъ легкое измѣненіе, котораго требовали ясность слога и точность выраженія; сдѣлалъ его, какъ мнѣ по совѣсти казалось наилучшимъ; сдѣлалъ его въ пользу сочиненія, а не во вредъ, и, надѣюсь,

не испортилъ его этимъ. То же и съ другими мѣстами, ежели есть другія. Я вхожу въ эти подробности единственно, чтобы доказать вамъ, сколько я цѣню все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, сколько оно мнѣ дорого и сколько участія я принимаю въ каждой вашей строкѣ. Слѣдственно, я не заслужилъ отъ васъ никакого упрека, когда исполнилъ свою обязанность. Вотъ вся исторія. Теперь я представляю вашему правосудію рѣшеніе, и увѣренъ, что оно будетъ въ мою пользу.

Смирдинъ [1]) ѣдетъ въ Москву. Онъ виноватъ, что не отвѣчалъ на ваши письма: да вы сами знаете, что онъ не грамматѣй; для него написать письмо значитъ болѣе, чѣмъ для васъ написать прекрасный романъ. Напрасно вы не взяли у него денегъ, когда онъ предлагалъ вамъ ихъ. Вы назначили, что въ сентябрѣ пришлете статью; къ этому времени онъ держалъ для васъ деньги въ конторкѣ. Статья пришла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже; въ это время у него не случилось денегъ. Проволочка одна родила другую. Вотъ все.

4.

6-го февраля 1840 г.

Почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ. Сколько я васъ люблю, это вы знаете. Сколько я обязанъ вашей любезности и вашему дружескому ко мнѣ расположенію, это одинъ я знаю. Я всегда смѣло обращаюсь къ вашей любезности, потому что она неисчерпаема и что тайный голосъ сердца говоритъ мнѣ, что вы не можете быть врагомъ моимъ; напротивъ. Я съ удовольствіемъ вѣрю этому чувству: противное было бы для меня слишкомъ тягостно.

Я очень радъ, что нашъ удивительный Vieux-Tems [2]) и другъ его Guillou обратились ко мнѣ съ просьбою доставить имъ ваше благосклонное знакомство. Это напомнило мнѣ, что я имѣю въ васъ друга, и утѣшило меня. Враговъ моихъ я очень люблю и уважаю; они дѣлаютъ мнѣ столько чести и пользы, что я считалъ бы себя неблагодарнѣйшимъ изъ людей, если бы не дорожилъ ихъ враждою. И вы знаете, что этотъ безцѣнный въ литературѣ народъ у меня ни по чемъ. Ни за что въ мірѣ не отдалъ бы я ихъ остервененія. Что былъ бы я безъ моихъ безцѣнныхъ враговъ?.. При всемъ томъ, если бы мнѣ пришлось или отказаться отъ друга въ васъ или потерять всѣхъ ихъ, я, безъ сомнѣнія, рѣшился бы на второе, и всю эту массу золотой вражды охотно промѣнялъ бы на одну вашу дружбу. Судите же, какъ я долженъ уважать васъ!

---

[1]) Александръ Филипповичъ, книгопродавецъ, издатель „Библіотеки для Чтенія“.

[2]) Henri Vieuxtemps, знаменитый скрипачъ (р. 1820 † 1881).

Пріймите же Віё-Тана и Гилью, за мою готовность къ столь высокому пожертвованію, подъ ваше могущественное покровительство. Віё-Танъ—прелестный малой, и по таланту, и по личному характеру. Мы полюбили его какъ сына. Что касается до него относительно музыкальнаго дарованія, то это рѣшительно геній. Въ послѣдній концертъ его, даже соперники и враги его согласились въ этомъ. Восторгъ и изумленіе были свыше всякаго описанія. Для насъ должно быть пріятно, что этотъ необыкновенный геній развился, образовался и достигъ своего апогея въ Россіи, и что мы, взявъ его прекраснымъ, но обыкновеннымъ музыкантомъ, возвратимъ Европѣ геніемъ первой величины. Доставьте ему всѣ средства и облегченія, чтобы онъ могъ развить у васъ свой талантъ съ наибольшимъ удовольствіемъ для Москвы и съ наибольшею пользою для себя. Это послѣднее ему очень нужно. Бѣдный мальчикъ! Будучи преданъ искусству со всѣмъ жаромъ юности, онъ доселѣ не думалъ о положительной пользѣ отъ своихъ занятій. Довершите вашимъ покровительствомъ и вашей любезностью начатое Россіей, которая воспитала его геній; дайте генію приданое, и пусть этотъ молодой человѣкъ уѣдетъ отъ насъ въ нѣмцы съ воспоминаніемъ о полнотѣ благодѣянія, оказаннаго ему Русью, и съ благодарностью не только къ ея заботливому вниманію, но и къ ея великодушію. Пособите также и его ментору, Гилью, котораго прекрасный талантъ уже извѣстенъ, и не переставайте любить искренне обожающаго васъ Сенковскаго.

Я боюсь, что опоздалъ и что они уже уѣхали въ Москву; я обѣщалъ прислать къ нимъ это письмо въ осемь часовъ утра, а теперь уже полдень.

5.

15-го декабря 1850.

Крайне и безконечно сожалѣю, добрѣйшій, почтеннѣйшій другъ Михайло Николаевичъ, что письмо ваше не дошло до рукъ моихъ недостойныхъ: вѣрно, оно было писано лѣтомъ и получено въ почтамтѣ въ мое отсутствіе, когда домъ былъ запертъ и пьяницы-почтальоны позволяли себѣ иногда бросать письма въ портерной лавочкѣ или у дворниковъ, гдѣ много писемъ, адресованныхъ ко мнѣ, затерялось. Послѣ сообщенія мнѣ желанія вашего молодымъ Данилевскимъ, я тотчасъ отправился отыскивать Смирдина [1]) и передалъ ему ваше порученіе. Онъ обѣщалъ мнѣ сообразиться, сдѣлать разсчетъ и дать вамъ отвѣтъ прямо отъ себя. Шихматовская [2]) ценсура до того здѣсь всѣхъ напугала, что

---

[1]) См. выше, стр. 92, прим. 1-е.

[2]) Министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ († 1854).

никто не смѣетъ предпринимать никакихъ изданій. Литература русская зарѣзана: не стоитъ болѣе учить дѣтей нашихъ грамотѣ; публика въ негодованіи; книгопродавцы съ горя продаютъ обои и стеариновыя свѣчи. Жуковскій прислалъ сорокъ стихотвореній своихъ сюда для напечатанія отдѣльною книжкою. Вы знаете, что Василій Андреевичъ не способенъ, такъ же какъ и мы съ вами, написать что-нибудь неприличное или вредное. Что же? Ханжеская Шихматовская цензура перемарала ему все, и стихотворенія, обрѣзанныя, обезображенныя, уничтоженныя, не выйдутъ [1]. Жуковскій уже не можетъ ничего написать. Лажечниковъ хотѣлъ сдѣлать четвертое или пятое изданіе своихъ сочиненій, всей Руси извѣстныхъ. «Послѣдняго новика» и «Ледяной домъ» обрѣзали и перегадили въ цензурѣ до того, что Лажечниковъ, въ негодованіи, обратился къ Шихматову, а тотъ и совсѣмъ запретилъ ему эти два романа. Слѣдствіе этой системы ясно: порядочная книжная торговля разоряется, писатели безъ хлѣба, а букинисты наживаютъ деньги старыми изданіями, и, что всего печальнѣе, учреждается рукописная литература, самая опасная изъ всѣхъ, потому что она неприступна критикѣ и живетъ втайнѣ. Любимыя сочиненія не печатаются, а списываются, со злобнымъ наслажденіемъ, и многобогомольный Шихматовъ этого не понимаетъ. Что съ нами дѣлаетъ его цензура, этого ни перомъ не описать, ни въ сказкѣ не сказать. Вы понимаете, что Смирдинъ потерялъ весь куражъ въ этихъ обстоятельствахъ, и онъ говорилъ мнѣ, что не иначе можетъ предпринять изданіе вашихъ твореній, какъ если цензуру вы возьмете на свои мощныя плеча.

Прощайте, до свиданія. Я надѣюсь вскорѣ обнять и поцѣловать васъ въ Москвѣ. Вамъ душевно преданный Сенковскій.

Примѣчаніе. Гуляя недавно по Садовой улицѣ, я остановился передъ лавочкой букиниста и сталъ перебирать его оборванныя сокровища. Нахожу одну мою книжку, неоднократно перепечатанную, засаленную, грязную и спрашиваю, что она стоитъ. Двѣнадцать цѣлковыхъ! Ты съ ума сошелъ, отецъ мой, говорю: она, новая, продавалась по два рубля.—Статься можетъ; но теперь не продается, потому что и въ продажѣ не найдете ея.—За этакую дрянь двѣнадцать рублей!—А сколько пожалуете?—Цѣлковый.—Букинистъ взялъ преспокойно книжку изъ моихъ рукъ и поставилъ обратно на полку, сказавъ: Видно, ба-

---

[1] Свѣдѣніе, сообщаемое Сенковскимъ относительно Жуковскаго, не вполнѣ вѣрно: Жуковскій прислалъ въ 1850 году П. А. Плетневу для напечатанія рукописный экземпляръ своихъ прозаическихъ статей нравственно-философскаго и религіознаго содержанія; но со стороны свѣтской и духовной цензуры встрѣтились непреодолимыя затрудненія къ ихъ напечатанію (см. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ, т. III, стр. 671 и слѣд., 687, 693, 702—704).

тюшка, не про васъ писано; али не по вашему карману такія книги. Дадутъ и пятнадцать... Теперь старыя книги въ модѣ, за иныя книги платятъ по три цѣлковыхъ на прокатъ, за право списать только.

IV. Письма Ф. Ф. Вигеля—М. Н. Загоскину [1]).

1.

С.-Петербургъ. 17-го марта 1836.

Любезнѣйшій другъ Михайло Николаевичь.

Вы прислали мнѣ новое произведеніе ваше, новую комедію «Недовольные» [2]), съ надписью, но безъ письма. Я могу только благодарить, но въ претензіи быть не смѣю. Лѣность, заботы, но болѣе всего опасеніе, чтобы въ изліяніяхъ родственной и дружественной откровенности не сказать чего-либо лишняго, меня доселѣ останавливали отвѣчать на ваши письма. Теперь меня какъ будто что-то толкнуло, и за молчаніе ваше я хочу наказать васъ безконечнымъ посланіемъ. Мнѣ придется васъ много хвалить; знавши меня коротко, вы не сочтете это лестію; но, чтобы болѣе доказать истину моихъ словъ, я могу похвалы мои перемѣшать съ справедливо заслуженной вами бранью, итакъ позвольте начать съ брани. Во-первыхъ, въ васъ чрезвычайно становится замѣтенъ одинъ русскій порокъ, лѣность; вспомните, что вы такое были, когда добивались славы; вы весь были жизнь, вы были огонь; едва получили вы ее, какъ кинулись спать на свѣжихъ еще лаврахъ: правда, счастливыя пробужденія ваши вознаграждаютъ насъ иногда за нашу досаду и нетерпѣніе, но такъ ли рѣдко должно просыпаться? Теперь другое; молва, то есть пріѣзжіе болтуны, представляютъ васъ какимъ-то французскимъ сибаритомъ, который болѣе плѣняется прыжками мамзелей [3]), чѣмъ звуками и идеями, и, что всего ужаснѣе, который явно поддерживаетъ ярмоночную французскую труппу. Знаю, очень знаю, что въ Москвѣ казаться совершенно русскимъ и опасно, и смѣшно, что въ древней, благочестивой нашей столицѣ господствуетъ недавно губившій

---

[1]) Въ „Раутѣ", историческомъ и литературномъ сборникѣ, изд. Н. В. Сушковымъ, книга третья (Москва. 1854), было напечатано (стр. 309—313) письмо Вигеля къ Загоскину, отъ 14-го января 1830 года.

[2]) Вышла въ свѣтъ въ 1836 году.

[3]) Загоскинъ былъ въ это время директоромъ московскихъ театровъ.

ее, истреблявшій нечестивый народъ французскій, что повелѣваетъ въ ней человѣкъ благородный, добродушный, но, къ несчастію, въ Парижѣ воспитанный [1]). Какъ это все не знать; но тутъ-то и надобно всеобщему безсмыслію противупоставить всю твердость правилъ, всю силу непомраченнаго предразсудками ума. Но что я говорю, васъ ли упрекать въ слабости? Бѣшеная рецензія «Московскаго Наблюдателя» [2]) на вашу славную комедію еще здѣсь читается, вы подъ проклятіемъ враговъ порядка, Руси, православія; торжествуйте, не слабѣйте, продолжайте. Я знаю духъ издателей и сотрудниковъ сказаннаго журнала, непокорность къ властямъ, безмѣрное честолюбіе, германская туманная философія и желаніе чего-то, чего они сами объяснить не умѣютъ, вотъ изъ чего составляется сей духъ. По моему, это якобинство новаго изданія, оно прикрывается какою-то полухристіанскою кротостію и вѣжливостію формъ; по-моему, это волки въ овечьей кожѣ: ваша комедія, разумѣется, должна была жестоко оскорбить ихъ. У нихъ есть политическая вѣра, космополитизмъ, которая распространяется парижской пропагандой. Разумѣется, французы основали сію вѣру въ мирные дни Бурбоновъ, и она есть слѣдствіе разрушенія мечты о всемірномъ обладаніи, которою польстилъ имъ Наполеонъ. Увидѣвъ, что сила оружія, въ самой искусной рукѣ, на сѣверѣ, какъ и на югѣ, побѣждается патріотизмомъ и климатами, они обрѣли новый путь. Они разочли, сколько силы даетъ имъ тиранское владычество моды, всеобщее употребленіе ихъ языка, роскошныя и утонченныя удовольствія, которыя привлекаютъ къ нимъ толпы иностранныхъ путешественниковъ, промышленность, литература; къ симъ силамъ они присоединили новыя—обманъ и развратъ. Вышесказанная вѣра учитъ, что другаго отечества не должно быть, какъ міръ земной, и что всѣ люди земляки между собою, пародируя такимъ образомъ христіанское ученіе. Новая вѣра нашла послѣдователей вездѣ, увы! даже у насъ; и французы протягиваютъ теперь руки всѣмъ народамъ, въ надеждѣ, что они со временемъ протянутъ имъ шеи. Что можетъ сравниться съ этимъ безуміемъ? Всякое общество составляется или для охраненія себя отъ опасностей, или для пріобрѣтенія какихъ-нибудь выгодъ; неужели ему заботиться о пользахъ другаго общества, ему соперническаго и замышляющаго подорвать его? Въ обыкновенномъ смыслѣ, что такое отечество, если не многочисленное общество, связанное общими выгодами? Для насъ съ вами оно имѣетъ еще другое значеніе; разсудокъ и сердце, мысль и чувство должны равно насъ привязывать къ нашей матушкѣ Россіи. Затмить

[1]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

[2]) См. „Московскій Наблюдатель", 1835 г., ч. 4, стр. 417—443.

одно, заглушить другое вотъ къ чему стремится злодѣйка, развратница Франція. Мало ей, старой кокеткѣ, пороками, коими она исполнена, коими она кипитъ, привлекать юные, сильные народы; она научаетъ злодѣяніямъ, представляя ихъ торжествующими въ романахъ и драматическихъ произведеніяхъ и облекая ихъ всей прелестію слога; наконецъ, пакостница сія пріучаетъ читателей и зрителей безъ отвращенія глядѣть на все то, что въ человѣческой природѣ есть мерзѣйшаго, самое дермо, такъ сказать, начиняя ароматами и украшая цвѣтами. И это называется духомъ времени: случается, послѣ полуночи, въ петербургскихъ улицахъ чувствовать духъ того времени, но тогда затыкаешь носъ; этотъ же духъ, который производитъ одна страна, коей жители отъ безнравственности сгнили и провоняли, другіе народы съ восторгомъ въ себя вдыхаютъ. Какой-то будетъ съ этимъ конецъ?

Вы очень хорошо сдѣлали, что сцену вашей комедіи поставили въ Москвѣ; здѣсь охотно смѣются надъ старой столицей, и хотя нравы, кои вы изобразили, совершенно суть здѣшніе, но никто не захочетъ себя узнать, и я ручаюсь вамъ за успѣхъ. Конечно, недовольныхъ и здѣсь довольно, они будутъ гнѣваться; иной промотался, и хочетъ пожить, повеселиться еще; другой лѣнивъ и гордъ, служить несогласенъ, а чиновъ и орденовъ хочется; про правительство говорить не смѣютъ, за все отвѣчаетъ Россія и ея варварство, ее-то всѣ и поносятъ. Вы прекрасно схватили сію смѣшную и преступную наклонность, но не во всѣхъ изъ недовольныхъ погасъ еще разсудокъ, авось-ли опомнятся, и мы вамъ будемъ обязаны за уменьшеніе ихъ числа. Я могу васъ тѣмъ потѣшить, что, сколько ни знаю я умныхъ и истинно просвѣщенныхъ здѣсь людей, всѣ хвалятъ вашу комедію. Изъ нихъ назову я одного только, коего мнѣніемъ, я знаю, вы особенно дорожите и коему не въ первый разъ уже доставили вы самое пріятное удовольствіе: это Димитрій Никол(аевичъ) [1]. Онъ послалъ купить «Недовольныхъ» и отъ дѣлъ улучилъ полчаса, чтобы прочитать ее; многія мѣста знаетъ наизусть и съ восторгомъ цитовалъ мнѣ всю тираду, которая кончится сими стихами:

И отвратительнымъ встрѣчаетъ крикомъ
Въ своемъ отечествѣ великомъ
Прекрасный солнечный восходъ.

Мнѣ случилось видѣть, какъ дочь [2] читала ему повѣсть вашу «Три жениха» [3]; мнѣ пріятно было смотрѣть, какъ наморщенное его нынѣ го-

---

[1]) Блудовъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ.—Вигель былъ тогда директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

[2]) Антонина Дмитріевна.

[3]) Была напечатана въ X томѣ „Библіотеки для Чтенія" 1835 года.

сударственными думами огромное чело прояснилось, какъ онъ отъ души хохоталъ, и дѣйствительно, сколько тутъ остроумія безъ злобы, какъ все любопытно, какъ вѣрно все изображено, какая постоянная веселость, настоящій аглинской юморъ и какой разсказъ! Прекрасно, вотъ все, что могу я сказать; по-моему, ничего вы лучше не написали. На-дняхъ замѣтилъ мнѣ Дим(итрій) Ник(олаевичъ), какъ все въ мірѣ перемѣняется. «Шаховской [1]) пишетъ къ вамъ посланія въ стихахъ, сказалъ онъ, а я любуюсь произведеніями Загоскина».

Другой министръ [2]) просилъ меня отъ его имени упрекнуть васъ въ клеветѣ; ѣхавши съ сестрой его въ дилижансѣ изъ Москвы, вы увѣряли ее, что онъ вашъ злѣйшій врагъ, тогда какъ онъ изъ числа усерднѣйшихъ почитателей вашего таланта. Вамъ были извѣстны короткія мои сношенія еще съ однимъ министромъ—нынѣ эта связь такъ разорвана, что никогда, кажется, завязаться не можетъ; но всегда надобно быть справедливымъ: Вигель имѣетъ всѣ причины ненавидѣть Уварова, а усердный сынъ отечества бываетъ почти всегда доволенъ дѣйствіями министра народнаго просвѣщенія. Я ни въ чемъ не вѣрю, знаю, что онъ прикидывается только руссоманомъ, но и за то ему спасибо; другіе вѣрятъ ему, онъ даетъ юношеству хорошее направленіе и неумышленно творитъ великое добро.

Что мнѣ сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи и о намѣреніяхъ въ будущемъ? Настоящее довольно хорошо, но продлиться оно не можетъ; духъ все еще бодръ, а плоть немощна, итакъ я постоянно думаю, какъ бы по добру по здорову убраться къ вамъ въ Москву, гдѣ древнія башни, разнообразіе зданій и видовъ, прелестныя окрестности, еще что-то такое русское, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сословіяхъ сохранившееся, и нѣсколько избранныхъ знакомыхъ и пріятелей будутъ услаждать мое зрѣніе и чувства. Западъ годъ отъ году мнѣ становится отвратительнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ становится любезнѣе нашимъ богатымъ и знатнымъ. Охъ! ужъ эти мнѣ знатные! Съ какимъ бѣшенствомъ стремятся они за границу: тамъ ругательства на все русское, тамъ постоянная война противъ правъ аристократическихъ, коими они тщеславятся, ничто ихъ не останавливаетъ: цѣлыми роями вьются эти неосторожныя, безразсудныя, блестящія летучія насѣкомыя вокругъ адскаго пламени, почитаемаго свѣтомъ разума, обожгутся и падутъ въ

---

[1]) Князь Александръ Александровичъ, драматургъ, котораго осмѣивали члены Арзамасскаго Общества. Вигель былъ членомъ Арзамаса, въ которомъ онъ носилъ прозвище „Ивиковъ Журавль". Какъ извѣстно, Загоскинъ написалъ въ 1815 году комедію „Комедія противъ комедіи, или Урокъ волокитамъ" въ защиту пьесы князя Шаховскаго „Липецкія воды" и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шаховскимъ.

[2]) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, министръ юстиціи.

бездну. Все отечественное имъ не мило, и они болѣе и болѣе становятся чуждыми Россіи. Боже милосердый! увидимъ ли мы наконецъ въ нашей отчизнѣ любовь къ просвѣщенію слитою съ духомъ народности? Но уже между дворянами, даже между знатными, и даже между купцами (несмотря на Полеваго) [1]) являются, часто возникаютъ люди, палимые священнымъ огнемъ руссицизма, который ни Полевой, ни Лелевель [2]), ни кто изъ другихъ антируссовъ не только потушить не въ состояніи своими помоями, но который отъ усилій ихъ распространяется. Число ихъ еще не велико, но умножается съ каждымъ днемъ, и самая малочисленность ихъ даетъ имъ силу сектеризма; они пойдутъ проповѣдывать слово русское, и самая новость будетъ привлекать къ нимъ послѣдователей. Сіе перерожденіе не можетъ быть примѣтно для разсѣянной толпы, но тому, чье любопытное око, среди всеобщей тьмы, съ усиліемъ напрягается на востокъ своего отечества, является оно какъ свѣтлѣющаяся еще блѣдная полоса, предвозвѣстница еще не солнца, еще не дня, но хотя новой зари для Россіи. Сими надеждами привѣтствую васъ, любезнѣйшій братъ о Россіи, братъ по крови и по духу, и съ симъ вмѣстѣ на сей разъ прощаюсь съ вами. Поцѣлуйте за меня ручку Анны Димитріевны [3]) и обнимите зрѣющихъ вашихъ молодцовъ [4]), коимъ конечно будете вы умѣть передать ваши чувства. Они будутъ счастливѣе насъ съ вами и услышатъ повсюду, внѣ и внутри Россіи, имя ея превознесенное и препрославленное. Еще разъ прощайте, обнимаю васъ. Вѣчно вамъ преданный Ф. Вигель.

2.

С.-Петербургъ, 31-го мая 1836.

Любезнѣйшій мой другъ Михаилъ Николаевичь!

Меня за ваше знакомство чрезвычайно какъ благодарилъ Сергѣй Павл(овичъ) Шиповъ [5]); я предвидѣлъ, что вы другъ другу полюбитесь; онъ былъ въ восхищеніи отъ автора, не знавъ его лично, теперь безъ памяти отъ человѣка. Вамъ предстоитъ еще новое знакомство такого же рода, но съ особой другаго пола, и даже съ дѣвицей, которая просила меня ее съ вами сблизить, а какъ она близка къ вашимъ лѣтамъ, то

---

[1]) Н. А. Полеваго.

[2]) Польскій историкъ Іоахимъ Лелевель († 1861), написавшій, какъ извѣстно, критику на „Исторію“ Карамзина.

[3]) Жена М. Н. Загоскина, рожденная Васильцовская.

[4]) У М. Н. Загоскина было три сына. „Воспоминанія“ младшаго изъ нихъ, Сергѣя Михайловича, изданы въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899 года.

[5]) Генералъ-адъютантъ († 1876).

*

безъ зазрѣнія совѣсти я за это дѣло взялся. Сія дѣвица есть авторъ довольно извѣстнаго романа «Скопинъ-Шуйскій» [1]), не молодая уже фрейлина Олимпіада Петр(овна) Шишкина: она въ началѣ или въ половинѣ іюня будетъ въ Москвѣ. Не взирая на совершенное знаніе французскаго языка, на модное воспитаніе, на всѣ привычки свѣтскаго общежитія, она вся русская и потому-то и въ шестьдесятъ лѣтъ она не отвыкнетъ отъ стыдливости, которой наши предки женскаго пола такъ придерживались. Ей невозможно будетъ васъ искать, васъ, мужчину свѣжаго, статнаго, крѣпкаго, красиваго, но въ васъ будетъ ли столько галантереи (простите сіе старофранцузское выраженіе), чтобы отыскать ее? Пока вы ее не знаете, хочу вамъ изобразить ее; можетъ быть, сіе привлечетъ васъ къ ней. Природа влила ей въ душу такъ много прелестей, что для наружности могла оставить лишь столько, сколько требовала благопристойность; она не уродлива и не безобразна, но вотъ и все. Но за то умъ, таланты, добродѣтели, а сердце... оно бы сильно воспламенилось, еслибъ могло другое воспламенить. Всю пылкость сиротствующаго сердца сего она посвятила друзьямъ, роднымъ, отчизнѣ, Богу—ихъ она любитъ страстно. Всякій, чье сердце бьется при имени Россіи, тотъ при вашемъ улыбается дружелюбно, и потому-то вы ей, хотя и не знакомый, но и не чужой. Посѣтите же ее, познакомьтесь съ ней, и когда раза два поговорите, то полюбите какъ сестру родную: она же между тѣмъ двоюродная двумъ весьма почтеннымъ и извѣстнымъ въ Россіи людямъ, Озерову [2]) и Блудову. Весьма бы хорошо вы сдѣлали, еслибъ познакомили ее и съ Анной Димитріевной [3]), а потомъ и съ г. Погодинымъ; сего также она весьма желаетъ.—Я переѣхалъ на дачу и пользуюсь искусственными минеральными водами; потому и не могъ быть при представленіи «Недовольныхъ»; мнѣ сказывали, что пьеса принята хорошо, и это меня удивило. Болѣе всего у насъ шуму дѣлаетъ раекъ во время представленія пьесы, а первые ряды креселъ и первый ярусъ ложъ послѣ представленія, а какъ ваша комедія написана не для райка и противъ ложъ и первыхъ креселъ, то я и полагалъ, что одни ее не поймутъ, а другіе разсердятся, но, видно, прочія мѣста въ театрѣ были на сей разъ наполнены.

То ли дѣло «Ревизоръ»; читали ли вы сію комедію? видѣли ли вы ее? Я ни то, ни другое, но столько о ней слышалъ, что могу сказать, что издали она мнѣ воняла. Авторъ выдумалъ какую-то Россію и въ

---

[1]) Полное заглавіе этого романа О. П. Шишкиной (р. 1791†1854) слѣдующее: „Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія“. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1835 году.

[2]) Владиславу Александровичу, извѣстному писателю, который также приходился Д. Н. Блудову двоюроднымъ братомъ.

[3]) Женою Загоскина.

ней какой-то городокъ, въ который свалилъ онъ всѣ мерзости, которыя изрѣдка на поверхности настоящей Россіи находишь: сколько накопилъ онъ плутней, подлостей, невѣжества! Я, который жилъ и служилъ въ провинціяхъ, смѣло называю это клеветой въ пяти дѣйствіяхъ. А нашато чернь хохочетъ, а нашимъ-то боярамъ и любо; всѣ эти праздные трутни, которые далѣе Петербурга и Москвы Россіи не знаютъ, половину жизни проводятъ за границей, которые готовы смѣшивать съ грязью и насъ, мелкихъ дворянъ и чиновниковъ, и всю нашу администрацію, они въ восторгѣ, отъ того, что пріобрѣтаютъ новое право презирать свое отечество, и, указывая на сцену, говорятъ: вотъ ваша Россія! Безумцы! Я знаю г. автора—это юная Россія, во всей ея наглости и цинизмѣ. Онъ подъ покровительствомъ Жуковскаго, но вѣдь это Жуковскій не прежній. Посудите, нынѣшнею зимою онъ по субботамъ собиралъ у себя литераторовъ, и я иногда являлся туда какъ въ непріятельскій станъ. Первостепенные тамъ князья Вяземскій и Одоевскій и г. Гоголь. Всегда бывалъ тамъ и Пушкинъ, но этотъ все придерживается Руси; еще видѣлъ я тамъ Теплякова, холоднаго поэта, и молодаго Бенедиктова, который явился въ такомъ блескѣ и котораго, боюсь, заря скоро затмится. Разумѣется, всѣ сіи господа въ совершенной противоположности съ другимъ обществомъ, которое еженедѣльно собирается у г. Греча: тамъ вы находите Булгарина, Воейкова, Сеньковскаго, Мосальскаго, и мало ли кого тамъ увидишь—также Европа, но въ другомъ духѣ, менѣе умѣренномъ. Какъ старику вездѣ и нигдѣ, мнѣ случалось и тамъ быть, и, кажется, одинъ разъ, какъ бѣсъ, мелькнулъ мнѣ тамъ Полевой. Признаюсь, первые мнѣ только что досадны, а послѣдніе почти ненавистны. Наконецъ и въ моей скромной храминѣ собирались также одинъ разъ въ недѣлю если не литераторы, то люди просвѣщенные, а болѣе всего благонамѣренные: не нужно вамъ говорить, что Сергѣй Павл(овичъ) [1] украшалъ присутствіемъ своимъ сіи бесѣды; ихъ посѣщали три губернатора—курскій, вашъ теска [2], честь и слава имени русскаго; тверской—гр(афъ) Толстой [3], почти единственный аристократъ патріотъ, и нынѣшній саратовскій Степановъ [4], довольно пріятный человѣкъ и пріятный писатель, авторъ «Постоялаго двора»; унитскій епископъ Іосифъ Сѣмашко [5], изувѣръ

---

[1]) Шиповъ.

[2]) Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ).

[3]) Графъ Александръ Петровичъ Толстой († 1873), бывшій потомъ, въ 1856—1862 гг., оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

[4]) Александръ Петровичъ († 1837).

[5]) Знаменитый литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.

руссицизма, и молодой гр(афъ) Протасовъ [1]), товарищъ мини(стра) нар(однаго) просв(ѣщенія), горящій священнѣйшимъ огнемъ любви къ Россіи и надежда всѣхъ ея поборниковъ. Являлся и вашъ давнишній знакомый, дряхлѣющій уже и тѣломъ, но бодрый еще умомъ, по крайней мѣрѣ, разговорнымъ, кн(язь) Шаховской [2]), когда здоровье ему позволяло. Вы знаете, какъ онъ фосфоренъ, воспалителенъ, и можете посудить, какъ посреди такого общества онъ воспламенялся и какъ славно иногда говорилъ; я увѣренъ, что это скоро опять проходило и что жаръ сей потухалъ при возвращеніи къ Катеринѣ Ивановнѣ [3]); но все равно, были молодые слушатели, которые увлекались его витійствомъ, мнѣ только было и нужно. Изъ настоящихъ, нынѣшнихъ литтераторовъ посѣщалъ меня одинъ Кукольникъ, который также, кажется, гармонизируетъ въ чувствахъ и мысляхъ съ предсказанными. Я забылъ упомянуть о Констант(инѣ) Ив(ановичѣ) Арсеньевѣ, котораго ученость полезна Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ, ибо онъ изъ числа первѣйшихъ наставниковъ наслѣдника престола; умѣренный въ поступкахъ и выраженіяхъ, онъ неумѣренъ только въ энтузіазмѣ ко всему отечественному. Долго было бы вамъ называть другихъ зрѣлыхъ и молодыхъ людей, которые собирались у меня; имена сихъ послѣднихъ мало извѣстны, но ихъ, конечно, со временемъ узнаютъ и будутъ уважать. Вы можете быть увѣрены, когда такого рода люди соберутся, то часто поминаютъ и о васъ, и, повѣрьте, вы были бы какъ среди семьи родной: жаль, что вы не пріѣзжали, а г. Погодинъ не захотѣлъ меня найти.

Насмѣшники, которые сами столь же достойны посмѣянія, какъ и сожалѣнія, называютъ насъ сектой: увы! они правы. Что дѣлать, когда въ столь обширномъ, въ столь славномъ государствѣ патріотизма достаточно только для составленія одной секты, и онъ не можетъ быть господствующей вѣрой! Но что вы тамъ въ Москвѣ дѣлаете? Зачѣмъ вы не дѣятельнѣе проповѣдуете тамъ слово русское, зачѣмъ не умножаете число поклонниковъ Россіи? Дайте вы мнѣ только къ вамъ пріѣхать, вы увидите, сколько я вамъ народу навербую. Когда случится къ любимому человѣку писать о любимомъ предметѣ, то трудно положить перо, и я, обыкновенно скудный мыслями при обыкновенной перепискѣ, дѣлаюсь тогда неистощимъ. Другія занятія отрываютъ меня, да и ваше время пощадить нужно. Итакъ спѣшу проститься съ вами до будущаго письма, если не начинаю надоѣдать вамъ. Еще разъ прощайте. Вѣчно вашъ Вигель.

---

[1]) Графъ Николай Александровичъ Пратасовъ, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода.

[2]) Князь Александръ Александровичъ.

[3]) Ежовой, актрисѣ, подругѣ жизни князя Шаховскаго.

Разсудокъ велитъ мнѣ просить васъ о сожженіи писемъ моихъ, ибо слишкомъ смѣло выражаюсь въ нихъ на счетъ нѣкоторыхъ лицъ, коихъ могу сдѣлать себѣ врагами, а самолюбіе заставляетъ меня желать, чтобы вы ихъ сохранили, потому что въ нихъ есть мимоходныя идеи, коихъ бы мнѣ жаль было невозвратной потери.

3.

С.-Петербургъ, „ “ мая 1850.

Милой другъ и братъ Михаилъ Николаевичъ.

Какъ давно не видалъ я тебя, какъ давно не писалъ я къ тебѣ, страшно подумать: неужели мы вовсе сдѣлались чужды другъ другу? Правда, я бѣглецъ изъ Москвы, ты упрямый житель сего города, котораго оболочка для меня такъ обворожительна, но котораго начинка мнѣ такъ противна. За то сколько есть пунктовъ, на которыхъ мы сходимся душой и сердцемъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву, въ цѣлой Европѣ разразилась революція, которую мы съ тобой такъ ожидали и такъ страшились. Ну что? каковъ образецъ, учитель нашъ Западъ? Признаюсь въ невѣжествѣ своемъ: когда въ 1844 году воротился я изъ-за границы, то въ Москвѣ изъ устъ твоихъ въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я слово коммунизмъ, а онъ, подкравшись вслѣдъ за сенсимонизмомъ, фуріеризмомъ и всѣми нѣмецкими безсмысленными и богоотступными сектами, стоялъ уже выше всѣхъ этихъ стѣнобитныхъ орудій, готовыхъ сокрушить общественное зданіе. Имена Шеллинга и Гегеля, которыми такъ оглушали меня у васъ всѣ имѣющіе претензіи на ученость, въ Германіи едва доходили до слуха моего, нѣмцы считали путешествующихъ сѣверныхъ невѣждъ неспособными еще постигать высокихъ истинъ сихъ геніевъ. Въ Парижѣ разъ только одинъ землякъ завезъ меня въ общество фаланстеріанцевъ; мнѣ любопытно было послушать ихъ бредни, но они были скромны и разсуждали только о художествахъ. Вообще вездѣ замѣтно было волненіе умовъ, но ничто не возвѣщало близости революціоннаго взрыва. Нынѣ же соціализмъ, выскочивъ прямо изъ ада и пройдя черезъ Бедламъ и Шарантонъ [1]), распространился между людей. Что-то объ этомъ толкуютъ ваши дуры оксиденталистки, западницы или западни, какъ я ихъ называю? Между прочимъ весьма немногоумная, но многоумствующая Ховрина. Меня увѣряли, что въ Пензѣ Блохина рѣшительно бѣснуется; не худо бы было тебѣ посовѣтовать пріятелю

[1]) Извѣстныя лѣчебныя заведенія для сумасшедшихъ: Бэдламъ близъ Лондона, а Шарантонъ—недалеко отъ Парижа.

своему архіерею [1]) и зятю своему губернатору [2]), чтобы ее отчитывать. Я такъ записался о томъ, что два года исключительно меня занимаетъ, что упустилъ изъ виду самую цѣль этого письма. Она состоитъ въ томъ, чтобы испросить благосклонное твое вниманіе и вспомоществованіе московскому же семейству Мальчугиныхъ, которое на время возвращается на родину. Они объяснятъ тебѣ желанія свои. Тебѣ извѣстно, какъ я лѣнивъ писать письма, и потому самый поступокъ мой покажетъ тебѣ живѣйшее участіе, которое принимаю я въ этомъ семействѣ. Особенно же прошу тебя оказать обычную любезность твою одному изъ братьевъ, котораго Булгаринъ въ фельетонѣ своемъ по всей справедливости назвалъ милымъ созданіемъ и котораго подъ мужскимъ нарядомъ нѣжный полъ угадать весьма не трудно. Если паче чаянія будешь мнѣ отвѣчать (Мальчугины могутъ дать тебѣ мой адресъ), то не забудь увѣдомить о состояніи здоровья Анны Дмитріевны [3]): ты знаешь, что постоянно милостивое ея ко мнѣ расположеніе одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моихъ въ Москвѣ. То же самое скажу о пріятельницѣ ея Любови Григорьевнѣ Новосильцевой, достойной имени, даннаго ей при крещеніи: значеніе его она внушаетъ всѣмъ знакомымъ своимъ обоего пола. Приведи меня на память симъ почтенномилымъ дамамъ. Я переѣхалъ на дачу, когда въ первый разъ играли новую твою комедію [4]); я не видѣлъ ее и ничего не могу сказать тебѣ объ ней и о сдѣланномъ ей пріемѣ. По названію сужу, что она писана въ моемъ духѣ, и по заочности она уже мнѣ нравится. Графиня Блудова [5]) отъ тебя, отъ Хомякова и отъ Алексѣя Петровича Ермолова воротилась безъ памяти, съ послѣдними даже переписывается, за то безъ зѣвоты и смѣха не можетъ слышать имени Чаадаева, то же самое и другія придворныя дамы и дѣвицы, прошлаго года посѣтившія Москву. Обнимаю тебя мысленно, мой милый, сердечный, съ ребячества постоянный другъ. Вѣчно твой Вигель.

Отъ Жуковскаго давно уже, болѣе года, получилъ длинное письмо, и прекрасное. Право, какъ не возблагодарить небо, сохранившее намъ и въ старости живость воображенія.

---

[1]) Пензенскимъ архіереемъ былъ въ то время преосвященный Амвросій (Моревъ) († 1854).

[2]) Пензенскій губернаторъ (съ 1831 по 1859 г.) Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ былъ женатъ во второмъ бракѣ на сестрѣ М. Н. Загоскина, Варварѣ Николаевнѣ (въ первомъ бракѣ бывшей замужемъ за Ахлебининымъ).

[3]) Жены М. Н. Загоскина.

[4]) Комедія „Поѣздка за границу".

[5]) Антонина Дмитріевна.

4.

С.-Петербургъ, 28-го декабря 1850.

Я только въ нуждѣ пишу къ тебѣ, милѣйшій и почтеннѣйшій другъ и братъ Михаилъ Николаевичъ; къ счастію, это бываетъ рѣдко, можетъ быть, скажешь ты. Ты всегда пріятельски былъ знакомъ съ Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ [1]), а для меня онъ былъ въ числѣ немногихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній о Москвѣ, и это воспоминаніе скрылось въ Симбирской губерніи, и я объ немъ никакихъ извѣстій не имѣлъ. А между тѣмъ я у него въ долгу; нѣкоторыя бумаги, которыя поручилъ онъ мнѣ, обязанъ я ему возвратить. У прибывшаго сюда губернатора князя Черкасскаго [2]) справлялся я объ немъ и бумаги сіи хотѣлъ черезъ него переслать. Но онъ увѣрилъ меня, что Мих(аилъ) Ал(ександровичъ) въ Москвѣ. Да гдѣ же? Кому лучше тебя это знать. Сдѣлай милость, при нѣсколькихъ строкахъ пришли мнѣ его адресъ; тогда бумаги по почтѣ могу къ нему отправить. Видишься ли ты съ Θеодоромъ Николаевичемъ и Авдотьей Павловной Глинками; послѣдняя на меня гнѣвается, съ этими дамами безъ вины будешь виноватъ. И за что же? За цензуру нашу, которую я ненавижу. Разсказать ея дѣйствія, не повѣришь. Ей бы противиться распространенію дурныхъ политическихъ мнѣній; она мѣшается въ духовныя дѣла и науки. Въ посланіяхъ Апостола и проповѣдяхъ вымарывается слово братія, оно слишкомъ пахнетъ коммунизмомъ, и замѣняется словомъ христіане. Изъ французскихъ медицинскихъ книгъ изгнаны слова: remède souverain [3]) и opération césarienne [4]). Недавно высокоумный мужъ твоей (а отнюдь не моей) обожаемой Анненковой [5]) запретилъ сочиненіе одного доктора, который въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ предлагаетъ мѣдные опилки какъ вѣрное средство, и объявилъ автора неблагонамѣреннымъ отравителемъ. Онъ забылъ или не знаетъ, что сулема, мышьякъ, іодъ, даже bleu de Prusse [6]) въ извѣстномъ количествѣ

---

[1]) Писателемъ (р. 1796 † 1866), авторомъ записокъ „Мелочи изъ запаса моей памяти", племянникомъ И. И. Дмитріева.

[2]) Симбирскаго губернатора князя Петра Дмитріевича Черкаскаго.

[3]) Т. е. отличное средство.

[4]) Т. е. кесарское сѣченіе.

[5]) Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ († 1865), бывшій предсѣдателемъ негласнаго Комитета по надзору за печатью. Н. Н. Анненковъ былъ женатъ на Вѣрѣ Ивановнѣ Бухариной († 9-го мая нынѣшняго 1902 г.), одаренной большимъ умомъ и обладавшей обширнымъ литературнымъ образованіемъ.

[6]) Т. е. Берлинская лазурь.

употребляются въ лѣкарствахъ и суть самые дѣятельные яды. Эдакіе болваны у насъ почитаются дѣльными людьми. Всѣ, душею преданные правительству, смотрятъ на то съ грустью; иные полагаютъ, что цензоры злоумышленно такъ поступаютъ, но нѣтъ, всѣ трусы и дураки и по русской пословицѣ—заставь его Богу молиться, онъ лобъ расшибетъ. Сдѣлай милость, покажи это письмо Өеод(ору) Николаев(ичу) [1] и скажи, въ это время такимъ ли пѣть соловьямъ, какъ онъ?

Если бъ я писалъ по-французски, то попросилъ бы тебя повергнуть меня къ ногамъ Анны Димитріевны [2], а по-русски попрошу только поцѣловать за меня ручку у нея. Вѣчно и всею душою преданный тебѣ Ф. Вигель.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Глинкѣ.
[2]) Жены Загоскина.

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг. [1]).

I.

Историческій ходъ вопроса о владѣніи Св. мѣстами.—Вмѣшательство въ это дѣло Франціи въ 1850 г.—Нота французскаго посла Портѣ. — Прибытіе въ Константинополь кн. Гагарина съ письмомъ императора Николая I къ султану.—Фирманъ султана 8-го февраля 1852 г.—Вмѣшательство въ переговоры нашего посланника Титова.—Неудовольствіе императора Николая. — Мнѣніе Кастельбажака о политикѣ русскаго государя.—Письма Сабатье къ Тувенелю.

Послѣдователи церквей православной и римско-католической издавна враждовали между собою на Востокѣ и соперничали по поводу различныхъ льготъ и преимуществъ христіанамъ, посѣщающимъ Святыя мѣста. Рѣшеніе этихъ споровъ нерѣдко затрудняло Порту, навлекавшую на себя въ чуждомъ для нея дѣлѣ неудовольствіе одной изъ сторонъ, а иногда и обѣихъ.

Еще въ средніе вѣка христіанскіе народы Западной Европы дѣлали геройскія усилія для того, чтобы отнять у невѣрныхъ мѣста, гдѣ Спаситель родился, гдѣ Онъ жилъ и былъ распятъ.

Испытанныя ими горькія неудачи и пораженія, самая трудность предпріятія, суета современной жизни, отчасти, быть можетъ, и упадокъ

---

[1]) Nicolas I et Napoléon III. 1852 — 1854 de M. Thouvenel. Paris 1891 Histoire du second empire par Pierre la Gorce. Paris 1895.

Preussens auswärtige Politik 1850 — 1858. Unveröffentlichte Dokumente aus dem Nachlasse des Minister-präsidenten Otto Freiherrn von Manteuffel. Zweiter Band. 1852—1854. Berlin 1902.

вѣры ослабили и, съ теченіемъ времени, окончательно заглушили эти благочестивые и воинственные порывы.

Въ XVIII вѣкѣ о крестовыхъ походахъ напоминалъ единственно уцѣлѣвшій съ тѣхъ поръ орденъ Іоаннитовъ, который, поселившись сначала на островѣ Родосѣ, а затѣмъ на Мальтѣ, лелѣялъ еще въ душѣ смѣлые замыслы крестоносцевъ, но встрѣчалъ въ нихъ постоянно отпоръ со стороны дипломатовъ.

Духъ благочестія пережилъ духъ завоеванія. На судахъ, выходившихъ изъ портовъ Марсели, Генуи или Венеціи, высаживаются въ наше время на берега Палестины многочисленные христіане, вооруженные не мечомъ, подобно своимъ предкамъ, а странническимъ посохомъ; это богомольцы, кающіеся грѣшники, а не воины. Въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ и Назаретѣ существуетъ нѣсколько монастырей, гдѣ утомленные, неимущіе или больные странники и богомольцы находятъ пріютъ. Монахи этихъ монастырей съ любовью предаются благочестивымъ дѣламъ и постепенно расширяютъ кругъ своей дѣятельности.

Отторгнутые отъ родины, которую имъ нерѣдко не суждено было болѣе увидать, погруженные въ воспоминаніе великихъ событій, воодушевленные вѣрой, усугубляемой презрѣніемъ къ невѣрнымъ, наши предки считали для себя за честь и отраду ознаменовать какимъ-либо памятникомъ или какою-либо эмблемою каждое мѣстечко, гдѣ, по свидѣтельству Евангелія, жилъ Спаситель. Они старались сохранить отъ разрушенія или отъ фанатизма турокъ церкви, воздвигнутыя крестоносцами, украшали статуями или символическими изображеніями гроты, источники, оливковыя рощи, прославленныя св. писаніемъ. Въ Виѳлеемѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находились ясли, была поставлена серебряная звѣзда въ память той звѣзды, которая возвѣстила о рожденіи Іисуса Христа; кресты и цѣлыя дороги, обставленныя крестами, напоминали его Страстный путь. Такимъ же вниманіемъ были окружены могилы извѣстнѣйшихъ крестоносцевъ, Годфрида Бульонскаго, Бодуина; ихъ розыскали, возстановили, окружили почетомъ. Монахи, жившіе въ Святой Землѣ, не были позабыты, не смотря на то, что они находились далеко отъ Европы; папы давали имъ индульгенціи; короли предоставляли имъ важныя привилегіи; имъ присылались великолѣпные подарки, въ знакъ признательности отъ богомольцевъ, встрѣтившихъ подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ пріютъ и уходъ во время болѣзни. Объ этихъ благодѣяніяхъ свидѣтельствовали гербы и надписи, сдѣланныя на стѣнахъ монастырей и храмовъ. Надъ каждымъ монастыремъ, который являлся вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы маленькой крѣпостцою, развѣвался флагъ той націи, которой онъ принадлежалъ; среди нихъ особенно выдѣлялся бѣлый французскій флагъ, какъ залогъ покровительства, хотя не всегда дѣйствительнаго, но болѣе могущественнаго, нежели всѣ остальныя. Мало-по-

малу христіанскій міръ привыкъ обозначать однимъ и тѣмъ же названіемъ священную почву Іудеи и учрежденія, возникшія благодаря усердію монаховъ и щедрости Западной Европы; онъ сталъ называть ихъ Святыми мѣстами. Но съ теченіемъ времени оказалось, что невѣрные были не единственными врагами католическихъ монаховъ въ Палестинѣ. Рядомъ съ монашествующими лицами латинской церкви, подчиненными верховной власти римскаго папы и тѣсно связанными съ западными народами и въ особенности съ Франціей, въ Іерусалимѣ и въ Виѳлеемѣ появились общежитія греческихъ монаховъ, которые смотрѣли на Россію, какъ на свою естественную защитницу и покровительницу. Соперничество между тѣми и другими монашествующими не проявлялось до тѣхъ поръ, пока Московское государство было не особенно сильно. По когда вновь возникшая, въ началѣ XVIII вѣка, имперія увеличилась въ своихъ размѣрахъ и выказала стремленіе играть первенствующую роль на Востокѣ, то греческіе монахи, проживавшіе въ Палестинѣ, стали проявлять честолюбивые замыслы, соразмѣрные возникавшему могуществу ихъ покровителя, и начали оспаривать вѣковыя преимущества латинской церкви сначала тайно, а затѣмъ болѣе и болѣе явно. Мало-по-малу дѣло дошло до того, что представители Франціи въ Константинополѣ стали протестовать. По ихъ словамъ, они не добивались никакихъ новыхъ привилегій для своихъ единовѣрцевъ, но хотѣли только, чтобы statu quo было опредѣлено какимъ-нибудь актомъ, который прекратилъ бы захваты грековъ. Ихъ просьба была удовлетворена.

Въ 1740 г. между Франціей, долгое время бывшею единственною представительницею западно-европейскаго міра въ Турціи, и Оттоманской Портой былъ заключенъ договоръ, коимъ монахамъ латинскаго вѣроисповѣданія было обезпечено «обладаніе всѣми Святыми мѣстами, куда они ѣздили на поклоненіе въ Іерусалимѣ», при томъ, какъ говорилось въ договорѣ, «въ томъ самомъ видѣ, какъ они владѣли ими до тѣхъ поръ».

Греки не оспаривали этотъ договоръ, напротивъ того, они выразили готовность подчиняться ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ постарались уничтожить всецѣло его значеніе и расширить мало-по-малу свои права. Вначалѣ они заявили скромное желаніе владѣть нѣкоторыми святилищами совмѣстно съ католиками, говоря, что добиваются только права служить у престола, хотя бы послѣ латинянъ; но вскорѣ они захотѣли служить первые, а затѣмъ одни. Они попросили вначалѣ одинъ ключъ отъ дверей большаго храма въ Виѳлеемѣ, потомъ два ключа отъ дверей въ пещеру Рождества Христова, а когда имъ дали всѣ ключи, то они отказались возвратить ихъ. Въ одномъ мѣстѣ они захватили нѣсколько комнатъ, въ другомъ выдвинули стѣну, чтобы увеличить свою церковь. Они разрушали то, что не могли присвоить, и наконецъ похитили изъ

Виѳлеема серебряную звѣзду, которая издавна находилась тамъ и которую богомольцы привыкли почитать. Чѣмъ болѣе возрастало значеніе Россіи, тѣмъ болѣе возрастали притязанія грековъ, противъ которыхъ представители католической церкви энергично протестовали; въ сущности это было соперничество двухъ церквей, борьба двухъ народностей.

Съ 1841 г. восточный вопросъ какъ будто затихъ, послѣ того какъ надъ турецкими дѣлами былъ установленъ совмѣстный протекторатъ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, къ которымъ скоро присоединилась Франція, которая долгое время не внимала жалобамъ, доходившимъ до нея изъ Іерусалима. Въ монастыряхъ Палестины смѣнился цѣлый рядъ настоятелей, съ неутомимой настойчивостью повторявшихъ свои жалобы, которыя обыкновенно никто не слушалъ, и только въ 1850 г. французское правительство рѣшилось напомнить Портѣ торжественныя условія договора, заключеннаго ею въ 1740 г.

28-го мая 1850 г. французскій посланникъ въ Константинополѣ генералъ Опикъ (Aupick) вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ Алипашѣ ноту, въ которой были изложены жалобы католиковъ и предъявлялось требованіе, чтобы эти жалобы были удовлетворены. Перечисляя главнѣйшія святилища и священныя мѣста, коихъ лишились католики, генералъ Опикъ доказывалъ, что эти захваты были совершены греками послѣ заключенія договора 1740 г., и слѣдовательно этимъ былъ нарушенъ точный его смыслъ. Прося у султана справедливости, онъ настаивалъ на соблюденіи прежнихъ обязательствъ.

Это требованіе было принято султаномъ довольно равнодушно, хотя оно поставило его въ затруднительное положеніе. Ему было, разумѣется, безразлично, греки или латиняне совершали богослуженіе въ іерусалимскихъ святилищахъ, онъ видимо даже былъ готовъ явиться посредникомъ между двумя христіанскими вѣроисповѣданіями, которыхъ законъ Магомета одинаково повелѣвалъ ему проклинать. Но съ точки зрѣнія политики вопросъ былъ весьма затруднительный. Всѣмъ было извѣстно, что Россія считала себя обязанной покровительствовать всѣмъ православнымъ христіанамъ [1]) и что она приметъ на свой счетъ всякую нанесенную имъ обиду. Съ другой стороны, не обративъ вниманія на законныя требованія Франціи, можно было задѣть ея самолюбіе. Обидѣть

---

[1]) Начало протектората Россіи надъ христіанами въ Турціи положено Кучукъ-Канарджійскимъ договоромъ 1774 г., въ силу котораго русскимъ посламъ дозволялось дѣлать представленія въ пользу воздвигнутой въ Константинополѣ церкви и служащихъ въ оной; послѣдующіе трактаты подтвердили это право. Но Ункіаръ-Скелессійскій договоръ 1833 г., обезпечивавшій за одной Россіей вмѣшательство въ турецкія дѣла, уступилъ мѣсто лондонскому трактату 1840 г., установившему совмѣстный протекторатъ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, къ которымъ присоединилась скоро и Франція. В. Т.

ту или другую державу было одинаково опасно. Россіи, искони враждебной Турціи, не слѣдовало давать повода къ нападенію; Франція же была всегдашней союзницей, которою надобно было дорожить.

Проволочка—обычный пріемъ людей слабыхъ, и для этого какъ нельзя лучше подходитъ извѣстная медлительность Востока; поэтому турки старались уклониться отъ опаснаго для нихъ рѣшенія, прибѣгая къ проволочкамъ. Они сослались прежде всего на необходимость разсмотрѣть фирманы или султанскіе указы, относящіеся къ этому предмету. Такъ какъ ихъ было много и они были весьма разнорѣчивы, то этимъ можно было выиграть не мало времени, но генералъ Опикъ настоятельно требовалъ отвѣта.

— Фирманы не важны,—сказалъ онъ высокомѣрно;—мы указываемъ на договоръ 1740 г., заключенный обѣими сторонами, который имѣетъ несравненно болѣе значенія, нежели всѣ постановленія султана.

Встрѣтивъ отпоръ съ этой стороны, диванъ сослался на многочисленные религіозные праздники, въ которые Коранъ предписываетъ всякому правовѣрному мусульманину ничего не дѣлать. Кстати подошелъ рамазанъ, время поста и покаянія, когда пріостанавливаются всѣ дѣла. Затѣмъ подоспѣлъ байрамъ, дни празднествъ и веселья, которые нельзя было омрачить трудомъ. Когда праздники окончились, турецкіе министры сдѣлались невидимы: ихъ обуяло желаніе путешествовать. Али-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ, очутился въ Бруссѣ, и по неволѣ пришлось ожидать его возвращенія. Когда, наконецъ, всѣ средства къ проволочкамъ были истощены, то придумали назначить для обсужденія вопроса коммиссію. Какъ мало ни были турки знакомы съ обычаями западныхъ державъ, но все же они знали, что изо всѣхъ средствъ затормозить дѣло коммиссія была самымъ вѣрнымъ.

Вначалѣ была назначена смѣшанная коммиссія, состоявшая изъ мусульманъ и христіанъ. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, она оказалась довольно дѣятельной и по прошествіи семи или восьми мѣсяцевъ выработала проектъ соглашенія, который Ла-Валеттъ, занявшій мѣсто генерала Опика, счелъ возможнымъ утвердить, хотя соглашеніемъ не были подтверждены права, дарованныя латинянамъ въ 1740 году, и грекамъ было предоставлено право пользоваться привилегіями, которыя они себѣ присвоили. Не смотря на эти ограниченія католиками былъ одержанъ, такимъ образомъ, все же нѣкоторый успѣхъ, и тюльерійскій кабинетъ, коему наскучили эти безконечаемыя пререкательства, ничего болѣе не требовалъ. Ла-Валеттъ, бывшій выразителемъ желаній своего правительства, заявилъ, что онъ удовлетворенъ. Можно было надѣяться, что споръ улаженъ. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1851 года.

Но опасенія Порты вскорѣ сбылись. Удовлетвореніе, данное католикамъ, какъ бы оно ни было ничтожно, не могло не затронуть Россію,

какъ это и предвидѣли совершенно вѣрно всѣ лица, сколько-нибудь знакомыя съ восточнымъ вопросомъ.

Такъ, 9-го декабря 1851 г., французскій посланникъ въ Мюнхенѣ Тувенель, писалъ Цинтрату (Cintrat), директору архивовъ департамента иностранныхъ дѣлъ:

«Что означаетъ споръ, затѣянный нами въ Константинополѣ по поводу Святыхъ мѣстъ? Надѣюсь, что онъ не такъ важенъ, какъ это изображаютъ нѣмецкія газеты. Я знакомъ съ Востокомъ и могу васъ увѣрить, что Россія не уступитъ. Это для нея вопросъ жизни или смерти; было бы желательно, чтобы это знали въ Парижѣ, если тамъ не хотятъ доводить дѣло до крайности».

Дѣйствительно, русскій посланникъ въ Константинополѣ Титовъ, узнавъ о новомъ договорѣ, который Францiя собиралась подписать съ Портою, поспѣшилъ къ Али-пашѣ и просилъ его повременить окончательнымъ рѣшеніемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не снесется по этому поводу со своимъ правительствомъ, а когда турецкій министръ отвѣчалъ на это уклончиво, то Титовъ сказалъ:

— Берегитесь, всякое нарушеніе statu quo будетъ сочтено моимъ монархомъ оскорбительнымъ для его достоинства, и онъ не замедлитъ протестовать противъ этого оффиціально.

— Я вижу положительно,—прибавилъ Титовъ,—что Порта поступаетъ подъ протекторатъ Франціи.

Али отвѣчалъ, что его монархъ не признаетъ ничьего протектората [1]).

Такая стойкость турецкаго правительства была непродолжительна. Какъ разъ въ это время (25-го октября 1851 г.), въ Константинополь пріѣхалъ князь Гагаринъ, привезшій султану собственноручное письмо императора Николая I, коимъ требовалось, чтобы Абдулъ-Меджидъ отказалъ Франціи въ ея требованіяхъ. Шагъ былъ настолько серьезенъ, что переговоры съ Франціей неожиданно были прерваны, не смотря на энергичныя возраженія со стороны маркиза Ла-Валетта, который уже былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Несчастная Турція, боявшаяся все время Франціи, стала теперь бояться Россіи и только и думала о томъ, какъ бы отказаться отъ всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ ею Франціи. Чтобы скрыть это желаніе, она заявила о необходимости навести дополнительныя справки. Смѣшанная коммиссія, дѣйствовавшая вначалѣ, была замѣнена другой, въ которой засѣдали одни мусульмане: министры и улемы. Отдѣлаться наи-

---

[1]) Депеша сэра Стратфорда лорду Пальмерстону 5-го ноября 1851 года. (Correspondence respecting the rights and privileges of the latin and greck. Churches, ч. I, стр. 29).

болѣе дешевой цѣною отъ притязаній Франціи и въ то же время избѣжать гнѣва могущественной Россіи таково было единственное желаніе турокъ.

Какъ бы то ни было, маркизъ Ла-Валеттъ не принадлежалъ къ числу лицъ, которыя легко признаютъ себя побѣжденными, въ особенности въ дѣлѣ, въ которомъ побѣда была такъ близка. Благодаря своей настойчивости и необычайной ловкости, онъ вынудилъ у турецкихъ министровъ, совершенно сбитыхъ съ толку этими распрями, фирманъ, извѣстный подъ названіемъ фирмана 8-го февраля 1852 г., коимъ послѣдніе указы султановъ были, повидимому, согласованы съ правами, данными католикамъ старинными трактатами. Но въ сущности, сдѣланныя имъ уступки были такъ незначительны, что они утратили почти все свое значеніе и сводились только къ праву совершать богослуженіе у могилы Богородицы въ Іерусалимѣ и имѣть ключи отъ церкви Рождества Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ.

Добиться такого ничтожнаго результата стоило маркизу Ла-Валетту немалаго труда.

Нижеслѣдующее письмо маркиза къ Арману Лефевру [1]) даетъ лучше всякихъ комментаріевъ понятіе о политической атмосферѣ, въ которой приходилось дѣйствовать представителю Франціи въ Константинополѣ, и о затрудненіяхъ, съ коими ему приходилось сталкиваться при веденіи этихъ щекотливыхъ переговоровъ.

Пера, 5-го января 1852 г.

«Любезный другъ,—писалъ Ла-Валеттъ,—я пережилъ крайне трудную недѣлю. Когда я увидѣлъ себя побитымъ рѣшеніемъ Великаго Совѣта, которое было принято большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ четырехъ (это обошлось, вѣроятно, дорого грекамъ и г. Титову), то я отправился къ великому визирю Решидъ-пашѣ, попросилъ его пригласить министра иностранныхъ дѣлъ Али-пашу и объявилъ имъ рѣшительно, что я не могу хладнокровно перенести подобную несправедливость; что это значило бы поступать слишкомъ легкомысленно по отношенію къ Франціи; что прошло время, когда можно было душить людей между застѣнками, и что я оффиціально прошу великаго визиря испросить мнѣ у его величества аудіенцію, въ которой я почтительно, но энергично изложу жалобы его старѣйшаго союзника. Решидъ-паша, пораженный горячностью моихъ словъ (ибо до тѣхъ поръ мои рѣчи были сладки, какъ медъ), замѣтилъ, что быть можетъ въ Парижѣ не одобрятъ ни сдѣланнаго мною шага, ни моихъ словъ.

---

[1]) Предшественникъ Тувенеля въ управленіи департаментомъ иностранныхъ дѣлъ.

«Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ я,—если е. в. султанъ недоволенъ тѣмъ или другимъ, то у него есть въ Парижѣ г. Каллимахи (турецкій посланникъ), который можетъ на это пожаловаться».

«Я чувствовалъ, что я сжигаю корабли; но повѣрьте, оскорбленіе было слишкомъ сильно. Весьма возможно, что въ Парижѣ, ошеломленные великими и достопамятными событіями [1]), совершающимися вокругъ васъ, вы заблуждаетесь на счетъ печальныхъ послѣдствій понесеннаго нами здѣсь пораженія; но, предвидя его роковыя послѣдствія, я былъ обязанъ сдѣлать все возможное для того, чтобы предупредить ихъ, хотя бы подвергая себя при этомъ опасности. Я надѣялся, что султанъ и его министры откажутся отъ свиданія со мной, что они могли сдѣлать, только уступивъ моимъ требованіямъ. Такъ и случилось. Я не выходилъ изъ своей квартиры съ прошлой среды и только сегодня по утру, въ день отхода парохода, я отправился въ 8 часовъ утра къ Али-пашѣ, съ которымъ, кстати сказать, я нахожусь до сихъ поръ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и которому я оказывалъ всегда, по крайней мѣрѣ по видимости, полное довѣріе, дѣлая видъ, что я не причисляю его къ своимъ врагамъ. Мнѣ кажется, что онъ болѣе всѣхъ расположенъ къ намъ и въ то же время лучше всѣхъ знаетъ дѣла. Прежде всего онъ далъ мнѣ прочитать прекрасную депешу, написанную имъ къ Каллимахи по поводу послѣднихъ событій (во Франціи). Вы увидите изъ нея, что султанъ говоритъ въ этой депешѣ о своемъ восхищеніи принцемъ-президентомъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ:

«Вы хотите узнать что-нибудь о вашей аудіенціи. Надѣюсь и даже почти увѣренъ, что въ ней не будетъ надобности, и что когда вы получите оффиціальное извѣщеніе о результатѣ плебисцита [2]) французскаго народа, то вамъ придется увидать его величество съ болѣе пріятной цѣлью. Я ожидаю великаго визиря, который находится во дворцѣ.

«Въ тотъ же день я слышалъ, что султанъ препроводилъ наше дѣло для пересмотра его въ совѣтѣ въ смыслѣ, указанномъ Али-пашою. Вотъ въ какомъ положеніи находятся здѣсь дѣла.

«Съ слѣдующимъ курьеромъ сообщу вамъ дальнѣйшія подробности. Мнѣ такъ нездоровится, что я едва могъ сѣсть на лошадь, чтобы отправиться въ Порту, но я твердо рѣшилъ бороться не на животъ, а на смерть. Кстати, не подумайте, что мнѣ придется попросить у васъ секретныхъ суммъ для веденія переговоровъ. Я намекалъ только на нѣсколько орденовъ, которые мнѣ придется просить у васъ, болѣе ничего».

---

[1]) Говорится о государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 г., упрочившемъ президентство принца Людовика Наполеона, впослѣдствіи императора Наполеона III.

[2]) Всеобщая подача голосовъ, коей избраніе Людовика Наполеона президентомъ одобрено французскимъ народомъ.

Нѣсколько дней спустя, 25-го января 1852 г., маркизъ Ла-Валеттъ писалъ частное письмо Тувенелю, только-что заступившему мѣсто Армана Лефевра, въ качествѣ управляющаго департаментомъ иностранныхъ дѣлъ.

«Любезный Тувенель,—писалъ онъ,—я очень радъ, что мое первое письмо сообщитъ вамъ добрыя вѣсти. Послѣдній разговоръ, который я имѣлъ съ Али-пашою, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно скораго окончанія дѣла (о фирманѣ), и если не случится какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, то слѣдующій курьеръ доставитъ вамъ оффиціальное письмо Порты и протестъ, написанный мною въ твердыхъ, но умѣренныхъ выраженіяхъ, коимъ я долженъ закончить переговоры, чтобы сохранить всѣ наши права. Мы условились, что Али-паша сообщитъ мнѣ о полученіи этого акта, но не будетъ отвѣчать на него. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать человѣкъ, чтобы окончить достойнымъ образомъ эти опасные и щекотливые переговоры; я былъ поставленъ въ большое затрудненіе вслѣдствіе распространяемаго здѣсь съ злымъ умысломъ слуха, будто дѣло это покончено въ Парижѣ между Киселевымъ и всѣми вами.

Но едва это письмо было отправлено, какъ неожиданное осложненіе снова поставило дѣло въ совершенную неизвѣстность. Вслѣдствіе домогательства русской партіи, обнародованіе фирмана, извѣстнаго впослѣдствіи подъ названіемъ фирмана 8-го февраля 1852 г., коимъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ могъ бы быть оконченъ, было задержано, а вслѣдствіе дворцовой интриги великій визирь Решидъ-паша былъ смѣненъ (26-го января) Реуфъ-пашою, 94-хъ-лѣтнимъ старикомъ, который уже неоднократно исполнялъ трудныя обязанности перваго совѣтника султана.

«Любезный Тувенель,—писалъ по этому поводу Ла-Валеттъ 28-го января.—Я имѣю всего нѣсколько минутъ до отхода «la Vedette», чтобы сообщить вамъ о паденіи Решидъ-паши. Сознайтесь, что намъ не везетъ. Али-паша въ тотъ самый день уполномочилъ меня написать оффиціально въ Парижъ, что дѣло совершенно окончено, и мы поздравили другъ-друга съ благополучнымъ исходомъ нашихъ взаимныхъ непріятностей. А въ ночь великій визирь былъ смѣненъ! Я слышу со всѣхъ сторонъ, что министерство пало вслѣдствіе дворцовой интриги, имѣющей связь съ іерусалимскими дѣлами. Пока не могу еще сказать въ точности, какое значеніе и основаніе могутъ имѣть эти слухи. Но я счелъ бы весьма знаменательнымъ, если бы преемникъ Али-паши не выполнилъ обязательствъ, принятыхъ на себя падшимъ министерствомъ, тѣмъ болѣе, что Али-паша заявилъ мнѣ, что Великій Совѣтъ (Grand Conseil) ратификовалъ текстъ измѣненной ноты, въ которой излагалось содержаніе фирмана. Г. Коръ (первый драгоманъ французскаго посольства) пріѣхалъ

изъ Порты. Мнѣ кажется, едва ли можно сомнѣваться въ истинной причинѣ, которой вызвано паденіе министерства. Прошу васъ прислать мнѣ инструкціи немедленно съ обратнымъ курьеромъ. Но если, какъ я опасаюсь, дѣло снова затянется, то я постараюсь выиграть время, что̀ будетъ, вѣроятно, не легко; если я увижу съ первыхъ словъ новаго рейсъ-еффенди, что онъ рѣшилъ не признавать обязательствъ, принятыхъ его предшественникомъ, то продолжать безполезные переговоры будетъ,—по моему мнѣнію,—совершенно несовмѣстно съ достоинствомъ Франціи. Я писалъ вамъ вчера, что все кончено, если только не случится какихъ-либо чрезвычайныхъ событій. Эти событія произошли. Мнѣ не нужно спрашивать васъ, одобряете ли вы мое поведеніе, и просить у васъ энергической поддержки въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыя я поставленъ. Я считаю, что я исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ, но мнѣ, по многимъ причинамъ, необходимо, чтобы вы сказали это мнѣ во всеуслышаніе. Мнѣ остается еще надежда, что новые министры ратификуютъ принятое Али-пашою обязательство, возложивъ, по отношенію къ Россіи, за это отвѣтственность на министерство, ниспровергнутое русской партіей; я не имѣю времени сказать вамъ все, что̀ приходитъ мнѣ въ голову въ первый моментъ».

Къ счастью для Турціи, Франція хотѣла во что бы то ни стало покончить этотъ докучливый споръ какъ можно скорѣе и поэтому была готова удовольствоваться самыми ничтожными уступками.

Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, весьма важный въ своей совокупности, сводясь къ частностямъ, казался не болѣе какъ споромъ изъ-за религіи и даже изъ-за одной обрядности, и могъ даже возбуждать насмѣшки. Это чувствовали въ Парижѣ.

«Право, — говорилъ Тюрго, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ,—подобные факты не могутъ повести къ разрыву дипломатическихъ сношеній». То же чувствовали и въ Константинополѣ; поэтому товарищи Ла-Валетта по дипломатическому корпусу поддерживали его весьма слабо.

Иначе смотрѣлъ на дѣла французскій посланникъ, который получилъ, наконецъ, 8-го февраля 1852 г. извѣстный фирманъ, въ коемъ говорилось, что такъ какъ главный куполъ церкви Гроба Господня составляетъ принадлежность всего храма вообще, то желаніе латинянъ владѣть большимъ и малымъ куполомъ, мѣстомъ снятія со Креста на Голгоѳѣ, галлереей Богородицы, большой церковью въ Виѳлеемѣ и пещерой Рождества Христова лишено всякаго основанія. Султанъ постановилъ, что относительно всѣхъ вышепоименованныхъ Святыхъ мѣстъ все останется въ томъ же положеніи, какъ и нынѣ. Съ другой стороны, въ фирманѣ говорилось, что, такъ какъ одинъ изъ ключей отъ сѣверныхъ и южныхъ дверей большой церкви въ Виѳлеемѣ и отъ дверей въ пещеру-

Рождества Христова, находящуюся подъ этой церковью, былъ данъ издавна грекамъ и въ то же время латинянамъ и армянамъ, что и было подтверждено высочайшимъ фирманомъ, обнародованнымъ въ 1160 г. Эгира (1744 г.), то греки должны довольствоваться этимъ преимуществомъ и предоставить латинянамъ ключи, коими они уже пользуются. Statu quo былъ подтвержденъ и относительно обоихъ Виѳлеемскихъ садовъ. Относительно же могилы Богородицы, въ фирманѣ было сказано, что желаніе латинянъ обладать исключительно этимъ святилищемъ неосновательно, но, съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія изгонять ихъ оттуда, такъ какъ греки, армяне, сирійцы и копты совершаютъ въ немъ свои религіозные обряды. Вслѣдствіе этого латинянамъ былъ разрѣшенъ доступъ къ могилѣ Богородицы совмѣстно съ лицами иныхъ вѣроисповѣданій. Относительно церкви Вознесенія Христа, находящейся на Оливковой горѣ, такъ какъ латиняне совершали въ ней богослуженіе въ день Вознесенія, то султанъ повелѣлъ предоставить таковое же преимущество и грекамъ. Церковь же Вознесенія по-прежнему должна была охраняться привратникомъ-мусульманиномъ.

«Благодаря Бога, мы вышли съ честью изъ крайне щекотливаго и угрожающаго вопроса о Святыхъ мѣстахъ,—писалъ Ла-Валеттъ Тувенелю 15-го февраля.—Вы, любезный Тувенель, хорошо знакомы съ Востокомъ, давно уже поняли то, къ чему прочіе относятся, повидимому, легко. Въ данномъ случаѣ, дѣло касалось болѣе политики, нежели простаго спора между монахами. Надобно было либо не начинать его, либо настоять на своемъ. Конечно, мы не получили всего, на что мы были въ правѣ разсчитывать, но мы спасли право и добились, въ сущности, довольно важнаго преимущества (доступа ко гробу Богоматери). Записочка, полученная мною, сію минуту, отъ Али-паши дастъ вамъ понятіе о томъ, какое значеніе имѣетъ одержанный нами успѣхъ; объ этомъ можно судить по страху, обуявшему несчастныхъ турецкихъ министровъ. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ было дѣло: Али-паша сообщилъ необдуманно г. Титову ноту, въ которой была изложена сущность фирмана, который онъ долженъ былъ сообщить мнѣ. Титовъ потребовалъ, чтобы въ этомъ фирманѣ были сдѣланы измѣненія, которыя совершенно искажали его смыслъ. Вслѣдствіе этого между мною и Али-пашою произошла сцена, хотя я не зналъ еще въ то время навѣрно, что причиною этого вѣроломства былъ Титовъ.

«Въ Одессу было даже послано стоящее на здѣшнемъ рейдѣ, русское судно (станціонеръ) съ текстомъ исправленной ноты, но предъявленное мною Оттоманскому кабинету энергическое требованіе, чтобы онъ выполнилъ свои обязательства и окончательный срокъ, 9-го февраля, назначенный мною для этого, заставили кабинетъ вручить мнѣ ноту, съ коей я посылаю вамъ копію. Титовъ жалуется на измѣну, и

Али-паша, встревоженный, проситъ меня держать эту ноту нѣкоторое время въ тайнѣ, отнюдь не оспаривая однако того, что я имѣю право сказать, что дѣло окончено, такъ какъ здѣсь все становится извѣстно въ тотъ же день и всѣ уже знаютъ, что дѣло сдѣлано, хотя никто не знаетъ подробностей. Нѣтъ надобности говорить, что я скромничаю и не имѣю ни малѣйшаго желанія посвящать въ дѣло всѣхъ и каждаго. Я жалуюсь напротивъ на то, что происки русскихъ помѣшали кабинету поступить относительно насъ съ должной справедливостью. Но крики, поднятые нашими противниками, заставляютъ всѣхъ предполагать, что ими одержанъ гораздо болѣе существенный успѣхъ, нежели это есть на самомъ дѣлѣ».

Въ Парижѣ не обманывались, однако, относительно результата переговоровъ, веденныхъ Ла-Валеттомъ, и не придавали ему слишкомъ большаго значенія.

«Я искренно желаю,—писалъ Тувенель въ Петербургъ французскому послу Кастельбажаку [1]), чтобы вопросъ о святыхъ мѣстахъ не слишкомъ огорчилъ императора Николая. Мы начали это дѣло, быть можетъ, нѣсколько легкомысленно, но намъ невозможно было не довести его до конца.

«Успѣхъ, достигнутый нами, въ сущности очень не великъ, но неосторожный, по моему мнѣнію, образъ дѣйствій Титова и тотъ фактъ, что онъ всюду разгласилъ о письмѣ императора Николая къ султану, придали ему какое-то особенное значеніе. Протестъ г. Ла-Валетта противъ соглашенія, предложеннаго Портою, существуетъ только pro forma, и мы вовсе не думаемъ ссылаться на него въ будущемъ».

Дѣйствительно, получивъ 8-го февраля 1852 г. фирманъ султана, маркизъ Ла-Валеттъ заявилъ Портѣ, что Франція сохраняетъ всѣ историческія права, проистекающія изъ предъидущихъ договоровъ. Такимъ образомъ вопросъ по существу оставался открытымъ въ ожиданіи того времени, когда могъ представиться случай рѣшить его въ болѣе благопріятномъ смыслѣ.

15-го марта 1852 г. маркизъ Ла-Валеттъ, утомленный всѣми пережитыми треволненіями, уѣхалъ въ трехмѣсячный отпускъ, по его словамъ, «довольный тѣмъ, что могъ позабыть на время грековъ, латинянъ, турокъ и русскихъ», предоставляя другимъ распутывать докучливый вопросъ о Святыхъ мѣстахъ. Его замѣстителемъ въ Константинополѣ остался, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, первый секретарь французскаго посольства Сабатье, знатокъ Востока, служившій долгое время въ Аѳинахъ секретаремъ при тамошнемъ посольствѣ, человѣкъ умный, весьма энергичный и стремительный. Онъ велъ дѣятельную и откро-

---

[1]) Отъ 15-го марта.

венную переписку съ Тувенелемъ, съ которымъ близко сошелся еще въ Греціи. Сабатье смотрѣлъ на дѣло правильно и не создавалъ себѣ никакихъ иллюзій.

«Любезный другъ,—писалъ онъ Тувенелю 26-го марта.—Изъ вашихъ послѣднихъ депешъ и изъ письма г. Рейневеля (французскаго посланника при папскомъ дворѣ) я вижу, что въ Парижѣ и въ Римѣ всѣ въ восторгѣ отъ рѣшенія, которое приняло дѣло о Святыхъ мѣстахъ. На это имѣется полное основаніе. Хотя результатъ, достигнутый нами, не особенно великъ, но сдѣланныя намъ уступки все же имѣютъ значеніе; это видно изъ того, что въ Аѳинахъ точно такъ же, какъ и здѣсь, греки, и въ частности всѣ друзья Россіи рвутъ и мечутъ. Я нахожу со своей стороны, что для насъ самое лучшее въ этомъ случаѣ то, что, такъ или иначе, дѣло все-таки рѣшено. Намъ надобно было, во что бы то ни стало, выйти изъ затруднительнаго положенія, и мы вышли изъ него болѣе прилично, нежели можно было ожидать. Остается довершить дѣло, т. е. привести его въ исполненіе. Будьте увѣрены, что я употреблю всевозможное стараніе къ тому, чтобы не случилось новыхъ осложненій. Если Пасха пройдетъ спокойно въ Іерусалимѣ, то все будетъ спасено.

«Маркизъ Ла-Валеттъ уѣхалъ нѣсколько отуманенный успѣхомъ; впрочемъ, онъ можетъ быть правъ, такъ какъ вы не можете себѣ представить, сколько ему пришлось пустить въ ходъ ума, ловкости, дѣятельности во время этихъ нескончаемыхъ переговоровъ».

Между тѣмъ въ Петербургѣ были крайне недовольны успѣхомъ, достигнутымъ Франціей. Генералъ, маркизъ де-Кастельбажакъ, питавшій особенно сильную симпатію къ Россіи или, лучше сказать, къ императору Николаю, писалъ Тувенелю 31-го марта:

«Я всегда былъ того же мнѣнія, какъ и вы, любезный товарищъ, что въ виду нашего политическаго положенія, въ особенности по отношенію къ Россіи, мы поступили бы благоразумнѣе, не подымая пока вопроса о Святыхъ мѣстахъ, какъ бы онъ ни былъ важенъ для нашихъ религіозныхъ чувствъ и для нашего вліянія на Востокѣ. Но, поднявъ его, надобно было довести его до конца какъ можно лучше; кажется, это и было сдѣлано, при чемъ удалось сочетать право съ умѣренностью и терпимостью. Здѣсь узнали съ удовольствіемъ, что мы удовлетворимся сдѣланнымъ, и что нашъ протестъ сдѣланъ только для pro form'ы, но все это дѣло очень не понравилось и чрезвычайно взволновало русское общественное мнѣніе, которое обыкновенно ни во что особенно не вмѣшивается.

«Нессельроде, который со своей стороны не особенно имъ интересуется, говорилъ со мною объ этомъ всякій разъ съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ и замѣшательствомъ, и, выслушавъ мои послѣднія сообще-

нія по этому поводу, которыя имѣли и пріятную для него сторону, онъ сказалъ мнѣ, что императоръ оскорбленъ тѣмъ, что не сдержали обѣщанія, даннаго въ свое время Бруннову въ Лондонѣ, и не выждали для начала переговоровъ въ Константинополѣ болѣе благопріятнаго, въ политическомъ смыслѣ, времени. Онъ жаловался на огласку, приданную этому дѣлу съ самаго начала газетою «Journal des Débats», и на угрозы, какія были сдѣланы, по его словамъ, нашимъ посланникомъ Портѣ. Словомъ, дѣло это, надѣюсь, окончено, хотя по нѣкоторымъ не вполнѣ яснымъ намекамъ Нессельроде можно думать, что онъ еще не считаетъ его оконченнымъ».

Для внимательнаго наблюдателя было ясно, что Россія, потерпѣвшая до нѣкоторой степени неудачу въ вопросѣ о фирманѣ, всячески постарается ослабить успѣхъ, достигнутый Ла-Валеттомъ. Тѣмъ не менѣе, 7-го апрѣля, султанъ назначилъ Эминъ-эффенди, перваго драгомана Порты, предсѣдателемъ коммиссіи, коей было поручено привести въ исполненіе фирманъ 8-го февраля. Сабатье писалъ 15-го апрѣля 1852 г. по этому поводу Тувенелю:

«Что касается Святыхъ мѣстъ, то г. Ботта (французскій консулъ въ Іерусалимѣ) создаетъ бездну затрудненій. Письма визиря кажутся ему неясными, и онъ правъ; но онъ требуетъ измѣненій, которыя неизбѣжно повлекли бы за собою новые переговоры, быть можетъ, болѣе трудные, нежели первый, а я не думаю, чтобы вы были расположены къ этому. Впрочемъ, я написалъ Боттѣ, чтобы успокоить его. Онъ скоро вернется въ Іерусалимъ, но одинъ, а не съ русскимъ консуломъ, какъ онъ видимо желалъ. Коммиссаръ Порты, Эминъ-эффенди также получилъ приказаніе отправиться въ Іерусалимъ».

Въ щекотливомъ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ весь путь былъ усѣянъ затрудненіями. Неудовольствіе Россіи было очевидно. Тувенель писалъ по этому поводу 15-го апрѣля 1852 г. генералу Кастельбажаку:

«Я такъ и думалъ, что незначительный успѣхъ, одержанный нами въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ, вызоветъ неудовольствіе императора Николая, но честь повелѣвала намъ не отступать. Если Петербургскій кабинетъ этого не понялъ и хотѣлъ противодѣйствовать въ Константинополѣ тѣмъ, далеко не существеннымъ, а скорѣе кажущимся результатамъ, которые достигнуты Ла-Валеттомъ, то онъ заставитъ насъ этимъ протестовать и поднять снова вопросъ, который было бы благоразумнѣе не затрогивать вовсе. Письмо императора Николая къ султану подзадорило нашего президента и измѣнило ходъ переговоровъ. Изъ защитника религіи онъ сдѣлался политикомъ, а неудача его домогательства могла оказаться пагубною для нашего вліянія».

Въ томъ же письмѣ отъ 15-го апрѣля, оставивъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, Тувенель подѣлился съ генераломъ Кастельбажакомъ мыслями

относительно одного непредвидѣннаго событія, чрезвычайно взволновавшаго политическій миръ Европы. Въ то время только-что скончался внезапно князь Шварценбергъ, первый министръ императора австрійскаго; безвременная кончина этого государственнаго дѣятеля, одареннаго широкими и гуманными взглядами, и оказавшаго Австріи неоцѣнимыя услуги, вызвала большое сожалѣніе въ Парижѣ, гдѣ возможность возстановленія императорской власти,—къ чему князь Шварценбергъ подготовилъ Франца Іосифа,—становилась съ каждымъ днемъ все болѣе очевидною.

«Кончина князя Шварценберга,—писалъ Тувенель,—событіе весьма важное, съ которымъ въ Петербургѣ вѣроятно примирились, но которое съ нашей точки зрѣнія кажется мнѣ чрезвычайно прискорбнымъ. Князь Шварценбергъ, строго говоря, единственный изъ государственныхъ людей Европы, относился къ намъ доброжелательно. Онъ защищалъ интересы Австріи, но не имѣлъ предубѣжденій, присущихъ дворамъ неограниченныхъ монархій, и, получивъ извѣстіе о возстановленіи Имперіи, съ первымъ же курьеромъ призналъ бы ея существованіе. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что это событіе приближается; отъ того, какъ отнесутся къ нему прочія державы Европы, будетъ зависѣть, приметъ ли это великое событіе характеръ миролюбивый или воинственный. Для насъ оно будетъ актомъ вполнѣ консервативнымъ. Когда это случится, я не знаю. Но я вполнѣ увѣренъ, что оно не будетъ имѣть и тѣни государственнаго переворота или какого-либо насилія. Тамъ, гдѣ вы находитесь, не хотятъ въ сущности взглянуть на принца Людовика Наполеона иначе, какъ на случайнаго замѣстителя власти; здѣсь же готовы признать его настоящимъ представителемъ этой власти, насколько власть можетъ быть незыблема въ рукахъ человѣка. Въ Петербургѣ на него смотрятъ, если я не ошибаюсь, какъ на шляпу, заступающую мѣсто законной короны. Императоръ Николай своимъ возвышеннымъ умомъ долженъ бы, по моему мнѣнію, понять наше положеніе болѣе правильно. Развѣ не величайшее счастіе встрѣтить въ странѣ, столь волнуемой страстями, какъ наша страна, человѣка, который симпатиченъ народной массѣ и можетъ возвратить верховной власти то обаяніе, которое она по той или другой причинѣ утратила при двухъ отрасляхъ дома Бурбоновъ? Развѣ не совмѣстно съ интересами всѣхъ монарховъ Европы поощрять дѣло, коего плоды они первые же пожнутъ?»

Въ тотъ день, когда Тувенель писалъ въ Парижѣ вышеприведенныя строки, генералъ Кастельбажакъ, довѣряя миролюбивымъ намѣреніямъ канцлера Нессельроде, который гораздо вѣрнѣе понималъ требованія минуты, писалъ Тувенелю 15-го апрѣля 1852 г.:

«Я не вѣрю алчнымъ желаніямъ Россіи по отношенію къ Турціи. Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь въ Петербургѣ, я измѣнилъ присущій

западнымъ державамъ взглядъ на честолюбивые замыслы Россіи. Политика императора Николая не есть политика Екатерины. Возстановленіе въ Европѣ матеріальнаго и нравственнаго порядка и земледѣльческое, промышленное и торговое развитіе его обширной Имперіи, точно такъ же, какъ ея нравственное и административное развитіе составляютъ съ 1848 г. почти единственный предметъ заботъ императора. По его мнѣнію, это составляетъ основу его истиннаго могущества и благоденствія Россіи и эта задача достаточно велика для того, чтобы заполнить всю его жизнь. Наслѣдникъ цесаревичъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, а графъ Нессельроде, утомленный отъ дѣлъ, и которому уже семьдесятъ одинъ годъ, хотя онъ еще очень крѣпокъ и дѣятеленъ, только и жаждетъ покоя и желаетъ, чтобы всѣ затрудненія были улажены. Императоръ Николай никогда не согласится на то, чтобы ему былъ запертъ выходъ въ Босфоръ или въ Балтійское море и, слѣдовательно, чтобы какая-либо изъ великихъ державъ овладѣла Константинополемъ, а Германія—Зундомъ; но онъ самъ не хочетъ владѣть ими, будучи убѣжденъ, что владѣніе Константинополемъ повлекло бы за собою распаденіе единства Россійской имперіи (?) и не было бы сигналомъ къ европейской войнѣ. Будьте увѣрены въ томъ, что я вамъ говорю, и знайте, что Россія желаетъ прежде всего мира, мирнаго объединенія Польши и свободы дѣйствій въ дѣлахъ внутреннихъ. Это заставитъ ее въ сущности желать союза съ Франціей для обезпеченія себя отъ всякихъ случайностей, которыя могутъ угрожать ей со стороны Англіи; для насъ же это союзъ полезный, къ достиженію котораго надобно стремиться».

Эти слова, къ сожалѣнію, служили отголоскомъ бесѣдъ де-Кастельбажака съ канцлеромъ Нессельроде, а отнюдь не были выраженіемъ мыслей самого императора Николая. Извѣстный русскій дипломатъ, состарившійся въ дѣлахъ міровой политики, только и желалъ отдѣлаться отъ тревожившихъ его вопросовъ и покончить свои дни спокойно, пользуясь властью безъ постороннихъ треволненій.

Между тѣмъ двоедушіе турокъ готовило дипломатіи новые сюрпризы.

Въ концѣ апрѣля Сабатье узналъ, къ величайшему своему изумленію, что турецкіе министры, вѣрные своимъ политическимъ принципамъ, постарались загладить дурное впечатлѣніе, произведенное на Россію фирманомъ 8-го февраля, и что судно, на которомъ уѣхалъ Лаваллеттъ, не успѣло еще выйти изъ Дарданеллъ, какъ грекамъ былъ данъ тайно другой фирманъ, коимъ обезпечивалось statu quo и уничтожились всѣ уступки, сдѣланныя латинянамъ.

«Вы видите,—писалъ Сабатье Тувенелю, 25-го апрѣля 1852 г.,—что я говорю оффиціально о фирманѣ, данномъ грекамъ. Надѣюсь, вы не найдете, что я поступилъ дурно, пожелавъ выяснить это дѣло. Не-

сомнѣнно, что этотъ фирманъ существуетъ; что его скрыли отъ Ла-Валетта и что онъ заключаетъ довольно значительныя для насъ ограниченія. Если, какъ утверждаетъ Али-паша, г. Ла-Валлетъ, принимая ключи отъ Виѳлеемской церкви, обѣщалъ, что ими не будутъ пользоваться, то я не вижу, чего мы добились, и въ такомъ случаѣ наша побѣда ограничивается до смѣшнаго малыми размѣрами. Вамъ давно уже извѣстно мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Его напрасно начинали, и достигнутое ничтожно до смѣшнаго. Въ настоящее время было бы нелѣпо выдавать это за побѣду. А греки потираютъ руки точно такъ же, какъ и русскіе».

При видѣ такого двоедушія, такихъ происковъ, энергичная натура Сабатье возмущалась, и онъ 5-го мая писалъ Тувенелю:

«Любезный другъ. До сихъ поръ я писалъ вамъ на спѣхъ. Сегодня я располагаю нѣсколько болѣе временемъ. Позвольте мнѣ поговорить съ вами откровенно и высказать вамъ все то, что я думаю, безъ увлеченія, но вмѣстѣ съ тѣмъ никого не щадя и безъ малѣйшей утайки. Ради самаго дѣла и меня лично, весьма важно, чтобы вы знали, какъ тяжела ноша, которую мнѣ приходится нести. Въ послѣднемъ письмѣ вы говорите: не подымайте этого дѣла безъ крайней необходимости. Будьте покойны. Но скажу всю правду, какова она есть, и вотъ эта правда: послѣдніе два мѣсяца въ газетахъ и вездѣ только и было толковъ о побѣдѣ, одержанной нами въ дѣлѣ о Святыхъ мѣстахъ. Въ Парижѣ и въ Римѣ всѣ въ восторгѣ или по крайней мѣрѣ высказываются въ этомъ смыслѣ, и г. Ла-Валеттъ будетъ украшенъ, вѣроятно, орденами и лентами. Противъ этого я ничего не имѣю. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ла-Валеттъ выказалъ, какъ я уже вамъ писалъ, въ дѣлѣ о Св. Гробѣ изумительную дѣятельность, много ума и находчивости. Если бы достигнутый результатъ можно было назвать успѣхомъ, то я бы не обратилъ вниманія на то, что иные говорятъ, будто, именно благодаря этой неизсякаемой находчивости, переговоры свелись до размѣра интригъ; но успѣха, собственно говоря, никогда не существовало. Побѣда одержана Россіей, а не нами. Русскіе уполномоченные говорятъ это вездѣ и съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ, нежели мы.

«Простое чтеніе фирмана должно, мнѣ кажется, разсѣять въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе; все то, что̀ печатается въ газетахъ и что̀ говорятъ наши друзья, даетъ поводъ смѣяться надъ нами. Вначалѣ я защищалъ Ла-Валетта, правда, безъ особеннаго успѣха. Теперь же я могу только уклоняться отъ разговоровъ, но признаюсь, я нѣсколько затрудняюсь, когда меня останавливаютъ, спрашивая: «правда ли, что г. Ла-Валеттъ получилъ большой крестъ ордена Почетнаго Легіона и званіе посланника, за прекрасное веденіе переговоровъ о Святыхъ мѣстахъ?» Я подчеркиваю послѣднія слова потому, что они дѣйствительно под-

черкиваются извѣстной иронической интонаціей, которая, вѣроятно, не особенно понравилась бы г. Ла-Валетту, если бы онъ могъ ее слышать. При томъ никто уже не рѣшается защищать его образъ дѣйствій, и въ числѣ лицъ, которыя насмѣхаются надъ нимъ, первое мѣсто принадлежитъ сэру Стратфорду Каннингу [1]) (англійскому посланнику) и его спутнику Вогоридесу (принцу Самосскому). И тотъ и другой по всякому поводу смѣются надъ нимъ, само собою разумѣется, каждый сообразно со своимъ характеромъ и положеніемъ. Въ сущности, мы получили только доступъ къ гробу Богоматери и ключъ отъ Виѳлеема. Первая уступка призрачна, вторая смѣхотворна. Прочитайте депешу Ботты. Такъ какъ гробъ Богоматери находится въ пяти минутахъ ходьбы за оградою валовъ, то наши монахи, отправляясь къ этому гробу будутъ подвергаться со стороны грековъ тысячѣ оскорбленій.

«Въ Виѳлеемѣ у насъ будетъ ключъ отъ церкви, но дверь ея будетъ заперта. Съ той и съ другой стороны существующіе порядки ни въ чемъ не будутъ нарушены. О звѣздѣ надъ пещерою Рождества Христова нѣтъ и рѣчи, точно такъ же, какъ о нашихъ правахъ и договорахъ съ Портою. Что же касается русскихъ и грековъ, то они получаютъ доступъ къ церкви Вознесенія на Оливковой горѣ, гдѣ они будутъ отнынѣ пользоваться одинакими правами съ нами и, кромѣ того, а это главное, въ фирманѣ заявляется, что наши требованія лишены всякаго основанія, и этимъ фирманомъ утверждаются всѣ привилегіи, дарованныя грекамъ фирманомъ 1757 г. Однимъ словомъ, только для нихъ улучшаются существующія условія, и обезпечивается будущее. Поэтому русскіе, болѣе нежели мы, настаиваютъ на приведеніи этого фирмана въ исполненіе, и Озеровъ (повѣренный въ дѣлахъ Россіи) говорилъ еще два дня тому назадъ, что онъ приказалъ г. Базили (русскому консулу въ Іерусалимѣ) добиваться этого всѣми зависящими отъ него средствами, не допуская однако никакихъ измѣненій въ томъ, что было условлено. Что касается дома въ Геѳсиманіи, то будьте увѣрены, что вы ничего не добьетесь, даже хотя бы одного шкапа въ часовнѣ. Оказалось, что мы были въ восторгѣ отъ этого рѣшенія. По неволѣ придется подчиниться ему, тѣмъ болѣе, что г. Базили будетъ въ Іерусалимѣ, чтобы наблюдать за всѣмъ, а вамъ извѣстно, что мы такое въ Святыхъ мѣстахъ, подлѣ русскихъ. Что теперь дѣлать? Я жду, что вы скажете на это. Я не говорилъ съ Али-пашою ни слова объ этомъ дѣлѣ

---

[1]) Въ то время какъ происходили переговоры Ла-Валетта съ Али-пашою, англійскій посланникъ только посмѣивался и иронизировалъ: замкнувшись въ своемъ отелѣ въ Галатѣ или въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ Терапіи, онъ насмѣхался надъ этимъ „споромъ между монахами“, какъ онъ называлъ переговоры, и говорилъ о католическомъ духовенствѣ такъ же точно, какъ венеціанскіе арматоры XIII вѣка говорили о крестоносцахъ. В. Т.

съ того самаго дня, когда онъ отказался сообщить мнѣ фирманъ, данный грекамъ. Увѣдомляю васъ объ этомъ и жду.

«Возвращеніе Эминъ-эффенди дастъ мнѣ возможность выждать отвѣта изъ Парижа, но я внутренно убѣжденъ въ томъ, что мы понесли пораженіе и при всемъ томъ еще довольны. Это уже черезчуръ много. Али-паша посмѣялся надъ нами и велъ себя во время переговоровъ въ высшей степени нечестно.

«Возвращаюсь къ г. Ла-Валетту; очевидно, это дѣло, само-по-себѣ, нисколько его не интересовало, и онъ заботился лишь о своемъ собственномъ положеніи. Выйти изъ него прилично въ своихъ собственныхъ интересахъ, вотъ все, чего онъ желалъ. Онъ уступилъ Али-пашѣ по секрету ключъ Виѳлеема. Вѣдь было условлено, что его не будутъ употреблять! Я не порицаю его за это, такъ какъ въ Парижѣ не хотѣли серьезныхъ осложненій. Къ тому же это дѣло не могло быть рѣшено для насъ приличнымъ образомъ. Я не допускаю только, чтобы воспѣвали на всѣ лады побѣду. А главнымъ образомъ, я не хотѣлъ бы, чтобы отвѣтственность пала всецѣло на меня, если дѣло окажется неладнымъ. Все, что я высказалъ вамъ, не измѣняетъ моего убѣжденія, которое давно вамъ извѣстно. Мы не могли не потерпѣть пораженія. Мы будемъ побѣждены, чтобы мы ни дѣлали! Я сожалѣю о томъ, что посланы ордена, коихъ просили для турокъ. Одинъ изъ избранниковъ г. Серафинъ, завѣдующій корреспонденціей въ турецкомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, скончался. На его мѣсто назначенъ Иванъ Аристархи, братъ логофета Николая Аристархи. Я предпочелъ бы даже чиновника, состоящаго при русскомъ посольствѣ. Эти ордена произведутъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Если они будутъ получены вскрѣ, то я ихъ задержу до полученія отвѣта на мою сегодняшнюю депешу. Я могъ бы еще многое сказать вамъ по этому поводу».

Десять дней спустя, 15-го мая 1852 г., Сабатье, все еще поглощенный вопросомъ о фирманѣ, писалъ Тувенелю:

«Фирманъ составляетъ все еще злобу дня. Я ничего не говорю и выжидаю. Но всѣ рѣшительно, т. е. католики, само-собою разумѣется, кричатъ, что ихъ обманули. Говорятъ даже, будто Ла-Валетту все было извѣстно до его отъѣзда изъ Константинополя и что именно потому онъ и хотѣлъ передъ отъѣздомъ одержать нѣкоторое подобіе успѣха, предоставивъ своему преемнику разобраться въ этомъ дѣлѣ, какъ онъ съумѣетъ. Это ловко, но по меньшей мѣрѣ странно».

«Что касается фирмана, писалъ Сабатье 25-го мая 1852 г., то онъ производитъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятное впечатлѣніе. Я знаю, что Али-паша очень встревоженъ моимъ поведеніемъ. Это его дѣло. Такъ какъ мнѣ не платятъ за то, чтобы быть ему пріят-

нымъ, то я измѣню свой образъ дѣйствій только тогда, когда буду имѣть на это уважительныя причины. Сэръ Стратфордъ Каннингъ былъ у меня и распространялся о своихъ симпатіяхъ къ Франціи и о необходимости придти къ соглашенію. Я говорилъ, разумѣется, въ томъ же тонѣ и цѣлый часъ восторгался англичанами, но я не вѣрю ни слову изъ всего сказаннаго имъ».

Сабатье никакъ не могъ рѣшиться передать туркамъ французскіе ордена, присланные за веденіе переговоровъ о фирманѣ. Какъ бывшій военный, онъ зналъ, за какія важныя заслуги дается орденъ, и не могъ помириться съ тою щедростью, съ какою эти знаки раздаются на дипломатическомъ поприщѣ.

«Извѣстительныя письма на раздаваемыя нами награды получены,— писалъ онъ,—но я передалъ орденъ только маркизу Суза (испанскій посланникъ въ Константинополѣ) и Аллеону (извѣстный константинопольскій банкиръ). Прочіе ордена лежатъ въ моей конторкѣ и будутъ лежать тамъ до тѣхъ поръ, пока положеніе не выяснится. Согласитесь съ тѣмъ, что было бы смѣшно раздавать туркамъ ордена за то, что они насмѣялись надъ нами, поэтому я полагаю, вы не упрекнете меня за этотъ самовольный поступокъ. Я не могу быть о должностныхъ лицахъ блистательной Порты инаго мнѣнія. Они упали очень низко во мнѣніи всѣхъ, а принимая во вниманіе затруднительное финансовое положеніе, можно предвидѣть въ недалекомъ будущемъ серьезныя событія, если не произойдетъ какой-либо важной перемѣны. Жалуются даже на султана, и я слышалъ, что о немъ отзываются такъ же рѣзко, какъ и объ его министрахъ. Не знаю, почему думаютъ, будто Решидъ-паша нашъ другъ! Онъ никогда не былъ имъ и не будетъ, потому что онъ не можетъ быть одновременно другомъ сэра Стратфорда Каннинга и нашимъ. Я предпочелъ бы сто разъ Риза-пашу. По крайней мѣрѣ было бы правительство, и я не вижу, чтобы мы потеряли въ томъ случаѣ, еслибы онъ сталъ у власти».

Неудовольствіе которое испытывалъ Сабатье, и ясное представленіе, которое онъ имѣлъ о ничтожности достигнутаго Франціей успѣха, повліяли отрезвляющимъ образомъ на Парижъ, откуда были посланы въ Константинополь самыя энергичныя инструкціи, коими предписывалось дать понять туркамъ, что если они обманули Францію по существу, то по крайней мѣрѣ Франція сознаетъ это. Это было большою отрадою для Сабатье, который писалъ Тувенелю 5-го іюня 1852 года:

«Сердечно благодарю васъ, любезный другъ, за ваши письма и за ваши двѣ депеши. Они сотворили чудеса. Али-пашѣ все было извѣстно, но, кажется, онъ вовсе не ожидалъ такого внушенія. Когда я окончилъ чтеніе письма № 14, то несчастный министръ былъ совершенно убитъ. Онъ могъ только пробормотать нѣсколько невнятныхъ словъ; я былъ

глухъ ко всѣмъ его увѣреніямъ и обѣщаніямъ, и высказалъ ему свое неудовольствіе по всѣмъ пунктамъ, не щадя его. Пока все идетъ хорошо. Хотя и поговариваютъ о секретномъ соглашеніи, заключенномъ Ла-Валеттомъ, о чемъ можетъ сообщить вамъ г. Каллимахи, но я заявляю здѣсь, что этого нѣтъ и быть не можетъ. Я признаю лишь то, что условлено и обѣщано явно».

Но Россія и не думала уступать. Двоедушные турецкіе министры сообщили русскому правительству о содержаніи фирмана 8-го сентября, и императоръ Николай, смотрѣвшій на вопросъ о Святыхъ мѣстахъ какъ на свое личное дѣло, которое онъ желалъ рѣшить самъ, безъ содѣйствія своего канцлера Нессельроде, препроводилъ въ Константинополь фирманъ, измѣненный въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ для католиковъ. Эти измѣненія, о коихъ говорили, хотя они въ точности никому не были извѣстны, такъ какъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ непосредственно самимъ императоромъ, не могли не внести смуту въ вопросъ, который считался одно время окончательно выясненнымъ.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Суворовъ въ Варшавѣ.

(Историческая справка).

«28-го октября 1794 года магистратъ г. Варшавы собрался у моста для встрѣчи Суворова. Въ 9-мъ часу утра послѣдовало вступленіе русскихъ войскъ въ городъ. По проходѣ ихъ черезъ мостъ, прибылъ и Суворовъ, встрѣченный магистратомъ съ вице-президентомъ Лукашевичемъ во главѣ. Онъ сказалъ небольшое привѣтствіе по-польски и вручилъ Суворову ключи города; Макаровичъ поднесъ соль, а Рафаловичъ—хлѣбъ. Суворовъ, сидя на конѣ съ непокрытой головой, выразилъ удовольствіе всѣмъ присутствующимъ, принялъ хлѣбъ-соль и нѣкоторыхъ обнялъ. Успокоивъ жителей относительно цѣлости ихъ имущества, Суворовъ объявилъ, что войска не будутъ стоять въ городѣ. Они были расположены за валами Варшавы, и самъ Суворовъ помѣстился въ усадьбѣ Тогневскаго у Лазенокъ. Спокойствіе въ городѣ не нарушалось, и во многихъ мѣстахъ были разставлены русскіе караулы» [1]).

Усадьба Тогневскаго была на нынѣшней Вейской, въ переводѣ Сельской улицѣ, на углу Горной. До 1779 года она была не застроена и представляла обыкновенную дорогу съ пашнями по сторонамъ. Первое упоминаніе о покупкѣ земли Тогневскимъ относится къ 1782 году. Позднѣе усадьба эта перешла въ другія руки. Прожилъ Суворовъ въ упоминаемомъ мѣстѣ до ноября 1795 года, имѣя въ Варшавѣ для пріемовъ отведенную ему городомъ главную квартиру, въ домѣ для высшаго духовенства (pałac primasow), занятомъ теперь окружнымъ артиллерійскимъ управленіемъ. Лѣтомъ Суворовъ разбивалъ на горкѣ палатку и проводилъ время среди войскъ [2]). Въ настоящіе дни на мѣстѣ усадьбы, со стороны Вейской улицы, стоитъ домъ, примыкающій задней стѣной къ дому на углу Горной улицы. Рядомъ, по той же улицѣ,—досчатый заборъ, со входомъ во дворъ, занятый постройками начала прошлаго вѣка, гдѣ теперь помѣщается еврейская фабрика табачныхъ издѣлій.

Сообщ. **В. Лугаковскій.**

---

[1]) См. „Kurjer Warszawski“ 1895 г., № 189. Сообщилъ Rembowsky.

[2]) „Kurjer Warszawski“ 1851 г., № 205—206. Указаны мнѣ были нынѣшнимъ редакторомъ Коротынскимъ.

Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II [1]).

(Окончаніе).

VI.

Чѣмъ болѣе освоивался Корберонъ съ окружавшею его въ Петербургѣ средою, тѣмъ болѣе обстоятельными и подробными становились записи въ дневникѣ. Постепенно установившіяся у него близкія отношенія съ нѣкоторыми аристократическими домами, гдѣ его принимали — особенно дамы—съ величайшимъ радушіемъ, давали молодому французскому дипломату возможность узнавать многія изъ интимныхъ подробностей придворной жизни, доступныя далеко не всякому. Дамы и дѣвицы знатнаго круга, которымъ онъ съумѣлъ внушить къ себѣ полное расположеніе, не только передавали ему всѣ ходившіе въ обществѣ слухи, но даже посвящали его въ свои сердечныя тайны; благодаря этому, а также и природной смѣтливости, Корберонъ ко второму году своего пребыванія въ Россіи былъ уже совершенно хорошо освѣдомленъ по части придворной хроники. Ведя свой дневникъ въ началѣ преимущественно на основаніи толковъ и слуховъ, доходившихъ до него иногда изъ сомнительныхъ источниковъ, онъ могъ дѣлать теперь свои наблюденія лично, такъ какъ имѣлъ доступъ почти всюду, гдѣ сосредоточивались нити придворной жизни.

Второй томъ его дневника начинается отмѣтками о событіяхъ, относящихся къ осени 1776 г. Подъ 7-мъ октября (нов. ст.) мы находимъ описаніе торжественнаго бракосочетанія великаго князя Павла Петро-

1) См. „Русскую Старину", май 1902 г.

вича съ Маріей Θеодоровною (бывшею принцессой Софіей-Августой Виртембергскою). «Подача сигнала пятью пушечными выстрѣлами только-что началась—пишетъ Корберонъ—когда мы съ маркизомъ Жюинье прибыли первыми ко двору. Вслѣдъ затѣмъ начали съѣзжаться разодѣтыя въ пухъ и прахъ и осыпанныя бриллiантами дамы. Надо быть въ Петербургѣ, чтобы видѣть такое обильное выставленіе богатствъ напоказъ. Черезъ часъ вышла императрица, за которою слѣдовали ихъ императорскія высочества; мы поспѣшно устремились впередъ, чтобы занять въ церкви возможно менѣе дурныя мѣста. Навстрѣчу государынѣ и ихъ высочествамъ вышло духовенство, и, когда они вошли въ церковь, императрица взяла великаго князя и великую княжну за руки и подвела ихъ къ алтарю. Съ этой минуты я уже не могъ больше ничего видѣть, такъ какъ меня цѣликомъ заслонила колоссальная фигура барона Дюбена [1]); къ тому же, въ церкви было жарко и тѣсно и потому я ушелъ. Однако, со словъ художника Ролэна, которому удалось видѣть все, я могу разсказать, въ чемъ заключалась церемонія. Оба брачущіеся подошли къ аналою, гдѣ совершены были молитвы. Князь Орловъ держалъ вѣнецъ надъ великимъ княземъ, а Бецкій надъ великою княжною. Въ такомъ положеніи брачущіеся трижды обошли вокругъ аналоя, причемъ Орловъ и Бецкій слѣдовали за ними, что̀ ихъ, повидимому, очень утомляло. Орловъ часто мѣнялъ руки, старикъ же Бецкій все время держалъ вѣнецъ одною и тою же рукой, которая дрожала, какъ листъ. Еслибы меня спросили, почему Бецкаго избрали для этой церемоніи въ компанію къ князю Орлову, я сказалъ бы, что незаконнорожденнымъ здѣсь вообще счастье; извѣстно, что Бецкій—побочный сынъ Трубецкаго. Здѣсь это не считается безчестьемъ, и побочному ребенку обыкновенно присвоиваютъ часть своего имени: Бецкій—вмѣсто Трубецкой, Лицынъ—вмѣсто Голицынъ и т. д.».

Послѣ бракосочетанія данъ былъ большой обѣдъ въ дворцовой галлереѣ. Императрица, великій князь и великая княгиня сидѣли подъ балдахиномъ, причемъ молодые супруги занимали мѣста противъ императрицы. Позади ея величества находились оберъ-мундшенкъ и оберъ-шталмейстеръ, оба Нарышкины. Ея величество выпила за иностранныхъ посланниковъ, и затѣмъ всѣ они удалились; члены дипломатическаго корпуса помѣщались напротивъ стола императрицы, отдѣльно отъ толпы другихъ присутствовавшихъ. Въ остальной части галлереи поставлены были четыре стола для особъ обоего пола первыхъ четырехъ классовъ. На хорахъ помѣщалось множество людей и музыка, которой, однако, не было слышно за общимъ шумомъ и звукомъ трубъ,

---

[1]) Шведскаго дипломата.

раздававшимся вслѣдъ за тостами императрицы. Узкіе обѣденные столы были обставлены апельсинными деревьями.

Къ этому дню ожидалось много производствъ, но ожиданія эти не сбылись; дѣло ограничилось назначеніемъ лицъ, избранныхъ для отправки къ иностраннымъ дворамъ съ сообщеніемъ о состоявшемся бракосочетаніи. Для этого назначены были: молодой графъ Румянцовъ въ Вѣну, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ въ Стокгольмъ, камеръ-юнкеръ и директоръ академіи наукъ Домашневъ въ Берлинъ и Рахмановъ въ Штутгартъ. Вообще бракосочетанію Павла Петровича не было придано особенно широкой и блестящей обстановки и хотя придворныя празднества по поводу этого событія расписаны были на двѣ недѣли, съ нѣсколькими перерывами для отдыха, однако особымъ разнообразіемъ и пышностью они не отличались, что̀ не прошло незамѣченнымъ со стороны дипломатовъ. Но и среди не особенно пышныхъ празднествъ Корберону удавалось порою подмѣтить ту или другую характерную черточку царедворскихъ нравовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего дневника онъ отмѣтилъ: «Вчера князь Орловъ нанесъ князю Потемкину униженіе, взявъ его подъ-локоть и отодвинувъ его въ сторону, чтобы очистить себѣ доступъ къ императрицѣ, когда она послѣ фейерверка выходила изъ галлереи. Вновь пожалованный князь ничего не сказалъ, но съ досады сталъ грызть себѣ ногти».

Отмѣчая въ своихъ пестрыхъ записяхъ различные мелкіе эпизоды и подробности придворнаго быта, французскій дипломатъ не оставилъ безъ вниманія, между прочимъ, и слабость императрицы Екатерины къ комнатнымъ собачкамъ, которыхъ у нея было около дюжины. Какъ черту, показавшуюся ему, вѣроятно, заслуживающею сохраненія въ памяти, онъ записалъ, что когда императрица отправляется обѣдать, за нею всегда слѣдуетъ одна изъ собачекъ, для которой имѣется отдѣльное кресло, куда ее и сажаютъ, причемъ ухаживающій за нею камеръ-пажъ покрываетъ собачку платкомъ, чтобы ее не безпокоили мухи. Если вѣрить Корберону, бѣдный пажъ этотъ былъ совершенно связанъ своею надзирательскою должностью и вполнѣ зависѣлъ отъ прихотей собачки, которая бѣгала всюду, когда и куда ей вздумается.

Къ великому князю Павлу Петровичу авторъ дневника продолжалъ относиться, какъ и въ началѣ, несочувственно. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, отмѣтивъ стремленіе великаго князя давать понять, при случаѣ, окружающимъ, что руки у него пока связаны, и что по воцареніи онъ поступалъ бы иначе, чѣмъ поступаетъ теперь, Корберонъ говоритъ: «Въ немъ мало высоты духа, еще меньше философскаго разума, и во всемъ видна мелочность. Вотъ новое тому доказательство: вчера вечеромъ, при дворѣ, по удаленіи императрицы, великій князь остался съ супругою, и присутствовавшіе окружили ихъ. Во время бесѣды ве-

*

ликаго князя съ графомъ Брюлемъ, проходившій мимо нихъ маркизъ Жюинье нечаянно толкнулъ его, самъ того не замѣтивъ. Великій князь ничего не сказалъ, Брюль же сдѣлалъ знакъ маркизу, который и ушелъ; но такъ какъ его императорское высочество сильно жестикулируетъ, а окружавшія его лица постоянно двигались, то маркизу Жюинье случилось задѣть его вторично и даже въ третій разъ. Тогда великій князь, прервавъ бесѣду, сказалъ графу Брюлю по-нѣмецки: «Ну, это ужъ слишкомъ!», причемъ отступилъ на два шага и толкнулъ маркиза Жюинье локтемъ, а затѣмъ, обернувшись, началъ передъ нимъ извиняться. Потомъ онъ снова подошелъ къ графу Брюлю и сказалъ ему, опять по-нѣмецки: «Видали?» Брюль отвѣчалъ: «Ваше высочество не можете думать, чтобы это сдѣлано было съ намѣреніемъ».—«О, возразилъ великій князь, одной и той же вещи не дѣлаютъ три раза сряду безъ намѣренія; но вы видѣли, что̀ сдѣлалъ также и я?»

VII.

Описывая нѣкоторыя изъ празднествъ, которыми сопровождалось бракосочетаніе великаго князя, Корберонъ останавливается, между прочимъ, на народномъ гуляньѣ, устроенномъ 10-го октября 1776 года, отмѣчая также, что въ тотъ же день назначены были куртагъ и вечеромъ иллюминація. Гулянье происходило на площади передъ дворцомъ. «Посрединѣ ея построены были, въ видѣ амфитеатра, мѣста для публики, а передъ ними выставленъ былъ жареный быкъ, накрытый краснымъ покрываломъ, изъ-подъ котораго высовывалась только голова съ рогами. Толпившуюся кругомъ нетерпѣливую массу народа осаживали полицейскіе, расхаживая съ кнутами въ рукахъ; это напоминало стаю проголодавшихся охотничьихъ собакъ, которыхъ сдерживаютъ передъ дѣлежкою добычи. Справа и слѣва отъ амфитеатра красовались поставленныя на возвышеніи бочки съ виномъ и кислыми щами. По первому пушечному выстрѣлу, раздавшемуся въ видѣ сигнала, толпа изготовилась къ атакѣ на эти приманки, а послѣ второго выстрѣла полицейскіе отступили въ сторону, и толпа бросилась на приготовленное для нея угощеніе. Въ эту минуту—замѣчаетъ Корберонъ—этотъ грубый народъ показался мнѣ еще болѣе варварскимъ и звѣроподобнымъ. Есть, однако, и другая причина для его жадности: всякому хочется ухватить бычью голову за рога, такъ какъ тотъ, кто приволочитъ эту голову ко двору, получаетъ сто рублей въ награду за ловкость и силу. Но зато

сколько же и соперниковъ, ищущихъ побѣды! Люди опрокидываютъ, давятъ, калѣчатъ другъ друга, и всѣ хотятъ добиться своей доли славы. Триста человѣкъ растащили по кускамъ свою отвратительную жертву и сто рублей были подѣлены между ними. Это грубое, варварское зрѣлище мнѣ не нравится: я вижу въ немъ лишь жадность, лишенную всякаго хотя бы сколько-нибудь возвышеннаго побужденія. Если характеръ народовъ сказывается въ ихъ забавахъ, то о народѣ русскомъ нельзя составить благопріятнаго представленія по его развлеченіямъ, и въ этихъ обычаяхъ его я не признаю ничего такого, что̀ указывало бы на ихъ нѣкогда благородное происхожденіе». Высказавъ такой презрительный приговоръ, строгій судья находитъ, впрочемъ, для русскаго народа и нѣкоторое оправданіе въ томъ, что народъ этотъ исторически еще слишкомъ молодъ и, въ противность французамъ, живетъ въ странѣ, которая никогда не бывала ранѣе занята цивилизованною націей.

Впрочемъ, отмѣтки о нравахъ народной массы Корберонъ дѣлаетъ лишь мимоходомъ: главное вниманіе его постоянно оставалось сосредоточеннымъ на подробностяхъ придворной жизни. Въ этой сферѣ онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, особенное личное расположеніе великаго князя Павла Петровича къ прусскому сановнику графу Брюлю, съ которымъ великій князь сблизился на столько, что, въ бытность графа въ Петербургѣ, настойчиво склонялъ его къ переходу на службу Россіи. Графъ Брюль отнѣкивался, ссылаясь на неудобства, которыя возникли бы для него отъ этого, а именно на то, что на основаніи закона, изданнаго при Петрѣ I, всякій иностранецъ, при зачисленіи на русскую службу, получаетъ чинъ, на одну степень низшій противъ того, въ какомъ онъ состоялъ на родинѣ. Отпугивала его также и возможность назначенія по службѣ на какой-нибудь очень удаленный отъ Петербурга пунктъ. Великій князь—по словамъ Корберона—не отрицая перваго изъ указанныхъ неудобствъ, увѣрялъ Брюля, что въ дальній пунктъ его не назначатъ, и что если онъ старается привлечь его на русскую службу, то съ тѣмъ, чтобы имѣть его при себѣ. «Все это очень лестно—замѣчаетъ Корберонъ,—но какъ положиться на обѣщанія великаго князя, не имѣющаго ни характера, ни выдержки, и постоянно поступающаго сегодня наперекоръ тому, что̀ было сдѣлано имъ вчера? Его горячая привязанность къ Разумовскому и затѣмъ внезапная перемѣна въ отношеніяхъ къ нему должны отпугивать всякаго, вступающаго на тотъ же путь. Говорятъ, Разумовскій возбудилъ его неудовольствіе своими отношеніями къ (покойной) супругѣ великаго князя; но развѣ достовѣрно, что она была виновна? Правда, мнѣ разсказывали, что однажды въ Москвѣ великій князь, садясь на коня, сказалъ князю Гагарину: «Ступайте, посидите съ великою княгиней и не оставляйте ея». Туда

же онъ послалъ и Николаи; оба они, по его приказанію, отправились къ великой княгинѣ, которую и застали сидѣвшею наединѣ съ Разумовскимъ. Она сказала имъ, что не имѣетъ въ нихъ надобности, но такъ какъ они заявили, что должны по волѣ великаго князя остаться при ней, то она отошла съ Разумовскимъ къ окну и тамъ продолжала бесѣдовать съ нимъ вполголоса. Тогда они вышли въ сосѣднюю комнату. Великій князь, вернувшись съ прогулки и увидѣвъ великую княгиню одну съ Разумовскимъ, спросилъ Гагарина и Николаи, зачѣмъ они ушли, а когда они передали ему, въ чемъ дѣло, замѣтилъ: «Вамъ все-таки слѣдовало остаться при ней, какъ я васъ просилъ; у меня были къ тому причины». Что же это можетъ доказывать? Что великій князь былъ подозрителенъ? Но вѣдь таковъ его характеръ. Вообще, я не знаю, было ли когда-либо что-нибудь между великою княгиней и Разумовскимъ. Притомъ, она имѣла достаточно власти надъ своимъ супругомъ и была достаточно ловка для того, чтобы руководить имъ по своему усмотрѣнію.

Среди пестрыхъ записей, которыя почти ежедневно дѣлалъ авторъ дневника, немало мѣста отведено свѣдѣніямъ о различныхъ любовныхъ интригахъ, повидимому, не составлявшихъ рѣдкости въ кругу знати того времени и, очевидно, не очень тщательно скрывавшихся, такъ какъ всѣ онѣ являлись достояніемъ молвы. Опуская подробности и имена, мы ограничиваемся здѣсь лишь общимъ указаніемъ на эту черту тогдашней эпохи, придававшую тогдашнимъ нравамъ высшаго петербургскаго общества извѣстное сходство съ французскими нравами временъ Людовика XV. Съ той же нравоописательной точки зрѣнія не лишенными интереса представляются и приводимые Корбероном драматическіе эпизоды, въ родѣ исторіи офицера Гольца, надѣлавшей въ свое время много шума въ Петербургѣ. Случай этотъ разсказанъ въ дневникѣ такъ:

Кирасирскій полковникъ Паткуль, родомъ ливонецъ, отличавшійся суровымъ и несправедливымъ обращеніемъ съ подчиненными, не взлюбилъ находившагося подъ его начальствомъ молодого и дѣльнаго офицера изъ швейцарцевъ, маіора Гольца, котораго и вынудилъ выйти изъ полка. Оскорбленный Гольцъ рѣшилъ отмстить за это Паткулю. Воспользовавшись возвращеніемъ послѣдняго изъ временной отлучки, онъ явился къ нему и, входя въ комнату, сказалъ:

— Я пришелъ не съ тѣмъ, чтобы поздравить васъ съ прибытіемъ, а для того, чтобы потребовать удовлетворенія за глухія и недостойныя интриги, посредствомъ которыхъ вы заставили меня выйти въ отставку.

Паткуль отвѣчалъ, что не видитъ основанія давать ему удовлетвореніе, и что дастъ ему отвѣтъ путемъ закона. Гольцъ продолжалъ настаивать на удовлетвореніи посредствомъ дуэли, но такъ какъ Пат-

куль на это не соглашался, то онъ, бросивъ взглядъ на присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ барона Шанкса и директора кадетскаго корпуса Перэ, сказалъ своему бывшему начальнику:

— Такъ какъ вы отказываетесь дать мнѣ требуемое удовлетвореніе, то заявляю вамъ, что вы... (онъ произнесъ нѣсколько грубо-ругательныхъ словъ); заявляю вамъ это по-нѣмецки, по-французски, по-русски, и буду повторять вамъ это при каждой нашей встрѣчѣ, да еще и побью васъ палкой!

Паткуль, вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ шагъ назадъ и, схвативъ пистолетъ, прицѣлился въ Гольца, а тотъ вынулъ шпагу и бросился на противника. Шанксъ и Перэ стали разнимать обоихъ, отняли у нихъ оружіе и начали просить Гольца, чтобы онъ ушелъ. Паткуль приказалъ было своимъ людямъ стрѣлять въ Гольца, но баронъ Шанксъ не допустилъ ихъ до этого и увлекъ Гольца вонъ изъ дома. Перэ же, оставшись съ Паткулемъ, сталъ уговаривать его, чтобы онъ принялъ вызовъ, указывая на то, что Гольцъ вполнѣ порядочный человѣкъ, которому нельзя отказывать въ удовлетвореніи. Паткуль ни за что не соглашался и, въ свою очередь, пытался—хотя и безуспѣшно—склонить Перэ къ засвидѣтельствованію того, что Гольцъ ворвался въ домъ съ цѣлью убить его, Паткуля. Чѣмъ завершилось это дѣло—изъ записокъ Корберона не видно; онъ говоритъ только, что великій князь Павелъ Петровичъ, къ явной невыгодѣ Гольца, принялъ, въ качествѣ шефа Кирасирскаго полка, сторону Паткуля и даже подарилъ ему цѣнную табакерку.

Подобные мрачные эпизоды встрѣчаются, однако, въ запискахъ Корберона лишь изрѣдка, изъ чего можно заключить, что происшествія въ такомъ родѣ являлись исключеніями среди болѣе или менѣе легкой и беззаботной жизни тогдашней знати. На эту знать, какъ мы уже видѣли, французскій дипломатъ смотрѣлъ нѣсколько свысока, приравнивая нашихъ аристократовъ къ людямъ, носящимъ лишь личину культурности. Такое же впечатлѣніе производилъ на него и общій характеръ петербургскихъ условій того времени. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего дневника онъ записалъ: «Говорятъ, въ Петербургѣ сосредоточены всѣ науки, всѣ таланты; это центръ и очагъ всѣхъ знаній, говорятъ люди, наблюдавшіе эту страну поверхностно или судящіе со словъ Вольтера и журналистовъ, состоящихъ на жалованьи у Екатерины II. Правда, что учрежденій здѣсь много, и многіе громко толкуютъ о томъ, что̀ можно въ нихъ увидѣть; но на дѣлѣ это не такъ. Петербургъ—прекрасное оглавленіе къ сочиненію, которое еще не обдумано въ цѣломъ: заглавія есть, а содержанія нѣтъ. Во Франціи вамъ разсказываютъ о Петербургской академіи художествъ, но, пріѣхавъ въ Россію, вы изумляетесь при видѣ того, что̀ она такое. Въ академіи было собраніе подъ предсѣдательствомъ

великаго князя и великой княгини; по приглашенію явились туда и иностранцы. Я тоже былъ тамъ и увидѣлъ нѣчто на столько жалкое, на сколько лишь можно себѣ представить. Назначили нѣсколькихъ академиковъ да членовъ совѣта изъ такихъ людей, которые въ Парижѣ были-бы очень плохими членами сенъ-люкской академіи. Оно и не удивительно: вѣдь они еще только начинаютъ! Но весьма смѣшны пышность и надутость, которыя придаются здѣсь этимъ пустякамъ. Секретарь академіи прямо изнемогалъ, произнося по-нѣмецки рѣчь, которая не произвела большого впечатлѣнія; затѣмъ онъ захотѣлъ прочитать письмо на французскомъ языкѣ и жестоко его коверкалъ; въ письмѣ этомъ одна изъ французскихъ провинціальныхъ академій выражала здѣшней академіи благодарность за присланные въ даръ образцы мѣстныхъ камней. Бецкій—этотъ великій человѣкъ на малыя дѣла—роздалъ нѣсколько медалей, причемъ держалъ себя съ такимъ же величіемъ, какъ побѣдитель, раздающій царства. Это ребяческое засѣданіе завершилось еще болѣе ребяческимъ зрѣлищемъ: балетомъ и комедіей, которыми насъ угостили. И кто же былъ дѣйствующими лицами этого зрѣлища? Ученики академіи. Какъ! ученики? Да, да, ученики. Мало заботясь о живописи, скульптурѣ и пр., они отдаютъ свои досуги танцамъ и комедіи. А послѣдствіемъ этого является то, что изъ нихъ не выходитъ ни художниковъ, ни танцоровъ, ни актеровъ, а выходятъ люди на всѣ руки».

Надо отдать справедливость безпристрастію Корберона: порицая многое изъ русскихъ порядковъ, онъ не щадилъ также и своихъ соотечественниковъ, которыхъ было въ ту пору такъ много въ Москвѣ и Петербургѣ. Большинство ихъ принадлежало къ отбросамъ французскаго общества, слагаясь изъ всякаго рода искателей приключеній, отчасти плутовъ и мошенниковъ, что не мѣшало многимъ изъ нихъ сдѣлать въ Россіи удачную карьеру. Не только петербургская знать относилась къ французскимъ выходцамъ предупредительно, но и сама Екатерина — на что указываетъ Корберонъ — не разъ оказывала снисхожденіе тѣмъ изъ нихъ, которымъ случалось явно провиниться въ какомъ-нибудь неблаговидномъ поступкѣ. Въ видѣ иллюстраціи, здѣсь можно разсказать описываемый Корберономъ случай съ нѣкоею г-жей Шампаньоло, сомнительною личностью, выдававшею себя за француженку.

Авантюристка эта явилась въ Петербургъ съ кучеромъ графа Петра Чернышева, когда тотъ вернулся изъ своего посольства. Кучеръ этотъ утонулъ, упавъ въ воду при сходѣ съ корабля, а жена его, обладавшая красивою наружностью, вышла вскорѣ въ Москвѣ замужъ за нѣкоего Туйльи, который, впрочемъ, тоже умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ. Вдова, не утративъ склонности къ супружеству, вышла въ третій разъ замужъ,

причемъ судьба послала ей въ мужья нѣкоего Шампаньоло, человѣка бывалаго и въ то время офицера, который, прибывъ въ Россію, сумѣлъ получить мѣсто при графѣ Зах. Чернышевѣ, но вскорѣ бросилъ это мѣсто и перебрался въ Москву, гдѣ и женился на г-жѣ Туйльп. Послѣдняя, благодаря своей красивой наружности, имѣла нѣсколькихъ богатыхъ поклонниковъ, что давало новобрачнымъ возможность жить безъ нужды. Потомъ они переѣхали въ Петербургъ и сдѣлались содержателями меблированныхъ комнатъ. Спустя нѣсколько времени, въ городѣ распространились слухи о предстоящемъ прибытіи въ Петербургъ изъ Голландіи партіи поддѣльныхъ русскихъ ассигнацій. Сообщеніе это прислано было изъ Гаги княземъ Голицынымъ, который получилъ извѣстіе о поддѣлкѣ отъ одного изъ мѣстныхъ граверовъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней присланы были на имя г-жи Шампаньоло четыре посылки, будто-бы съ кружевами; когда же, въ виду существовавшихъ подозрѣній, посылки были вскрыты, въ нихъ оказались не кружева, а поддѣльныя ассигнаціи. Ассигнаціи вынули, замѣнили ихъ старою газетной бумагой, и затѣмъ всѣ четыре посылки доставили черезъ капитана корабля г-жѣ Шампаньоло. Дѣло раскрылось, г-жу Шампаньоло представили къ генералъ-прокурору князю Александру Вяземскому, и на слѣдующій же день судьба авантюристки была рѣшена: ей приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга, вмѣстѣ съ матерью и братомъ. Ихъ препроводили подъ военнымъ конвоемъ въ Митаву, посадивъ женщинъ въ возокъ, а мужчину въ кибитку—«un kibick», какъ записалъ Корберонъ, видимо щеголяя своими познаніями въ русскомъ языкѣ. Высылкою виновныхъ за границу дѣло и кончилось; императрица простерла свое милосердіе даже до того, что велѣла выдать имъ по сто рублей каждому на дорогу.

Въ этой исторіи съ поддѣлкою кредитныхъ знаковъ Корберонъ былъ не болѣе, какъ постороннимъ наблюдателемъ, такъ какъ близкихъ отношеній съ скомпрометтированными лицами не имѣлъ, несмотря на неоднократныя попытки супруговъ Шампаньоло завязать съ нимъ знакомство. Но далѣе онъ описываетъ довольно мрачный случай, въ которомъ и самъ онъ, въ силу обстоятельствъ, принялъ участіе. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Въ русскомъ флотѣ служилъ офицеромъ голландецъ Биландъ, вышедшій въ описываемое Корберономъ время въ отставку и пользовавшійся дурною репутаціей. Однажды, за ужиномъ въ гостяхъ, сидѣвшій рядомъ съ Корберономъ секретарь прусскаго посольства Хюттель таинственно показалъ ему только-что принесенную записку, въ которой сообщалось, что Биландъ дрался съ кѣмъ-то на дуэли, гдѣ-то за Екатерингофомъ, и, кажется, убитъ. Собесѣдники пустились въ догадки о человѣкѣ, съ которымъ могъ драться Биландъ, и остановились на итальян-

скомъ графѣ Робасоми, зная, что Биландъ былъ долженъ ему 800 рублей. «Вернувшись домой—пишетъ Корберонъ—я пошелъ наверхъ, къ маркизу Жюинье (французскому посланнику), чтобы сообщить ему о слышанномъ; но уже на лѣстницѣ мнѣ встрѣтился камердинеръ, передавшій мнѣ, что маркизъ проситъ меня зайти къ нему. Когда я вошелъ, онъ сказалъ мнѣ, что у графа Чернышева онъ видѣлся съ Робасоми, который сказалъ ему, что, имѣвъ дуэль съ Биландомъ, онъ являлся къ графу Румянцеву, и тотъ посовѣтовалъ ему укрыться у маркиза Жюинье, на чтò онъ и проситъ позволенія. Жюинье отвѣтилъ, что самъ онъ укрыть его у себя не можетъ, и рекомендовалъ итальянцу повидаться со мною.

— Онъ, вѣроятно, у васъ, сказалъ Жюинье; какъ вы думаете поступить?

— Пріютить его на ночь, отвѣчалъ я. Я знаю Робасоми только въ лицо, но онъ военный [1]), мы товарищи, и я не стану выгонять порядочнаго человѣка за дверь въ такой поздній часъ.

— Завтра мы выпустимъ его. Притомъ, вы въ своемъ правѣ.

«Спустившись къ себѣ, я засталъ у себя Робасоми; мы поговорили. Я разспросилъ его о подробностяхъ дѣла. Онъ былъ грустенъ, но спокоенъ, и вотъ какъ разсказалъ онъ мнѣ о случившемся:

— Вчера я узналъ черезъ одного изъ моихъ пріятелей, что графъ Биландъ намѣренъ уѣхать инкогнито, а такъ какъ онъ задолжалъ всему Петербургу, въ томъ числѣ и мнѣ долженъ 800 рублей, то мнѣ совѣтовали принять мѣры предосторожности. Я написалъ ему сегодня поутру записку, которую и послалъ съ лакеемъ, но Биландъ записки не принялъ и велѣлъ передать мнѣ, чтò и впредь не приметъ. Лакей передаетъ мнѣ этотъ отвѣтъ, я посылаю его вторично; оказывается, что графа Биланда нѣтъ дома, и мнѣ велятъ передать, что онъ уѣхалъ обѣдать въ трактиръ на Милліонной. Я одѣваюсь и ѣду туда. Когда обо мнѣ доложили, графъ сказалъ сидѣвшимъ съ нимъ вмѣстѣ: «Господа, г. Робасоми пріѣхалъ ради меня».—«Правда, отвѣчалъ я: я пріѣхалъ переговорить съ вами». Всѣ вышли, и тогда я показалъ графу Биланду записку, которую посылалъ къ нему, прибавивъ: «Вы можете прочесть ее: въ ней нѣтъ ничего такого, чтó васъ огорчило бы». Биландъ отвѣтилъ, что онъ уже говорилъ поутру моему лакею, что не принимаетъ никакихъ записокъ и повторяетъ теперь, что не желаетъ принимать ихъ отъ меня, а если мнѣ нужно поговорить съ нимъ особо, то онъ готовъ отвѣтить. Фразу эту онъ дополнилъ разными дурными словами, послѣ чего мы вышли. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ драться со мною около дома Перро, такъ какъ та мѣстность ему знакома. Мы сѣли ка-

---

[1]) Робасоми былъ офицеръ русской службы въ отставкѣ.

ждый въ свой экипажъ, а затѣмъ вышли изъ экипажей близъ дома саксонскаго посланника и, взявъ влѣво, вступили подъ деревья, противъ дома Фонвизина. «Здѣсь есть тропинка, сказалъ мнѣ Биландъ: поищемте ее». Онъ разыскалъ ее и такъ какъ на ней было много снѣга, то сталъ утаптывать его на протяженіи двухъ-трехъ саженъ. Дѣлая эти приготовленія, онъ сказалъ мнѣ: «Если я васъ убью, то мнѣ удобно будетъ скрыться по этой дорогѣ; если же вы убьете меня, то доставите мнѣ этимъ удовольствіе и окажете мнѣ услугу: долги мои будутъ уплачены».—«Я не хотѣлъ бы оказывать вамъ этой услуги, но вы того желаете; пусть же дѣло рѣшитъ судьба». Мы начали поединокъ и такъ какъ я иногда нарушалъ мензуру, то онъ спрашивалъ меня, не страшно ли мнѣ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ обороны, онъ поднялъ руку, безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ поразить меня въ лицо. Тогда я нанесъ ему рану, отпарировавъ ударъ, который пронзилъ бы меня насквозь, еслибы шпага его не была задержана пуговицею. Получивъ рану, несчастный Биландъ сказалъ: «Это ничего». Я старался поддержать его, но онъ упалъ на-земь отъ слабости, и кровь хлынула у него горломъ. Я сталъ звать извощика и его лакея, но они разбѣжались. Моя карета осталась; я бросился въ нее и поскакалъ въ городъ за хирургомъ, но найти его было невозможно. Тогда я написалъ г. Сакену [1]), извѣщая его, что около его дома лежитъ раненый, нуждающійся въ помощи; племянникъ Сакена, прочитавъ записку, велѣлъ снести ее обратно, ссылаясь на то, что онъ не можетъ будить своего дядю. А тогда было 6 часовъ вечера: мы дрались между четырьмя и пятью. Вторая записка къ Сакену имѣла такъ же мало успѣха. Я отправился къ графу Румянцову, и онъ сталъ успокоивать меня, обѣщалъ оказать мнѣ покровительство и посовѣтовалъ обратиться къ маркизу Жюинье; я засталъ у него графа Ивана Чернышева; онъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ вамъ—и вотъ я явился».

Выслушавъ разсказъ Робасоми, Корберонъ оставилъ его у себя ночевать. Ложась спать, онъ узналъ отъ своего лакея, что тотъ, услышавъ о безпомощно лежавшемъ въ снѣгу Биландѣ, успѣлъ сбѣгать на мѣсто поединка и засталъ тамъ окоченѣвшій трупъ убитаго; воры унесли его шпагу, шляпу, парикъ и всѣ другія вещи, кромѣ бумажника, котораго, вѣроятно, не рѣшились взять, такъ какъ онъ лежалъ подъ тѣломъ. Лакей попытался положить убитаго въ карету, но не смогъ сдѣлать этого и оставилъ его на снѣгу.

Все это происшествіе надѣлало Корберону немало хлопотъ и непріятностей. Во французское посольство явилась полиція съ разспросами, не тамъ ли находится Робасоми. Аташе посольства Комбъ за-

[1]) Баронъ Сакенъ, саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ.

явилъ, что ему это неизвѣстно, но что вообще полиція не имѣетъ права входить въ посольское зданіе; на это полицейскій съ величайшею учтивостью возразилъ, что онъ пришелъ лишь за справкою. Когда онъ уходилъ, Робасоми имѣлъ неосторожность показаться, и полицейскій заговорилъ съ нимъ, причемъ сказалъ, что бояться ему нечего. Забавно, что маркизъ Жюинье, по мысли котораго итальянцу дано было убѣжище въ посольствѣ, смалодушествовалъ и, желая выгородить себя, взвалилъ всю отвѣтственность на своего секретаря, Корберона. Когда къ нему явился секретарь графа Панина съ вопросомъ отъ имени императрицы, не у него ли находится Робасоми, Жюинье заявилъ въ присутствіи Корберона, что Робасоми не у него. «Но спросите у г. Корберона», прибавилъ онъ. Тогда Корберонъ сказалъ посланцу Панина:

— Милостивый государь, не стану скрывать отъ васъ, что г. Робасоми ночевалъ у меня. Я его не знаю, но военный человѣкъ не станетъ выгонять другого отъ себя въ полночь. Даю вамъ слово, что въ настоящую минуту онъ не у меня.

— Но я хотѣлъ бы, возразилъ секретарь Панина, имѣть совершенно точный отвѣтъ, именно—находится ли онъ въ этомъ домѣ или нѣтъ.

— Ни маркизъ, ни я не можемъ сказать вамъ того, чего не знаемъ. Домъ великъ, и мы не ходимъ по всѣмъ угламъ.

— Я могу только сказать вамъ, вставилъ Жюинье, что прикажу узнать объ этомъ. Г. Корберонъ потрудится освѣдомиться объ этомъ съ своей стороны. Притомъ, я не имѣю намѣренія укрывать у себя незнакомаго мнѣ человѣка вопреки волѣ императрицы.

Послѣ этого Корберонъ пошелъ въ свою квартиру, но секретарь Панина отправился за нимъ и туда и сказалъ:

— А вотъ тутъ одинъ полицейскій говоритъ, что видѣлъ Робасоми здѣсь.

При этихъ словахъ Корберонъ вспыхнулъ и твердымъ тономъ заявилъ секретарю:

— Развѣ вы не слышали того, что̀ г. Жюинье и я имѣли честь говорить?

— Да, возразилъ секретарь, но и маркизъ Жюинье сказалъ мнѣ то же.

— Это не такъ, отвѣчалъ Корберонъ: будьте любезны, благоволите не перетолковывать того, что̀ говорилъ вамъ г. Жюинье, и потрудитесь вслушаться въ буквальное значеніе моихъ словъ. Повторяю вамъ, что г. Робасоми ночевалъ у меня, что теперь его у меня нѣтъ, что я не знаю, находится ли онъ или не находится въ этомъ домѣ, но что я обѣщаю вамъ справиться объ этомъ. Хотите войти ко мнѣ?

Посланецъ Панина принялъ смиренный видъ.

— Я не имѣю права дѣлать у васъ осмотръ.

— Мы съ вами оба это знаемъ, но зайдите погрѣться.

И, когда они вошли въ квартиру, Корберонъ прибавилъ:

— Вы видите, что г. Робасоми здѣсь нѣтъ, и что если я что-нибудь говорю, то говорю правду.

А Робасоми находился тѣмъ временемъ у аташе Комба, откуда и былъ благополучно выпущенъ на улицу по удаленіи русскаго чиновника. То былъ молодой чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Алопеусъ, впослѣдствіи занимавшій посольскіе посты въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Уходя отъ Корберона, онъ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку добиться истины.

— Надѣюсь, г. шевалье, сказалъ онъ, вы повѣрите, что мнѣ крайне непріятно исполнять данное мнѣ порученіе, но я долженъ исполнить его. Прошу васъ сказать мнѣ, между нами, что г. Робасоми дѣйствительно здѣсь нѣтъ.

— Къ чему? возразилъ Корберонъ. Я уже сказалъ вамъ, что домъ великъ и что поэтому я не могу знать, не спрятали ли г. Робасоми въ какомъ-нибудь углу.

— Но вѣдь это только формальность, настаивалъ чиновникъ: вѣдь я долженъ дать графу Панину утвердительный или отрицательный отвѣтъ.

— И прекрасно; если хотите, дайте ему отвѣтъ отрицательный. Замѣтьте, однако, что я сказалъ вамъ, что мнѣ это неизвѣстно и что я не могу сказать вамъ ничего другого, кромѣ того, что̀ вы отъ меня слышали, а именно, что г. Робасоми ночевалъ у меня, что теперь его у меня нѣтъ, что я не знаю, находится ли онъ въ нашемъ домѣ, и обѣщаю вамъ, что, согласно намѣренію маркиза Жюинье, его здѣсь не оставятъ, если окажется, что онъ здѣсь.

Собесѣдники разстались въ высшей степени вѣжливо, а Робасоми, по совѣту Корберона, передъ уходомъ изъ французскаго посольства, написалъ о своемъ дѣлѣ князю Орлову. На другой день стало извѣстно, что Орловъ направилъ его къ графу Панину, но тотъ итальянца не принялъ, а велѣлъ передать ему чрезъ своего секретаря, чтобы онъ обратился къ начальнику полиціи, какъ къ лицу, отъ котораго зависитъ направленіе дѣла.

Для Корберона дѣло это имѣло весьма непріятный исходъ: графъ Панинъ сообщилъ маркизу Жюинье, что императрица не желаетъ впредь видѣть молодого секретаря посольства при дворѣ. Послѣдствія этой опалы не замедлили отразиться на положеніи Корберона въ дипломатическомъ кругу: австрійскій и прусскій посланники обошли его приглашеніемъ на данные имъ черезъ нѣсколько дней послѣ того обѣды. Корберонъ хотѣлъ было съѣздить къ графу Панину для объясненій,

но маркизъ Жюинье, сумѣвшій совершенно выгородить себя, отсовѣтовалъ ему дѣлать эту попытку. Графъ Панинъ обѣщалъ, однако, сдѣлать все, что можно для молодого дипломата и совѣтовалъ только обождать, пока неудовольствіе императрицы остынетъ. Но дѣло тянулось безъ всякаго результата, такъ что Корберонъ началъ было даже подумывать объ отъѣздѣ изъ Петербурга, постепенно озлобляясь противъ русскаго общества. «Какъ бы ни хотѣлось имѣть хорошее мнѣніе объ этихъ людяхъ—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ—приходится поневолѣ признать ту истину, которую они сами обличаютъ относительно себя: это истинные дикари, у которыхъ нѣтъ чутья, присущаго другимъ еще не установившимся народамъ; въ нихъ сказывается одна лишь деревенщина. Съ этимъ недостаткомъ соединяется въ нихъ огрубѣніе рабовъ и дряблость народовъ, испорченныхъ избыткомъ цивилизаціи. Имѣя склонность ко всѣмъ вызываемымъ роскошью порокамъ, будучи испорчены прежде, чѣмъ пройти различныя степени созрѣванія, они походятъ на зеленые, но уже загнившіе плоды, не имѣющіе ни сочности, ни нѣжности и никогда не могущіе достигнуть совершенства. Вина тутъ не въ недостаткѣ почвы: русское царство—прямо кладъ, въ смыслѣ богатствъ. Нельзя сказать, чтобы и садовникъ былъ дуренъ: Екатерина II, не будучи тѣмъ, чѣмъ она желаетъ прослыть во всѣхъ газетахъ, государыня все-таки недурная; но она женщина во всемъ значеніи этого слова, не имѣющая основныхъ философскихъ понятій; всѣ ея дѣйствія отмѣчены самолюбіемъ, и воля ея направлена къ тому, чтобы царствовать, скорѣе, въ Европѣ при помощи репутаціи, которая будетъ лишь мимолетною, чѣмъ въ собственной странѣ путемъ солиднаго добра, которое она могла бы совершить безъ хвастовства, но зато основательно».

Несмотря на содѣйствіе графовъ Панина и Остермана, а также многихъ другихъ лицъ высшаго круга, принявшихъ участіе въ судьбѣ Корберона, ему долго не удавалось вернуть прежнее расположеніе къ себѣ императрицы, которая съ нѣкоторыхъ поръ подозрѣвала этого дипломата въ тѣсныхъ связяхъ со всѣми оппозиціонными ей элементами. Уже прошло около мѣсяца со дня злополучнаго происшествія съ Робасоми, а Корберонъ все еще писалъ въ своемъ дневникѣ: «Не знаю, чѣмъ кончится моя размолвка со дворомъ» и тутъ же прибавлялъ: «Говорятъ, Панинъ не особенно расположенъ въ мою пользу, но еще съ бо̀льшею увѣренностью утверждаютъ, что отношенія его къ императрицѣ нехороши и что она недавно [1]) писала ему объ его отставкѣ; министра этого она не любитъ. Изъ трехъ фаворитовъ—Орлова, Потемкина и Завадовскаго Потемкинъ вошелъ теперь въ бо̀льшую, чѣмъ когда-либо, милость, и

[1]) Въ концѣ декабря 1776 года.

недѣли черезъ три ожидаютъ вещей, которыми это будетъ засвидѣтельствовано». Здѣсь кстати будетъ отмѣтить отзывъ, сдѣланный Корберономъ мимоходомъ о Потемкинѣ. «Этотъ человѣкъ—пишетъ онъ—очень уменъ и, притомъ, обладаетъ тѣмъ тонкимъ умомъ, который даетъ успѣхъ при дворѣ. Родился онъ бѣднымъ; онъ самъ предрекъ свою судьбу и дословно сказалъ императрицѣ, что еслибы ему вздумалось возбудить къ себѣ любовь, то онъ достигъ бы этого: оказывается, что онъ былъ правъ. Слова эти переданы мнѣ г-жею Зиновьевой, которая слышала ихъ отъ самого Потемкина еще до выступленія его въ качествѣ любимца императрицы; онъ разсказывалъ объ этомъ въ обществѣ Строганова, Барятинскихъ, Загряжскаго и др.».

VIII.

Изъ записей Корберона за 1777 годъ видно, что опала снята была съ него лишь въ концѣ февраля этого года. Объ этомъ сообщилъ ему Жюинье, придя къ нему вмѣстѣ съ саксонскимъ посланникомъ барономъ Сакеномъ, и сказалъ: «Благодарите барона: его дружбѣ обязаны вы благополучнымъ исходомъ вашего дѣла. Оно кончено, и вы можете вернуться ко двору». Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, впрочемъ, что главнымъ ходатаемъ за Корберона передъ императрицей былъ князь Орловъ. Молодой французскій дипломатъ былъ до слезъ тронутъ полученною вѣстью, такъ какъ съ допущеніемъ его вновь ко двору устранялись для него всѣ препятствія къ тому, чтобы опять вступить въ колею свѣтской жизни, со всѣми ея балами, раутами, любительскими спектаклями, интимными разговорами съ великосвѣтскими красавицами и всякими другими удовольствіями. Дамы и дѣвицы высшаго круга, давно уже соскучившіяся по ихъ изящномъ кавалерѣ, встрѣтили съ восторгомъ извѣстіе объ его прощеніи. «Какая радость! говорили онѣ: его помиловали—это все равно, какъ будто помиловали насъ самихъ». Оставалось только соблюсти обычную формальность, но и за этимъ дѣло не стало: графъ Панинъ письменно увѣдомилъ маркиза Жюинье, что императрица разрѣшаетъ Корберону бывать при дворѣ по-прежнему. И вотъ, сдѣлавъ визиты князю Орлову, графамъ Панину и Остерману и другимъ особамъ, Корберонъ появился, наконецъ, 23-го февраля при дворѣ, гдѣ былъ встрѣченъ посыпавшимися со всѣхъ сторонъ поздравленіями, привѣтствіями и проч. Цѣлуя руку императрицѣ, онъ замѣтилъ, что она избѣгаетъ его взгляда: быть можетъ, она не желала причинить ему неловкость или же хотѣла скрыть собственное смущеніе. Впослѣдствіи баронъ Сакенъ разсказывалъ ему, что когда князь Орловъ

въ первый разъ заговорилъ съ императрицей о Корберонѣ, она ничего не отвѣтила и даже, отвернувшись, завела разговоръ съ другимъ лицомъ. «Всякій другой—пишетъ Корберонъ—на мѣстѣ Орлова не сталъ бы настаивать и даже перемѣнилъ бы тему бесѣды; но Орловъ, напротивъ, холодно и пристально посмотрѣлъ на нее, послѣ чего она возобновила разговоръ съ нимъ, а онъ снова заговорилъ о томъ же и достигъ того, что она подъ-конецъ сказала: «Ну, хорошо; все забыто. Онъ можетъ вновь явиться ко двору». Однако, она написала и графу Панину, спрашивая его, не скомпрометтируетъ ли ее это прощеніе, на что Панинъ отвѣтилъ, что оно дѣлаетъ ей честь. «Эта черта въ князѣ Орловѣ—прибавляетъ Корберонъ—показываетъ, каковъ онъ есть. Это человѣкъ откровенный, прямой и честный; твердость никогда не покидала его; у него рѣшительный характеръ. Еслибы съ этими качествами онъ соединялъ въ себѣ государственныя познанія и умѣлъ держать себя какъ нужно въ его положеніи, изъ него вышелъ бы великій министръ Россіи».

Небезъинтересно приведенное Корберономъ описаніе утренняго пріема у князя Орлова. «Онъ живетъ въ громадномъ домѣ на Мойкѣ. Я вошелъ въ кабинетъ, переполненный лицами, дожидавшимися, когда князь встанетъ. Это былъ подлинно дворъ, о какомъ у насъ, въ европейскихъ странахъ, не имѣютъ и понятія. Наши принцы крови и министры принимаютъ посѣтителей, одѣвшись, и даютъ аудіенціи съ извѣстной внимательностью къ нимъ, которую всякій обязанъ оказывать публикѣ. Здѣсь же осталась еще отъ азіятскихъ нравовъ распущенность восточнаго деспотизма, и всякій, кто занимаетъ высокій постъ, принимаетъ туземную публику съ пышностью и небрежностью; въ этомъ, пожалуй, сказывается не столько высокомѣріе, сколько обычай. Въ комнату, гдѣ мы находились, князь вышелъ изъ спальни въ халатѣ, съ растрепанными волосами и съ длинною трубкою во рту. Его окружили; каждый обратился къ нему съ почтительнымъ привѣтствіемъ; подошелъ и я, чтобы сказать князю, что я заходилъ нѣсколько разъ, но не заставалъ его. Онъ прервалъ мои изліянія благодарности за содѣйствіе въ моемъ дѣлѣ, взялъ меня за руку и сказалъ, что очень радъ былъ случаю сдѣлать, чего я желалъ, и готовъ помочь мнѣ во всемъ, съ чѣмъ мнѣ понадобится обратиться къ нему. Затѣмъ онъ усѣлся въ кресло, велѣлъ завивать себѣ волосы папильотками, и, покуривая трубку, продолжалъ со мною разговоръ, который, впрочемъ, не былъ продолжителенъ. Поговоривъ послѣ этого съ нѣсколькими другими лицами, онъ приказалъ показать мнѣ свою картинную галлерею; когда меня повели туда, весь дворъ князя образовалъ по обѣимъ сторонамъ шпалеры: такую власть имѣютъ здѣсь на людей милость и ея отраженія! Я отправился смотрѣть его картины, въ числѣ которыхъ замѣтилъ превосходныя произведенія фламандской школы».

Хотя авторъ дневника уже два года жилъ въ Россіи, многое въ мѣстныхъ нравахъ, видимо, продолжало казаться ему неожиданнымъ, особенно въ придворномъ кругу. Въ іюлѣ 1777 г. онъ записалъ, со словъ посольскаго аташе Комба, разсказъ о томъ, какъ Потемкинъ, игравшій въ то время такую же роль при Екатеринѣ II, какую приняла на себя подъ конецъ жизни г-жа Помпадуръ при Людовикѣ XV, представилъ императрицѣ, обѣдавшей у него на дачѣ, на невскихъ Островкахъ, гусарскаго маіора Зорича, которому послѣ перваго же знакомства было пожаловано 1.800 душъ. Послѣ обѣда и новаго знакомства императрица находилась, будто бы, въ самомъ веселомъ настроеніи. Особенно поражала его щедрость, съ которою были награждаемы фавориты императрицы при удаленіи ихъ отъ двора. По его словамъ, предшественнику Зорича, Завадовскому, пожалованы были 50.000 р. единовременно, 5.000 р. пенсіи, 4.000 душъ на Украйнѣ, да, сверхъ того, 40.000 р. на уплату долговъ. Подарили ему еще и много серебряной посуды, но ему всего этого показалось мало, и онъ рвалъ на себѣ волосы съ досады. Такія награжденія вызывали ропотъ со стороны великаго князя Павла Петровича, постоянно испытывавшаго нужду въ деньгахъ. Едва-ли могъ онъ относиться безъ раздраженія также и ко всѣмъ другимъ проявленіямъ щедрости императрицы, напр., въ родѣ подарковъ, дѣлавшихся отъѣзжавшимъ высокимъ гостямъ. Гостившему въ Петербургѣ шведскому королю подарены были, между прочимъ, трость, ручка которой была отдѣлана бриліантами, а шнурокъ къ ней, съ кистью, осыпанъ крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. По оцѣнкѣ ювелира, трость эта стоила 65.000 рублей. Кромѣ того, королю даны были дорогіе знаки ордена, которые носила императрица, и пожалована шуба, цѣною въ 15.000 р.

IX.

Въ ноябрѣ 1777 г. маркизъ Жюинье, давно уже домогавшійся отпуска по разстроенному здоровью, уѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ за себя Корберона, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи. На первыхъ порахъ дѣятельность въ этой новой роли, повидимому, поглотила всѣ домашніе досуги молодого шевалье, какъ можно судить по тому, что со времени отъѣзда французскаго посла, онъ на цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ прекратилъ писаніе своего дневника. Записки возобновляются лишь въ январѣ 1779 года. Нельзя сказать, чтобы такой перерывъ отразился на ихъ содержаніи: мы, по-прежнему, встрѣчаемъ въ нихъ тѣ же

отрывочныя записи о томъ, какъ изо-дня въ день протекала болѣе или менѣе пестрая жизнь французскаго дипломата среди пестраго великосвѣтскаго міра. По своему обыкновенію, Корберонъ отводитъ въ своемъ дневникѣ немало мѣста отмѣткамъ о собраніяхъ, обѣдахъ, ужинахъ и различныхъ развлеченіяхъ въ аристократическихъ домахъ по случаю рождественскихъ праздниковъ и новаго года. Въ день новаго года былъ большой пріемъ во дворцѣ, причемъ по поводу состоявшагося обширнаго производства въ чины по арміи и флоту, новопроизведенные приносили императрицѣ благодарность, становясь передъ нею на колѣни и цѣлуя ей руку. «Этотъ восточный пріемъ—замѣчаетъ Корберонъ—никогда не нравился мнѣ и всегда раздражаетъ меня».

Касаясь лишь вскользь и всегда очень поверхностно своихъ дѣловыхъ переговоровъ съ русскими государственными людьми, Корберонъ отмѣчалъ преимущественно внѣшнюю сторону своихъ свиданій съ ними и охотнѣе всего описывалъ роскошь и пышность обстановки вельможъ, особенно Потемкина, дававшаго парадные обѣды въ своемъ домѣ на Невскомъ проспектѣ. Богатѣйшая отдѣлка комнатъ, лакированная японская мебель, предметы китайскаго издѣлія, хрустальныя люстры—все это создавало въ домѣ Потемкина вполнѣ достойную обстановку для императрицы, удостоивавшей его пиршества своимъ присутствіемъ. Иностранные дипломаты весьма цѣнили приглашенія на эти собранія и въ своемъ дипломатическомъ самолюбіи очень огорчались, когда того или другого изъ нихъ случайно обходили приглашеніемъ. Такія случайности являлись даже поводомъ къ формальнымъ представленіямъ со стороны обиженныхъ, которые видѣли въ этомъ признакъ недостаточнаго вниманія къ представляемому ими государству. Что касается Корберона, то онъ бывалъ желаннымъ гостемъ на всякихъ большихъ собраніяхъ, такъ какъ, благодаря установившимся связямъ, былъ на хорошемъ счету въ придворномъ кругу. Послѣ опалы, о которой говорено было выше, онъ съумѣлъ снискать милостивое расположеніе императрицы, очевидно, даже не подозрѣвавшей, какіе подчасъ ѣдкіе отзывы дѣлалъ онъ о ней въ своемъ дневникѣ. Положеніе его въ Петербургѣ настолько упрочилось, что въ свѣтѣ уже стали поговаривать о вѣроятномъ назначеніи его на постъ посланника, вмѣсто маркиза Жюинье; этого, однако, не случилось, хотя Потемкинъ и Панинъ увѣряли Корберона, что императрица желала бы видѣть его посланникомъ. При версальскомъ дворѣ было рѣшено замѣнить маркиза Жюинье въ Петербургѣ не Корберономъ, а другимъ лицомъ; лѣтомъ 1780 г. стало извѣстно, что посланникомъ при петербургскомъ дворѣ назначенъ маркизъ Веракъ, который и прибылъ къ своему посту въ іюнѣ. Новый посланникъ (по отзыву Корберона, карьеристъ, смотрѣвшій на свою должность лишь какъ на ступень для дальнѣйшаго повышенія) не за-

медлилъ представиться важнѣйшимъ изъ русскихъ государственныхъ людей и произвелъ на нихъ очень хорошее впечатлѣніе. 9-го іюня состоялось въ Петергофѣ представленіе маркиза Верака императрицѣ. По дорогѣ туда, Веракъ, сидя въ каретѣ съ Корберономъ, повторялъ вслухъ приготовленную имъ рѣчь къ императрицѣ и сильно волновался, опасаясь, что не съумѣетъ произнести ее какъ слѣдуетъ. Представленіе прошло гладко; тѣмъ не менѣе, Веракъ на обратномъ пути изъ Петергофа, выражалъ тревогу, не имѣя увѣренности въ томъ, что хорошо сказалъ свою рѣчь, и все спрашивалъ Корберона, не повредитъ ли это ему. Новый посланникъ былъ пораженъ великолѣпіемъ двора императрицы (гдѣ, кстати сказать, гостилъ тогда австрійскій императоръ, прибывшій въ Россію инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна); Корберонъ, съ своей стороны, дивился тому, что такое сильное впечатлѣніе вынесъ изъ Петергофа французъ, видавшій пышность версальскаго двора. «Быть можетъ, замѣчаетъ онъ, я слишкомъ пригляделся къ здѣшней роскоши, чтобы раздѣлять восторги людей, къ ней не непривычныхъ».

Въ записяхъ Корберона за 1780 г.—послѣдній годъ его пребыванія въ Россіи—много мѣста отведено замѣткамъ о его личныхъ дѣлахъ. Онъ говоритъ о предстоявшей ему перемѣнѣ мѣста служенія, не безъ удовольствія упоминаетъ о томъ, что слухи объ его отъѣздѣ встрѣчены были петербургскою знатью съ сожалѣніемъ, и передаетъ разныя любезности, слышанныя имъ по этому поводу отъ русскихъ государственныхъ людей. Все это представляетъ мало интереса для русскаго читателя, хотя мѣстами попадаются въ отмѣткахъ автора штрихи, болѣе или менѣе характерные для придворнаго быта того времени. Такъ, между прочимъ, онъ описываетъ одинъ изъ своихъ визитовъ къ Потемкину, котораго онъ пришелъ поздравить въ день годового праздника Преображенскаго полка, гдѣ Потемкинъ числился подполковникомъ. Князь принялъ его очень любезно у себя въ кабинетѣ, усадилъ его и долго съ нимъ бесѣдовалъ, но затѣмъ, когда явился сенаторъ Елагинъ, тотчасъ же всталъ и ушелъ въ другую комнату, причемъ дважды просилъ Корберона садиться, прежде чѣмъ предложилъ стулъ новому посѣтителю. Тѣмъ временемъ, прибыло еще много другихъ лицъ, и къ нимъ князь Потемкинъ вышелъ въ халатѣ, да и то только для того, чтобы отпустить поздравителей.

---

*

X.

Весьма многое изъ русскихъ порядковъ поражало Корберона своею странностью до самаго конца пребыванія его въ Россіи. Ему казалось непостижимымъ, какъ могутъ здѣсь вообще идти дѣла, когда изъ руководящихъ людей почти никто ничего не дѣлалъ. Особенно изумлялъ его образъ жизни графа Панина, бывшаго первенствующимъ министромъ. «Онъ встаетъ очень поздно—писалъ Корберонъ,—забавляется разсматриваніемъ эстамповъ или новыхъ книгъ, потомъ одѣвается, принимаетъ являющихся къ нему, затѣмъ обѣдаетъ, а послѣ того играетъ въ карты или спитъ. Вечеромъ у него опять гости и игра; потомъ онъ ужинаетъ и очень поздно ложится. Старшіе чиновники его работаютъ нисколько не больше его и проводятъ время за картежною игрой, причемъ проигрываютъ пропасть денегъ, до шестисотъ рублей въ вечеръ, какъ случается, напр., съ Фонвизиномъ, Марковымъ, Бакунинымъ и др. Одинъ только Алопеусъ работаетъ и живетъ по средствамъ. А машина дѣйствуетъ тѣмъ временемъ, кажется, въ силу особой милости Божіей и неслыханнаго счастія императрицы. Правда, мы не видимъ того, что происходитъ внутри, и не замѣчаемъ мелкихъ недостатковъ».

Кромѣ того, автора дневника удивляла та легкость, съ которою пронырливые иностранцы дѣлали карьеру въ Россіи. Совершенно невѣжественные люди, въ родѣ Рибаса, г-жи Лафонъ и др., достигали начальническихъ мѣстъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Театральный суфлеръ Бонафонъ попалъ въ преподаватели въ Смольный институтъ; разныя француженки съ сомнительнымъ прошлымъ, по прибытіи въ Россію, сразу получали мѣста учительницъ, наставницъ и гувернантокъ. Нетрудно представить себѣ, какъ велось дѣло обученія и воспитанія при такихъ условіяхъ.

Не лишено характерности отмѣченное въ дневникѣ посѣщеніе Корберономъ, въ сопутствіи его секретаря, Арибера, русской общественной бани. «Это зрѣлище—говоритъ онъ—и странно, и отвратительно. Мужчины и женщины толкутся, голые, въ перемѣшку въ парильнѣ, гдѣ отъ паровъ бросаемой въ раскаленную печь воды они обильно потѣютъ. Вспотѣвъ, люди мылятся, а потомъ бросаются въ рѣку. Тутъ они остаются почти столько же времени, какъ и въ парильнѣ, причемъ поливаютъ себѣ изъ шайки голову, плечи и бока. Контрастъ двухъ температуръ, который былъ бы для насъ смертеленъ, оказывается для нихъ, напротивъ, полезнымъ. Баня раздѣлена на-двое, для мужчинъ и для женщинъ, но раздѣляющая ихъ переборка не препятствуетъ

смѣшенію половъ. Когда мы вошли въ женское отдѣленіе, чтобы взглянуть обнаженныя фигуры, кто-то въ родѣ смотрителя, подойдя, объявилъ намъ, что императрица воспретила входъ сюда мужчинамъ, и мы вышли, несмотря на то, что сами видѣли, какъ мало соблюдается это повелѣніе. Трудно представить себѣ инертность этого народа, сравнительно съ нашимъ. Во Франціи всякое развлеченіе, всякое собраніе бываетъ шумнымъ: веселье выражается криками или, по меньшей мѣрѣ, смѣхомъ и пѣснями; въ этихъ же баняхъ люди какъ бы совершаютъ религіозную церемонію. Это видно по тому, какъ мало обращаютъ они вниманія на вошедшихъ постороннихъ, простыхъ зрителей среди этой толпы. Женщины при видѣ насъ изумились такъ же мало, какъ и мужчины; въ парижской купальнѣ насъ встрѣтили бы свистками, а здѣсь только разсмѣялись, увидя насъ; особенно заливалась молодая хорошенькая женщина, на которую мы съ Ариберомъ привѣтливо смотрѣли, когда смотритель не особенно вѣжливо попросилъ насъ удалиться. Вообще, независимо отъ этой выставки голыхъ тѣлъ, непривлекательныхъ на видъ, зрѣлище это печально тѣмъ, что тутъ видно вліяніе рабства и дикости, т. е. написанныя на лицахъ забитость и тупость и отсутствіе выраженія удовольствія или тягости».

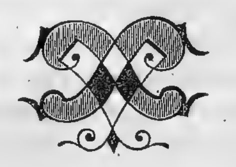
Въ сентябрѣ въ Петербургъ пріѣхалъ погостить прусскій наслѣдный принцъ. «Малый дворъ» сдѣлалъ было попытку возстановить его противъ партіи «большого двора», но высокій гость очень искусно далъ понять, что, въ качествѣ иностранца, онъ предпочитаетъ оставаться нейтральнымъ. Тѣмъ не менѣе, особенно виднаго вниманія со стороны императрицы ему оказано не было. При дворѣ объясняли это тѣмъ, что она вообще находилась въ послѣднее время въ дурномъ настроеніи, будучи озабочена какъ неудачами по части устройства губерній, такъ и господствовавшими въ провинціи волненіями. Въ разныхъ мѣстахъ происходили волненія крестьянъ, которые жаловались на дурное обращеніе помѣщиковъ и отказывались отъ повиновенія имъ, въ виду разнесшихся въ народѣ слуховъ о волѣ. Въ Бѣлоруссію и Новгородъ пришлось послать войска. Слухи же о волѣ распространились подъ вліяніемъ вѣстей о томъ, что императрица повелѣла выдать отпускныя граматы нѣсколькимъ ходатайствовавшимъ о томъ крестьянамъ, которые записались въ купцы. По примѣру этихъ счастливцевъ, и многіе другіе стали подавать челобитныя, такъ что вскорѣ подобныхъ прошеній насчитывалось уже болѣе десятка тысячъ.

Кромѣ того, императрицу разстраивали также и сильныя разногласія, возникшія между Панинымъ и Потемкинымъ, изъ которыхъ первый держалъ сторону Франціи, а второй стоялъ за сближеніе съ Англіей, причемъ Потемкинъ однажды очень прозрачно намекнулъ

своему противнику, что считаетъ его продавшимся французскому правительству. Панинъ вспылилъ и пошелъ жаловаться императрицѣ, которая личнымъ вмѣшательствомъ насилу положила конецъ схваткѣ. А въ это время разнесся еще слухъ, будто императрица получила отъ князя Орлова письмо, съ извѣщеніемъ, что, какъ ему достовѣрно извѣстно, Потемкинъ продался Англіи, отъ которой получилъ 150.000 гиней. Весьма понятно, какъ все это должно было дѣйствовать на императрицу, видѣвшую, что ей ни въ чемъ нельзя ни на кого положиться. При такихъ условіяхъ, ей, конечно, было не до того, чтобы окружать прусскаго принца особенною внимательностью. Тѣмъ не менѣе, она ласково принимала его, а въ день его рожденія послала ему чрезъ Ланского великолѣпный мѣхъ. Принцъ, съ своей стороны, щедро одарилъ деньгами нѣсколько полковъ, а при отъѣздѣ изъ Россіи, роздалъ многимъ лицамъ драгоцѣнные подарки, ради которыхъ вошелъ даже въ долги, такъ какъ ассигнованныхъ ему на это королемъ денегъ не хватило.

Мы подошли теперь къ окончанію дневника Корберона. Во второй половинѣ октября 1780 г. онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться къ новому мѣсту служенія, въ качествѣ дипломатическаго представителя Франціи при герцогѣ Цвейбрюккенскомъ. Недѣли за двѣ до отъѣзда онъ представился императрицѣ въ прощальной аудіенціи, явившись прежде откланяться при «маломъ дворѣ». Великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга приняли его очень милостиво, выражая сожалѣніе по поводу его отъѣзда и надежду на то, что онъ современемъ вернется въ Россію посланникомъ. Совершенно иной пріемъ встрѣтилъ Корберонъ со стороны императрицы: она не сказала ему ни слова. Напротивъ, графъ Панинъ наговорилъ ему при прощаніи кучу любезностей.

Р.

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

V [1]).

На-ряду съ дѣлами государственнаго хозяйства и сельскаго домоводства, Экспедиціи ввѣрено было императоромъ Павломъ опекунство надъ иностранными колонистами. Въ высочайше утвержденной 4-го марта 1797 года запискѣ генералъ-прокурора князя Куракина сказано было: «Подъ опекою Экспедиціи состоять иностранцамъ, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи поселившимся, также впредь приходящимъ и къ поселенію вызываемымъ, учредя по удобности нѣкоторыя мѣста для ближайшаго по опекѣ имъ вспоможенія и защищенія» [2]).

Хотя Павелъ Петровичъ мало сочувствовалъ начинаніямъ и учрежденіямъ императрицы Екатерины II, но, съ цѣлію возбудить примѣромъ трудолюбія иностранцевъ къ подражанію и русское крестьянское населеніе, находилъ вызовъ ихъ въ Россію полезнымъ. При этомъ императоръ задавался также цѣлію исправить первые неудачные шаги въ дѣлѣ иностранной колонизаціи и искоренить тѣ злоупотребленія, которыми они сопровождались, и слухи о которыхъ до него доходили. Поэтому Экспедиція Государственнаго Хозяйства, призванная къ опекунству надъ иностранными колонистами, «для вспоможенія и защищенія», отнеслась весьма внимательно къ этой части своихъ обязанностей.

Заселеніе южныхъ и юго-восточныхъ пространствъ Россіи ино-

---

[1]) См. „Русскую Старину", 1901 г. октябрь и ноябрь.

[2]) П. С. З., т. XXIV, № 17866.

странцами вызвано было, какъ извѣстно, манифестами императрицы Екатерины II, 4-го декабря 1762 г. и 22-го іюля 1763 г., которыми призывались всѣ желающіе водвориться въ Россіи, съ правомъ выбора мѣста для поселенія, и съ предоставленіемъ разныхъ временныхъ и постоянныхъ льготъ. Особые коммиссары были отправлены къ нашимъ резидентамъ въ Германію для пріема переселенцевъ, снабженія ихъ путевыми пособіями и отправленія въ Россію. Для высшаго управленія дѣломъ переселенія и водворенія иностранцевъ и устроенными ими колоніями, въ Петербургѣ учреждена была Канцелярія опекунства иностранныхъ, съ правами государственныхъ коллегій. Въ распоряженіе канцеляріи отпускалось ежегодно по 200.000 руб. Для первоначальнаго водворенія колонистовъ на отводимыхъ имъ мѣстахъ были назначены особые коммиссары.

Въ 1766 г., въ виду обнаруженныхъ неудобствъ отъ завѣдыванія колоніями чрезъ мѣстныхъ коммиссаровъ, особенно въ приволжскомъ краѣ, была учреждена въ Саратовѣ Контора канцеляріи опекунства иностранныхъ, но лишь на то время, пока иностранное населеніе, вошедъ во всѣ россійскіе обычаи, можетъ уже быть поручено вѣдѣнію общихъ россійскихъ учрежденій. Со введеніемъ учрежденія о губерніяхъ въ 1782 г., Канцелярія опекунства въ Петербургѣ и ея контора въ Саратовѣ были закрыты, а колонисты поступили въ вѣдѣніе директоровъ домоводства при казенныхъ палатахъ, наравнѣ съ казенными крестьянами. Однако многочисленныя жалобы на злоупотребленія и всякія стѣсненія побудили правительство возвратиться къ первоначальному порядку управленія колонистами и приступить къ устройству внутренней ихъ юрисдикціи съ изъятіемъ ихъ изъ вѣдѣнія общихъ полицейскихъ, судебныхъ и правительственныхъ учрежденій. 2-мъ пунктомъ именнаго указа 30-го апрѣля 1797 г. Экспедиціи Г. Х. повелѣвалось для ближайшаго и успѣшнѣйшаго попеченія и присмотра надъ всѣми колоніями принять въ руководство правила, по которымъ существовала Саратовская контора. 30-го іюня 1797 г. эта контора была возстановлена въ гор. Саратовѣ [1], причемъ утверждена была и инструкція для конторы [2]). Она должна была заниматься хозяйственными распоряженіями по всѣмъ Саратовскимъ колоніямъ, производить въ нихъ судъ и расправу; по дѣламъ же колонистовъ съ другими русскими подданными разсматривать и рѣшать дѣла вмѣстѣ съ общими присутственными мѣстами. Въ особенности же Саратовская контора должна была разсмотрѣть причины «изнеможенія и несостоянія» иностранныхъ поселенцевъ къ уплатѣ числящагося на нихъ казеннаго долга и изъискать

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18021.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 18022.

средства къ ихъ облегченію, а также наблюдать за охраненіямъ уже отведенныхъ колоніямъ земель отъ незаконныхъ притязаній.

Сарептская колонія, на Волгѣ, близъ Царицына, населенная братьями Евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія, получила отъ императора Павла 29-го іюня 1797 г. особую жалованную грамоту [1], въ которой не только подтверждались всѣ прежнія права и привилегіи, но, для поощренія трудолюбія и полезной дѣятельности, дарованы были ей еще новыя выгоды. Поэтому Сарептская колонія, по инструкціи 30-го іюня 1797 г., поручалась особенно въ опеку только главному судьѣ, какъ старшему члену конторы.

По образцу Саратовской конторы, по высочайше утвержденному 6-го апрѣля 1800 г. докладу Сената, для завѣдыванія поселенными въ Новороссійскомъ краѣ колонистами открыта была въ г. Новороссійскѣ, подъ вѣдѣніемъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Контора опекунства Новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ [2]. Инструкція, утвержденная для Новороссійской конторы 26-го іюля 1800 г. [3]), почти тожественна съ инструкціей, данной Саратовской конторѣ; но въ ней обращаютъ на себя вниманіе пункты 8 и 9. Въ п. 8-мъ конторѣ предлагается пріохочивать колонистовъ къ разведенію искусственныхъ луговъ, къ насажденію тутовыхъ деревъ, виноградныхъ лозъ, кунжутнаго сѣмени и другихъ полезныхъ растеній, къ умноженію овчарныхъ лучшихъ породъ и къ заведенію полотняныхъ, суконныхъ, кожевенныхъ и другихъ фабрикъ, которыя по климату, по упражненіямъ и знанію иностранцевъ «устроены быть могутъ». Въ пунктѣ 9-мъ предписывалось главному судьѣ и его товарищу объѣзжать ежегодно всѣ колоніи и удостовѣряться, исполняются ли всѣ постановленія и приказанія начальства.

Организуя правильную систему управленія колоніями на мѣстахъ, Экспедиція озаботилась собраніемъ точныхъ свѣдѣній о положеніи колоній въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Прежде всего Экспедиція обратила вниманіе на колоніи С.-Петербургской губерніи, которыя подлежали ея непосредственному наблюденію и должны были служить примѣромъ благоустройства и сельскаго домоводства. Съ этою цѣлію, не ограничиваясь полученными ею письменными свѣдѣніями и справками, Экспедиція поручила члену своему, д. ст. сов. Хитрово, лично осмотрѣть означенныя колоніи и войти въ подробности ихъ хозяйства и его недостатки. Изъ обстоятельнаго описанія, представленнаго при всеподданнѣйшемъ докладѣ Экспедиціи императору, видно, что въ 4-хъ Петер-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17011.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 17372.
[3]) П. С. З., т. XXVI, № 19492.

бургскихъ колоніяхъ, основанныхъ въ 1765 и 1767 г.г.,—Софійской (по Царскосельской дорогѣ), Ижорской, Саратовской (по берегу Невы) и Ямбургской,—за переселеніемъ 272 душъ въ 1793 г. въ Екатеринославскую губернію, числилось въ 7 деревняхъ 132 двора, 500 душъ муж. и 1.257 ж. п.; на обзаведеніе ихъ затрачено было 204.776 р.; земли имъ было дано 6.356 дес., а въ уплату поземельныхъ сборовъ и въ возвратъ ссудъ причиталось ежегодно съ души: въ Софійской колоніи по 6 р. 30 к., въ Ижорской по 3. р. 75 к., въ Саратовской по 5 р. 37 к. и въ Ямбургской по 1 р. 93 к.; къ сложенію предполагалось разныхъ сборовъ съ недоимками 137.443 рубля.

Въ докладѣ своемъ Экспедиція объясняла, что если колоніи еще не приносили государству той пользы, какая отъ заведенія ихъ ожидалась, то причину этому слѣдуетъ искать въ томъ невниманіи, съ какимъ отнеслись первоначально мѣстныя власти при устройствѣ колоній. Неспособность и недостатокъ земель, отведенныхъ колонистамъ, были причиною невозврата казенныхъ денегъ, безъ должной осмотрительности издержанныхъ. Экспедиція предлагала увеличить отводъ земли колонистамъ, полагая, что такой увеличенный надѣлъ могъ бы послужить къ практическому обученію поселянъ земледѣлію, къ производству разныхъ опытовъ, къ вящшему размноженію въ Россіи картофеля и къ заведенію небывалыхъ у насъ искусственныхъ луговъ. Экспедиція полагала освободить Петербургскія колоніи отъ разныхъ вѣдомствъ и подчинить ихъ особому смотрителю или управителю, который бы, завися единственно отъ Экспедиціи и наблюдая земскую полицію, внутреннее благоустройство и вѣрный отчетъ въ податяхъ, могъ преподавать практическія наставленія въ земледѣліи, скотоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ, къ обогащенію поселянъ способствующія и дѣйствительными опытами доказанныя. При этомъ Экспедиція не видѣла препятствія и къ выселенію изъ колоній желающихъ, особенно тѣхъ, которые обратятся къ ремесламъ и художествамъ, земледѣлію не свойственнымъ, ибо подать, платимая не съ душъ, а съ земли, отъ того не должна уменьшиться. Однако императоръ Павелъ, утвердивъ 20-го іюня 1797 г. всѣ предложенія Экспедиціи, не разрѣшилъ переселять петербургскихъ колонистовъ въ другія губерніи [1]. Впрочемъ, уже въ октябрѣ 1799 г. [2], разрѣшено было колонистамъ переходить въ мѣщанство и купечество съ разрѣшенія Экспедиціи, уплативъ предварительно причитающуюся часть долга казнѣ, а также и въ общественную сумму годовую поземельную подать единовременно.

Для обезпеченія Саратовскихъ колонистовъ землею, въ виду обна-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18006.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 18263.

руженнаго злоупотребленія мѣстныхъ властей, выразившагося въ отобраніи у колонистовъ и отдачѣ на откупъ части ихъ земель, озеръ и рыбныхъ ловель, по именному указу отъ 4-го декабря 1797 г. [1]), и по высочайше утвержденному 4-го января 1798 г. докладу Экспедиціи опредѣлено было нарѣзывать Саратовскимъ колоніямъ по 20 дес. на душу, какъ изъ удобныхъ пустопорожнихъ казенныхъ земель, такъ и изъ предназначенныхъ къ пожалованію, но еще не розданныхъ.

Избытокъ имѣвшейся у нѣкоторыхъ колонистовъ земли предписывалось отрѣзывать при межеваніи и имѣть въ готовности, на тысячу семействъ, на случай новыхъ переселеній. Изъ именнаго указа 4-го сентября 1802 г. видно, что саратовскіе колонисты и въ то время все еще терпѣли нужду въ землѣ, и что поселенные для возки соли съ Элтонскаго озера малороссіяне завладѣли отведенными колонистамъ пустошами. Означеннымъ указомъ подтверждалось о скорѣйшемъ обмежеваніи земель колонистовъ и о возстановленіи ихъ нарушенныхъ правъ [2]).

Для выясненія хозяйственнаго положенія новороссійскихъ колонистовъ, изъ коихъ нѣкоторые подавали императору въ 1799 г. чрезъ своихъ повѣренныхъ прошенія и жалобы на стѣсненное свое состояніе, Экспедиція командировала въ Новороссійскій край, съ высочайшаго соизволенія, совѣтника географическаго департамента, над. сов. Контеніуса. Онъ осмотрѣлъ колоніи менонитовъ, прибывшихъ изъ окрестностей Данцига въ 1789, 1793 и 1796 г.г. и поселенныхъ частію въ Павлоградскомъ и въ Новомосковскомъ уѣздахъ, а также вблизи отъ Новороссійска.

Менониты прибыли въ числѣ 406 семействъ; нѣкоторые изъ нихъ по два года ожидали отвода земель, а обѣщанныя ссуды получаемы ими были раздробительно, по мелочамъ, съ большими стѣсненіями и потому, издержавъ полученныя деньги на свое пропитаніе, они не могли привести своего хозяйства въ порядокъ, несмотря на все свое трудолюбіе и порядочность, тѣмъ болѣе, что и земли, имъ отведенныя на высокихъ, безводныхъ мѣстахъ, не могли давать хорошаго урожая, а недостатокъ пастбищъ и сѣна лишалъ ихъ возможности развивать свое скотоводство. Приведенный колонистами иностранный скотъ и лошади большею частію пали въ жестокія зимы отъ безкормицы.

Шведскіе колонисты или крестьяне въ 1787 г. переведены были съ о. Даго въ числѣ 904 д. об. п. и поселены близъ г. Бреслава въ Херсонскомъ у., въ колоніи, названной Шведскою. Къ нимъ впослѣдствіи, по распоряженію князя Потемкина, приселено было 31 человѣкъ изъ плѣнныхъ шведовъ, пожелавшихъ остаться въ Россіи. Но

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18305.
[2]) П. С. З. т. XXVII, № 20403.

изъ всѣхъ 935 душъ въ живыхъ осталось только 157, остальные умерли или въ дорогѣ, или въ колоніи отъ болѣзней, частію вслѣдствіе перемѣны климата, частію отъ необыкновенно худой пищи, отъ неимѣнія домовъ и по недостатку другихъ нужныхъ потребностей. Хлѣбъ, ими разводимый, страдалъ отъ засухи и отъ сусликовъ; только хорошія пастбища и рыбныя ловли давали имъ посредственный доходъ.

Экспедиція вошла въ подробное разсмотрѣніе нуждъ и всѣхъ прочихъ новороссійскихъ колонистовъ и выяснила, что можетъ быть сдѣлано для ихъ облегченія, какъ по обезпеченію землею, такъ и по платежу ими долговъ.

Вполнѣ одобряя всѣ заключенія Экспедиціи, Сенатъ предложилъ учредить Контору новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ съ назначеніемъ въ нее главнымъ судьею над. сов. Контеніуса, а товарищемъ его директора новороссійскихъ колоній Бриганци. Докладъ Сената былъ утвержденъ императоромъ 6-го апрѣля 1800 г. [1]).

Тому же кол. сов. Контеніусу поручено было, на возвратномъ пути изъ Новороссійской губерніи, ознакомиться съ положеніемъ колонистовъ, поселенныхъ въ Бѣловежской пущѣ, въ Малороссійской губерніи, и представить свои соображенія о мѣрахъ къ исправленію ихъ состоянія. Изъ доставленныхъ Контеніусомъ свѣдѣній оказалось, что на Бѣловежской пущѣ первоначально поселено было 742 об. п. душъ, вызванныхъ въ 1765 и 1766 г.г. изъ окрестностей Франкфурта-на-Майнѣ и изъ-подъ Данцига и Эльбинга.

Большая смертность между колонистами въ первые годы ихъ поселенія объясняется тѣмъ, что мастеровые и фабриканты, не получивъ обѣщанныхъ имъ по контракту домовъ, построили себѣ собственныя хаты, въ которыхъ бѣдствовали, перейдя къ хлѣбопашеству. Земледѣльцы же занимались имъ съ трудолюбіемъ и раченіемъ, хотя не могли, по недостатку пастбищъ и сѣнокосовъ, распространять свое хозяйство. Контеніусъ насчиталъ во всей колоніи только 12 хозяевъ съ хорошимъ достаткомъ; 80 имѣли посредственный, 116 безбѣдное пропитаніе и 13 бѣдныхъ по собственному нерадѣнію.

На основаніи собранныхъ Контеніусомъ и разсмотрѣнныхъ Экспедиціею свѣдѣній, Сенатъ опредѣлилъ: надѣлить 160 семей бѣловежскихъ колонистовъ землею по 30 дес. на каждое семейство и подчинить бѣловежскія колоніи Новороссійской конторѣ.

На докладѣ Сената 21-го августа 1800 г. [2]) послѣдовала слѣдующая резолюція Павла I: «Начать тѣмъ, что намѣрить земли нужное ко-

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19372.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 19523.

личество, какъ въ нѣмецкой землѣ водится, потомъ сію землю разсортировать на три рода и тогда по ихъ тамошнему обряду установить работу и образъ подати, точно такъ, какъ въ ихъ земляхъ обычно».

Собирая свѣдѣнія объ иностранныхъ поселенцахъ, въ Россіи водворившихся, Экспедиція вошла, между прочимъ, въ разсмотрѣніе правъ болгаръ, которые, по заявленію ихъ, выѣхали на основаніи манифеста 22-го іюля 1763 г. и поселились на земляхъ Братскаго монастыря, въ Кіевской губ., по контракту изъ платежа 10 руб. чиншевыхъ денегъ. Въ 1786 г., когда монастырскія имѣнія поступили въ казну, означенные поселенцы были поверстаны въ казенные поселяне.

По высочайше утвержденному 11-го августа 1800 г. докладу, Сенатъ, согласно съ заключеніемъ Экспедиціи, не призналъ возможнымъ считать болгаръ колонистами, такъ какъ они были вызваны не казною, и полагалъ оставить ихъ въ званіи казенныхъ поселянъ, надѣлить 15 дес. пропорціею на душу и, снявъ съ нихъ чиншевой платежъ, обложить податями, наравнѣ съ прочими крестьянами [1]).

Но вслѣдъ за тѣмъ, уже въ царствованіе Александра I, Экспедиціи пришлось заняться устройствомъ быта грековъ и болгаръ, спасавшихся отъ разбойниковъ изъ Адріанопольскаго округа. Первая партія такихъ переселенцевъ прибыла на одномъ русскомъ суднѣ, укрывшемся отъ бури у румелійскихъ береговъ, и состояла изъ 19 семействъ и 148 душъ об. п. Вслѣдствіе рапорта новороссійскаго губернатора Миклашевскаго, пріютившаго этихъ поселенцевъ на первыхъ порахъ въ карантинѣ г. Одессы, разрѣшено было Экспедиціи принять ихъ на свое содержаніе и озаботиться водвореніемъ на основаніи узаконеній объ иностранныхъ поселенцахъ [2]). Между тѣмъ были приняты мѣры къ пріему изъ-за границы новыхъ такихъ же переселенцевъ, такъ какъ, по заявленію первой партіи, подобныхъ имъ лицъ было до 300 деревень и около 7.000 душъ.

Права переселенцевъ изъ грековъ и болгаръ опредѣлены были высочайше утвержденнымъ 2-го января 1802 г. докладомъ Сената [3]), и они поселены были въ Маріупольскомъ уѣздѣ, по рѣкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ [4]).

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19512.
[1]) П. С. З., т. XXVI, № 20035.
[2]) П. С. З., т. XXVII, № 20103.
[4]) П. С. З., т. XXVII, № 20343.

VI.

Стремясь къ распространенію свѣдѣній по земледѣлію среди поселянъ, къ обезпеченію ихъ землею и продовольствіемъ, Экспедиція въ то же время заботилась и о водвореніи новыхъ культуръ, особенно въ южныхъ окраинахъ Россіи, гдѣ климатъ и почва допускали воздѣлываніе болѣе цѣнныхъ растеній. Такъ Экспедиціею были приняты послѣдовательно весьма усиленныя мѣры для разведенія тутовыхъ деревьевъ, винограда и вообще для распространенія и улучшенія садоводства.

Въ началѣ 1801 г., членъ Экспедиціи Габлицъ представилъ записку [1]) о пользѣ и возможности разведенія въ Россіи кунжутнаго сѣмени, которое въ разныхъ странахъ Азіи, а также въ Греціи и на многихъ островахъ Средиземнаго моря, а отчасти и въ Молдавіи, сѣется ежегодно на поляхъ, для полученія изъ него «преизящнаго рода масла». Это масло, по мнѣнію автора записки, могло бы съ большою пользою замѣнить всѣ другія постныя масла, употребляемыя въ пищу, а также и оливковое. Самъ Габлицъ пытался разводить это растеніе въ Астрахани и въ Крыму и убѣдился въ возможности сдѣлать его въ Россіи «домашнимъ». Для достиженія этой цѣли онъ предложилъ: въ тѣхъ губерніяхъ, которыя по климату своему удобны для разведенія кунжута (Астраханской, Саратовской, Слободско-Украинской, Новороссійской, Кіевской и Подольской) за этого рода опыты назначать жителямъ различныя поощренія, смотря по ихъ состоянію: о помѣщикахъ представлять на высочайшее благоусмотрѣніе, крестьянамъ за каждый пудъ масла, который будетъ ими выдѣланъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ выдавать по 25 копѣекъ, оставляя имъ масло въ собственность; купцамъ, если кто изъ нихъ сдѣлаетъ въ годъ не менѣе ста пудовъ масла, давать медали для ношенія на груди. Кромѣ того онъ находилъ полезнымъ высочайше утвержденную раздачу казенныхъ земель подъ шелководство распространить и на разведеніе кунжута, раздавая участки отъ 20 до 100 десятинъ, съ обязательствомъ, чтобы четвертую часть засѣвать всегда кунжутомъ; если же кто въ теченіе двухъ лѣтъ по полученіи земли и сѣмянъ этого не исполнитъ, то землю отбирать обратно въ казну, со взысканіемъ по 20 копѣекъ съ десятины за каждый годъ владѣнія землею. Заготовленіе сѣмянъ для желающихъ приступить къ ихъ посѣву должна была принять на себя Экспедиція; раздача же сѣмянъ и наблюденіе за ихъ посѣвомъ должны были быть возложены на смотрителей шелководства, подъ главнымъ вѣдѣніемъ главнаго инспектора надъ шелководствомъ, барона Биберштейна, который, обстоятельно зная бо-

[1]) Дѣло Экспедиція № 13875.

танику, могъ бы снабдить смотрителей особыми инструкціями, соображаясь съ климатомъ и качествами земли каждой губерніи. На основаніи этой записки, Экспедиціею былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, который и удостоился высочайшаго утвержденія 7-го марта 1801 г. [1]). Вслѣдъ за тѣмъ были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія о выпискѣ кунжутныхъ сѣмянъ изъ Персіи и Бухары и о раздачѣ ихъ для посѣва, и напечатано отдѣльною брошюрою составленное Габлицемъ «Наставленіе о разведеніи въ Россіи кунжутнаго сѣмени».

При этомъ наставленіи было роздано частнымъ лицамъ около 40 пудовъ сѣмянъ для посѣва; но, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея отъ 21-го апрѣля 1803 г., урожай только въ немногихъ мѣстахъ былъ посредственный; въ губерніяхъ же Саратовской, Слободско-Украинской, Кіевской, Подольской и даже въ Крыму «заведеніе сіе не имѣло никакого успѣха».

VII.

Лѣсная часть также не осталась чужда Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. Забота о сохраненіи лѣсовъ, какъ для нуждъ морскаго вѣдомства, такъ и для обезпеченія населенія строительнымъ матеріаломъ и топливомъ, проявлялась неоднократно въ указахъ Павла Петровича. Павелъ любилъ лѣсъ и во время своихъ путешествій по разнымъ губерніямъ обращалъ вниманіе на состояніе лѣсовъ и на злоупотребленія по лѣсной части, что и вызывало съ его стороны строгіе указы, или непосредственно губернаторамъ, или Сенату, о принятіи надлежащихъ мѣръ къ сбереженію лѣсовъ и о взысканіи съ виновныхъ [2]).

По именному указу 31-го марта 1797 года [3]), вся лѣсная часть присоединена была къ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства съ тѣмъ, чтобы отъ нея же зависѣла и лѣсная часть по Адмиралтейству и чтобы были заведены особые вальдмейстеры. Изъ собранныхъ Экспедиціею свѣдѣній о казенныхъ лѣсахъ оказалось, что они были приведены въ извѣстность только по 7 губерніямъ: С.-Петербургской, Костром-

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19771.

[2]) „Столѣтіе учрежденія Лѣснаго Департамента. 1798—1898 гг. Спб. 1898 г., стр. 14—22. См. также именные указы Павла I, въ Полн. Собр. Законовъ т. XXIV, № 17959, XXV, № 18527, и въ Сенатскомъ Архивѣ: I. Спб. 1888, указы: 28-го іюля 1797 г. (стр. 265), 8-го февраля 1799 г. (стр. 494), 8-го іюня 1799 г. (стр. 532) и 27-го іюня 1799 г. (стр. 540).

[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17897.

ской, Воронежской, Курской, Орловской, Вологодской и Псковской, и что по Курляндской губерніи существовали уже особыя надъ лѣсами надзирательства, на основаніи узаконеній, изданныхъ при герцогахъ. Поэтому, какъ въ видахъ сохраненія лѣсовъ для прочнаго на будущее время снабженія флота, такъ и для правильнаго употребленія каждаго рода деревъ, на что они пригодны, а равно въ видахъ разведенія лѣса для отвращенія нужды, претерпѣваемой въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по недостатку его, Экспедиція полагала учредить, вмѣсто вальдмейстеровъ, оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ, такъ какъ къ обязанностямъ ихъ должно относиться не только сохраненіе, но и разведеніе вновь лѣса. Съ этою цѣлью Экспедиція составила болѣе полные штаты только для 7 вышепоименованныхъ губерній, въ прочія же полагала опредѣлить по одному форстмейстеру съ нужнымъ числомъ землемѣровъ впредь до окончанія измѣренія казенныхъ лѣсовъ, положенія ихъ на планы и обозначенія на генеральныхъ картахъ, когда явится возможность ввести дѣятельное управленіе всѣми лѣсами государственными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составлены были инструкція оберъ-форстмейстеру и форстмейстеру и общія правила, могущія служить руководствомъ и наставленіемъ о всѣхъ лѣсахъ, растущихъ въ Россіи, и о деревьяхъ иностранныхъ, могущихъ произростать въ ней.

Докладъ Экспедиціи, по разсмотрѣніи и одобреніи его въ общемъ Сената собраніи, былъ высочайше утвержденъ 12-го марта 1798 г. [1]) вмѣстѣ со штатомъ лѣснаго управленія, инструкціею и руководствомъ, при чемъ въ особенную обязанность Экспедиціи поставлено было возможно чаще доносить объ успѣхахъ этого дѣла.

Впрочемъ, лѣсная часть не долго оставалась въ вѣдѣніи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства: уже 26-го мая 1798 г. послѣдовалъ указъ Сенату [2]) объ обращеніи всѣхъ казенныхъ лѣсовъ, а также состоящихъ на земляхъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ, въ вѣдѣніе Адмиралтействъ-Коллегіи вмѣстѣ со всѣми чиновниками, форстмейстерами и вальдмейстерами и съ ассигнованными на нихъ суммами. Одновременно и Адмиралтействъ-Коллегіи былъ данъ указъ [3]) о скорѣйшемъ примѣненіи вальдмейстерской и форстмейстерской инструкціи, о приведеніи означенныхъ лѣсовъ въ точную извѣстность съ

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18429.

[2]) П. С. З., т. XXV, № 18533.

[3]) П. С. З., т. XXV, № 18534. Указы 26-го мая 1798 г. состоялись, судя по журналу, веденному во время путешествія Павла I, вслѣдствіе донесенія ген. лейт. Ласси и разговоровъ въ Казани объ истребленіи казенныхъ рощъ и лѣсовъ. („См. Русск. Старина“, 1892 г. сентябрь, стр. 30 и Столѣтіе учрежд. Лѣснаго Департамента, стр. 17).

нанесеніемъ ихъ на генеральные планы и карты, о прекращеніи всѣхъ вкравшихся въ истребленіи лѣсовъ злоупотребленій, о воспрещеніи рубить лѣсъ изъ казенныхъ дачъ безъ билета отъ Адмиралтействъ-Коллегіи, и о заведеніи новыхъ рощъ посѣвами и посадками на казенныхъ земляхъ, лежащихъ близъ рѣкъ. Для завѣдыванія лѣсною частію въ Адмиралтействъ-Коллегіи учрежденъ былъ, при Интендантской Экспедиціи, особый, Лѣсной департаментъ.

Къ числу мѣръ, принятыхъ во время состоянія лѣсной части въ вѣдѣніи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, для сохраненія лѣсовъ, слѣдуетъ отнести и упомянутое выше учрежденіе въ имѣніи члена Экспедиціи, дѣйств. статскаго совѣтника Львова, училища земляно-битнаго строенія и данное Львову разрѣшеніе продолжать разработку вольными людьми открытаго имъ на р. Мстѣ, около г. Боровичъ, землянаго угля, признаннаго по опытамъ годнымъ на разныя хозяйственныя и заводскія надобности. Открытіе это, по заявленію именнаго высочайшаго указа 21-го августа 1797 года [1]), считалось заслуживающимъ вниманія, не только потому, что оно могло послужить къ сохраненію лѣсовъ, но и потому, что могло сберегать значительныя суммы, ежегодно за иностранный уголь изъ государства выходящія.

Нельзя также обойти здѣсь молчаніемъ всеподданнѣйшій докладъ Экспедиціи по поводу переданнаго ей по высочайшему повелѣнію донесенія орловскаго посадскаго Михаила Неручева, что истребленіе малорослыхъ липовыхъ лѣсовъ снятіемъ съ нихъ лыкъ на дѣланіе лаптей, возвышая цѣну на рогожи и лубки, приноситъ казнѣ и частнымъ лицамъ дороговизною сихъ вещей большіе убытки. Экспедиція, подробно разсмотрѣвъ это заявленіе, нашла, что хотя указами 1715 и 1720 годовъ было запрещено въ числѣ прочихъ деревъ рубить также липу, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа и тѣлеснаго наказанія, но такое запрещеніе отмѣнено было указомъ Петра Великаго 26-го января 1721 г. вслѣдствіе оказавшихся для народа стѣсненій и разоренія. Въ виду такой ясности и уважительности закона, а также и того, что липа по свойству своему ни на какое важное строеніе употребляема быть не можетъ, а ношеніе лаптей составляетъ обычную и съ климатомъ свойственную обувь поселянъ, Экспедиція признала, что запрещеніе драть лыки послужило бы единственно къ отягощенію народному, безъ дальней пользы лѣсамъ, и что по сей части замѣчаніе Неручева не заслуживаетъ вниманія. Докладъ Экспедиціи былъ утвержденъ императоромъ 21-го ноября 1797 года [2]).

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18104.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 18251.

VIII.

Дѣятельность Экспедиціи по улучшенію скотоводства въ Россіи не ограничилась разсмотрѣніемъ только частныхъ проектовъ объ учрежденіи образцовыхъ племенныхъ заводовъ рогатаго скота и овецъ и особаго скотоврачебнаго училища: по иниціативѣ Экспедиціи были приняты нѣкоторыя положительныя мѣры въ этомъ направленіи, и сверхъ того отмѣнены нѣкоторые стѣснительные обычаи, мѣшавшіе свободному развитію скотоводства.

Надворный совѣтникъ Эли представлялъ между прочимъ Экспедиціи, что «для разведенія въ Россіи лучшаго рогатаго скота и овецъ необходимо учредить заводъ изъ лучшихъ иностранныхъ породъ, а при заводѣ — лѣчебное училище для скотскихъ болѣзней, по примѣру учрежденнаго въ Австріи». По поводу такого предложенія Экспедиція высказалась, что польза, произойти могущая отъ поправленія и размноженія скотоводства выписными лучшими породами рогатаго скота и овецъ, неоспорима; но учрежденіе одного на то завода въ какомъ-нибудь мѣстѣ, по обширности Россіи, недостаточно, а для скорѣйшаго и лучшаго въ томъ успѣха полезнѣе было бы учредить отъ казны въ разныхъ мѣстахъ небольшіе заводы.

«Учрежденіе скотскаго лѣчебнаго училища, — писала Экспедиція, — есть одно изъ полезнѣйшихъ заведеній для Россійскаго государства необходимо нужное, но по сіе еще время не существующее; въ немъ заключается польза и частная, и общественная всего государства. Скотская врачебная наука, составляющая особую часть медицины, доселѣ нигдѣ въ Россіи не была преподаваема, а отъ неимѣнія искусныхъ по сей части людей бываютъ частыя бѣдствія отъ скотскихъ по разнымъ мѣстамъ падежей и важный уронъ въ лошадяхъ по кавалеріи. И для того Экспедиція, почитая нужнымъ заведеніе такого рода училища, не преминетъ составить начертаніе оному» [1].

Дѣйствительно, въ концѣ 1797 года въ Экспедиціи былъ выработанъ проектъ учрежденія «скотскаго врачебнаго училища», который и былъ представленъ генералъ-прокуроромъ на высочайшее усмотрѣніе. Императоръ Павелъ повелѣлъ: «дабы мѣсто къ учрежденію сего училища назначено было по близости города Гатчины, чему могутъ способствовать тамошнія воды и выгодное состояніе кормовъ, и чтобы на дѣйствительное всего сего исполненіе учиненъ и представленъ былъ планъ». Экспедиція, принимая въ примѣръ однородныя заведенія въ Вѣнѣ и Берлинѣ, признала прежде всего необходимымъ сдѣлать

---

[1] Дѣло Экспедиціи № 13861 (по Архиву М. Г. И.).

распоряженіе о выпискѣ оттуда по одному профессору и по одному адъюнкту, войдя для этого въ сношенія съ русскими послами, которые могли бы пріискать подходящихъ людей; подробное же составленіе плана и смѣты на постройку училища принялъ на себя членъ Экспедиціи Габлицъ. Стоимость всѣхъ необходимыхъ для училища построекъ была имъ опредѣлена (примѣрно) въ 93.694 р. 70 к.

Русскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Н. И. Панинъ, по сдѣланному съ нимъ сношенію, обратился къ профессору мѣстнаго ветеринарнаго института Науману, который отвѣчалъ, что пріискать подходящихъ профессоровъ очень трудно, такъ какъ, хотя въ Берлинѣ и не мало ученыхъ людей, но, не взирая на ихъ знаніе и искусство, въ русскую службу ихъ принять нельзя, «по причинѣ превратныхъ ихъ правилъ». Въ виду этого профессоръ Науманъ предлагалъ или прислать въ Берлинскій ветеринарный институтъ способныхъ русскихъ студентовъ, которые, пройдя четырехлѣтній курсъ, могли бы затѣмъ быть въ Россіи профессорами,—или же, для избѣжанія потери времени, принять на русскую службу его самого. При этомъ профессоръ требовалъ: чтобы его назначили директоромъ учреждаемаго училища, съ чиномъ военнаго генерала; чтобы ему дано было 4.000 р. въ годъ жалованья, при казенной квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, канцелярскими принадлежностями, лошадьми и экипажами; чтобы на казенный счетъ были приняты его путевыя издержки и, сверхъ того, дано 4.000 р. единовременнаго пособія въ вознагражденіе за убытки, могущіе быть при продажѣ его движимости; чтобы въ случаѣ, если онъ будетъ вынужденъ оставить службу по болѣзни, ему была назначена пожизненная пенсія, при готовой квартирѣ, въ 2.000 р., и такая же пенсія, но безъ квартиры, если онъ, прослуживъ 10 лѣтъ, пожелаетъ возвратиться на родину; наконецъ, чтобы всѣ назначенія учебнаго персонала зависѣли исключительно отъ него, какъ директора и полнаго распорядителя училища. Къ своей запискѣ проф. Науманъ приложилъ и учебный планъ предполагаемаго училища, для котораго, по его мнѣнію, на первый разъ достаточно было бы четырехъ профессоровъ, аптекаря съ провизоромъ и двухъ ученыхъ кузнецовъ для ковки лошадей.

Русскій посолъ въ Вѣнѣ, графъ А. К. Разумовскій также отыскалъ одного профессора, соглашавшагося ѣхать въ Россію, но предложившаго совершенно несоразмѣрныя условія.

Признавая «непреодолимыя затрудненія въ пріисканіи людей способныхъ и достойныхъ, которыхъ бы можно было вызвать въ Россію для учрежденія школы скотскаго врачевства», Экспедиція сочла болѣе удобнымъ, «избравъ нѣсколько человѣкъ изъ находящихся во врачебныхъ училищахъ молодыхъ людей, пріобрѣвшихъ уже достаточныя познанія въ физіологіи, анатоміи, патологіи и прочихъ частяхъ, къ враче-

*

ванію человѣка потребныхъ, и знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, отправить ихъ въ Берлинъ или Вѣну на три года для изученія основательно всего скотнаго врачеванія въ тамошнихъ училищахъ», а въ Россіи учрежденіе такого училища отложить до возвращенія этихъ будущихъ профессоровъ.

Между тѣмъ, въ 1798 году въ разныхъ мѣстностяхъ Эстляндіи и Лифляндіи открылся падежъ скота, вслѣдствіе чего состоялось высочайшее повелѣніе, «чтобы отъ Экспедиціи при открывающихся гдѣ-либо скотскихъ болѣзняхъ были посылаемы знающіе въ сей части люди для принятія скорѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ мѣръ къ пресѣченію оныхъ». Докторъ Уденъ, жившій въ то время въ Новгородской губерніи, котораго Экспедиція желала привлечь къ этому дѣлу, также представилъ проектъ учрежденія, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Экспедиціи, «первоначальнаго» ветеринарнаго училища, въ которомъ самъ онъ вызывался преподавать всѣ необходимые предметы, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда возвратятся изъ-за границы посылаемые туда для изученія ветеринарнаго дѣла студенты, можно было постепенно преобразовать это училище въ полный ветеринарный институтъ. Ежегодные расходы на содержаніе проектированнаго д-ромъ Уденомъ училища исчислялись въ 15.000 рублей. Экспедиція, вполнѣ одобряя проектъ д-ра Удена, указала источникъ для покрытія этого расхода—изъ суммъ, остающихся ежегодно отъ печатанія вексельныхъ бланковъ. Штатъ предположеннаго училища долженъ былъ состоять изъ одного оберъ-инспектора, который преподавалъ бы и всѣ предметы ветеринарнаго курса, одного унтеръ-инспектора, трехъ лѣкарей, 6 подлѣкарей, двухъ прозекторовъ и одного канцеляриста.

Мнѣніе Экспедиціи было представлено на разсмотрѣніе 1-го департамента Сената, который его утвердилъ; но главный директоръ медицинской коллегіи, баронъ Васильевъ, не соглашаясь съ предположеннымъ штатомъ, предложилъ ввести въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Хотя Экспедиція приняла это предложеніе къ исполненію, но училище не было открыто [1]).

Въ ноябрѣ 1802 года докторъ Рензингъ, акушеръ и членъ врачебной управы въ Казани, изучившій, между прочимъ, и ветеринарное дѣло, подалъ на имя вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны прошеніе объ учрежденіи «школы скотоврачеванія» съ проектомъ устройства этой школы. Указывая на необходимость и пользу такого заведенія, въ которомъ можно было бы лѣчить лошадей изъ кавалерійскихъ полковъ, а также—дворянскихъ и крестьянскихъ, авторъ проекта предлагалъ устроить школу «въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы,

---

[1]) Дѣло Экспедиціи № 13874 (по Архиву М. Г. И.).

какъ средоточія всего государства», а для обученія въ ней командировать людей изъ кавалерійскихъ полковъ, принимая также и постороннихъ лицъ «за порядочную плату». При этомъ авторъ находилъ полезнымъ «установить, чтобы нѣкоторое число лицъ, назначаемыхъ сельскими священниками, были принимаемы на одинъ годъ въ институтъ для пріобрѣтенія необходимыхъ познаній, для подачи поселянамъ полезныхъ совѣтовъ». Проектъ Рензинга былъ переданъ на разсмотрѣніе Экспедиціи, но о дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній не имѣется [1]).

Въ 1797 г. членомъ Экспедиціи, статскимъ совѣтникомъ Габлицемъ, былъ представленъ проектъ объ отмѣнѣ существовавшаго въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ сбора за пастьбу скота. «Сборъ этотъ, установленный еще татарскими ханами»,—писалъ авторъ проекта,—«продолжается и по присоединеніи Крыма къ Россіи на прежнемъ основаніи и простирается отъ 10 до 12 тысячъ рублей ежегодно. Не принося казнѣ большой прибыли, онъ служитъ единственно къ угнетенію во всей тамошней странѣ хотя обильнаго, но гораздо еще больше распространиться могущаго скотоводства; а потому необходимо этотъ сборъ, ни на какомъ россійскомъ законѣ, а единственно на прежнемъ татарскомъ установленіи основанный, на предбудущее время съ казенной стороны уничтожить».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ проекта предлагалъ учредить въ Крыму, по примѣру предположенныхъ конскихъ заводовъ, небольшой заводъ испанскихъ овецъ [2]).

Записка Габлица послужила для Экспедиціи поводомъ представить императору два обстоятельныхъ доклада о нуждахъ отечественнаго скотоводства въ связи съ нашей мануфактурной промышленностью и тѣмъ отвѣтить отчасти на именной указъ, данный 8 марта 1797 года [3]) генералъ-прокурору, о томъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе Экспедиціи на постоянно возрастающую дороговизну продуктовъ необходимыхъ для морскихъ и сухопутныхъ войскъ. Считая главнѣйшею причиною таковой дороговизны отпускъ означенныхъ продуктовъ за границу, не соразмѣрный съ собственными Имперіи надобностями и съ количествомъ ежегодно отпускаемыхъ земледѣльцами и фабрикантами отъ своихъ хозяйствъ, императоръ повелѣвалъ предложить уваженію Экспедиціи, чтобы она,—собравъ нужныя свѣдѣнія: 1) сколько таковыхъ продуктовъ выходитъ изъ первыхъ рукъ земледѣльцевъ и изъ фабрикъ, 2) что потребно на внутреннія по государству надобности, и 3) что затѣмъ на-

---

[1]) Дѣло Экспедиціи № 13949 (по Архиву М. Г. И.).
[2]) Дѣло Экспедиціи № 13860 (по Архиву М. Г. И.)
[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17874.

значено вывозить за границу,—сдѣлала свои соображенія и мнѣніе свое представила на высочайшее разсмотрѣніе.

Докладъ свой Экспедиція начинала слѣдующими словами: «Для исполненія благотворительныхъ намѣреній вашего императорскаго величества къ приведенію въ лучшее состояніе земледѣлія и сельскаго въ Россіи хозяйства, Экспедиція обратила вниманіе свое на обильное, вящше умножиться могущее скотоводство, имѣющее великое отношеніе къ хлѣбопашеству, фабрикамъ, мануфактурамъ, заводамъ, внѣшней и внутренней торговлѣ».

Указавъ, что полуденное положеніе нѣкоторыхъ губерній и обширныя въ нихъ степи преимущественную предъ прочими мѣстами представляютъ способность къ скотоводству, и что наиболѣе къ этому удобна бывшая область Таврическая, присоединенная къ Новороссійской губерніи, ибо въ томъ краю привольныя и степныя мѣста побудили не только татаръ съ давнихъ временъ къ веденію многочисленныхъ стадъ, но и изъ смежныхъ россійскихъ губерній и даже изъ Молдавіи, до вывода изъ Бессарабіи кочевавшихъ татарскихъ ордъ, пригонялся ежегодно скотъ для зимованія въ Тавриду, Экспедиція заявляла, что установленный еще со временъ ханскаго владычества сборъ въ казну пошлины за пастьбу скота въ Тавридѣ стѣсняетъ свободу жителей и ограничиваетъ природную ихъ промышленность. Такъ какъ многія земли по Днѣпру розданы были помѣщикамъ, то и сіи послѣдніе присвоили себѣ такое же право сбора за пастьбу скота на своихъ земляхъ. Такимъ образомъ хозяевамъ скота нерѣдко приходилось платить двойную и даже тройную дань, смотря по принадлежности земель, черезъ которыя они прогоняли или на которыхъ пасли свой скотъ.

По мнѣнію Экспедиціи, хотя казна и можетъ, съ уничтоженіемъ означеннаго сбора, лишиться ежегоднаго дохода отъ 10 до 12 т. руб., но эта потеря должна вознаградиться произведеніями, отъ свободнаго скотоводства получаемыми, для удовлетворенія домашнихъ въ государствѣ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ; остающіеся же избытки въ разныхъ произведеніяхъ, вывозомъ въ чужіе края по Черному морю, увеличатъ государственную прибыль, въ видѣ пошлинныхъ сборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Экспедиція полагала, что свободное на казенныхъ пажитяхъ скотоводство принудитъ и помѣщиковъ уменьшить взимаемый за пастьбу скота сборъ, а хозяева чрезъ то поощрятся не только къ размноженію скота, но и къ заведенію лучшихъ породъ. Для большаго споспѣшествованія таковому улучшенію, Экспедиція находила полезнымъ, по примѣру предположеннаго уже въ томъ краѣ конскаго завода, учредить небольшой заводъ испанскихъ овецъ. Пользуясь лучшаго рода баранами этого завода, жители могли бы скорѣе поправить породу горскихъ овецъ, изяществомъ волны отличающихся;

притомъ и размноженіе ангорскихъ козъ, сносящихъ весьма удобно тамошній климатъ, придастъ скотоводству бо̀льшее совершенство и для мануфактуръ принесетъ ощутительную пользу. Представленіе Экспедиціи, какъ объ учрежденіи въ Таврическомъ краѣ овчарнаго завода, такъ и объ отмѣнѣ сбора за пастьбу скота на казенныхъ земляхъ, было утверждено высочайшею резолюціею: «быть по сему» 20-го іюня 1797 года [1]). Вслѣдъ за этимъ докладомъ, Экспедиція представила новый докладъ съ подробными соображеніями объ устройствѣ овчарнаго завода въ Тавридѣ и о расходахъ на выписку овецъ изъ Испаніи и на содержаніе завода [2]). Примѣняясь къ способу содержанія лучшихъ испанскихъ овецъ въ ихъ отечественной землѣ, требующему по временамъ года разныхъ перемѣнныхъ для нихъ пастбищъ, Экспедиція не считала нужнымъ опредѣлять въ Тавридѣ особеннаго мѣста для заводскаго устроенія, не полагала, что должно ему быть, по примѣру испанскихъ заводовъ, лѣтомъ и зимою подвижнымъ. Климатъ Тавриды представлялся для того вполнѣ подходящимъ. Вершины приморскихъ горъ почти отъ Балаклавы до Судака, принадлежавшія казнѣ, могли послужить для лѣтняго пастбища; съ октября же до апрѣля мѣсяца стада должны быть перегоняемы въ южныя приморскія долины, принадлежащія преимущественно частнымъ лицамъ, коимъ за зимовье стада въ ихъ урочищахъ платится обыкновенно съ каждой сотни овецъ по одной овцѣ съ ягненкомъ, т. е. около 3 рублей. Нѣтъ также надобности заводить для овецъ строеній, требующихъ большихъ расходовъ, а достаточно имѣть для ночнаго и ненастнаго времени загоны и сараи изъ хвороста, а для овчаровъ и пастуховъ палатки или на зиму войлочныя татарскія кибитки. Поэтому на предварительный расходъ по устройству завода требовалось не болѣе 500 руб. единовременно.

Вмѣстѣ съ баранами предполагалось выписать особой породы собакъ, употребляемыхъ при овчарняхъ и овчаровъ для присмотра за выписными баранами, для выбора лучшихъ и удобнѣйшихъ пастбищъ, для обученія таврическихъ жителей и пастуховъ, какъ содержать, размножать и сохранять племя барановъ и какъ лѣчить ихъ болѣзни.

Сверхъ выписныхъ изъ Испаніи овчаровъ, предполагалось содержать при заводѣ наемныхъ пастуховъ изъ русскихъ поселянъ или татаръ; для ближайшаго надзора за казеннымъ заводомъ полагался смотритель съ жалованьемъ 500 руб. по примѣру получаемаго директоромъ земскаго коннаго завода.

Въ заключеніе Экспедиція испрашивала разрѣшенія: 1) выписку изъ Испаніи овецъ и доставку ихъ въ Россію поручить нашему повѣрен-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18009.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 18092.

ному въ дѣлахъ въ Мадридѣ Бюцову; 2) внутреннее устроеніе и распорядокъ овчарнаго завода возложить на особенное попеченіе новороссійскаго губернатора, съ подчиненіемъ ему и смотрителя завода. Утвердивъ означенный докладъ Экспедиціи 12-го августа 1797 года, Павелъ Петровичъ именнымъ указомъ, объявленнымъ генералъ-прокуроромъ 15-го августа 1797 года [1]), повелѣлъ обратить особенное вниманіе, чтобы подобные же овчарные заводы были заведены и въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ климатъ это дозволитъ.

Хотя всѣ распоряженія по выпискѣ овецъ изъ Испаніи и по отправкѣ ихъ въ Тавриду были сдѣланы Экспедиціею безъ замедленія, но выписка эта не состоялась, такъ какъ, по заявленію Бюцова, отправка овецъ чрезъ Царьградъ въ Севастополь сопряжена была въ то время съ большою опасностью по причинѣ размножившихся въ Средиземномъ морѣ французскихъ корсаровъ, которыми уже были перехвачены два нейтральныхъ корабля съ русскими товарами. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Бюцову было предложено воздержаться отъ покупки и отправки овецъ въ Россію впредь до болѣе благопріятнаго времени. Когда въ 1799 году объявлена была Россіею война Испаніи, то тѣмъ пресѣклись совершенно всѣ средства къ полученію оттуда овецъ, а потому ассигнованнымъ для сей цѣли деньгамъ предположено было дать другое назначеніе, а именно употребить ихъ на покупку овецъ въ Англіи [2]).

Выписка овецъ изъ Испаніи осуществилась лишь въ 1803 году, по мысли министра внутреннихъ дѣлъ, графа В. П. Кочубея, при посредствѣ французскаго подданнаго, коммерціи совѣтника Рувье, которому выдана было правительствомъ пособіе въ 100.000 рублей и отведено 30.000 дес. въ Таврической губерніи, съ обязательствомъ увеличивать первоначальную покупку ста барановъ лучшей испанской породы новыми покупками испанскихъ овецъ въ Австріи и Саксоніи [3]).

Въ концѣ 1797 года, утверждая всѣ предположенныя Экспедиціею мѣры по части овцеводства, Павелъ именнымъ указомъ 8-го ноября 1797 г. [4]), повелѣлъ генералъ-прокурору предложить Экспедиціи, чтобы она приступила къ составленію подобнаго проекта и объ умноженіи шерстей и о прочнѣйшей ихъ обработкѣ для дѣланія суконъ.

Во исполненіе этого новаго высочайшаго повелѣнія, Экспедиція разсуждала, что хотя введеніе въ обычай искусной стрижки шерсти

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 19093.

[2]) Дѣло Экспедиціи объ учрежденіи въ Тавридѣ овчарнаго завода (1797—1803) № 15068 по архиву М. Г. И.

[3]) Дѣло Экспедиціи № 15080 и Обзоръ дѣйствій Департамента Сельскаго Хозяйства. Спб. 1855, стр. 99—100.

[4]) П. С. З., т. XXV, № 18240.

съ овецъ лучшаго разбора и лучшей разсортировки шерсти можетъ принести великую пользу для улучшенія добротности и прочности сукна, но главная нужда состоитъ въ количествѣ шерсти и сукна, которыхъ оказывалось недостаточно во внутреннемъ производствѣ; посему Экспедиція всеподданнѣйшимъ своимъ докладомъ испрашивала высочайшаго повелѣнія на принятіе поощрительныхъ и понудительныхъ мѣръ для побужденія помѣщиковъ и крестьянъ, въ губерніяхъ наиболѣе способныхъ къ овцеводству, къ вящшему размноженію овецъ, а также представляла о необходимости учрежденія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ новыхъ суконныхъ фабрикъ и предлагала разные способы къ поддержанію суконныхъ фабрикантовъ и къ поощренію вновь желающихъ таковыя заводить.

Докладъ Экспедиціи переданъ былъ на разсмотрѣніе учрежденнаго при дворѣ его императорскаго величества военнаго коммиссаріата, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, Александра Павловича, изъ членовъ: адмирала Пущина, генерала-отъ-инфантеріи Ламба, генералъ-лейтенантовъ Вязьмитинова, барона Палена, и графа Бугсгевдена, генералъ-маіора Челищева, генералъ-адъютанта графа Кушелева, генералъ-провіантмейстера Обольянинова и генералъ-маіора князя Долгорукаго. Комитетъ одобрилъ часть предположеній Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и съ своей стороны поднесъ государю всеподданнѣйшій докладъ 8-го января 1798 года, на основаніи коего повелѣно было изготовить къ подписанію императора именной указъ Сенату, состоявшійся 15-го января 1798 г. [1]).

Означеннымъ указомъ разрѣшалось мануфактуръ-коллегіи выдавать безпроцентныя ссуды отъ 5 до 10 лѣтъ, желающимъ заводить для солдатскихъ суконъ фабрики въ губерніяхъ Оренбургской, Астраханской, Кіевской, Подольской и Волынской, также и прочимъ фабрикантамъ, бывшимъ въ поставкѣ суконъ исправными и пришедшимъ въ разстройство, не по собственной винѣ, а въ силу несчастныхъ обстоятельствъ. Равно разрѣшалось выдавать въ задатокъ исправнымъ фабрикантамъ третью часть всей причитающейся имъ суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещенъ былъ отпускъ изъ Россіи черной овечьей шерсти, ибо она можетъ быть обращена на дѣланіе черныхъ суконъ для солдатскихъ штиблетовъ. Наконецъ, на казенной фабрикѣ, основанной въ 1794 году въ губ. Новороссійской, вмѣсто тонкихъ суконъ изъ выписныхъ испанской и шленской шерстей, умножить выработку однихъ солдатскихъ суконъ, усиливъ дѣйствія фабрики прибавкою опытныхъ наемныхъ работниковъ.

Необходимо упомянуть здѣсь также объ одной мѣрѣ, принятой пра-

[1]) Дѣло Экспедиціи по высочайшему повелѣнію о размноженіи въ Россіи шерстей № 15069 по Арх. М. Г. И. Указъ 15-го янв. 1798 г. напечатанъ въ П. С. З., т. XXV, № 18323. См. также Сенатскій Архивъ, 1 стр., 342.

вительствомъ по докладу Экспедиціи по отношенію къ саловаренію. На разсмотрѣніе ея передано было, по высочайшему повелѣнію, въ ноябрѣ 1797 г. всеподданнѣйшее заявленіе уже упомянутаго выше орловскаго посадскаго Михаила Неручева о томъ, что купцы Курской, Орловской, Воронежской и Слободско-Украинской губерній, закупая въ большомъ количествѣ рогатый скотъ и овецъ для вываривания изъ нихъ сала, производятъ къ общественному вреду уменьшеніе скота и возвышеніе цѣнъ мяса, что можетъ со временемъ привести къ совершенному недостатку такого важнаго для народнаго продовольствія продукта; ибо, льстясь прибыткомъ, и въ другихъ губерніяхъ начинаютъ то же дѣлать. Признавая таковое заявленіе Неручева справедливымъ, такъ какъ оно подтверждалось и свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ ея членовъ, Экспедиція находила, что хотя способъ варки скота въ котлахъ цѣлыми тушами для полученія только сала, причемъ мясо пропадаетъ, отчасти можетъ послужить къ возвышенію его цѣны, но высокая, однако не чрезмѣрная цѣна служитъ поощреніемъ къ скотоводству для народовъ полуденныхъ губерній; сало же, добываемое такимъ способомъ, выходитъ лучшей доброты и въ бо́льшемъ количествѣ, составляя одну изъ главныхъ статей нашего заграничнаго отпуска на сумму до 4 милліоновъ рублей. Опасаясь поэтому, чтобы чрезъ уменьшеніе количества добываемаго сала или чрезъ пониженіе его доброты не произошло вредной разности въ торговомъ балансѣ, Экспедиція полагала, не воспрещая такого образа саловаренія изъ рогатаго скота и овецъ, воспретить только, чтобы не варили на сало рогатый скотъ и овецъ, не содравши напередъ кожу и не снявши съ овецъ шерсти, дабы продукты сіи безъ пользы не пропадали, и испрашивала высочайшаго разрѣшенія запретить выварку сала изъ рогатаго скота съ кожею и шерстью, подъ опасеніемъ въ первый разъ конфискаціи товара у людей всякаго званія и взысканія денежнаго штрафа по оцѣнкѣ товара, во второй разъ—взысканія вдвое противъ перваго раза, въ третій же разъ подвергать купцовъ, мѣщанъ и поселянъ тѣлесному наказанію, а помѣщиковъ и дворянъ опубликовать указами отъ Сената во всѣ губерніи; неослабное за симъ наблюденіе поручить гражданскимъ губернаторамъ, комендантамъ, городничимъ и земскимъ исправникамъ по принадлежности. Именнымъ указомъ 21-го ноября 1797 г. [1]) докладъ былъ утвержденъ, и генералъ-прокурору было повелѣно предложить его Сенату для исполненія. Мѣра эта была вновь подтверждена Сенатомъ 26-го іюля 1800 г., по именному указу, состоявшемуся 13-го іюля на докладѣ Сената [2]). **В. Вешняковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18251.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 19493.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXX [1]).

Ночное сраженіе.—Принцъ Голштинскій, исполняющій обязанности врача.—Графъ Воронцовъ и англійскій полковникъ Сиденгамъ.—Сраженіе при Ніендорфѣ.—Девертиръ.—Плѣненіе французскаго полковника.

Исполняя въ точности данное мнѣ приказаніе не терять непріятеля изъ вида, я старался въ то же время всѣми силами не уступать ему ни пяди земли. Такъ какъ генералъ Вишери не предпринялъ въ этотъ день никакихъ серьезныхъ дѣйствій, то мнѣ это было не трудно. Весь день прошелъ въ незначительныхъ стычкахъ. Нѣсколько казаковъ было ранено; я взялъ у непріятеля нѣсколько плѣнныхъ, и къ намъ присоединилось человѣкъ десять голландскихъ дезертировъ.

Если бы генералъ Вишери захотѣлъ, то онъ могъ бы мигомъ справиться со мною, такъ какъ подкрѣпленіе находилось болѣе чѣмъ въ сорока верстахъ отъ насъ, и я не зналъ, эшелонировался ли за мною генералъ баронъ Паленъ или нѣтъ.

Нерѣшительныя дѣйствія французскаго генерала показались мнѣ неестественными и заставили меня быть еще болѣе осмотрительнымъ; поэтому какъ только стемнѣло, я отступилъ къ Ральштадту и сталъ бивуакомъ на огромной площади, передъ домомъ священника; самъ же, по принятому мною разъ навсегда правилу, котораго я совѣтую держаться на войнѣ всѣмъ при подобныхъ обстоятельствахъ, я расположился въ нижнемъ этажѣ дома.

[1]) См. „Русск. Стар.“ декабрь 1901 г.

Я послалъ нѣсколько отрядовъ на развѣдки направо и налѣво. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, дойдя до Аренсбурга, привезъ мнѣ отъ графа Шемельмана корзину превосходнаго вина, которое было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ погода была отвратительная, и мы мокли весь день.

Цѣпь моихъ аванпостовъ едва не соприкасалась съ аванпостами непріятеля, и мы буквально смотрѣли имъ въ глаза. Казакамъ было наистрожайше приказано не спѣшиваться, а офицерамъ находиться при своихъ частяхъ и не располагаться на ночлегъ въ домахъ. У дверей моего дома стояла наготовѣ осѣдланная лошадь и небольшой отрядъ моихъ отборныхъ казаковъ.

Хотя я никогда не боялся быть застигнутымъ врасплохъ ночью, такъ какъ французы недолюбливаютъ производить ночныя нападенія, исходъ которыхъ зачастую бываетъ сомнителенъ, однако, находясь такъ близко отъ непріятеля въ такую темную и, можно сказать, безконечную ночь, такъ какъ это было позднею осенью, я счелъ необходимымъ принять всевозможныя мѣры предосторожности.

Въ десять часовъ вечера ко мнѣ прискакалъ отрядъ кавалеріи Люцова, посланный графомъ Вальмоденомъ узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла.

Командовавшій имъ офицеръ спросилъ меня, можно ли дать отдохнуть людямъ и расѣдлать лошадей; я не совѣтовалъ ему дѣлать этого, но онъ не послушался и въ ту же ночь былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Я легъ спать довольно поздно, окруженный своимъ штабомъ, не раздѣваясь. Впрочемъ, я и мои офицеры постоянно держались этого правила: днемъ всѣмъ разрѣшалось раздѣться, ночью же это строго воспрещалось, и такъ какъ я частенько навѣщалъ своихъ офицеровъ, то они свыклись съ подобнымъ образомъ жизни и строго исполняли это правило. Я проспалъ спокойно до трехъ часовъ утра, какъ вдругъ казакъ разбудилъ меня со словами, что «непріятель атакуетъ мои аванпосты». Казаки, проворные, какъ всегда, взнуздывали уже лошадей. Впрочемъ, я не думалъ, что атака будетъ серьезная, полагая, что какой-нибудь патруль наткнулся въ потемкахъ на одинъ изъ моихъ пикетовъ.

Въ эту минуту прискакалъ казакъ; не соскакивая съ лошади, онъ разбилъ копьемъ стекло моего окна и закричалъ мнѣ, что непріятель уже въ деревнѣ и что нашъ сотникъ изрубленъ.

Я выбѣжалъ изъ дома, не надѣвъ даже сабли и не накинувъ бурки: въ ту минуту, когда я собирался вскочить на лошадь, одинъ французскій офицеръ и нѣсколько конныхъ егерей были уже возлѣ моей квартиры. Ударомъ сабли, предназначавшимся мнѣ, былъ разсѣченъ кашмировый платокъ, повязанный у меня на шеѣ; мой ординарецъ, храбрый

Желатинцовъ, очутившійся подлѣ меня, нанесъ своимъ копьемъ такой сильный и вѣрный ударъ французскому офицеру, что выбилъ его изъ сѣдла, и онъ былъ убитъ. Непріятель былъ вытѣсненъ изъ деревни.

Но какъ только мы выступили изъ деревни, по намъ былъ данъ залпъ изъ орудій; по огню, освѣтившему на мгновеніе пространство, на которомъ мы находились, я увидѣлъ, что мнѣ придется имѣть дѣло съ превосходными силами и что во главѣ ихъ находилась кавалерія, въ красныхъ мундирахъ: это были датчане. Они стремительно атаковали, безъ труда опрокинули меня и преслѣдовали во весь опоръ до Сика, т. е. цѣлыхъ двѣ нѣмецкія мили.

Въ пяти верстахъ отъ Сика я наткнулся на пикетъ изюмскихъ гусаръ, которые были увлечены нами въ бѣгствѣ; они сообщили мнѣ, на бѣгу, что въ Сикѣ находился генералъ баронъ Паленъ со своей кавалерійской бригадою. Это обстоятельство несказанно обрадовало меня, я вздохнулъ съ облегченнымъ сердцемъ и могъ надѣяться, что намъ удастся скоро отплатить непріятелю. Дѣйствительно, генералъ Паленъ, будучи разбуженъ своимъ вѣстовымъ и услыхавъ выстрѣлы, вскочилъ на лошадь въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и поспѣшилъ мнѣ на помощь съ изюмскими гусарами.

Графъ Олоннъ (d'Olonne), командовавшій этимъ полкомъ, тотчасъ атаковалъ датчанъ; графъ Тиманъ съ двумя эскадронами напалъ на нихъ со стороны шоссе, а я съ обоихъ фланговъ. Начинало свѣтать; датчане поспѣшно построились въ боевой порядокъ, но ихъ часъ насталъ: ихъ полковой командиръ, храбрый Баудиссинъ былъ изрубленъ передъ полкомъ, который былъ нами опрокинутъ. Казаки, озлобленные противъ датчанъ, и гусары, со своей обычной храбростью, энергично преслѣдовали ихъ и погнали по той же дорогѣ, по которой передъ тѣмъ они преслѣдовали насъ. Сраженіе перешло въ рѣзню, такъ какъ наши солдаты не щадили непріятеля.

По окончаніи сраженія, я остановился въ харчевнѣ, чтобы собрать казаковъ.

Мы промокли, такъ какъ всю ночь непрерывно шелъ мокрый снѣгъ.

Воспользовавшись минутою отдыха, я написалъ донесеніе графу Воронцову, чтобы успокоить его насчетъ участи отряда и моей лично. Такъ какъ всегда и вездѣ находятся люди, готовые проскакать десятки верстъ, чтобы сообщить дурную вѣсть, то и тутъ нашлись такіе вѣстовщики, поспѣшившіе донести графу Воронцову о моей яко бы смерти.

Поэтому онъ былъ очень доволенъ получить отъ меня извѣстіе объ исходѣ этого дѣла, а отъ генерала Палена онъ узналъ, что мое пораженіе окончилось полной побѣдою.

Королевскій принцъ пожаловалъ барону Палену орденъ Меча; мнѣ была объявлена въ дневномъ приказѣ благодарность его высочества.

Въ главной квартирѣ Винценгероде и отчасти графа Воронцова очень потѣшались надъ тѣмъ, что «неуязвимому» (это было данное мнѣ насмѣшливое прозвище) пришлось, наконецъ, испытать неудачу, и что я былъ застигнутъ врасплохъ непріятелемъ. На эту тему разсказывались всевозможныя варіаціи, но главный припѣвъ былъ тотъ, что нельзя подвигать впередъ человѣка, который такъ попался въ просакъ. Я не желалъ объяснять имъ, что я дѣйствовалъ согласно приказанію графа Воронцова, который, какъ читатель припомнитъ, приказалъ мнѣ не терять непріятеля изъ вида, что̀ я и исполнилъ, сражаясь весь день.

У меня было штукъ двадцать телѣгъ, нагруженныхъ фуражемъ и съѣстными припасами; однако, я успѣлъ направить ихъ на проселочную дорогу; ни одна изъ нихъ не досталась въ руки непріятелю. Если бы я былъ застигнутъ врасплохъ, то все это сдѣлалось бы его добычею.

Такъ какъ я ненавижу вообще всякія объясненія, то я не обращалъ вниманія на эти толки, находя удовлетвореніе въ одобреніи графа Воронцова и въ своемъ собственномъ сознаніи.

Къ тому же, начальнику штаба графа Воронцова можно поставить въ упрекъ то обстоятельство, что онъ не сообщилъ мнѣ о движеніи генерала Палена, а послѣднему можетъ быть поставлено въ вину, что онъ не послалъ развѣдчиковъ въ мою сторону.

Вслѣдствіе этого, генералъ Паленъ, которому совершенно не было извѣстно, что я нахожусь передъ нимъ, былъ весьма непріятно изумленъ, увидавъ, что я прискакалъ къ нему преслѣдуемый непріятелемъ по пятамъ.

Генералъ Паленъ выказалъ въ этомъ случаѣ большую рѣшимость и храбрость. Вмѣсто того, чтобы отступить, какъ сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ, онъ прямо пошелъ навстрѣчу непріятеля, опрокинулъ его, преслѣдовалъ и уничтожилъ. Ему, по справедливости, принадлежитъ вся честь побѣды, одержанной въ этотъ день, въ который пострадать пришлось болѣе всего мнѣ и моимъ казакамъ.

Убѣдившись въ намѣреніи датчанъ пробить себѣ дорогу, чтобы присоединиться къ принцу Гессенскому, мы стали еще болѣе насторожѣ. Я расположился въ ту же ночь на прежнемъ бивуакѣ въ Ральштадтѣ, откуда непріятель вытѣснилъ насъ въ предъидущую ночь.

Генералъ Паленъ, коему былъ данъ въ подкрѣпленіе 13-й полкъ легкой конницы, сталъ въ нѣкоторомъ разстояніи позади меня.

Ночью, я получилъ приказаніе идти направо, обойти Гамбургъ и дойти до Альтоны. Въ четыре часа утра я былъ уже въ Бранкфельдѣ

и занялъ на ночь Веллингсбюттельскій замокъ, принадлежавшій принцу Голштейнъ-Беку.

Принцъ, облачившись въ бѣлый генеральскій мундиръ временъ Павла I и нацѣпивъ имѣвшіеся у него русскіе ордена, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ своего замка, прося пощадить его владѣнія и не потревожить его жену, которая была не совсѣмъ здорова. Я всею душою былъ готовъ исполнить его желаніе. Принцъ принялъ меня чрезвычайно радушно и угостилъ превосходнымъ завтракомъ и обѣдомъ.

Вечеромъ, онъ посѣтилъ меня и, замѣтивъ, что я немного прихрамывалъ, освѣдомился съ участіемъ, не раненъ ли я; мнѣ было не особенно пріятно разсказать ему о причинѣ этого недомоганья, но такъ какъ онъ настаивалъ, то я разсказалъ откровенно, что его соотечественники немного пощипали меня предъидущею ночью и что одинъ изъ нихъ ударилъ меня саблею по такой части тѣла, о которой не принято говорить.

— Только-то,—сказалъ онъ, улыбаясь,—покажите-ка corpus delicti, я берусь быть вашимъ врачемъ.

Онъ позвонилъ, приказалъ принести ящичекъ съ лѣкарствами и мазями, велѣлъ мнѣ раздѣться и, заставивъ моего охотника, Мейера, свѣтить, принцъ, бывшій еще въ Андреевской лентѣ, сталъ прикладывать мнѣ на больное мѣсто смягчающую припарку.

Мой братъ покатывался со смѣху. Онъ отлично рисовалъ; взявъ карандашъ, онъ набросалъ прелестный рисунокъ этой сцены, которая хотя была очень смѣшна, тѣмъ не менѣе дѣлала большую честь принцу. Я не зналъ въ то время, что его конькомъ и даже страстью было лѣчить всѣхъ и каждаго.

На слѣдующее утро, замѣтивъ, что я сѣлъ на лошадь безъ сабли, и узнавъ, что она досталась въ руки его соотечественниковъ, онъ подарилъ мнѣ превосходную саблю и просилъ сохранить ее на память его признательности за то, что его супруга не была потревожена во время моего пребыванія въ замкѣ.

Видя, что герцога безпокоила мысль о моемъ скоромъ отъѣздѣ, я посовѣтовалъ ему уѣхать, пока я былъ тутъ, въ Киль, гдѣ его супруга была бы въ полной безопасности, и предложилъ дать ему конвой до Зигебурга. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостью и уѣхалъ на слѣдующее утро. Впослѣдствіи я получилъ отъ принца любезное письмо съ изъявленіемъ его благодарности за данный ему совѣтъ; я же, со своей стороны, былъ благодаренъ ему за гостепріимный пріемъ и за излѣченіе моей раны.

Такъ какъ непріятель появился со стороны Лангенгорна, то мнѣ пришлось распроститься съ гостепріимнымъ замкомъ, чтобы принять участіе въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

У насъ завязалось съ непріятелемъ довольно жаркое дѣло, когда появился графъ Воронцовъ, въ сопровожденіи своего штаба и англійскаго полковника Сиденгама, друга герцога Веллингтона, только-что пріѣхавшаго изъ Испаніи.

Желая дать ему понятіе объ искусствѣ казаковъ, графъ Воронцовъ привезъ его ко мнѣ; благодаря счастливой случайности, казаки захватили въ его присутствіи у французовъ безъ малѣйшаго шума человѣкъ десять плѣнныхъ. Все произошло такъ быстро, что мы не успѣли оглянуться.

Графъ Воронцовъ предписалъ мнѣ идти къ Альтонѣ и переправиться на правый берегъ Эльбы.

Вслѣдствіе этого приказанія, я прошелъ Ланденгорнъ не останавливаясь и расположился въ Ніендорфѣ. Такъ какъ мѣстность была тутъ весьма пересѣченная, то мнѣ былъ данъ въ подкрѣпленіе одинъ батальонъ 14-го легкаго коннаго полка и два орудія.

Непріятель, надвигавшійся изъ Локштедта, хотѣлъ вытѣснить меня изъ Ніендорфа, но я принялъ его такъ рѣшительно, что у него пропала охота тревожить меня.

Графъ Воронцовъ, заслышавъ издали грохотъ орудій, снова поспѣшилъ ко мнѣ въ сопровожденіи того же англійскаго полковника Сиденгама. Сраженіе уже окончилось; онъ возвратился вмѣстѣ со мною въ мою главную квартиру и былъ принятъ моими молодцами-казаками съ пѣснями.

Было семь часовъ вечера. Мы стали обѣдать. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, графъ Воронцовъ, спросилъ меня, со свойственной ему усмѣшечкой: «находимся ли мы въ полной безопасности».

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что мы слишкомъ близко къ непріятелю и окружены садами и изгородями, которые могутъ внушить ему смѣлость напасть на насъ врасплохъ. Было бы слишкомъ досадно, если бы ему удалось взять всѣхъ насъ въ плѣнъ.

— Ручаюсь головою, — сказалъ я, — что мы успѣемъ спокойно пообѣдать и что я надѣюсь провести ночь никѣмъ не потревоженный.

— Хорошо,—сказалъ онъ, съ тою беззаботностью, которая не боится опасности,—будемте обѣдать.

Намъ подали превосходный палтусъ и свѣжія устрицы, которыя, несмотря на присутствіе непріятеля, только-что были получены изъ Гамбурга. У меня всегда было вдоволь этихъ вкусныхъ вещей, я платилъ щедро и вмѣстѣ съ устрицами получалъ полезныя свѣдѣнія, до которыхъ я былъ еще болѣе охотникъ.

Едва успѣли мы проглотить нѣсколько устрицъ, какъ прибѣжалъ запыхавшись казакъ съ извѣстіемъ, что непріятель проникнулъ въ деревню. Признаюсь, при этихъ словахъ кровь застыла у меня въ жи-

лахъ: я былъ въ ужасѣ при мысли, что я отвѣтственъ за безопасность начальника. Однако, я не потерялъ голову и, стараясь быть хладнокровнымъ, попросилъ графа не вставать изъ-за стола и увѣрялъ его, что этого не можетъ быть, что я тотчасъ провѣрю справедливость этихъ словъ.

Графъ, умѣвшій владѣть собою въ минуту опасности, не тронулся съ мѣста; свита послѣдовала его примѣру; я бросился къ дверямъ; но каковъ же былъ мой испугъ, когда я столкнулся на порогѣ съ французскимъ гренадеромъ, у котораго было въ рукахъ ружье со штыкомъ. Присутствующіе моментально вскочили со своихъ мѣстъ; минута была критическая, но мое опасеніе быстро разсѣялось, такъ какъ за этимъ гренадеромъ шли два казака, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, воскликнулъ: «Grâce, je suis déserteur!» (пощадите, я дезертиръ). Камень свалился у меня съ сердца, я и всѣ остальные вздохнули свободно.

Казаки объяснили, какъ было дѣло: они подмѣтили въ темнотѣ конецъ штыка, прокрадывавшагося между садами, подумали, что непріятель проникнулъ въ деревню, и поспѣшили предупредить меня, между тѣмъ какъ остальные казаки стали выслѣживать эти штыки, но на дѣлѣ оказался всего одинъ только штыкъ, принадлежавшій этому дезертиру.

Выслушавъ это объясненіе, мы принялись снова за обѣдъ съ удвоеннымъ аппетитомъ.

Графъ Воронцовъ сказалъ полковнику Сиденгаму.

— Левенштернъ былъ правъ, ручаясь головою за нашу безопасность, но надобно сознаться, что мы порядкомъ испугались, и я первый въ томъ числѣ.

Графъ Воронцовъ, увидавъ своими собственными глазами, что позиція при Ніендорфѣ была неудобна и трудна для кавалеріи, приказалъ генералу Красовскому съ его бригадой смѣнить меня.

Ему не посчастливилось такъ, какъ мнѣ; непріятель атаковалъ его на слѣдующій день и причинилъ ему довольно много вреда.

Такъ какъ ночь была очень темная, то я приказалъ казакамъ съ факелами проводить генерала и его свиту до главной квартиры.

Имѣвъ такимъ образомъ ежедневно стычки съ непріятелемъ, я добрался въ окрестности Альтоны.

Графъ Воронцовъ запретилъ мнѣ вступать въ этотъ городъ, но велѣлъ начать переговоры съ президентомъ Альтоны, гр. Блюхеромъ, который управлялъ городомъ и всей Голштиніей.

XXXI.

Нейтралитетъ г. Альтоны.—Положеніе жителей.—Графъ Воронцовъ.—Перемиріе.—Вызовъ Левенштерна въ отрядъ Винценгероде въ Ліежъ.

Прибывъ въ Альтону и произведя рекогносцировку окрестностей и береговъ Эльбы, я устроилъ свою главную квартиру въ Бланкенезе, на очаровательной виллѣ негоціанта Клюндера, откуда поручикъ Клицингъ, переодѣтый въ статское платье, былъ посланъ мною въ сопровожденіи брата г-жи Клюндеръ въ Альтону, къ президенту, графу Блюхеру, чтобы предложить ему отъ моего имени свиданіе. Такъ какъ спутникъ Клицинга былъ хорошо знакомъ президенту, то это служило ему ручательствомъ, что мои намѣренія были серьезны и что на мою скромность можно было положиться. Дѣйствительно, о нашихъ переговорахъ не должно было никому быть извѣстно.

Графъ Блюхеръ принялъ моего посланнаго любезно, и наше первое свиданіе состоялось на виллѣ барона Фохта.

Чтобы облегчить наши сношенія, я переѣхалъ вскорѣ въ роскошный загородный домъ богатѣйшаго гамбургскаго банкира Петра Годфруа. Президентъ былъ у меня тайно нѣсколько разъ, и мы заключили съ нимъ договоръ, коимъ городу Альтонѣ былъ обезпеченъ полный нейтралитетъ за уплату контрибуціи въ 100.000 экю, которую онъ обязался внести сукномъ, холстомъ, кожею и т. п.

Подобный договоръ былъ заключенъ Блюхеромъ и съ княземъ Экмюльскимъ, поэтому ни французы, ни русскіе не вступили въ Альтону, что было весьма благопріятно для жителей. Графъ Воронцовъ, по порученію котораго я началъ переговоры съ Блюхеромъ, былъ очень доволенъ заключеннымъ нами договоромъ, который былъ ратификованъ королевскимъ принцемъ.

Удачный исходъ переговоровъ придалъ мнѣ нѣкоторый вѣсъ въ глазахъ королевскаго принца и графа Воронцова, который никогда не завидовалъ успѣхамъ своихъ подчиненныхъ. Надобно отдать въ этомъ отношеніи полную справедливость также генералу Чернышеву, который всегда старался раздѣлить свою славу съ подчиненными. Никто не умѣлъ лучше его вознаградить ихъ. Воронцовъ былъ скупѣе на награды, ни тотъ, ни другой ничего не сдѣлали для меня лично, поэтому я могу отдать имъ должное вполнѣ безпристрастно.

Условившись окончательно съ графомъ Блюхеромъ, относительно снабженія Альтоны съѣстными припасами сухимъ путемъ, я организовалъ при помощи судовъ, оказавшихся въ Бланкенезе, небольшую флотилію, съ которой я предполагалъ блокировать Гамбургъ со стороны Эльбы.

Жителямъ Альтоны было разрѣшено безпрепятственно выѣзжать изъ города и даже изъ Гамбурга съ вещами, но возвращаться въ городъ никому не дозволялось. Надобно было устранить возможность обмана, такъ какъ, несомнѣнно, нашлись бы люди, которые захотѣли бы воспользоваться съ этой цѣлью нейтралитетомъ г. Альтоны. Мнѣ оказали при этомъ дѣятельное содѣйствіе нѣкоторые именитые граждане Альтоны, въ особенности баронъ Фохтъ.

Онъ жилъ въ прелестной виллѣ по близости отъ моихъ аванпостовъ, и я далъ ему пропускные билеты за моей подписью и печатью, коими окрестнымъ жителямъ разрѣшалось доставлять въ городъ съѣстные припасы необходимые для ихъ пропитанія. Казакамъ было приказано пропускать жителей по предъявленіи таковыхъ билетовъ. Подобные же билеты были розданы нѣкоторымъ другимъ лицамъ; я старался облегчить участь тѣхъ, которые достаточно пострадали, такъ какъ ихъ дома были разграблены въ Гамбургѣ, а въ предмѣстьяхъ ежедневно горѣло ихъ имущество.

Маршалъ Даву своими строгими мѣрами довелъ жителей Гамбурга до того, что всѣ богатые и даже мало-мальски достаточные люди переселились на берега Эльбы. Въ каждой виллѣ жило по нѣсколько семей; такъ какъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, ихъ участь зависѣла всецѣло отъ меня, то я воспользовался своей властью, чтобы доставить имъ сравнительное спокойствіе; неудивительно, что они старались отплатить мнѣ за это, чѣмъ могли, и доставляли мнѣ добровольно все, что я могъ по своему положенію требовать. Мой отрядъ продовольствовался лучше, нежели когда-либо, поэтому мнѣ легко было поддерживать дисциплину и требовать отъ солдатъ полнаго повиновенія.

Англійская торговля, потерявшая большую часть континентальныхъ портовъ, рада была пріютиться на берегахъ Эльбы въ маленькой Бланкенезской гавани, которая находилась подъ моимъ особымъ покровительствомъ. Для того, чтобы торговыя сношенія могли совершаться безпрепятственно, графъ Воронцовъ поручилъ мнѣ войти въ сношенія съ англійскимъ агентомъ, генеральнымъ консуломъ Митчелемъ.

«Любезный полковникъ,—писалъ мнѣ графъ по этому поводу 18-го декабря 1813 г.—для того, чтобы упорядочить торговлю маленькаго Бланкенезскаго порта и не допустить непосредственнаго сообщенія съ Альтоной и Гамбургомъ, вамъ надобно условиться съ г. Митчелемъ и потребовать точный списокъ лодочниковъ и рыбаковъ.

«Надобно безпрепятственно пропускать бѣдныхъ, которые пожелаютъ уѣхать изъ Гамбурга, и выдавать имъ паспорты. Президентъ Блюхеръ обѣщаетъ все устроить къ завтрашнему вечеру; я далъ ему на сегодняшній день отсрочку, для устройства его дѣлъ. Воронцовъ».

Митчель оказался человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и дѣятельнымъ.

Онъ отнесся ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и написалъ въ Англію, что оттуда спокойно могутъ высылать товары въ Бланкенезе до тѣхъ поръ, пока я буду командовать войскомъ въ этой мѣстности, и сказалъ, что англійскіе купцы охотно будутъ платить извѣстную сумму за пропускъ ихъ товаровъ, въ благодарность за покровительство, которое я имъ окажу, и что мы подѣлимъ съ нимъ эту прибыль, которую онъ опредѣлялъ приблизительно въ 150 или 200 тысячъ рублей въ мѣсяцъ.

Это было великолѣпно и вполнѣ законно такъ, что я отъ этого не отказался, тѣмъ болѣе, что подобная мѣра не могла быть ни для кого тягостной. Но намъ предстояло сражаться для того, чтобы обезпечить неприкосновенность Бланкенезе.

Тайные агенты, коихъ я имѣлъ въ Гамбургѣ, и которые такъ же точно, какъ французы, имѣли, вѣроятно, своихъ агентовъ въ моемъ лагерѣ, извѣстили меня, что французы вооружили нѣсколько канонерскихъ лодокъ съ цѣлью атаковать Бланкенезе, разрушить гавань и сжечь находившіяся въ ней суда.

Я немедленно предупредилъ объ этомъ графа Воронцова, и хотя онъ не вполнѣ повѣрилъ этому слуху, однако, прислалъ мнѣ въ ту же ночь батальонъ 13-го егерскаго полка подъ командою подполковника Арцибашева. Это оказалось весьма кстати, такъ какъ на слѣдующее утро мнѣ донесли о появленіи маленькой флотиліи. Я поспѣшно принялъ необходимыя мѣры: поставилъ батальонъ егерей въ садахъ и рвахъ такъ, чтобы ихъ нельзя было примѣтить съ рѣки, спряталъ орудіе на берегу, облачилъ моего брата въ юбку и соломенную шляпу и велѣлъ ему находиться на берегу и слѣдить за движеніемъ канонерокъ, между тѣмъ какъ нѣсколько человѣкъ казаковъ разъѣзжали патрулями по берегу Эльбы.

Дуло спрятаннаго мною оружія было направлено на отмель, которую лодкамъ приходилось обогнуть; егерямъ было приказано стрѣлять по первому знаку моего брата.

Все удалось какъ нельзя лучше. Заслышавъ орудійную пальбу, непріятель пріостановился; бѣглый огонь, открытый въ то же время егерями, помѣшалъ матросамъ маневрировать, а между тѣмъ огонь, открытый съ судовъ, не достигалъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ суда находились еще на слишкомъ большомъ разстояніи.

Успѣхъ придаетъ смѣлость, поэтому я приказалъ капитану Коолю сѣсть съ двумя ротами егерей въ имѣвшіяся у насъ лодки и идти на абордажъ судовъ. Замѣтивъ это, непріятель благоразумно поворотилъ на другой галсъ. Въ это время гр. Воронцовъ, заслышавъ выстрѣлы, подоспѣлъ къ намъ со своимъ штабомъ. Онъ выразилъ мнѣ удовольствіе по поводу одержаннаго мною успѣха.

Графъ Воронцовъ—человѣкъ безусловно почтенный; служить подъ

его начальствомъ пріятно, но ему нельзя противорѣчить. Онъ съ виду скроменъ и нетребователенъ. Но этому нельзя довѣрять; онъ любитъ, чтобы ему подчинялись безпрекословно, и не терпитъ противорѣчій. Тотъ, кто высказываетъ мнѣніе, несогласное съ его взглядами, дѣлается ему непріятенъ. Какъ человѣкъ знатнаго происхожденія, онъ не довольствуется ревностной службою подчиненныхъ; онъ требуетъ отъ нихъ преданности.

Нѣсколько дней спустя мнѣ было приказано сдать командованіе аванпостами генералу Багратіону. Я же долженъ былъ присоединиться къ отряду генерала барона Палена, вступить въ герцогство Шлейзвигское и принять участіе въ осадѣ Ренсбурга.

Я оставилъ Бланкенезе съ сожалѣніемъ. На мое мѣсто были назначены два генерала: Понсе, начальникъ штаба графа Воронцова, человѣкъ умный и доброжелательный, и кн. Багратіонъ, по происхожденію грузинъ, не говорившій ни по-нѣмецки, ни по-французски, что составляло большое неудобство.

Англійскій генеральный консулъ былъ въ отчаяніи, опасаясь за безопасность Бланкенезскаго порта. Но генералъ Понсе, прибывъ съ нѣсколькими батальонами гренадеръ, замѣнилъ меня вполнѣ. Впрочемъ Эльба вскорѣ замерзла, и привозная торговля почти прекратилась.

По пути я остановился въ главной квартирѣ графа Воронцова, который принялъ меня очень любезно.

Въ составъ отряда, къ которому я былъ причисленъ, входили: Рижскіе драгуны, полкъ Изюмскихъ гусаръ и полки Попова 13-го и Пантелеева.

Нашъ маршъ былъ очень трудный и сопряженъ съ немалыми опасностями. Страшная снѣжная метель замела всѣ слѣды дороги. Мы шли съ ранняго утра до трехъ часовъ ночи, останавливались всего одинъ разъ, чтобы покормить лошадей. Я составлялъ голову авангарда и дошелъ до деревни Гонъ (Hohn) въ 3 часа ночи, окоченѣвъ отъ холода и донельзя измученный. Кажется, во время похода 1812 г. мнѣ не пришлось ни разу совершить болѣе утомительнаго марша, съ тою лишь разницею, что въ Россіи приходилось спать подъ открытымъ небомъ, а тутъ я остановился въ уютной квартиркѣ сельскаго священника. Мои казаки, всѣ безъ исключенія, также размѣстились въ деревнѣ; такъ какъ у нѣмецкихъ крестьянъ отводится всегда значительное пространство подъ сараи и конюшни, то всѣ наши 50 лошадей были помѣщены подъ крышей, и солдаты могли обогрѣться и отдохнуть, какъ слѣдуетъ.

Въ этой мѣстности еще никогда не видали казаковъ, поэтому жители были чрезвычайно испуганы ихъ появленіемъ, и я едва могъ успокоить ихъ.

Снѣжная метель и морозъ были дотого сильны, что мы не только

не могли разослать развѣдчиковъ, но даже не могли разставить пикеты. Желая убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно было невозможно, я сѣлъ на лошадь, но не успѣлъ проѣхать и пятидесяти шаговъ, какъ моя лошадь не могла идти далѣе, погрузившись въ снѣгъ по грудь. Я потерялъ деревню изъ вида; вокругъ не было видно никакого жилья, и мнѣ удалось вернуться въ гостепріимный домъ священника, только благодаря инстинкту моей лошади.

Я рѣшилъ, что если мы не могли двинуться изъ деревни, то и непріятелю не удастся застигнуть насъ врасплохъ, поэтому оставалось спокойно ожидать, когда метель прекратится.

Перемиріе, заключенное вскорѣ шведскимъ королевскимъ принцемъ и принцемъ гессенскимъ, прекратило военныя дѣйствія. Эта короткая зимняя кампанія была очень тяжела, такъ какъ морозъ былъ чрезвычайно силенъ.

Вскорѣ пріѣхалъ курьеръ отъ графа Воронцова, съ письмомъ на мое имя и приказаніемъ отъ генерала Винценгероде, немедленно отправиться къ нему въ Ліежъ, въ Фландрію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ отъ князя Сергѣя Волконскаго письмо, слѣдующаго содержанія:

«Любезный полковникъ! Спѣшу увѣдомить, по приказанію генерала барона Винценгероде, что главнокомандующій проситъ васъ, если вамъ здоровье позволяетъ, немедленно прибыть въ его главную квартиру, гдѣ имъ будутъ возложены на васъ порученія для васъ пріятныя и соотвѣтствующія вашимъ способностямъ. Примите и пр. князь С. Волконскій».

Мюнстеръ, 19-го (31-го) декабря 1813 г.

Этотъ знакъ довѣрія со стороны генерала Винценгероде былъ мнѣ очень пріятенъ, такъ какъ это давало мнѣ надежду вступить съ войсками во Францію; но я получилъ одновременно другое письмо отъ графа Воронцова, которое поставило меня въ весьма затруднительное положеніе. Высказывая свое сожалѣніе по поводу того, что я не буду долѣе служить съ нимъ, графъ предлагалъ мнѣ сказаться больнымъ для того, чтобы не уѣзжать. Вотъ, что̀ онъ писалъ:

«Любезный полковникъ! Вы увидите изъ прилагаемаго приказа, который я обязанъ препроводить вамъ, что генералъ Винценгероде хочетъ вторично отнять васъ у меня. Донявъ меня количествомъ, онъ хочетъ донять и качествомъ. Я понимаю, что онъ желаетъ имѣть васъ, но онъ не имѣетъ никакого права лишать меня лучшихъ сотоварищей, посылая ко мнѣ такихъ личностей, съ которыми я не знаю, что̀ дѣлать. Если вы предполагаете, что здоровье не позволяетъ вамъ въ настоящее время ѣхать, то извѣстите меня объ этомъ; это послужитъ мнѣ предлогомъ задержать васъ, что̀ мнѣ будетъ весьма пріятно. Весь вашъ М. Воронцовъ. 27-го декабря 1813 г.

Я не зналъ, на что рѣшиться. Лично я былъ весьма преданъ графу Воронцову, и если бы военныя дѣйствія продолжались, то я остался бы съ нимъ, не колеблясь ни минуты. Но перемиріе было только-что заключено, подошла армія Беннигсена, страна была переполнена войскомъ; мнѣ было бы трудно получить назначеніе, соотвѣтствующее моимъ желаніямъ, тогда какъ корпусъ Винценгероде находился уже въ Бельгіи и долженъ былъ вступить во Францію, на новый театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ предстояло обширное поприще дѣятельности и славы. Могъ ли я колебаться? Поэтому я отвѣчалъ графу Воронцову, что, не смотря на все мое желаніе остаться съ нимъ, не могу сказаться больнымъ, такъ какъ я отлично перенесъ зимнюю кампанію, и готовъ покориться своей участи. Я объяснилъ свое рѣшеніе еще тѣмъ, что его корпусу не предстояло въ ближайшемъ будущемъ никакой дѣятельности. Кромѣ того вновь прибывшіе генералы разсчитывали раздѣлить между собою командованіе моимъ отрядомъ, и слѣдовательно мнѣ пришлось бы находиться въ его главной квартирѣ безъ опредѣленнаго дѣла.

Графъ видимо былъ обиженъ моимъ отказомъ, принялъ меня вначалѣ довольно холодно и много говорилъ о непріятностяхъ, какія ему дѣлалъ Винценгероде, но когда я объяснилъ ему побудительныя причины, заставлявшія меня поступить вопреки его желанію, то онъ не прекословилъ болѣе, и мы разстались наилучшими друзьями.

Я отправилъ впередъ моихъ верховыхъ лошадей и экипажи съ моимъ денщикомъ, подъ конвоемъ десяти казаковъ, и моего храбраго и неразлучнаго со мною унтеръ-офицера Елатинцова, котораго гр. Воронцовъ отпустилъ со мною.

Я и не предчувствовалъ, что я никогда болѣе не увижусь съ ними.

Эльба, чрезъ которую мнѣ надобно было переправиться, слегка замерзла, и переправа была довольно опасна, но дѣлать было нечего. Взявъ съ собою проводниковъ, вооружившись большими жердями, мы шли съ ними по льду нѣсколько часовъ, дѣлая большіе зигзаги по рѣкѣ. Очутясь наконецъ на другомъ берегу, я взялъ курьерскихъ и помчался не останавливаясь въ Бременъ.

XXXII.

Левенштернъ въ отрядѣ Винценгероде.—Переправа черезъ Рейнъ.—Атака и бомбардированіе Антверпена. — Порученіе Левенштерну возвратить казачьи полки отъ Антверпена въ отрядъ Винценгероде. — Встрѣча и знакомство Левенштерна съ Нидерландскимъ принцемъ Фридрихомъ.—Занятіе Брюсселя.—Характеристика общества.—Вступленіе на французскую территорію.—Занятіе Монса.—Казакъ, брѣющійся въ ратушѣ.

Часть пѣхоты Винценгероде и его главная квартира уже были за Рейномъ вмѣстѣ съ авангардомъ генерала Чернышева; всѣ прочія войска были вынуждены остановиться на берегу рѣки и ожидать окончанія ледохода. Это вынужденное бездѣйствіе оказалось бы пагубнымъ для генерала Винценгероде, если бы непріятель могъ противупоставить намъ значительныя силы.

Наблюдать за непріятелемъ и организовать переправу было поручено генералу Александру Бенкендорфу, но такъ какъ въ данномъ случаѣ ему приходилось имѣть дѣло со стихіями, то надобно было покориться.

Привыкнувъ не сидѣть сложа руки, я отправился одинъ вдоль берега рѣки, чтобы какъ-нибудь переправиться; нашелся лодочникъ, который за нѣсколько луидоровъ рѣшился попытать счастье и перевезти меня среди льдинъ.

Рейнъ бушевалъ, на немъ образовались цѣлыя горы плавучаго льда; признаюсь, я не чувствовалъ себя особенно пріятно во время этой переправы.

Лодочникъ взялъ съ собою здоровеннаго товарища, который съ удивительной ловкостью отпихивалъ длинной жердью большія льдины, которыя ежеминутно готовы были поглотить насъ.

Только черезъ три часа, проведенныхъ въ самыхъ усиленныхъ трудахъ, обливаясь потомъ, мы пристали къ берегу, въ разстояніи четверти мили отъ Кёльна.

Страхъ и увѣренность въ томъ, что мы погибнемъ, если энергія наша ослабнетъ, придали намъ сверхъестественныя силы, но когда я вышелъ изъ лодки и опасность миновала, то я не былъ въ состояніи дойти до города и истомленный легъ на снѣгъ.

Къ счастью, вскорѣ проѣхала мимо крестьянская телѣга, въ которую я сѣлъ, приказавъ везти себя въ городъ, гдѣ, благодаря счастливой случайности, мнѣ удалось помѣститься въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ негоціантовъ г. Кёльна, банкира Мума, который оказалъ мнѣ самое широкое гостепріимство. Отдохнувъ въ Кёльнѣ, я отправился въ главную квартиру генерала барона Винценгероде, который принялъ меня

любезно и сообщилъ о своемъ намѣреніи послать меня къ генералу Бюлову, находившемуся подъ Антверпеномъ, и постараться увести два казацкихъ полка, предоставленныхъ въ распоряженіе этого прусскаго генерала, которые онъ ни за что не хотѣлъ возвращать. Этими полками командовали Мельниковы.

Я замѣтилъ генералу, что такъ какъ одинъ изъ Мельниковыхъ былъ старше меня въ чинѣ, то это обстоятельство можетъ осложнить дѣло.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ генералъ,—я даю вамъ особое предписаніе, такъ что это не будетъ имѣть значенія; къ тому же я имѣлъ честь писать его величеству, прося о производствѣ васъ въ генералы, и надѣюсь, что государь исполнитъ мою просьбу.

Мнѣ было поручено между прочимъ сообщить генералу Бюлову донесеніе генерала Чернышева, въ которомъ послѣдній жаловался, что онъ потерялъ изъ-за прусскаго маіора Гельвига прекрасный случай разбить непріятеля.

Такъ какъ я не могъ взять съ собой моего брата, то я просилъ генерала Александра Бенкендорфа принять его подъ свое покровительство, что онъ любезно и обѣщалъ мнѣ. Братъ былъ дѣльный молодой офицеръ и характера столь веселаго, что онъ могъ заставить разсмѣяться самаго мрачнаго человѣка. Такой характеръ настоящее золото въ военное время. На войнѣ весьма многіе видятъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это вліяетъ неблагопріятно на настроеніе массы. Поэтому люди, которые своимъ веселымъ характеромъ, беззаботностью и презрѣніемъ къ опасности могутъ разогнать это мрачное настроеніе, прямо неоцѣнимы.

Надѣюсь, что братъ мой, состоя впослѣдствіи посланникомъ въ Бразиліи, а затѣмъ много лѣтъ въ Вѣнѣ, сохранилъ этотъ веселый, жизнерадостный характеръ.

Блестящая женитьба заставила его оставить военную службу. Онъ женился на красавицѣ графинѣ Шимельманъ, внучкѣ извѣстнаго французскаго маршала графа Левендаля, героя Бергъ-оп-Цоома, котораго воспѣвали нѣкогда на всѣхъ улицахъ и переулкахъ Парижа.

Покойный датскій король, чрезвычайно полюбивъ моего брата, просилъ императора Александра дозволить ему поступить на датскую службу, осыпалъ его милостями и наградами, далъ ему чинъ генерала, званіе камергера, назначилъ посланникомъ въ Бразилію, а затѣмъ чрезвычайнымъ посломъ къ императору австрійскому, во время вступленія его величества на престолъ и наконецъ своимъ посланникомъ въ Вѣну.

Прошу читателя извинить меня за это отступленіе, но это былъ единственный изъ моихъ шести братьевъ, который остался въ живыхъ

послѣ войны 1812 г., въ которой всѣ они участвовали, служа въ кавалеріи.

Получивъ отъ генерала Винценгероде словесныя инструкціи, я уѣхалъ; погода была убійственная, вѣтеръ и снѣжная метель были такъ сильны, что лошади шли съ большимъ трудомъ.

Мнѣ по неволѣ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ въ плохенькой харчевнѣ, переполненной фламандцами, которые неистово курили свои трубки.

На слѣдующее утро я отправился на поиски генерала Нарышкина, котораго едва отыскалъ. Онъ любезно далъ мнѣ конвой изъ десяти казаковъ и хорошую верховую лошадь, чтобы я могъ защититься и ускакать въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ. Такъ какъ мнѣ велѣно было избѣгать большихъ дорогъ, то я ѣхалъ проселками, которые въ этой мѣстности и въ это время года ужасны.

Намъ пришлось ѣхать по этимъ ужаснѣйшимъ дорогамъ въ Шильду, прекрасную, большую деревню, гдѣ расположилась главная квартира генерала Бюлова и великаго герцога Веймарскаго. Я не зналъ о присутствіи герцога въ арміи; оказалось, что императоръ поручилъ ему командованіе войсками въ Голландіи и Фландріи, въ отсутствіе шведскаго королевскаго принца, который не спѣшилъ переправиться черезъ Рейнъ. Его сильно упрекали впослѣдствіи за эту медлительность, весьма загадочную съ точки зрѣнія политики и которая такъ и осталась неразъясненной.

Ни великаго герцога Веймарскаго, ни генерала Бюлова въ Шильдѣ не оказалось. Оба они отправились, чтобы присутствовать при атакѣ предмѣстья Антверпена—Дюренъ. Схвативъ неосѣдланную крестьянскую лошадь, я помчался въ Дюренъ, гдѣ наконецъ имѣлъ счастье увидѣть обоихъ генераловъ, окруженныхъ блестящимъ штабомъ.

Сраженіе, въ которомъ я принялъ участіе, было кровопролитное; пруссаки дѣйствовали энергично, но единственнымъ результатомъ ихъ отваги была потеря 800 человѣкъ.

Начальникомъ штаба великаго герцога Веймарскаго былъ генералъ Вольцогенъ, съ которымъ мы были очень хороши во время достопамятнаго похода 1812 года; онъ тотчасъ представилъ меня герцогу, который былъ со мною любезенъ и смѣялся, говоря, что на своей деревенской клячѣ я напоминалъ ему Донъ-Кихота.

По окончаніи сраженія, генералъ Бюловъ возвратился въ Шильду, и я могъ наконецъ объяснить ему подробно возложенное на меня порученіе. Вотъ мое донесеніе.

«Ваше превосходительство! Я прибылъ безъ особыхъ приключеній въ главную квартиру генерала Бюлова, въ Шильду, въ тотъ самый моментъ, когда онъ атаковалъ предмѣстье Антверпена—Дюренъ.

«Дѣло было жаркое, непріятель былъ отброшенъ до гласисовъ Антверпена; но картечь, которою онъ стрѣлялъ съ валовъ, не дала пруссакамъ возможности утвердиться на нихъ. Пруссаки лишились 800 человѣкъ, однако потеря столькихъ храбрецовъ, смѣю сказать, была безплодна.

«Англичане, подъ начальствомъ сэра Грахама, должны были атаковать предмѣстье Мерксенъ (Merxen), но вслѣдствіе плохаго состоянія дорогъ прибыли слишкомъ поздно и не могли принять сегодня (1-го февраля) участіе въ сраженіи.

«Передавъ депеши генералу Бюлову и переговоривъ съ нимъ, я убѣдился въ томъ, что онъ готовъ исполнить требованіе вашего превосходительства. Нападеніе на Антверпенъ, коего я былъ свидѣтелемъ, было произведено, только съ цѣлью удовлетворить требованіе англичанъ или, лучше сказать, это было, со стороны генерала Бюлова, шагомъ, вызваннымъ скорѣе политическими, нежели военными соображеніями. По моему мнѣнію, генералъ Бюловъ былъ бы не прочь, чтобы англичане потерпѣли неудачу передъ Антверпеномъ и двинулись къ Брюсселю и Монсу.

«Согласно вашему приказанію, я потребовалъ, чтобы генералъ Бюловъ возвратилъ намъ два казацкихъ полка. Онъ не отказывается отъ этого, но его отвѣтъ равносиленъ отказу. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что они разсѣяны на большомъ протяженіи вдоль по теченію Шельды и такъ какъ предполагается произвести атаку Антверпена совмѣстно съ англичанами, а вслѣдъ затѣмъ бомбардировать его, то при этомъ хотятъ воспользоваться нашими казаками. Въ виду этого, генералъ Бюловъ просилъ меня обождать и остаться съ нимъ нѣсколько дней.

«Великій герцогъ Веймарскій, къ которому я не обращался съ этимъ вопросомъ, такъ какъ я не зналъ, что онъ назначенъ главнокомандующимъ, потребовалъ меня къ себѣ въ тотъ же вечеръ и объявилъ мнѣ рѣшительно, что онъ не отдастъ мнѣ эти два полка.

«Всѣ мои возраженія были безполезны. Его высочество предложилъ мнѣ сигару; сказалъ, что онъ беретъ на себя отвѣтственность за отказъ не только по отношенію къ вашему превосходительству, но и по отношенію къ императору, коимъ онъ только-что назначенъ главнокомандующимъ корпусовъ Бюлова и вашего.

«Я былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе.

«Если бы мнѣ пришлось имѣть дѣло только съ генераломъ Бюловымъ, то я зналъ бы, что̀ дѣлать, и увелъ бы своихъ казаковъ подъ носомъ у пруссаковъ, но я не считаю себя въ правѣ дѣйствовать такъ по отношенію къ великому герцогу.

«Находясь такъ далеко отъ вашего превосходительства, я не разсчитываю получить отъ васъ какихъ-либо новыхъ инструкцій. Поэтому мнѣ придется дѣйствовать въ свою голову и сдѣлать все возможное,

чтобы возвратиться къ вашему превосходительству не иначе, какъ съ этими двумя полками.

«Мнѣ предстоитъ, слѣдовательно, либо навлечь на себя неудовольствіе великаго герцога, либо заслужить ваше неодобреніе.

«Такъ какъ на завтра назначена атака предмѣстій Антверпена соединенными силами, то я рѣшаюсь ожидать 24 часа и отправляюсь къ сэру Грахаму.

«Гарнизонъ Антверпена состоитъ изъ 7 или 8.000 человѣкъ. Сегодня разнесся слухъ, что въ городъ проѣхалъ тайкомъ извѣстный Карно, который и будетъ командовать гарнизономъ.

«Если мнѣ удастся похитить завтра полки Мельниковыхъ, то я умчусь съ ними и надѣюсь первый вступить въ Брюссель.

«Какъ только подойдутъ саксонцы (а они вѣроятно не замедлятъ, такъ какъ великій герцогъ торопитъ ихъ, то и дѣло посылая курьеровъ), генералъ Бюловъ начнетъ движеніе къ французской границѣ. Онъ оставитъ здѣсь одну дивизію, а другую въ Брюсселѣ для того, чтобы упрочиться въ этой мѣстности, и вступитъ во Францію съ двумя дивизіями.

«Его дѣйствія чрезвычайно замедлились, оттого что саксонцы подвигались, какъ раки, а голландцы вооружались такъ медленно, что на нихъ нельзя было разсчитывать.

«Я встрѣтилъ здѣсь поручика Волынскаго уланскаго полка, графа Гендрикова, которому ваше превосходительство назначили состоять при генералѣ Бюловѣ переводчикомъ. Я завладѣлъ имъ и командировалъ его къ полковникамъ Мельниковымъ, предписавъ имъ сосредоточить ихъ полки и двинуться, тотчасъ по полученіи отъ меня вторичнаго приказанія, держась указаннаго мною направленія.

«Англичане повели атаку, орудія гремятъ, спѣшу отправиться на мѣсто дѣйствія, а по окончаніи дѣла, буду имѣть честь донести о немъ вашему превосходительству. Левенштернъ».

Шильда 1-го февраля 1814 г.

P. S. Не имѣвъ возможности отправить курьера, честь имѣю присовокупить къ моему донесенію нижеслѣдующія извѣстія:

«Генералъ Грахамъ, принявшій меня весьма любезно, атаковалъ прежде всего окопы, защищавшіе предмѣстье Мерксенъ; въ головѣ его колонны шли шотландцы. Атака велась энергично. Я имѣлъ случай оцѣнить въ дѣлѣ солдатъ Веллингтона.

«Когда были взяты окопы, то генералъ Грахамъ приказалъ составить батарею изъ 24 орудій и мортиръ и бомбардировать городъ.

«Я тотчасъ замѣтилъ, что выстрѣлы были направлены главнымъ образомъ на большой докъ съ цѣлью поджечь суда, а не на крѣпостные верки и не на городъ.

«Англичане всегда вѣрны себѣ: они вездѣ руководствуются практическою пользою.

«Изъ крѣпости храбро отвѣчали на огонь англійскихъ батарей; всѣмъ руководилъ Карно; перестрѣлка продолжалась долго; зрѣлище было величественное, но цѣль не была достигнута.

«Я не отходилъ все время отъ генерала Грахама. Онъ былъ спокоенъ, невозмутимъ, вѣжливъ, сдержанъ; я невольно сравнивалъ его съ генераломъ Барклаемъ-де-Толли.

«Генералъ Бюловъ, отдѣленный отъ англичанъ густымъ лѣсомъ, поддерживалъ атаку, но не особенно энергично, такъ какъ онъ предвидѣлъ, вѣроятно, исходъ битвы.

«Наши двѣ батареи, данныя вашимъ превосходительствомъ генералу Бюлову, дѣйствовали успѣшно; прусскій генералъ былъ ими очень доволенъ. Ими командовалъ капитанъ Сеславинъ.

«Я возвратился въ ту же ночь въ главную квартиру генерала Бюлова, а на слѣдующій день, рано утромъ, возобновилъ попытку, чтобы получить казацкіе полки. Генералъ Бюловъ хотѣлъ умыть въ этомъ дѣлѣ руки, но такъ какъ я успѣлъ заручиться содѣйствіемъ начальника его штаба, то онъ согласился снестись по этому поводу съ герцогомъ.

«Тѣмъ временемъ я старался подѣйствовать на генерала Вольцогена и намекнулъ ему, что въ случаѣ крайности я уведу казаковъ силою, но что, разумѣется, я прибѣгну къ этому средству лишь тогда, когда всѣ иныя мѣры будутъ истощены.

«Генералъ Вольцогенъ, зная меня по кампаніи 1812 г., считалъ способнымъ привести эту угрозу въ дѣйствіе. Онъ отправился къ великому герцогу, а часъ спустя его высочество снова пригласилъ меня къ себѣ, предложилъ мнѣ выкурить сигару, обошелся со мною какъ нельзя любезнѣе и вручилъ мнѣ приказъ, коимъ мнѣ предоставлялось право располагать полками, изъ-за которыхъ у насъ шелъ столь продолжительный споръ.

«Я былъ очень радъ тому, что мнѣ удалось уладить это дѣло мирнымъ путемъ, а еще болѣе, что я имѣлъ случай доказать вашему превосходительству мое всегдашнее стараніе исполнить ваши приказанія.

«Такъ какъ эти полки находятся въ большомъ разстояніи отсюда: одинъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ онъ наблюдаетъ за берегами Шельды, а другой въ распоряженіи генерала Борстеля, то я отправляюсь къ этому послѣднему, поспѣшу сосредоточить ихъ, вступить въ Брюссель и присоединиться къ вашему превосходительству.

«Честь имѣю приложить къ моему донесенію перехваченное письмо, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Антверпенъ Карно; въ немъ заключаются еще кое-какія любопытныя свѣдѣнія.

«Честь имѣю препроводить вамъ настоящее донесеніе съ казацкимъ

офицеромъ изъ полка Мельникова 5-го; посылаю его курьеромъ къ вашему превосходительству и убѣдительно прошу отослать его обратно съ вашими приказаніями въ Брюссель, куда я надѣюсь вступить первымъ, такъ что честь этого завоеванія будетъ принадлежать корпусу вашего превосходительства. Честь имѣю и пр. Левенштернъ».

Главная прусская квартира на Шельдѣ
4-го февраля 1814 г.

Во время сраженія подъ Антверпеномъ у меня случилось съ нидерландскимъ принцемъ Фридрихомъ презабавное приключеніе, имѣвшее для меня самыя пріятныя послѣдствія.

Я стоялъ верхомъ вмѣстѣ съ прочими въ свитѣ генерала Бюлова. Узнавъ, что принцъ Фридрихъ находился при его штабѣ, я подъѣхалъ къ одному юному офицерику и попросилъ его указать мнѣ принца. Офицеръ поспѣшно обернулся ко мнѣ и съ улыбкою спросилъ, почему я такъ имъ интересуюсь. Я отвѣчалъ, что мнѣ говорили о немъ такъ много хорошаго, что я не хотѣлъ упустить случая взглянуть на него. Офицеръ поблагодарилъ меня за хорошее мнѣніе о принцѣ и заявилъ, что онъ самъ и есть принцъ Фридрихъ.

Я разсыпался, разумѣется, въ извиненіяхъ; но полагаю, что это не было ему особенно непріятно, такъ какъ онъ продолжалъ бесѣдовать со мною и пригласилъ меня отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ послѣ сраженія. Я встрѣтилъ у него князя Радзивилла, племянника короля прусскаго.

Съ тѣхъ поръ я имѣлъ неоднократно случай встрѣчаться съ принцемъ, и онъ былъ всегда въ высшей степени любезенъ со мною.

Откланявшись генералу Грахаму и взявъ депеши великаго герцога къ императору Александру, я принялъ начальство надъ казаками и двинулся съ ними къ Брюсселю. Я вступилъ въ городъ безъ всякаго сопротивленія и встрѣтилъ на площади Belle vue отрядъ генерала Нарышкина, который точно такъ же, какъ и я, вступилъ безъ боя въ этотъ прекраснѣйшій изъ городовъ Европы.

Ко мнѣ тотчасъ явился мэръ г. Брюсселя, герцогъ Урсель, грандъ Испаніи и графъ Вилэнъ (Vilain), и мы условились относительно мѣръ, какія надлежало принять, чтобы оккупація была какъ можно менѣе тягостна для жителей. Самое лучшее для этого средство было не ставить солдатъ на квартиры къ мѣстнымъ жителямъ. Меня благодарили за то, что я на это согласился, но они не подозрѣвали, что я и не могъ поступить иначе.

Я поставилъ одинъ полкъ въ паркѣ, а другой на площади передъ ратушею, приказавъ охранять главныя улицы сильными отрядами, а самъ помѣстился съ согласія властей въ прекрасной квартирѣ одного богатаго англичанина, у котораго была красавица жена. У нея собиралось самое избранное бельгійское общество, и какъ только ея знакомыя

узнали, что у нея поселился начальникъ казаковъ, которые внушали въ Европѣ всѣмъ такой страхъ, ея салонъ все время былъ полонъ любопытными, въ особенности дамами.

Передо мной, какъ въ калейдоскопѣ, прошли всѣ выдающіяся личности бельгійской аристократіи. Всѣ меня разспрашивали, иные даже трогали. Мой казацкій мундиръ былъ внимательно осмотрѣнъ; кресты, коими была увѣшана моя грудь (ихъ было съ полдюжины), вызвали разные комментаріи и разспросы; не малое любопытство возбудила также моя казацкая нагайка.

— Фи, какой ужасъ!—восклицали дамы, когда я сказалъ имъ, что я употребляю ее вмѣсто сабли и что я не запомню, когда я обнажалъ послѣднюю противъ непріятеля.

Меня признали кроткимъ, скромнымъ, милымъ и удивлялись, какъ я самъ не боюсь вольницы, коей я командую. Меня стѣснялись спросить, какимъ образомъ я очутился во главѣ столькихъ бородатыхъ и на видъ дикихъ людей.

На другой день графъ Лидекерке далъ въ честь моего пріѣзда роскошный вечеръ; его квартира была переполнена гостями, меня принимали и угощали, какъ царя; но всѣ были нѣсколько удивлены, что я явился по-военному, въ сопровожденіи взвода казаковъ и что у воротъ дома стояла осѣдланная для меня лошадь.

Эти господа не привыкли къ военнымъ мѣрамъ, которыя не были излишни, вблизи непріятеля, въ многолюдномъ городѣ, гдѣ то и дѣло раздавались возгласы: «Да здравствуетъ принцъ Оранскій» или «Да здравствуетъ Наполеонъ», что вызывало во всѣхъ тревожное состояніе духа.

Я провелъ такимъ образомъ въ Брюсселѣ нѣсколько дней самымъ очаровательнымъ образомъ, но празднества для меня вскорѣ прекратились, такъ какъ я получилъ отъ генерала Винценгероде приказаніе поспѣшить къ нему.

«Ваше высокоблагородіе,—писалъ мнѣ князь Сергѣй Волконскій [1],—генералъ баронъ Винценгероде получилъ донесеніе, посланное вами изъ Брюсселя, и поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы сосредоточили какъ можно скорѣе ваши полки и поспѣшили присоединиться къ нему.

«Намъ необходимо имѣть большое количество кавалеріи на равнинахъ Суассона, гдѣ мы должны сосредоточить свои силы».

Я тотчасъ выступилъ изъ Брюсселя и двинулся къ Монсу.

Заставивъ французовъ очистить этотъ городъ, что мнѣ удалось безъ особеннаго труда, совершивъ демонстрацію противъ ихъ фланга и коммуникаціонной линіи, я отрядилъ 200 человѣкъ для наблюденія за

---

[1]) 24-го января (7-го февраля) 1814 г.

ними, а самъ остался въ Монсѣ, гдѣ я впервые разрѣшилъ моимъ казакамъ остановиться въ закрытомъ, тепломъ помѣщеніи.

Я остановился передъ ратушей, чтобы условиться съ мэромъ относительно помѣщенія для моихъ солдатъ и лошадей и для принятія необходимыхъ мѣръ безопасности. Меня ввели въ зало засѣданій. Каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ, что тамъ находится казакъ, которому брадобрей преспокойно брилъ бороду, въ присутствіи всѣхъ должностныхъ лицъ городскаго управленія.

Онъ не оставилъ своего занятія и при моемъ приходѣ, хотя, разумѣется, всталъ, чтобы отдать мнѣ честь.

На мой вопросъ, что означаетъ эта комическая сцена, жители сообщили мнѣ, что этотъ казакъ одинъ прискакалъ въ Монсъ, и что при его появленіи французы немедленно очистили ратушу и удалились въ предмѣстья, а жители, обрадованные произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ, и тому, что онъ избавилъ ихъ отъ французовъ, принесли ему угощеніе; онъ отвѣдалъ всего понемногу и показалъ жестами, что онъ желаетъ, чтобы ему обрили бороду; тогда былъ приведенъ брадобрей, и казакъ, не стѣсняясь, сталъ бриться въ присутствіи властей.

Я хохоталъ до слезъ надъ простодушіемъ казака и не могъ не преклониться передъ его увѣренностью въ нравственной силѣ, сопутствующей всюду нашему казацкому войску. Появленіе одного казака заставило небольшой отрядъ жандармовъ и взводъ пѣхоты очистить ратушу и городскую площадь, а онъ отнесся къ нимъ съ такимъ пренебреженіемъ, что занимался своимъ туалетомъ въ самой ратушѣ, приказавъ уличнымъ мальчишкамъ подержать его лошадь и пику, и съ улыбкой грозилъ имъ нагайкой, если они не послушаютъ его.

Мэръ гэрода, довольный сдѣланными мною распоряженіями, отвелъ мнѣ отличное помѣщеніе у одного богатаго жителя, разбитаго параличемъ.

Нѣсколько дней спустя я уѣхалъ изъ Монса, весьма довольный проведеннымъ тамъ временемъ.

Итакъ я былъ на французской землѣ; сердце мое преисполнилось радостью; наконецъ-то мы могли отплатить гг. французамъ! «Ваше пребываніе въ Россіи,—думалъ я—было непродолжительно, но бѣдственно; надѣюсь, что наше пребываніе во Франціи будетъ въ другомъ родѣ и что оно не окончится такъ бѣдственно!»

XXXIII.

Враждебность французовъ.—Движеніе къ Мобёжу.—Занятіе Авена.—Опасное порученіе, данное Левенштерну.—Пораженіе селезской арміи.—Жизнь въ Реймсѣ.—Захватъ багажа Левенштерна.—Занятіе Суассона.—Движеніе къ Парижу.—Императоръ Александръ при капитуляціи столицы Франціи.—Вступленіе войскъ въ Парижъ.—Назначеніе Сакена губернаторомъ Парижа.—Происшествіе въ театрѣ.—Въѣздъ въ Парижъ Людовика XVIII.—Заключеніе мира.—Выводъ союзныхъ войскъ изъ столицы.—Возвращеніе Левенштерна въ Россію.—Великая княгиня Марія Павловна.

Мы начинали новую кампанію въ странѣ, настроенной къ намъ враждебно, среди населенія, самолюбіе коего было уязвлено тѣмъ, что иноземцы явились предписывать имъ свои законы. Поэтому немудрено, что жители были мрачны, мало предупредительны и не охотно исполняли наши требованія.

Мы дѣлали видъ, что не обращаемъ на это вниманія. Тѣмъ не менѣе контрастъ былъ очень чувствителенъ. Въ Германіи, Голландіи и Бельгіи къ намъ за весьма малыми исключеніями всѣ относились сочувственно, въ сѣверной Франціи было какъ разъ обратное. Оттуда эмигрировало множество лицъ, много имѣній было конфисковано, много другихъ распродано; отъ этого многіе поживились, разбогатѣли, и боязнь землевладѣльцевъ, что они лишатся съ нашимъ приходомъ своего имущества, была главною причиною выказываемаго намъ недовѣрія и даже ненависти.

Въ городахъ насъ встрѣчали однако довольно дружелюбно, и благодаря свойственному французамъ самолюбію мы были обставлены въ ихъ домахъ несравненно лучше, нежели въ странахъ, дружески къ намъ расположенныхъ. Намъ давали всегда самые лучшіе припасы, какіе только удавалось достать. Француженки были любезны, граціозны, предупредительны, но не допускали особенной съ ними близости. Во Франціи было необходимо держать себя осторожнѣе, быть менѣе требовательнымъ и не задѣвать національнаго самолюбія.

Переѣхавъ границу, я направился къ Бомону и встрѣтилъ по дорогѣ генерала Винценгероде во главѣ его кавалеріи. Онъ не ожидалъ еще видѣть меня и былъ такъ обрадованъ нашему появленію, что поцѣловалъ меня, сказавъ своему начальнику штаба генералу Ренни и князю Волконскому:

— Видите, господа, мой выборъ оказался удаченъ, вотъ оба полка, онъ бы привелъ ихъ, хотя бы они были на лунѣ.

— Благодарю васъ, любезный Левенштернъ,—продолжалъ онъ,—вы превзошли мои ожиданія; я съумѣю оцѣнить ваше усердіе и вашу неутомимую дѣятельность.

Онъ просилъ генерала Ренни отвести моимъ казакамъ приличное помѣщеніе и пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ, чтобы поговорить подробно о моей экспедиціи. Къ сожалѣнію, генералъ Ренни могъ отвести мнѣ только жалкую хижину, а моимъ молодцамъ казакамъ пришлось расположиться на бивуакѣ по горло въ грязи и таломъ снѣгѣ.

Пообѣдавъ съ генераломъ и сообщивъ ему все, что онъ желалъ знать, я просилъ его дать мнѣ дальнѣйшія приказанія. Онъ выразилъ желаніе, чтобы полки обоихъ Мельниковыхъ остались подъ моею командою, но я просилъ уволить меня отъ этого, давъ ему понять, что мнѣ неудобно имѣть подъ своимъ начальствомъ полковника, который старше меня по службѣ.

— Это тягостное положеніе не можетъ долѣе продолжаться,—сказалъ я;—полковникъ Мельниковъ дѣйствовалъ съ такимъ отличіемъ, что онъ не заслуживаетъ подобнаго униженія. Только крайняя необходимость заставила меня принять командованіе полкомъ, такъ какъ съ этимъ было связано важное и щекотливое порученіе.

Генералъ Винценгероде понялъ и одобрилъ мои побужденія и приказалъ мнѣ остаться при немъ до тѣхъ поръ, пока представится случай употребить меня.

Полковникъ Мельниковъ, котораго я предупреждалъ, что я откажусь отъ командованія тотчасъ по пріѣздѣ въ главную квартиру, былъ этимъ весьма тронутъ, и мы разстались добрыми друзьями.

Генералу Льву Нарышкину было приказано идти къ Мобёжу и блокировать эту крѣпость. Съ той и съ другой стороны было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но безуспѣшно. Никакихъ переговоровъ нельзя было начать, такъ какъ французскій комендантъ отказался принять парламентеровъ.

Подобнаго рода отказъ говоритъ всегда въ пользу личной храбрости коменданта. Когда имѣешь орудія, къ чему вести переговоры?

Потерпѣвъ эту маленькую неудачу, Винценгероде оставилъ небольшой отрядъ для наблюденія за Мобёжемъ, а самъ пошелъ къ La Capelle, гдѣ мы завладѣли большимъ табачнымъ складомъ, принадлежавшимъ казнѣ; табакъ былъ розданъ солдатамъ. До тѣхъ поръ солдаты мало курили; но съ этого дня сигары были въ большомъ почетѣ въ арміи и такъ какъ мы забирали ихъ во всѣхъ городахъ, то ихъ раздавали щедро; сумма денегъ, вырученная нашимъ правительствомъ отъ продажи остатковъ, достигла весьма почтенной цифры.

Я продалъ табаку на 300.000 фр., Нарышкинъ продалъ въ Голландію вдвое болѣе, и этимъ воспользовались всѣ тѣ, кому посчастливилось первымъ вступить въ эту мѣстность.

Винценгероде былъ знатокъ и цѣнитель хорошихъ сигаръ; я никогда не видѣлъ болѣе яраго курильщика. Въ дорогѣ и дома, утромъ и вече-

ромъ, онъ не вынималъ трубку изо рта. Во время марша, денщикъ то и дѣло подавалъ ему набитую трубку. Съ нею во рту, генералъ снималъ пресерьезно свою шляпу передъ каждымъ встрѣчавшимся солдатомъ. Онъ называлъ это бесѣдовать съ ними, хотя никогда не произносилъ при этомъ ни слова. Ѣхалъ онъ всегда шагомъ и пускалъ лошадь въ галопъ, только за нѣсколько минутъ до привала: тогда подавали на травкѣ завтракъ и бесѣдовали. Во время марша онъ никогда не произносилъ ни слова, если не нужно было отдать приказанія. Онъ былъ отличный наѣздникъ и красиво сидѣлъ на лошади.

Солдаты не любили его, хотя онъ о нихъ заботился; русскіе солдаты любятъ, чтобы начальникъ говорилъ съ ними, они любятъ и умѣютъ цѣнить того, кто обладаетъ этимъ рѣдкимъ даромъ; имъ слишкомъ часто приходится выслушивать брань и ругательства, чтобы они не были польщены, если ихъ обласкаютъ или съ ними пошутятъ.

Никто не умѣлъ сдѣлать это такъ, какъ генералъ Ермоловъ, многіе старались подражать ему, но это имъ не удавалось. Это природный даръ, который не пріобрѣтается; имъ обладали Наполеонъ и Суворовъ.

Съ каждымъ народомъ надобно обращаться иначе; истинный талантъ заключается въ томъ, чтобы уловить духъ народа и приспособиться къ его характеру. Обращаться съ русскимъ такъ, какъ съ французомъ или нѣмцемъ, было бы большою ошибкою. Французъ былъ бы тронутъ вѣжливостью генерала Винценгероде, когда тотъ снималъ шляпу, между тѣмъ какъ русскій солдатъ не обращалъ на это никакого вниманія. Иное дѣло, еслибы генералъ спросилъ его: сытъ ли онъ? тепло ли у него въ избѣ, красива ли его хозяйка?

Въ мирное время, можно вести батальонъ на смотръ, не говоря ему ни слова, но на войнѣ никогда не воодушевишь солдатъ, не говоря съ ними. Только любовь солдата къ командиру заставляетъ его переносить терпѣливо, даже съ удовольствіемъ, трудности похода и многочисленныя на войнѣ лишенія. Нѣсколько словъ, сказанныхъ кстати, производятъ на солдата болѣе впечатлѣнія, нежели блестящіе дневные приказы, которые они рѣдко понимаютъ.

Шведскій королевскій принцъ также обладалъ этимъ умѣньемъ, и хотя не говорилъ по-русски, но приказывалъ перевести свои слова и всегда производилъ на наши войска благопріятное впечатлѣніе. Когда случалось, что надъ головою батальона пролетало ядро и батальонъ невольно опускалъ голову, то онъ говорилъ, улыбаясь: «Друзья мои, не нагибайте голову, ядро свищетъ, но не убиваетъ». И можно было сказать навѣрно, что когда пролетитъ второе ядро, то ни одинъ солдатъ не наклонитъ голову.

Генералъ Винценгероде сосредоточилъ свои войска на берегахъ Маса и далъ имъ отдыхъ до 6-го февраля, а затѣмъ двинулся къ

*

Авену. Слабый гарнизонъ Авена, состоявшій изъ ветерановъ, сдался авангарду, коимъ командовалъ Чернышевъ.

Генералъ Винценгероде, торжествуя побѣду по случаю взятія Авена, въ которой онъ не принималъ, собственно говоря, никакого участія, поручилъ мнѣ донести объ этомъ маршалу Блюхеру и условиться съ генералами Гнейзенау и Мюффлингомъ, относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я взялъ почтовую телѣжку, конвой изъ 10 казаковъ и пустился на поиски маршала, о которомъ никто не могъ сказать мнѣ навѣрное, гдѣ онъ находится, хотя полагали, что онъ былъ въ Эперне.

Такъ какъ, только-что передъ тѣмъ, нѣсколько курьеровъ были взяты въ плѣнъ и даже убиты крестьянами, то я былъ не особенно доволенъ этимъ порученіемъ, и генералъ Винценгероде не скрывалъ, что онъ подвергаетъ меня большой опасности; но разумѣется, ему было необходимо сообщить о себѣ вѣсть маршалу Блюхеру.

По пути я подвергся величайшей опасности. Въѣзжая въ одну деревню, я замѣтилъ, что мой почтальонъ очень напуганъ и какъ будто хочетъ повернуть обратно, а я увидѣлъ съ испугомъ, что жители деревни собрались, вооруженные ружьями, косами, вилами. Такъ какъ я сказалъ почтальону, что, при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи съ его стороны, я пущу ему пулю въ лобъ, то бѣдняга считалъ себя погибшимъ.

Сообразивъ, что было поздно возвращаться обратно, и что мнѣ во всякомъ случаѣ надобно было розыскать маршала, я рѣшилъ идти на проломъ и приказалъ почтальону ѣхать далѣе, не останавливаясь, до самой почты.

Толпа пропустила меня; я раскланялся направо и налѣво, здороваясь съ крестьянами по-французски. У почты я слѣзъ съ телѣжки, но не потребовалъ лошадей, чтобы не показать, что я спѣшу, напротивъ, я не велѣлъ запрягать лошадей и, принявъ повелительный тонъ, приказалъ одному изъ мужиковъ предупредить мэра о моемъ пріѣздѣ и просить его немедленно явиться ко мнѣ.

Онъ тотчасъ явился. Любезно поздоровавшись съ нимъ, я приказалъ подать мнѣ бумагу и чернилъ и написалъ требованіе на доставку фуража и корма для 2.000 лошадей, сказавъ, что все должно быть готово къ вечеру, такъ какъ въ 5 или 6 часовъ по полудни въ деревню долженъ прибыть отрядъ кавалеріи. Дѣлая видъ, что я не обращаю никакого вниманія на то, что жители вооружены, я расхаживалъ съ мэромъ, съ моими ближайшими сосѣдями, говорилъ любезности женщинамъ, шутя училъ ихъ, какъ понравиться солдатамъ. Это будетъ имъ не трудно, прибавлялъ я, при ихъ красотѣ, но я совѣтовалъ не давать много пить солдатамъ, такъ какъ иначе начальство не будетъ въ со-

стояніи поддержать дисциплину, которую государь велѣлъ строго соблюдать въ войскахъ, приказавъ въ особенности щадить мирныхъ и безоружныхъ жителей.

Едва эти слова были произнесены, какъ мало-по-малу всѣ опустили ружья; я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого, и, обратившись къ мэру, попросилъ его приказать запречь лошадей, сказавъ, что я спѣшу въ Реймсъ, чтобы приготовить помѣщеніе для главной квартиры, которая должна прибыть туда завтра и остановится въ ихъ деревнѣ только на ночь.

Спокойствіе, съ какимъ все это было сказано, ввело ихъ въ заблужденіе, лошади были запряжены, и я уѣхалъ, привѣтствуемый толпою.

Принцъ Рейссъ, извѣстный своей беззавѣтной храбростью, о чемъ лучше всего свидѣтельствовалъ орденъ Маріи Терезіи, украшавшій его грудь, не могъ надивиться, что мы выбрались изъ деревни благополучно.

Я вздохнулъ спокойно только тогда, когда я переправился черезъ мостъ. На другой день я узналъ, что два курьера, слѣдовавшіе за мною, были убиты въ той же деревнѣ; еще одинъ курьеръ бытъ убилъ по пути изъ Мезьера въ Реймсъ, а молодой графъ де-Сенъ-Пріестъ, ѣхавшій тою же дорогою, остался живъ, только благодаря тому, что онъ былъ французъ, но все-таки поплатился за свою смѣлость и былъ взятъ въ плѣнъ.

Итакъ, я благополучно избѣжалъ опасности и добрался безпрепятственно въ Реймсъ; бѣдные казаки, конвоировавшіе меня, изнемогали отъ усталости, такъ какъ они ѣхали безъ остановки и нигдѣ не подкрѣпляли своихъ силъ.

Я былъ пріятно удивленъ, заставъ въ Реймсѣ сотню казаковъ подъ командою капитана Шеллинга, которые были посланы туда предусмотрительнымъ генераломъ Чернышевымъ, чтобы получить свѣдѣнія о маршалѣ Блюхерѣ.

Но Шеллингъ ничего не зналъ о немъ; его положеніе было до такой степени ненадежно и онъ былъ такъ напуганъ, что мое появленіе съ десятью казаками показалось ему достаточной охраною, и дѣйствительно оно и было таковою въ глазахъ жителей, такъ какъ я назвалъ себя квартирмейстеромъ, прибывшимъ съ цѣлью приготовить квартиры для цѣлаго армейскаго корпуса.

Мэръ г. Реймса, Андріэ, въ душѣ приверженецъ Бурбоновъ, принялъ меня какъ нельзя лучше и помѣстилъ въ своемъ домѣ. Только благодаря его личной храбрости и находчивости, у насъ не розыгралось подобіе Варѳоломеевской ночи: 50 или 60.000 населеніе Реймса состоитъ по большей части изъ мастеровыхъ, работающихъ на большихъ заво-

дахъ; они собирались нѣсколько разъ предъ моимъ домомъ съ зловѣщими криками. Андріэ всякій разъ удавалось успокоить ихъ и водворить порядокъ.

Наше положеніе сдѣлалось еще болѣе критическимъ, когда въ городѣ узнали о пораженіи Силезской арміи; первымъ прискакалъ въ Реймсъ князь Алексѣй Щербатовъ; его дивизія, потерпѣвшая довольно большой уронъ, не была окончательно разстроена. Онъ подтвердилъ извѣстіе объ уничтоженіи корпуса Олсуфьева и генерала Полторацкаго и о томъ, что оба эти офицера взяты въ плѣнъ.

Затѣмъ появились остатки корпусовъ Сакена и Іорка. Я отправился къ тому и другому, но они не могли указать мнѣ, гдѣ именно находился маршалъ Блюхеръ. Его потеряли изъ виду въ тотъ моментъ, когда непріятелю удалось прорвать центръ Силезской арміи.

Однако, надобно было на что-нибудь рѣшиться; время шло, а на войнѣ оно драгоцѣнно! Поэтому я рѣшилъ ѣхать на удачу въ Эпернэ, надѣясь встрѣтить маршала по пути или хотя бы получить о немъ свѣдѣніе.

Но мои поиски въ этомъ направленіи были тщетны; тогда я возвратился въ Реймсъ съ намѣреніемъ отправиться въ другомъ направленіи, на Шалонъ, куда и прискакалъ въ часъ ночи. Пять минутъ спустя я увидѣлся съ генералами Мюффлингомъ и Гнейзенау, и имѣлъ съ ними продолжительное совѣщаніе. Они сообщили мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія и отпустили меня, не разбудивъ старика маршала Блюхера. Въ шесть часовъ утра я уже пріѣхалъ обратно въ Реймсъ и съ наслажденіемъ выпилъ чашку горячаго кофе, любезно предложенную мнѣ мэромъ.

Освѣжившись, я отправился къ генералу Сакену, который былъ весьма доволенъ получить извѣстіе о Блюхерѣ и сказалъ мнѣ, что генералъ Винценгероде идетъ въ Реймсъ.

Услыхавъ это, я схватилъ первую попавшуюся казацкую лошадь и поспѣшилъ ему навстрѣчу. Въ двухъ миляхъ отъ Реймса я увидалъ голову его колоннъ. Вскорѣ показался и самъ генералъ.

Не смотря на свою обычную сдержанность, онъ горячо обнялъ меня и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что былъ очень радъ видѣть меня. Онъ признался мнѣ, что онъ сильно раскаявался въ томъ, что подвергъ меня такой опасности, такъ какъ ему уже донесли объ убійствѣ слѣдовавшихъ за мною двухъ курьеровъ.

Генералъ Винценгероде пробылъ со своимъ корпусомъ въ Реймсѣ нѣсколько дней. Армія Блюхера реорганизовалась, а я воспользовался этими нѣсколькими днями, чтобы отдохнуть и повеселиться.

Реймсъ большой, прекрасный промышленный городъ, который ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую торговлю шампанскимъ. У крупныхъ

виноторговцевъ всегда имѣется въ погребѣ 4—5.000 бутылокъ этого вина.

Семейство г. Андріэ состояло изъ его жены и двухъ прелестныхъ дочерей. У нихъ же гостила графиня Гунольдштейнъ съ двумя дочерьми, и собирались прочія хорошенькія женщины Реймса, все ярыя роялистки. Поэтому онѣ отнеслись къ намъ, какъ къ желаннымъ гостямъ, и не смѣя публично выражать свое удовольствіе по поводу появленія нашихъ войскъ, онѣ не скрывали предъ нами своихъ монархическихъ убѣжденій и своей преданности Бурбонамъ.

Однажды вечеромъ мы бесѣдовали у камина, какъ вдругъ вошелъ мой братъ; будучи представленъ дамамъ, вынулъ изъ кармана газету и показалъ мнѣ статью, въ которой говорилось, что всѣ мои экипажи, люди и верховыя лошади взяты французами. Это былъ для меня страшный ударъ; я не хотѣлъ этому вѣрить и перечиталъ вновь статью. Мое имя было напечатано въ ней полностью, сомнѣнія быть не могло. Такимъ образомъ я потерялъ въ одну минуту 6 упряжныхъ лошадей, 14 верховыхъ, 14.000 р. банковыми билетами и 2.000 луидоровъ.

Единственная ложь, которую позволилъ себѣ Наполеонъ въ этомъ бюллетенѣ, состояла въ томъ, что онъ наградилъ меня титуломъ генерала и сдѣлалъ моего денщика моимъ адъютантомъ.

Въ бюллетенѣ говорилось также, что я спасся благодаря ночной темнотѣ, тогда какъ я находился въ ста верстахъ отъ пункта, гдѣ произошло это бѣдственное для меня происшествіе.

Это случилось въ одной большой деревнѣ въ окрестностяхъ Лаона, куда мои люди прибыли подъ вечеръ. Жители встрѣтили ихъ какъ нельзя болѣе миролюбиво; дали имъ въ волю съѣстныхъ припасовъ и фуража. Обманутые этимъ радушнымъ пріемомъ, они вздумали отдохнуть денекъ въ этой деревнѣ, не подозрѣвая, что ихъ выдадутъ. Крестьяне дали знать полковнику, находившемуся въ Лаферѣ (Lafere), что онъ могъ, безъ особеннаго труда, получить богатую добычу. Въ полночь, когда мои люди были погружены въ глубокій сонъ, постоялый дворъ былъ окруженъ, подошедшая изъ Лафера конная команда напала на десять человѣкъ казаковъ, конвоировавшихъ мои вещи, и изрубила ихъ. Только моему вѣрному Алексѣю и маленькому Грицко удалось спастись.

Я немедленно донесъ генералу Винценгероде о постигшемъ меня несчастіи, которое могло повториться съ кѣмъ-нибудь другимъ. Генералъ хотѣлъ послать отрядъ, чтобы сжечь деревню, но мнѣ удалось упросить его, чтобы онъ отмѣнилъ это приказаніе. Я не хотѣлъ быть причиною несчастія столькихъ ни въ чемъ не повинныхъ людей, которые исполнили, въ сущности, только свой долгъ, сдѣлавъ то, что наши крестьяне дѣлали съ такимъ успѣхомъ въ 1812 г. и что ставится имъ по сей часъ, вполнѣ справедливо, въ заслугу.

Винценгероде, весь красный отъ гнѣва, распекъ князя Волконскаго, за то, что не было послано отряда для наблюденія за Лаферомъ, и обѣщалъ испросить мнѣ вознагражденіе за понесенный мною убытокъ Но это осталось однимъ обѣщаніемъ.

Винценгероде и его приближенные сдѣлали ошибку, которая была бы непростительна даже для простаго казацкаго офицера. Возможно ли было оставить безъ наблюденія такое важное укрѣпленіе, какъ Лаферъ. Графъ Воронцовъ, эшелонировавшійся за Винценгероде, отлично понималъ это, или, лучше сказать, настолько хорошо зналъ свое дѣло, что, подойдя къ Лаферу, тотчасъ отрядилъ съ этой цѣлью Пантелеева съ его полкомъ.

2-го марта Блюхеръ пошелъ къ Суассону, куда двинулись наканунѣ, по его приказанію, генералы Винценгероде и Бюловъ.

Къ счастію, Суассонъ не пришлось осаждать, такъ какъ онъ сдался на капитуляцію, впрочемъ послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, которые были возложены на меня.

Маршалъ Блюхеръ такъ прекрасно понималъ важное значеніе этой крѣпости, что, вступивъ въ Суассонъ, тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и въ присутствіи своей многочисленной свиты благодарилъ и исходатайствовалъ мнѣ у короля прусскаго орденъ Краснаго Орла.

Особенно былъ доволенъ моей удачею графъ Воронцовъ, такъ какъ онъ предложилъ послать меня парламентеромъ и утверждалъ, что никто не съумѣетъ вести переговоры такъ, какъ я.

Наполеонъ узналъ о сдачѣ Суассона въ тотъ моментъ, когда онъ намѣревался обойти лѣвый флангъ Блюхера. Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; французская армія раздѣляла его негодованіе; всѣ обвиняли коменданта, генерала Моро и говорили, что изъ-за него армія потеряла плоды восьмидневныхъ трудовъ и маршей.

Наполеонъ отдалъ его подъ судъ, и Моро былъ бы разстрѣлянъ, если бы мы не вступили вскорѣ въ Парижъ и не возвратили ему свободу.

Со взятіемъ Суассона и Реймса положеніе французовъ совершенно измѣнилось, и намъ была открыта дорога въ Парижъ.

Пусть читатель перенесется въ ту эпоху и пойметъ, какое магическое значеніе имѣло для насъ слово: «Мы идемъ въ Парижъ». Наконецъ-то мы могли отдать визитъ, сдѣланный намъ въ Москвѣ!

Приближаясь къ Парижу, никто изъ насъ не сомнѣвался въ исходѣ предстоявшаго сраженія. Мы были убѣждены въ томъ, что насъ ожидаетъ побѣда, и это придавало намъ огромную нравственную силу.

Ворота этого великолѣпнаго города должны были открыться передъ нашими побѣдоносными войсками, и мы могли вступить въ городъ, диктовавшій законы всѣмъ государствамъ Европы.

Наканунѣ того дня, когда должно было произойти рѣшительное сра-

женіе, я спалъ безъ просыпа до утра, а на разсвѣтѣ былъ уже на лошади и отправился къ графу Палену. Всѣ были поглощены мыслію, гдѣ бы достать бѣлаго полотна и батистовыхъ платковъ, которые превращались въ перевязи, надѣтыя нами на правую руку. Это былъ отличительный знакъ, принятый союзными монархами для того, чтобы мы могли узнавать въ сраженіи своихъ. Опытъ доказалъ, что такъ какъ союзная армія состояла изъ множества разнородныхъ корпусовъ и мундировъ, то легко было смѣшать друга съ врагомъ и по ошибкѣ убить или ранить своего, что и случилось съ сэромъ Кэмпбелемъ, которому казаки нанесли 17-ть ударовъ копьемъ. Къ счастью, онъ выздоровѣлъ.

Увидавъ наши перевязи, французы вообразили, что мы надѣли ихъ въ честь Бурбоновъ, но они ошиблись, объ этомъ никто не думалъ.

Солдаты забрали всѣ простыни, какія они могли достать, разрѣзали ихъ на полосы и быстро украсили себя этимъ знакомъ, который поразилъ парижанъ во время нашего торжественнаго вступленія въ ихъ прекрасный городъ. Быть можетъ, это дало первый толчекъ движенію, обнаружившемуся въ обществѣ въ пользу свергнутыхъ Бурбоновъ, о которыхъ, надобно признаться, до тѣхъ поръ никто не вспоминалъ.

Графъ Паленъ двинулся рано утромъ къ деревнѣ Монтрёль и занялъ ее, оперевшись правымъ флангомъ на Роменвиль; французы поспѣшно атаковали эту позицію, но были побѣдоносно отбиты генераломъ Гельфрейхомъ.

Это было прологомъ битвы, которая произошла въ тотъ день подъ стѣнами Парижа и смыла позоръ, испытанный русскими, когда французы овладѣли пылавшей Москвою.

Императоръ Александръ, король прусскій и князь Шварценбергъ прибыли на разсвѣтѣ въ тѣ мѣста, которыя должны были на вѣки обезсмертить ихъ.

Во время переговоровъ о капитуляціи Парижа, императоръ Александръ и король прусскій отправились на высоты St.-Chaumont и съ наслажденіемъ осматривали городъ, разстилавшійся у ихъ ногъ.

Я подъѣхалъ къ нимъ. Императоръ сіялъ радостью. Возлѣ него стояли король прусскій, князь Шварценбергъ и Барклай де-Толли, только-что пожалованный фельдмаршаломъ.

Всѣ спѣшились; я послѣдовалъ ихъ примѣру и приблизился, на сколько было возможно, къ главной группѣ. Императоръ разговаривалъ весьма привѣтливо съ Шварценбергомъ и Барклаемъ. Онъ указалъ королю прусскому на дамъ, гулявшихъ на улицахъ Парижа, и хвалилъ ихъ грацію и изящество.

Парижане, для которыхъ всякое событіе есть зрѣлище, устремились толпами на старые бульвары и смотрѣли съ жаднымъ любопытствомъ на монарховъ и на высоты, освѣщенныя бивуачными огнями,

которые загорались со всѣхъ сторонъ. Я благодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ меня быть свидѣтелемъ этого торжества. Потерявъ изъ вида графа Палена и такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобы можно было отыскать его, я быстро проскакалъ Бельвиль, который солдаты грабили, и, приказавъ разломать дверь прехорошенькаго загороднаго домика, расположился въ немъ на ночь.

Домъ былъ пустъ; въ него попало нѣсколько ядеръ, всѣ стекла были выбиты, но по всему было замѣтно, что обитатели только-что покинули домъ. Мои казаки быстро развели огонь, достали прекрасные матрацы и постлали мнѣ передъ каминомъ постель, нашли гдѣ-то варенье, вино и другіе припасы, такъ что мы могли отлично подкрѣпить свои силы. Утоливъ голодъ, я спокойно легъ спать; казаки расположились въ саду. Однако я приказалъ заложить двери, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ мародерами, которые навѣрно явились бы сюда ночью.

Мое воображеніе было такъ настроено, что я никакъ не могъ уснуть. Вдругъ я услыхалъ стоны, которые на минуту прекратились, а затѣмъ раздались вновь; я прислушивался къ этимъ таинственнымъ звукамъ, но не двигался съ мѣста, какъ вдругъ пронзительный крикъ заставилъ меня поспѣшно вскочить съ постели. Я схватилъ саблю и, направляясь по звуку, вскорѣ отыскалъ шкапъ, въ которомъ былъ спрятанъ французъ. У него была раздроблена нога, и жители, не имѣвъ возможности увезти его съ собою, спрятали его въ шкапъ, откуда я вытащилъ его, уложилъ на одинъ изъ матрасовъ и тщательно забинтовалъ ему ногу бѣльемъ, котораго я нашелъ въ домѣ въ изобиліи; затѣмъ я далъ ему варенья и вина. Какая участь постигла этого несчастнаго, не могу сказать, такъ какъ я оставилъ этотъ домъ на слѣдующій день въ 5 часовъ утра и, горя нетерпѣніемъ узнать, что̀ мы предпримемъ, я тотчасъ пустился на поиски графа Воронцова.

Императоръ и король прусскій находились въ Bondy. Фельдмаршалъ Барклай былъ въ Роменвиллѣ, вся армія стояла бивуакомъ на высотахъ Бельвиля, Менильмонтана и Монлуи.

Я не нашелъ графа Воронцова, но, желая быть свидѣтелемъ всего, что̀ должно было произойти въ этотъ достопамятный день, я примкнулъ къ бивуаку Кирасирскаго его величества полка, коимъ командовалъ мой другъ и двоюродный братъ генералъ Карлъ Будбергъ.

Съ этого пункта я могъ слѣдить за всѣмъ и могъ видѣть всѣхъ, кто ѣхалъ изъ Парижа въ главную квартиру императора.

Капитуляція была подписана въ 2 часа утра полковниками Фавье и Дени отъ имени французскихъ маршаловъ и полковникомъ Орловымъ и графомъ de-Paar отъ имени союзныхъ войскъ.

Префекты, депутація отъ муниципальнаго совѣта и нѣсколько офицеровъ національной гвардіи сопровождали нашихъ уполномоченныхъ

въ парадныхъ каретахъ, принадлежавшихъ муниципальному совѣту и употреблявшихся при публичныхъ церемоніяхъ въ дни славы и могущества имперіи. Кареты были бѣлыя, богато позолоченныя, съ императорскими гербами.

Онѣ прослѣдовали безмолвно по опустошенному предмѣстью; бивуачные огни освѣщали вереницу бѣловатыхъ экипажей.

Въ главной квартирѣ, куда поѣздъ прибылъ въ три часа утра, все спало сномъ побѣдителя; но графъ Нессельроде не заставилъ себя ждать. Депутаты сообщили ему о цѣли своего пріѣзда и просили аудіенціи у императора, которую министръ обѣщалъ устроить имъ, когда императоръ встанетъ. Тѣмъ временемъ князь Шварценбергъ послалъ графа Апраксина, въ сопровожденіи начальника національной гвардіи Туртона, чтобы удалить стражу отъ заставъ.

Какъ только были приняты эти предварительныя мѣры, главная квартира императора наполнилась генералами и главными начальствующими лицами союзной арміи. Они восхваляли дѣйствія французской арміи во время битвы, происходившей наканунѣ.

Вскорѣ депутація была допущена къ императору Александру, который милостиво сказалъ ей, что во Франціи у него есть только одинъ врагъ, предъ которымъ онъ долгое время преклонялся и котораго любилъ, но человѣкъ этотъ, снѣдаемый тщеславіемъ, напалъ на него въ его собственныхъ владѣніяхъ и вынудилъ его искать залога дальнѣйшей безопасности въ освобожденіи Европы; упрямство этого человѣка заставило императора преслѣдовать его и сразиться съ нимъ въ самомъ сердцѣ Франціи, и онъ воюетъ только съ этимъ человѣкомъ.

Губернаторомъ города Парижа императоръ назначилъ генерала Сакена.

Депутація отправилась обратно, чтобы передать жителямъ Парижа слова императора. Она проѣхала вторично поле сраженія. Этотъ разъ солнце уже ярко блестѣло на небѣ. И депутаты видимо были спокойнѣе, нежели тогда, когда они ѣхали въ главную квартиру.

Вскорѣ на бивуакъ прискакали адъютанты, приказавъ войскамъ строиться въ колонны и ожидать пріѣзда императора и короля прусскаго, которые должны были скоро появиться. Я подъѣхалъ къ заставѣ, куда стеклась несмѣтная толпа народа.

Возлѣ заставы сталъ командующій главной квартирой и никого не пропускалъ. Въ числѣ лицъ, ожидавшихъ пріѣзда императора, было множество генераловъ и нѣсколько принцевъ, между прочимъ принцъ Виртембергскій.

Наконецъ, его величество появился въ сопровожденіи короля прусскаго, князя Шварценберга, фельдмаршала графа Барклая, маршала

Блюхера и несмѣтной свиты генераловъ и офицеровъ. Ихъ было навѣрно болѣе 500.

Императоръ былъ великолѣпенъ въ кавалергардскомъ мундирѣ, на той же сѣрой въ яблокахъ лошади, на которой онъ ѣхалъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Впереди ѣхалъ отрядъ Черноморскихъ казаковъ, отличавшихся своей статностью и красотою, и своимъ живописнымъ нарядомъ.

Вслѣдъ за императоромъ шли колонны русской, прусской и баденской гвардіи съ музыкой во главѣ, затѣмъ артиллерія и кавалерія.

Это великолѣпное шествіе вступило чрезъ porte St.-Martin и направилось по Итальянскому бульвару, по бульвару Маделены и площади Людовика XV въ Елисейскія поля. Въ числѣ парижанъ, присоединившихся къ намъ, я узналъ моего бывшаго товарища, графа Ипполита Модена, верхомъ, во фракѣ съ большой бѣлой кокардой на шляпѣ, знакъ его преданности Бурбонамъ.

Императоръ и король прусскій остановились въ Елисейскихъ поляхъ и пропустили войска церемоніальнымъ маршемъ, что̀ продолжалось до 5 часовъ по полудни. Число зрителей было неимовѣрное: весь Парижъ сбѣжался взглянуть на наши войска. Любопытныя и смѣлыя француженки подходили къ намъ близко и, услыхавъ, что мы говоримъ по-французски, засыпали насъ вопросами. Одна изъ этихъ дамъ, очень хорошо и изящно одѣтая, никакъ не могла увидѣть императора. Я предложилъ ей сѣсть на мою лошадь, на что̀ она тотчасъ согласилась. Другія дамы пристали съ подобною же просьбою къ моимъ товарищамъ: такимъ образомъ образовалась цѣлая группа женщинъ верхомъ, напротивъ императора, что̀ было имъ замѣчено, и онъ указалъ на нихъ съ улыбкою королю прусскому.

Когда смотръ окончился, то императоръ отправился пѣшкомъ въ домъ князя Талейрана, гдѣ его уже ожидалъ графъ Нессельроде. За нимъ шла несмѣтная толпа, восторженно любуясь имъ.

Когда стемнѣло, и мы хотѣли переночевать въ какомъ-нибудь отелѣ, то оказалось, что намъ вездѣ отказали въ помѣщеніи: всѣ боялись впустить военныхъ, которые могли ничего не заплатить; намъ едва удалось устроиться въ одномъ отелѣ за очень большую цѣну.

На другой день вечеромъ я отправился въ театръ, гдѣ играли Тальма и Дюшенъ. Что это были за блестящіе, дивные таланты, я былъ въ восторгѣ! Когда первая пьеса была окончена, то нѣсколько человѣкъ французовъ, въ числѣ коихъ были графъ Моденъ, Ла-Рошфуко и Монтемаръ, явились къ намъ въ ложу и просили дозволить имъ, спрятавшись за насъ, бросить на сцену свернутую бумажку, какъ только занавѣсъ будетъ поднятъ. Сначала я не соглашался на ихъ просьбу, но сидѣвшія съ ними въ ложѣ дамы изъ самаго хорошаго общества

такъ мило кивали намъ головою, прося не отказать въ ихъ просьбѣ, что я наконецъ согласился, но попросилъ молодыхъ людей оставить нашу ложу, тотчасъ послѣ того какъ они бросятъ свою бумажку, ибо какъ разъ напротивъ, въ ложѣ перваго яруса, я увидѣлъ генерала Сакена и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія навлечь на себя непріятность.

Въ ту минуту, когда занавѣсъ взвился, бумажка, ловко брошенная, упала посреди сцены. Никто не замѣтилъ, откуда она была брошена! Въ партерѣ и галлереѣ тотчасъ закричали: «читайте, читайте!» Какой-то актеръ подошелъ къ рампѣ, но ему не дали читать, со всѣхъ сторонъ раздавался возгласъ: «Тальма!»

Вышелъ знаменитый трагикъ; его привѣтствовали неистовыми рукоплесканіями:

— Читайте, чатайте!—кричали всѣ.

Развернувъ бумажку и пробѣжавъ ее, онъ колебался. Крики усилились. Тогда онъ прочелъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ стихотвореніе въ честь Бурбоновъ и Людовика XVIII. Это былъ первый разъ, что имя Бурбоновъ было произнесено громогласно. Раздалось нѣсколько свистковъ, но большинство неистово требовало повторенія стиховъ. Тальма, вполнѣ овладѣвъ собою, вторично прочелъ стихи, вызвавшіе на этотъ разъ неистовые аплодисменты.

Губернаторъ Парижа, генералъ Сакенъ, на котораго я устремилъ взоръ, сидѣлъ въ своей ложѣ совершенно спокойно, не мѣшая этой манифестаціи.

Такимъ образомъ, молодые роялисты впервые высказались публично. Въ тотъ же вечеръ генералъ Сакенъ донесъ императору о случившемся и о сочувствіи, вызванномъ стихами въ публикѣ.

Когда чтеніе было окончено, раздались крики: «Долой орла!» (украшавшаго авансцену) и «Да здравствуетъ лилія!». Крики смолкли только тогда, когда одинъ изъ актеровъ объяснилъ, что тотчасъ невозможно снять орла, но что завтра же его не будетъ.

Спокойствіе возстановилось, и спектакль окончился благополучно.

Послѣ отреченія отъ престола Наполеона, отъѣзда его на остр. Эльбу, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта графа Шувалова, заключенія перемирія и распущенія французской арміи, мы всѣ отправились въ Парижъ, чтобы отдохнуть и развлечься отъ трудовъ походной жизни.

Графъ де-Рошешуаръ (Rochechouart), флигель-адъютантъ императора Александра и комендантъ г. Парижа, позабылъ щедрое гостепріимство, коимъ онъ пользовался въ Россіи, отказалъ въ помѣщеніи тѣмъ, которые принимали его нѣкогда такъ гостепріимно, и я, подобно многимъ другимъ, долженъ былъ за большія деньги помѣститься въ отелѣ, между тѣмъ какъ въ четверти верстахъ отъ Парижа самое маленькое селеніе или мѣстечко несло всю тягость военной оккупаціи.

Эта мѣра вызвала всеобщій ропотъ, и излишняя заботливость о городѣ Парижѣ на счетъ нашихъ кошельковъ не соотвѣтствовала тому, на что̀ мы разсчитывали. Князь Алексѣй Щербатовъ едва жестоко не поплатился за это. Ему, какъ корпусному командиру, предложили занять роскошный домъ, съ множествомъ прислуги, гдѣ его угощали всѣмъ въ изобиліи. И что же? По прошествіи недѣли, ему подали счетъ на 20.000 франковъ. Полагая, что онъ живетъ на счетъ города и очень довольный роскошнымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ, кн. Щербатовъ не ограничивалъ усердія дворецкаго, и вдругъ ему пришлось внезапно пробудиться отъ своего чуднаго сновидѣнія. Императоръ, узнавъ о постигшей его непріятности, милостиво уплатилъ его долгъ; но за насъ никто не платилъ.

Чтобы отпраздновать достойнымъ образомъ окончаніе нашего пребыванія въ Парижѣ, офицеры штаба генерала Винценгероде дали ему обѣдъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ. Въ тотъ же день кн. Шварценбергъ угощалъ тамъ же обѣдомъ лорда Кастельре, князя Меттерниха, графа Нессельроде и другихъ лицъ.

Предстоявшая эвакуація иноземныхъ войскъ, отъѣздъ Наполеона на остр. Эльбу, возстановленіе во Франціи спокойствія побудили Людовика XVIII возсѣсть на престолъ своихъ предковъ. Онъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Парижъ 4-го мая.

Въ этотъ день наши войска нигдѣ не показывались; императоръ Александръ и прочіе монархи были настолько внимательны, что запретили офицерамъ появляться въ военной формѣ. Только генералъ Сакенъ, какъ губернаторъ Парижа, составлялъ исключеніе.

Національная гвардія стояла шпалерами на улицахъ; дома были убраны цвѣтами и коврами, на балконахъ, окнахъ и на крышахъ была несмѣтная толпа народа.

Генералъ Сакенъ, проѣхавъ, предварительно, по тѣмъ улицамъ, которымъ долженъ былъ слѣдовать король, былъ встрѣченъ криками: «Да здравствуетъ губернаторъ Парижа, да здравствуетъ генералъ Сакенъ!»

Король появился въ открытой коляскѣ, запряженной восьмеркою бѣлыхъ лошадей въ богатой сбруѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ король водворился въ Тюильри, императоръ Александръ назначилъ въ честь его большой смотръ войскамъ. Вся русская и прусская гвардіи дефилировали передъ Людовикомъ XVIII, который стоялъ со своимъ дворомъ въ одномъ изъ оконъ дворца. Императоръ Александръ прибылъ во главѣ гвардіи и, стоя рядомъ съ королемъ прусскимъ, съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за прохожденіемъ войскъ. Ихъ выправка была замѣчательная, и одержанныя побѣды придавали имъ замѣчательно воинственный видъ.

Я ѣхалъ въ свитѣ губернатора Парижа и встрѣтился случайно

съ Талейраномъ, которому я оказалъ кое-какія услуги въ то время, когда онъ былъ нашимъ военно-плѣннымъ въ Пруссіи. Я обратилъ вниманіе на одного господина, верхомъ, во фракѣ, окруженнаго нѣсколькими молодыми людьми: его наружность поразила меня, и мнѣ пришло въ голову, что это былъ герцогъ Веллингтонъ. Дѣйствительно, онъ только-что пріѣхалъ изъ Испаніи, о чемъ никому еще не было извѣстно. Я поспѣшилъ сообщить объ этомъ генералу Сакену, который, наведя справки, донесъ императору и немедленно послалъ къ герцогу своего адъютанта, чтобы отвести для него во время смотра подобающее мѣсто.

Я былъ несказанно радъ увидѣть этого знаменитаго человѣка. Онъ видимо былъ въ восторгѣ отъ нашихъ войскъ; его открытое, веселое лицо составляло рѣзкую противуположность съ наружностью Людовика XVIII, который не могъ скрыть своего неудовольствія по поводу того, что ему пришлось присутствовать на смотру иноземныхъ войскъ, коимъ онъ былъ обязанъ, между прочимъ, своимъ положеніемъ.

Королю хотѣлось, чтобы мы какъ можно скорѣе выступили изъ Франціи; поэтому его первою заботою было заключить договоръ съ союзными монархами, чтобы ускорить уходъ ихъ войскъ.

Нашей арміи было приказано направиться пятью колоннами къ Рейну и перейти его въ Кобленцѣ, Майнцѣ и Кёльнѣ.

Переговоры велись съ величайшей поспѣшностью, наконецъ, 13-го іюня былъ провозглашенъ миръ; на слѣдующій день монархи уѣхали въ Англію, войска выступили изъ Парижа, и генералъ Сакенъ сложилъ съ себя обязанности губернатора. Парижъ, въ знакъ признательности, поднесъ ему саблю и устроилъ въ честь его празднество.

Не имѣя возможности долѣе оставаться во Франціи, я попросился въ отпускъ, чтобы пользоваться водами въ Карлсбадѣ, и съ сожалѣніемъ оставилъ Парижъ, обѣщая графу Петру Палену съѣхаться съ нимъ въ Кёльнѣ. По пути въ Карлсбадъ мы заѣхали въ Веймаръ.

Какъ только великая княгиня узнала о нашемъ пріѣздѣ, она тотчасъ прислала къ намъ своего камергера съ просьбою посѣтить ее. Мы поспѣшили одѣться и, сѣвъ въ ожидавшій насъ экипажъ, поѣхали къ ея императорскому высочеству. Къ ней только-что пріѣхала герцогиня Мекленбургская; не смотря на радость свиданія, великая княгиня не заставила насъ долго ожидать: какъ только насъ ввели въ внутренніе покои, великая княгиня вышла къ намъ со своимъ супругомъ и приняла насъ съ тою неизъяснимой любезностью, которая составляетъ особенность нашихъ коронованныхъ особъ. Она представила насъ великому герцогу, какъ своихъ соотечественниковъ, предложила намъ чаю и пригласила на слѣдующій день, чтобы быть представленными великой герцогинѣ.

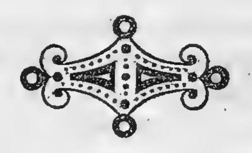
Дѣйствительно, на другой день, въ 12 час. къ намъ явился камергеръ съ экипажемъ, и мы представились великой герцогинѣ, которая пригласила насъ къ обѣду. Вечеромъ, по приказанію великой княгини Маріи Павловны, намъ подали коляску, въ которой мы катались въ паркѣ и въ окрестностяхъ города, а затѣмъ были приглашены ея высочествомъ къ ужину.

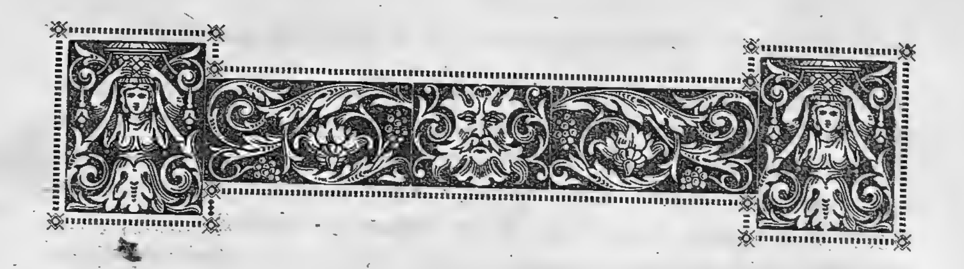
На слѣдующій день ея императорское высочество предложила намъ поѣхать въ Бельведерскій дворецъ, чтобы познакомиться съ ея дочерьми.

На третій день былъ обѣдъ на 100 персонъ у великой герцогини, а вечеромъ спектакль, гдѣ мы удостоились чести быть приглашенными въ ложу великой княгини.

Эта мирная жизнь была прервана пріѣздомъ великаго князя Константина Павловича.

Послѣ его отъѣзда при дворѣ былъ снова большой обѣдъ, на которомъ я имѣлъ счастіе видѣть Гёте. На слѣдующій день мы откланялись великой княгинѣ и ея супругу и отправились въ Карлсбадъ, а затѣмъ въ Россію.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи [1].

Въ Іерусалимѣ.

20.

1-го іюля.

Сегодня почта, а потому я сегодня отдыхаю, пишу къ своимъ. До сихъ поръ не получала ни отъ кого писемъ, между тѣмъ подъ часъ грущу. Завтра ѣду въ Горнее съ Е. А. Мазараки, буду тамъ ночевать. Пріѣхавши (обратно), подѣлюсь моими впечатлѣніями и передамъ тебѣ то, что увижу и что мнѣ Господь на сердце положитъ.

О Іерусалимѣ скажу, что здѣсь постоянно жить намъ, русскимъ монахамъ, нѣтъ возможности; тутъ живутъ дѣйствительно тѣ, которымъ жить на яру пригоже. Съ архимандритомъ Рафаиломъ мы говорили откровенно; онъ считаетъ, что здѣсь онъ распятъ на крестѣ сплетнею и клеветою. Греки дѣлаютъ козни русскимъ, архимандрита Антонина они любили, потому что и онъ сталъ жить не по-русски, а по-гречески, а архимандрита Рафаила не любятъ, потому что во истину монахъ, у него нѣтъ прислужницъ, кому бы онъ все довѣрялъ.

21.

2-го іюля 1896 г.

Сегодня церковь православная привѣтствуетъ Святую Дѣву Богородицу. Радостный тропарь написанъ въ честь той радости, которую Матерь Божія оказала роду человѣческому, избравъ на то святую церковь Влахернскую. Сжимается мое сердце, видѣвши воочію запустѣніе

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1902 г.

этой великой церкви. Все было грѣхами рода человѣческаго превращено огнемъ въ груды мусора и кирпича въ 1434 году, т. е. незадолго до взятія Константинополя турками и это пепелище состояло съ того времени частнымъ имуществомъ турокъ. Только въ шестидесятыхъ годахъ мѣсто знаменитаго храма, вмѣстѣ съ священнымъ источникомъ, было куплено у турокъ однимъ православнымъ обществомъ константинопольскихъ ремесленниковъ, и сооружена надъ источникомъ небольшая часовня, въ которой нынѣ богомольцы преклоняютъ колѣни передъ небольшой древней иконой (въ серебряной ризѣ) Пресвятой Богородицы и пьютъ священную воду изъ чудотворнаго источника.

Риза же Приснодѣвы, какъ намъ извѣстно, т. е. часть оной, хранится въ Москвѣ въ Благовѣщенскомъ и Успенскомъ соборахъ, а часть пояса хранится на Аѳонѣ. Вотъ то, что я воочію видѣла, и ты можешь вполнѣ понять, что видъ этой часовни, вмѣсто величественнаго храма, не можетъ не возбудить въ сердцѣ богомольца особенной жалости, особеннаго чувства къ тому источнику, отъ котораго многіе получали исцѣленіе, даже и теперь, въ наше время.

Приходитъ мнѣ на мысль, неужели въ настоящее время нельзя отъ щедротъ всего русскаго народа воздвигнуть на томъ священномъ мѣстѣ долженствующій быть тамъ православный русскій храмъ, въ память крещенія предковъ, русскихъ князей Аскольда и Дира, со многими русскими дотолѣ язычниками въ 865 году и въ память особаго благоговѣнія русскихъ къ церкви Влахернской, установленіемъ у насъ на Руси въ княженіе князя Олега въ 911 году праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, 1-го октября.

22.

4-го іюля.

Вчера вечеромъ въ 9 час. утра, мы вернулись изъ Горняго. Горній— это весьма красивая мѣстность среди горъ и каменныхъ холмовъ, населена арабами, католиками, турками, православными, т. е. монахинями по одеждѣ только, самовольными труженицами, возмутившимися при началѣ порядка, который архимандритъ Рафаилъ началъ тамъ водворять. Горній, по безотрадной тамъ жизни, въ 10-ти верстахъ отъ Іерусалима, нельзя ничему уподобить какъ только острову Сахалину; средствъ никакихъ нѣтъ. Отецъ Антонинъ обездолилъ эту мѣстность, и священниковъ нечѣмъ содержать. По праздникамъ отецъ архимандритъ туда посылаетъ іеромонаха изъ Миссіи.

Была я у католиковъ, поклонилась мѣсту цѣлованія и жилью Захарія и Елизаветы, пещерѣ, гдѣ Елизавета скрывала младенца Іоанна. Выпила воды изъ источника св. Елизаветы, но въ пустыню Іоаннову

я, по слабости ногъ, не пошла, такъ какъ пришлось бы идти, взадъ и впередъ 6 верстъ, все по каменной горной дорогѣ. Конечно, жалко, но должна была по немощи смириться. Трапеза, т. е. зданіе воздвигнуто, но капитала, обезпечивающаго трапезу, нѣтъ никакого, нѣтъ капитала, и обезпечивающаго церковь. Послѣ всего вышесказаннаго, можете себѣ вообразить, что я, бывши разъ въ Горнемъ, вѣроятно, туда болѣе не поѣду, и мысль моя тамъ жить и принять схиму есть мечта неудобовыполнимая, я должна съ нею разстаться навсегда. Вечеромъ въ 7 часовъ я простилась съ Горнимъ. Ночевала я въ гостиницѣ, которая очень хороша; деревья и цвѣты посажены и цвѣтутъ въ добромъ порядкѣ; разрываютъ каменную гору и насыпаютъ землю ежегодно, чтобы растенія не погибли; кисти виноградныя висятъ, но онѣ еще не созрѣли; вообще хорошая мѣстность, но жить тамъ далеко не легко. Завтра, 5-го, патріархъ служитъ на Голгофѣ въ 6 час. утра, въ честь великаго князя Сергія Александровича.

23.

5-го числа, вечеромъ.

Сегодня въ 6 час. утра, былъ громогласный звонъ, я уже была на Голгофѣ съ 5-ти часовъ, хотѣлось посмотрѣть входъ блаженнаго патріарха Герасима. Три каваса съ булавами шли передъ шествіемъ, за ними пѣвчіе-греки съ тремя оборванными исполатчиками безъ стихарей, и въ оборванныхъ пиджакахъ, стали направо близъ патріаршаго мѣста. Хоръ составляютъ три-четыре монаха, которые кричатъ безъ всякаго напѣва. За ними шли 4 діакона въ облаченіяхъ бѣлаго глазета, два съ кадилами; за діаконами 4 священника и два архимандрита въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Архимандриты въ камилавкахъ, русскій архимандритъ Рафаилъ и другой съ Кавказа поклонникъ; за ними шелъ патріархъ съ жезломъ, облаченный въ сакосъ съ омофоромъ, въ камилавкѣ. Ни онъ, ни архіереи, ни архимандриты, служа на Голгофѣ, не дерзаютъ надѣвать митры, въ память распятія Господня и того, что Онъ, Богочеловѣкъ, на Голгофѣ былъ увѣнчанъ вѣнкомъ терновымъ. Взошедши на Голгофу, патріархъ всталъ на каѳедру среди церкви, за нимъ было поставлено кресло; по лѣвую руку стояли русскіе пѣвчіе. Проскомидія была совершена до прихода патріарха. Я стояла у жертвенника, пока читалось мое поминаніе служащимъ русскимъ священникомъ изъ Миссіи. Часовъ не читали, началась прямо литургія. Престолъ и жертвенникъ открыты. Престолъ, гдѣ былъ водруженъ крестъ, доступенъ всѣмъ и каждому. Направо отъ престола православныхъ—престолъ католическій. Обѣдня началась; патріархъ сѣлъ, когда начали пѣть по-русски псаломъ, потомъ, когда былъ входъ съ Евангеліемъ, онъ, какъ всегда, пошелъ къ престолу и

самъ совершалъ литургію. Отецъ архимандритъ Рафаилъ былъ, конечно, вторымъ; возгласы были по-гречески, а эктенія по-русски; Евангеліе читали по-гречески на возвышеніи, т. е. на каѳедрѣ, а по-русски на аналоѣ, какъ всегда. Патріархъ снялъ на то время свою камилавку, потомъ опять надѣлъ. Затѣмъ, когда начали пѣть Херувимскую по-гречески, онъ надѣлъ малый омофоръ и снялъ камилавку. Херувимскую пѣть никогда не дозволяютъ греки русскому хору, только исключеніе бываетъ ночью, при разрѣшительныхъ обѣдняхъ. Греки пѣли отвратительно полчаса, потомъ шла обѣдня своимъ порядкомъ. «Вѣрую» читали по-гречески, а «Достойно» пѣли по-русски и до конца литургіи. Всѣ служащіе до одного пріобщились. Завѣсы не было между народомъ и клиромъ. Патріархъ, пріобщивши всѣхъ, умылъ себѣ уста и руки, вкусилъ антидору самъ, давалъ около него стоящимъ русскимъ: консулу, уполномоченнымъ Палестинскаго общества и другимъ. По окончаніи обѣдни начался по-русски молебенъ Сергію чудотворцу, и послѣ многолѣтія патріархъ давалъ многимъ прикладываться ко кресту.

24.

7-го іюля.

Сегодня патріархъ стоялъ службу въ Воскресенской церкви. Въ 6 часовъ утра, когда онъ вышелъ изъ патріархіи, зазвонили во вся. Я сейчасъ же пошла къ обѣднѣ въ Воскресенскій храмъ. Патріархъ стоялъ въ формѣ, не служилъ, стоялъ въ богатой мантіи, шитой жемчугомъ; на ступеняхъ два монаха другъ противъ друга, у одного жезлъ. Удивительно, что часы не читаютъ, проскомидію совершаютъ, и послѣ нея начинаютъ обѣдню. Во время обѣдни патріархъ самъ читалъ громко «Вѣрую» по-гречески. Къ чтенію Евангелія онъ и всѣ іеромонахи снимаютъ наметки съ камилавокъ, а монахи и послушники свои камилавки не снимаютъ во все время, даже при совершеніи св. Таинъ. Когда же бываетъ входъ великій, то патріархъ сходитъ съ своей каѳедры и стоитъ около нея съ головою склоненною, потомъ опять входитъ на нее. Во время причастія онъ опять сходитъ и всѣмъ подходящимъ даетъ антидоръ.

25.

13-го іюля.

Сегодня Соборъ архистратига Гавріила, но здѣсь греки плохо празднуютъ, тяжело все это видѣть. Въ 5 часовъ утра разбудивши своихъ, въ 6 час. мы пошли къ Яффскимъ воротамъ; тамъ ждалъ насъ нанятый мною извозчикъ-арабъ, и мы поѣхали въ церковь св. Маріи Магдалины, на подошвѣ горы Елеонъ. Тамъ мѣсто дивное, храмъ вели-

колѣнный; вотъ тутъ слѣдовало бы быть женскому монастырю, а не въ Горнемъ. Вокругъ церкви устраиваются сады съ приличными дорожками, русская миссія прилагаетъ къ тому должное стараніе. Русскій іеромонахъ Павелъ, по старости своей, пріѣхалъ на осленкѣ, два дьякона и пѣвчіе пришли пѣшкомъ, тутъ разстояніе не болѣе трехъ верстъ по шоссе. Пріѣхали мы въ 7 часовъ до благовѣста; въ 8 часовъ изъ Гевсиманіи набрались поклонники, служба была согласна моимъ желаніямъ и моему внутреннему настроенію. Не хотѣла я пріобщаться въ греческой церкви, такъ какъ не могу сочувствовать этому неистовому греческому пѣнію, мѣшающему мнѣ молиться. Вчера, когда мы возвратились, послѣ исповѣди отъ отца Веніамина домой, въ наше жилище, пришелъ патріархъ Герасимъ посмотрѣть найденное въ археологическомъ отношеніи сокровище—это громадную, саженъ въ 20 длины и 10 ширины цистерну, наполненную чистой холодной водой въ 2 сажени глубиною, временъ царицы Елены, невѣдомыми Божіими судьбами уцѣлѣвшую безъ всякаго поврежденія въ зданіи Святаго Гроба, до сихъ поръ никому неизвѣстную. Откопать оную и сдѣлать доступною всѣмъ, для снабженія водою, стоило до 3.000 руб. Архимандритъ Евфимій очень дѣятельный человѣкъ, онъ все устроилъ на счетъ Св. Гроба. Это открытіе весьма важное; турки все разорили, но до этой цистерны не добрались, глубина ея громадная. Я сама спускалась въ пещеру ступенекъ на сорокъ по узенькой каменной лѣстницѣ, тѣхъ же временъ. Рядомъ съ этимъ уцѣлѣла большая зала подземная: каменные столы посереди въ два ряда указываютъ, что тутъ была подземная столовая или что другое. Столы аршинъ по 10 каждый. Надъ ними въ сводѣ устроены люстры. Эти столы теперь предназначаются для кормленія странниковъ въ праздничные дни. Лѣстница широкая бѣлаго мрамора ведетъ въ прихожую Авраамієвскаго подворья, т. е., гдѣ устроена мраморная лѣстница въ номера архимандрита и насъ, здѣсь помѣщающихся. Патріархъ, взошедши на верхъ къ отцу архимандриту, гдѣ есть комната для пріема гостей, по восточному обычаю, просилъ къ нему меня пригласить; тутъ была и сестра и племянникъ архимандрита. Патріархъ занялся со мною особенно, но такъ какъ изъ европейскихъ языковъ онъ знаетъ только французскій, много со мной говорилъ. Поговорила и я съ нимъ о Влахернской церкви. Обѣщалъ поискать, нѣтъ ли какихъ-либо записей объ явленіи Матери Божіей въ Влахерніи, и мнѣ все передать въ переводѣ; пригласилъ меня у него бывать во всякое время, когда я буду здорова и свободна въ его уединенномъ монастырѣ въ родѣ дачи, гдѣ хранится гробъ Симеона Богопріимца. Вообще онъ ко мнѣ очень благоволитъ, за что, конечно, я ему очень благодарна. Про архимандрита мнѣ передавалъ, что онъ когда его видитъ, никогда не забываетъ спросить обо мнѣ, о моемъ здоровьи и спокойно

ли мнѣ въ зданіи, принадлежащемъ къ Св. Гробу. Спасибо имъ, не стою я ихъ высокаго вниманія, думаю, до отъѣзда въ Галлилею, зайду къ нему непремѣнно, онъ весьма добрый, умный и пріятный человѣкъ лѣтъ подъ 50 не болѣе; поговорю съ нимъ о пѣніи, узнаю, почему такъ неистово кричатъ.

26.

14-го іюля.

Іерусалимъ во время обѣдни на пять минутъ былъ орошенъ теплымъ дождемъ, который пошелъ какъ бы изъ ведра. Это всѣхъ удивило, но прошли эти блаженныя минуты, и опять пыль въ видѣ извести. Солнце свѣтитъ всегда, но зима здѣсь, говорятъ, невыносимая для здоровья; дожди льютъ, постоянно по два и по три мѣсяца безпрерывно, въ комнатахъ сыро; печей почти нигдѣ нѣтъ, такъ и на нашемъ подворьи. Можно поставить желѣзную печь временную, но конечно сырость будетъ страшная; зимнихъ рамъ нѣтъ. По Іерусалимскимъ улицамъ съ октября надо плавать, а не ходить; вода повсюду бѣжитъ и все стекается въ цистерны Гроба Господня и другія низкія мѣста города. Въ Воскресенскомъ храмѣ даже лѣтомъ сыро, а потому я опасаюсь ходить въ оный на ночную молитву. Всѣ тѣ, которые тамъ часто бываютъ ночью, всѣ получаютъ лихорадку. Я же грѣшная при моемъ слабомъ здоровьи и въ мои лѣта считаю для меня счастіемъ быть у Св. Гроба и на Голгофѣ ежедневно, когда душа моя туда помолиться влечетъ. На русской постройкѣ также нѣтъ печей; отецъ архимандритъ начинаетъ теперь ихъ понемногу устраивать, т. е. для братіи миссіонерской. Въ палестинскомъ домѣ печь есть, но зато дороговизна страшная, паломникамъ нѣтъ покоя. Русская больница получаетъ по 50 коп. съ каждаго паломническаго паспорта, чтò составляетъ доходу болѣе 5.000 р., коекъ въ больницѣ 40. Пища сестрамъ милосердія въ столовой Палестинскаго общества и всему палестинскому персоналу даромъ, обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ втораго класса, а поклонникамъ втораго класса этотъ обѣдъ стоитъ по 50 к. съ человѣка, а въ третьемъ классѣ борщъ и каша по 10 коп. съ человѣка; квартиры тамъ очень дороги, самоваръ въ день 20 коп. Съ поклонниковъ берутъ съ каждаго по назначенной цѣнѣ для платы проводникамъ, собираются, простите за выраженіе, табунами, и всѣ должны идти для поклоненія святынѣ; они должны сами платить за ословъ и за верблюдовъ. Прежде все было гораздо дешевле, а теперь благодаря дороговизнѣ каждый спѣшитъ домой, прощаясь съ Іерусалимомъ съ грустью.

27.

17-го іюля.

Вотъ уже третій день, какъ мое перо отдыхаетъ, и я не подѣлилась съ тобой моими мыслями, чувствами и впечатлѣніями. Всѣ мои предположенія по волѣ Божіей не осуществились. Я съ 15 числа нигдѣ по богомольямъ не ходила и никуда не ѣздила, во-первыхъ, не рѣшалась сѣсть на осленка, оставила Елеонъ до предбудущихъ дней, послѣ всѣхъ предполагаемыхъ путешествій. Я рѣшилась только нѣсколько дней молиться неотлагательно на Голгофѣ и у Гроба Господня; очень устали мои ноги, дала имъ отдыхъ. До завтра.

28.

18-го числа.

Все время сижу дома и занимаюсь перепиской также и чтеніемъ; чтеніе утверждаетъ въ благоговѣйномъ расположеніи, въ богомысліи Признаюсь, что я, не имѣя наставника въ умномъ дѣланіи, послѣ смерти незабвеннаго митрополита Филарета считаю необходимымъ упражняться по мѣрѣ возможности въ чтеніи дѣяній Св. Отцевъ, руководясь его же отеческимъ совѣтомъ, всегда помня его слова: «упражняйтесь въ чтеніи священнаго писанія, оно просвѣщаетъ умъ и сердце, а безъ чтенія истины намъ не разумѣть».

Сейчасъ отъ обѣдни, сегодня четвергъ. Были на раскопкахъ въ церкви Св. Александра Невскаго, слава Богу! Сердце мое утѣшилось русскою службою; пѣли три голоса, тихо, стройно, умилительно. Великое спасибо царственной семьѣ за сооруженіе въ этомъ мѣстѣ русской церкви,—только мѣсяца два, какъ она освящена. Роскопки—это мѣсто, пріобрѣтенное отцомъ Антониномъ. Онъ открылъ конецъ страстнаго пути близъ храма Гроба Господня. Господь наконецъ благословилъ и намъ, русскимъ, овладѣть нынѣ частію того мѣста, по которому проходилъ Спаситель міра къ мѣсту распятія, т. е. на Голгофу. Открытію столь священнаго памятника мы обязаны великому князю Сергію Александровичу, который, бывши здѣсь въ 1881 году, поручилъ православному Палестинскому обществу расчистить все мѣсто до скалы. При этихъ раскопкахъ обнаружились остатки древней городской стѣны, высокій помостъ и тотъ проходъ, который велъ изъ города на Голгофу. Нельзя сомнѣваться, что то мѣсто и было конечно стезею крестнаго пути Богочеловѣка, а потому какая радость русскимъ молиться въ той вновь сооруженной церкви рядомъ съ Голгофою, т. е. на тѣхъ же скалахъ, въ своемъ храмѣ, который зависитъ не отъ грековъ, а отъ рус-

ской миссіи, и какая радость русскимъ, что эту стезю Господь благословилъ открыть намъ изъ подъ вѣковаго забвенья. Зданіе богато устроено. По серединѣ церкви Св. Александра Невскаго стоитъ громадный камень четырехъугольный въ родѣ сѣдалища. Говорятъ, тутъ сидѣлъ Пилатъ во время распятія Богочеловѣка и суда Его. Послѣ расчистки открывшагося перерыва въ стѣнѣ обнаружилась арка между двумя столбами, а потомъ далѣе немного и порогъ воротъ, по серединѣ которыхъ оказались съ ясными слѣдами ямки для засова и петель. Ворота въ то время назывались «судными воротами». Тутъ и вели страдальца Іисуса на вольную страсть. Фундаментъ подъ эти ворота устроенъ теперь подъ желѣзной рѣшеткой. За воротами большое распятіе, устроенное на огромномъ утесистомъ дикомъ камнѣ. Тутъ читается ежечасно псалтырь по императорѣ Александрѣ Александровичѣ. По мѣстоположенію видно, что все это мѣсто шло въ гору, начиная съ Геѳсиманскаго сада, до алтарной части храма Воскресенія, который нынѣ въ смежности съ абиссинскими постройками, кои прилегаютъ къ подземной церкви Обрѣтенія Креста. Участокъ русскій выходитъ на улицу «Бабъ-эль-Амудъ» и зовется русскимъ мѣстомъ; оно было пріобрѣтено архимандритомъ Антониномъ у одного коптскаго священника. Четверть вѣка участокъ пролежалъ пустыремъ, заваленный мусоромъ. Промыслу угодно было вскрыть завѣсу прошлаго только въ истекшихъ восьмидесятыхъ годахъ черезъ высочайшаго паломника, великаго князя Сергія Александровича.

29.

19-го іюля.

Вчера я была очень обрадована полученіемъ письма изъ Москвы отъ сестры моей Аладьиной. Посланное мнѣ письмо изъ Усмани отъ 9-го іюня я получила 4-го іюля, т. е. оно шло три недѣли. Теперь я уже все разузнала; нужно посылать изъ Москвы и вообще изъ Россіи съ марками австрійской почты, гораздо скорѣй. Также отъ насъ въ Россію съ турецкою или съ австрійскою почтою, а съ русскимъ пароходнымъ обществомъ идетъ гораздо тише, а потому я черезъ русское консульство никогда не посылаю.

Всѣ принимающіе во мнѣ участіе не совѣтуютъ мнѣ здѣсь надолго оставаться, а именно отецъ Рафаилъ и духовникъ мой старецъ Веніаминъ. Они говорятъ: первое, климатъ въ зимнее время отвратительный, второе народъ здѣшній ужасный. Іерусалимъ есть логовище сплетенъ, никого въ покоѣ не оставляютъ; третье, въ рождественскіе праздники не возможно быть мнѣ въ Виѳлеемѣ, потому что въ вертепъ не возможно будетъ мнѣ добраться цѣлую недѣлю.

Отецъ архимандритъ Рафаилъ жалѣетъ очень о Саровской пустыни,

радъ былъ бы опять уѣхать навсегда. На счетъ принятія схимы, тотъ и другой совѣтуютъ мнѣ оную принять въ Россіи, а здѣсь не принимать, предвѣщая мнѣ большія затрудненія относительно послушаній разныхъ, если приму схиму по благословенію патріарха. Все это разсудивши и убѣдившись, что въ Горнемъ мнѣ жить положительно не возможно по всѣмъ тѣмъ причинамъ, которыя тебѣ уже извѣстны, что я, принявши схиму, должна жить въ греческомъ какомъ-либо монастырѣ, на всю мою жизнь довольствоваться греческимъ богослуженіемъ, которое раздражаетъ мои больные нервы и безъ принятія схимы, а потому я рѣшила жить здѣсь до конца сентября, а въ сентябрѣ ѣхать черезъ Александрію, пожить въ Константинополѣ нѣкоторое время, а затѣмъ поѣхать въ Кіевъ къ великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, а побывавъ въ Кіевѣ, пріѣхать къ тебѣ, моя дорогая, чтобы укрѣпиться духомъ. Вѣрую, Господь мнѣ пошлетъ кого-нибудь изъ Бѣлогородскаго монастыря, который довезетъ меня до тебя, и ты утѣшишь меня твоею любовію, и я, можетъ быть, не буду тебѣ въ тягость. Можетъ быть, я поѣду къ своимъ въ Пензу, а послѣ поѣду туда, куда тебѣ Господь положитъ на сердце меня устроить. Вотъ о чемъ я теперь думаю, и никакихъ другихъ проектовъ у меня нѣтъ. Хочу жить подъ твоимъ вѣдѣніемъ, не отягощая собою твою обитель въ Балашовѣ. Пишу откровенно, какъ другу и матери. Мнѣ теперь ничего не надо кромѣ уголка, стакана молока и чашки чаю; не нужно и келейной. Я счастливѣе всѣхъ: я живу теперь у Гроба Господня и буду впослѣдствіи жить одними воспоминаніями. Чтожъ мнѣ искать теперь? Тебя мнѣ далъ Господь, тебѣ послужу чѣмъ только могу, хочу у тебя и умереть..

30.

19-го іюля, пятница.

Сейчасъ пришла изъ храма Воскресенія Христова. Праздничный благовѣстъ разбудилъ меня въ 4 часа, послѣ обѣда легла и уснула крѣпкимъ сномъ, такъ какъ я эту ночь дурно спала. Умывшись, пошла въ церковь. Храмъ почти пустъ, только служащіе и нѣсколько монахинь и одинъ чтецъ. Весь духовный причтъ и всѣ жители Іерусалима двинулись въ монастырь св. пророка Иліи, который за 8 верстъ. Говорятъ, сегодня и завтра тамъ будетъ болѣе 10.000 народу. Я пошла въ «придѣлъ заключенія во узы Спасителя міра» и поклонилась сохранившимся до сихъ поръ оковамъ священнымъ, въ которыя заключены были въ темницѣ святѣйшія ноги избавителя міра Іисуса Христа, и просила Его освободить меня грѣшную отъ узъ грѣховныхъ и страстей человѣческихъ. Рядомъ взошла въ придѣлъ Скорби Богородицы, въ которомъ преданіе говоритъ, что Она, Владычица міра, оставалась съ же-

нами муроносицами, плача и рыдая, когда влекли ея Божественнѣйшаго сына, какъ агнца на закланіе и пригвождали Его ко кресту. Тутъ не возможно не взывать умомъ и сердцемъ.

Пошли въ придѣлъ св. мученика Логина сотника, гдѣ было отсѣченіе его главы и гдѣ, по обрѣтеніи оной, одна богобоязливая женщина, лишенная зрѣнія, тотчасъ и прозрѣла. Затѣмъ пошла я въ придѣлъ раздѣленія ризъ Христовыхъ и приложилась къ камню, на которомъ это раздѣленіе совершалось. Тутъ я немощная сошла съ каменной лѣстницы въ 30 ступеней и пошла въ придѣлъ Обрѣтенія честнаго и животворящаго Креста Господня, приложилась къ каменному сѣдалищу, на которомъ царица Елена сидѣла, когда по ея повелѣнію отрывали Крестъ Христовъ. Тутъ я спустилась въ подземную пещеру, гдѣ и было отрыто честнѣйшее древо, въ которую ведутъ 20 высокихъ ступеней. Пещера эта освѣщена тремя большими лампадами. Мракъ пещеры, сырость, висящіе надъ головою камни перенесли меня грѣшную мысленно къ святой труженицѣ царицѣ съ молитвою, да упроситъ она милосерднаго Бога принять мой трудъ поклоненія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она, святая труженица, обрѣла древо, на которомъ совершилось таинство Искупителя рода человѣческаго. Святыми молитвами ея, слабыя ноги мои бодро взошли на высокія двѣ лѣстницы, оттуда вошла я въ придѣлъ «Терноваго вѣнца», въ которомъ сохранился обломокъ колонны, на которомъ претерпѣвалъ Создатель міра цѣлый сонмъ поруганій съ страшнѣйшими страданіями плоти. Избавитель міра какъ Богочеловѣкъ тутъ былъ окровавленъ мучительными иглами терноваго вѣнца. Приложившись къ этой святынѣ, надъ которой устроенъ св. престолъ, я не замедлила взойти на святую Голгофу. О томъ, что чувствуетъ душа, взирая на Крестъ Христовъ, который поставленъ за престоломъ, т. е. за нѣсколько вершковъ отъ мѣста, гдѣ онъ былъ водруженъ и гдѣ Спаситель умеръ, я передать не въ силахъ—тамъ, кажется, рай земной. Люблю храмъ Голгофы, люблю взирать подолгу на страдальческій ликъ умирающаго Господа. Храмъ безъ оконъ, свѣтъ озаряетъ оный съ западной стороны изъ притвора храма Воскресенія. Множество лампадъ освѣщаютъ Божественный ликъ, при которомъ предстоятъ Матерь Божія и св. Іоаннъ Богословъ. За распятіемъ полумракъ, какъ и во всемъ храмѣ. Главный престолъ православныхъ, а не подалеку алтарь католиковъ, третій—армянскій.

Отдохнувъ въ этомъ раѣ земномъ, я спустилась въ придѣлъ главы Адама. Тутъ подъ Голгофою видна разсѣлина, какъ дрогнулъ камень въ часъ смерти Богочеловѣка. По преданію тутъ лежалъ черепъ праотца нашего Адама, и на него протекла божественная кровь Спасителя міра. Здѣсь погребены и погребавшіе Господа Іосифъ и Никодимъ. Они тутъ же покоятся въ той скалѣ, которую освятилъ своимъ погребеніемъ вос-

кресшій Господь. Оттуда я опять пошла къ Кувукліи, поклонилась придѣлу Ангела, приложилась къ Св. Гробу, зашла въ придѣлъ, именуемый «Не прикасайся мене», т. е. гдѣ Марія Магдалина увидѣла Господа въ первый разъ по воскресеніи Его. Очень замѣчательно то, что ни въ одномъ путеводителѣ нѣтъ этого воспоминанія пророческихъ словъ святаго царя пророка Давида: «спасеніе содѣлалъ еси посреди земли Божіей». Въ ознаменованіе ихъ въ Воскресенскомъ храмѣ поставлена мраморная ваза или чаша въ 1 арш. вышины среди собора, который есть средина Іерусалима, а Іерусалимъ средина Палестины. Посреди этой вазы какой-то глобусъ, по которому сдѣланъ черной краски крестъ полувыпуклый. Простолюдины поклоняются этой вазѣ, становятъ по краямъ вазы свѣчки, прикладываются къ рединѣ креста и говорятъ, что это есть пупъ земли. Фанатики, т. е. ничего не соображающіе, говорятъ, что подъ вазой слышенъ стонъ подземный, и тутъ ставятъ свѣчи, прося Бога спасти ихъ отъ ада, предполагая, что подъ Воскресенскимъ храмомъ въ глубинѣ земли помѣщается адъ, потому что, по ихъ необразованію и ограниченнымъ понятіямъ, они предполагаютъ, что воскресшій Христосъ близъ самаго гроба, изшедъ изъ онаго, яко женихъ водворился въ бездну ада, смерть попралъ и своимъ возстаніемъ воздвигнулъ умершихъ и жизнь имъ даровалъ, слѣдовательно, адъ подъ этой вазой. Признаюсь, такое дикое понятіе простолюдиновъ поклонниковъ поддерживается невѣрами греческими монахами ради дохода и пр.

31.

20-го іюля.

Здравствуй, моя дорогая. Св. пророкъ Илія да сохранитъ тебя отъ всякаго зла. Сегодня я наняла фургонъ, т. е. крытую четвероместную коляску въ родѣ кареты, парой за 12 руб., и проводника-драгомана за 5 руб., и мы 23-го поѣдемъ въ Виѳлеемъ, и къ Дубу Мамврійскому, также и къ источнику Соломона; на пути заѣдемъ въ монастырь св. Иліи пророка. Поѣду на три дня, вернусь въ четвергъ вечеромъ. Отдыхать буду эти дни, дабы сохранить ноги для сказанной поѣздки, гдѣ, говорятъ, мнѣ придется шествовать съ горы на гору, по 2 и болѣе версты, т. е. тамъ, гдѣ въ экипажѣ проѣзду не бываетъ.

Вечеръ 20-го.

Пошла къ вечернѣ въ Воскресенскій храмъ. Послѣ службы долго сидѣла я близъ Кувукліи; народу вовсе не было, кой-кто проходилъ къ Гробу, я же на досугѣ стала всматриваться на монашескія келіи, окружающія Кувуклію, и все болѣе стала негодовать на нерадѣніе и нечистоту, окружающую святыню всѣхъ храмовъ. Греки хотя православные, но далеко не то, что русское монашество; мы соблазняемся на корысто-

любіе аѳонцевъ, между тѣмъ они тому корыстолюбію научились въ аѳонскихъ греческихъ монастыряхъ на Аѳонѣ; и въ Палестинѣ также нѣтъ теперь того, что ищетъ религіозное безкорыстіе, все основано и здѣсь на дѣятельной наживѣ. Архимандриты, іеромонахи, монахи всѣ имѣютъ здѣсь недвижимую собственность, дома, лавки, сады; они турецкіе подданные и дѣйствуютъ по-турецки. Старцевъ и отшельниковъ здѣсь теперь нѣтъ,—все попрано идеями XIX вѣка; нѣтъ теперь и здѣсь настоящихъ монаховъ. На русской постройкѣ остались двое изъ русскихъ, въ томъ числѣ мой духовникъ 80-лѣтній старецъ іеромонахъ Веніаминъ и еще другой труженикъ, а изъ грековъ есть одинъ іеродіаконъ Ефремъ, выдающаяся личность.

32.

22-го іюля 1896 г.

Была русская архіерейская служба на Голгоѳѣ. Служба была хороша потому, что были русскіе пѣвчіе; пѣли тихо и очень стройно. На молебенъ вышли три архіерея: одинъ служащій, а два въ черныхъ монашескихъ мантіяхъ, и сверхъ оныхъ малый омофоръ. Поражена была безпорядкомъ, жезлъ архіерейскій некому было принять при маломъ входѣ, онъ отдалъ его кавасу съ булавой, у котораго на головѣ феска, а тотъ отдалъ архіерейскій посохъ держать мужику-поклоннику. Потомъ въ другой разъ онъ опять далъ свой жезлъ кавасу, а тотъ далъ его маленькому мальчику, тутъ стоящему, и мать его этотъ посохъ поддерживала, чтобы онъ не упалъ.

Весь русскій людъ, консульство и дѣятели Палестинскаго общества присутствовали у службы съ ихъ драгоманами и кавасами,—все это хорошо, но въ Россіи много лучше, а всего лучше, поживши въ Св. Землѣ, возвратиться умирать въ Россію. Завтра я ѣду въ Виѳлеемъ, часа въ три дня, а потому оставляю перо.

33.

24-го іюля. Св. градъ Виѳлеемъ.

Отъ радости духовной не знаю, чѣмъ начать мое письмо. Остановилась я въ монастырѣ. Вертепъ былъ близъ меня, и мое сердце искало мѣсто рожденія Спасителя міра. Въ $4^1/_4$ ч., я была въ храмѣ Рождества Христова, храмъ великолѣпный, но тоже бѣдно и немыто. Изъ мѣста, у насъ называемаго трапезою, оказалась лѣстница, ведущая внизъ въ Вертепъ. Мой проводникъ меня ждалъ у Вертепа. Служащій арабскій священникъ уже совершилъ проскомидію на мѣстѣ,

гдѣ серебряная звѣзда съ 14 лучами на окружности круга и гдѣ начертана латинская надпись: «здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи». Надъ звѣздою висятъ 16 неугасимыхъ лампадъ, висячихъ и двѣ стоящихъ на самомъ помостѣ, т. е. на полу. Надъ этимъ помостомъ помѣщается мраморная доска, которая, какъ въ нишѣ, образуетъ престолъ, на которомъ имѣютъ право совершать литургію какъ православные, такъ и армяне. Стѣны ниши украшены покровомъ, малиноваго бархата, усѣяны вышитыми херувимами, а посрединѣ вышитъ золотомъ образъ Рождества Христова. Бока ниши обтянуты дорогою парчею, но все это ветхо. Камень Вертепа по этой стѣнѣ обитъ парчею, а престолъ надъ нишею охраняетъ образъ Казанской Божіей Матери въ серебряной вызолоченой ризѣ. Не смотря на то, что на одной части этого престола совершалъ священникъ проскомидію, мнѣ было дозволено приложиться къ мѣсту, гдѣ родился Спаситель міра, гдѣ посрединѣ звѣзды имѣется самое мѣсто скалы. Въ нѣсколькихъ шагахъ на югъ, спустившись ниже на три ступеньки, имѣется мѣсто, гдѣ были ясли Богомладенца, а за нимъ ложе, гдѣ Матерь Божія пеленала Богочеловѣка и оттуда повитаго клали въ ясли. Самыя ясли, говорятъ,—въ Римѣ въ церкви Рождества Христова.

То, что чувствуетъ душа, не удобовыразимо. Противъ этого мѣста, гдѣ волхвы пали на землю, поклоняясь Богомладенцу Іисусу, устроенъ престолъ католическій; тутъ служатъ ежедневно католики послѣ нашей литургіи.

Къ Вертепу прилегаютъ многія другія пещеры, о которыхъ будетъ описано ниже, а теперь возвратимся къ богослуженію. Священникъ началъ обѣдню по-русски; сугубую эктенію онъ произнесъ по-русски, малую эктенію также. Затѣмъ при маломъ выходѣ сталъ пѣть по-арабски. Апостола читали два мальчугана босые, грязные: одинъ по-гречески, другой по-арабски. Евангеліе, которое здѣсь вездѣ читаютъ лицомъ къ народу, священникъ читалъ по-гречески, другой по-арабски, а третій по-русски. На этотъ разъ въ Виѳлеемѣ мнѣ удалось слышать, что арабы читаютъ часы, а литургія оглашенныхъ пропускается цѣликомъ; херувимскую пѣли на греческомъ, а задостойникъ по-русски. При выходѣ со Св. Дарами священникъ идетъ сквозь по всему народу и возвращается къ престолу со словами: «и всѣхъ васъ православныхъ христіанъ» и проч.

Пошли за тѣмъ въ церковь Рождества, принадлежащую католикамъ, оттуда патеръ отперъ намъ дверь, ведущую въ пещеру, куда нужно опять спускаться. Дали намъ свѣчи; пещеры освѣщаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также лампадами. Наконецъ вошли мы въ мѣсто, гдѣ Иродомъ совершалась казнь младенцамъ.

34.

25-го іюля.

Слава Богу, мы изъ Виѳлеема доѣхали до конечнаго пути по великолѣпному шоссе среди весьма гористой мѣстности; почва каменистая, амфитеатромъ выступаютъ самородныя каменистыя стѣны огромной величины, между ними все усѣяно роздробленными, пористыми каменьями изкрасна-желтаго и сѣраго-дымчатаго цвѣта. Между ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виноградники оживляютъ ландшафтъ, въ другихъ мѣстахъ оливковыя и масляничныя деревья, которымъ каменистая почва вовсе не мѣшаетъ. Весь округъ Виѳлеемскій богатъ виноградниками и великолѣпнымъ масломъ.

Виѳлеемъ знаменитъ теперь перламутровыми издѣліями. Перламутръ привозятъ изъ Мекки, а здѣсь имѣются заводы; тутъ также дѣлаются четки и разныя вещи изъ камня Мертваго моря и изъ масляничнаго дерева. Вообще Виѳлеемъ и вся дорога до Хеврона очень живописна. Оставивши свой экипажъ за версту отъ Маврійскаго дуба, мы пошли пѣшкомъ по узкой каменистой тропинкѣ. Трудности этого пути не могу словами передать, нѣсколько разъ на камняхъ сидѣли и отдыхали. Наконецъ, мы дошли до русской постройки, и я удостоилась поклониться дубу, свидѣтелю временъ Авраама. Вчера на пути изъ Виѳлеема я любовалась на пруды Соломоновы, нѣкогда снабжавшіе Іерусалимъ, пила воду изъ источника Іакова, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отдыхалъ, и ему снилась лѣстница.

Дубъ Маврійскій шириною въ стволѣ 11 арш.; онъ обгороженъ каменной оградой. Къ сожалѣнію, отъ времени и недосмотра въ прошломъ году отъ тяжести снѣжныхъ заносовъ 50-ти вѣковой старецъ во время бури въ одномъ мѣстѣ отломился и упалъ на землю; обломокъ былъ распиленъ и свезенъ на русскую постройку въ Іерусалимъ. Дубъ величественъ, но портитъ его обломанный стволъ самый высокій; двѣ вѣтви засохли, одна вѣтвь также надломилась, но поддерживается контрфорсомъ, но верхушка на ней, слава Богу, жива и даетъ зелень въ изобиліи, какъ и все дерево отъ низа и до верха.

Мысль о библейскихъ временахъ уноситъ путника въ ту даль, которая отражается въ сердцѣ всякаго человѣка, кромѣ идолопоклонниковъ. Дубъ Маврійскій близокъ и христіанину, и еврею, и магометанину. Каждый хранитъ у себя, когда можетъ получить, кору отъ него, каждый листокъ, каждый жолудь, какъ цѣлебную святыню; турки говорятъ, что отъ коры дуба больные исцѣляются. Я везу съ собою цѣлую коробочку съ корой и желудями. Непріятно, что во всѣхъ путеводителяхъ нѣтъ правды (относительно размѣровъ дуба). Въ Хевронъ я не пошла, потому что

на могилы нашихъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова и всѣхъ сыновей Іаковлевыхъ, также и женъ ихъ Сарры и Ревеки турки не допускаютъ русскихъ, и стража стоитъ у воротъ мечети.

Отецъ Рафаилъ старается все начатое архимандритомъ Антоніемъ привести въ лучшій порядокъ; вѣроятно, со временемъ и каменистая дорога будетъ исправлена. Трудность пути заставила меня, возвращаясь обратно, сѣсть на ослика, и я съ помощію турка, поддерживающаго меня, доѣхала до шоссе въ полчаса. Выѣхавши обратно въ 11 часовъ дня, я въ 4 часа была уже въ Іерусалимѣ. Шоссейная дорога извилиста, овраги то съ той, то съ другой стороны мѣняютъ направленіе, и надо отдать справедливость туркамъ—они работаютъ хорошо и прочно; такихъ дорогъ теперь у насъ мало; экипажи европейскаго устройства, легки, красивы, лошади всегда въ шорахъ, кучера знаютъ свое дѣло.

35.

5-го августа 1896 г. Св. гора Елеонъ.

Величаю тя, Господи, яко прозрѣлъ еси на смиреніе мое! Пишу тебѣ, другъ мой, съ вершины горы Елеонской. Сегодня удостоилась приложиться къ стопѣ Христовой, образовавшейся на камнѣ, когда Онъ, Спаситель міра, вознесся на небо.

Сижу въ малой Галилеѣ и вижу предъ глазами моими то мѣсто, гдѣ Спаситель міра, вознесясь, сказалъ ученикамъ своимъ: «миръ вамъ». Слава Богу, я счастлива. Вижу передъ собою долину Іосафатову; поклонилась тому мѣсту, гдѣ архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Матери Божіей, что близко время переселенія ея въ вѣчность.

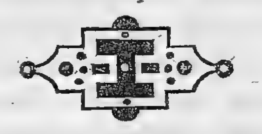
Надъ этимъ мѣстомъ, т. е. въ малой Галилеѣ, выстроенъ малый храмъ, и это мѣсто надъ самымъ престоломъ. При постройкѣ разрушенной часовни временъ св. Елены, открылись два гроба св. Сусаны и св. Анфиногена: надъ первой положена мозаиковая плита съ надписью, а надъ вторымъ гранитный камень, который какъ внѣ церкви обнесенъ желѣзной рѣшеткой. Послѣ обѣдни я приложилась надъ престоломъ къ мѣсту явленія ангела. Русская церковь на Елеонѣ въ память Вознесенія Господня очень хороша; тамъ покоится теперь прахъ архимандрита Антонина, пріобрѣвшаго это мѣсто и выстроившаго церковь и громадную колокольню. Съ этой колокольни видно Мертвое море, виденъ евангельскій Эммаусъ, а также и Виѳанія. Русское мѣсто великолѣпно устроено: тамъ близъ церкви домы архимандрита русской миссіи, подалѣе—гостепріемница, воздѣланъ великолѣпный паркъ маслинъ, кедровъ и кипарисовъ; тутъ же рядомъ живетъ настоятель архіерей Епифаній, глубокоуважаемый старецъ, хорошо знающій по-русски. Вчера, по пріѣздѣ

сюда, я была у него, угощалъ онъ насъ восточнымъ угощеніемъ: прежде всего водой холодной съ вареньемъ, затѣмъ чашкой кофе. Посидѣвши съ полчаса, мы пошли въ отведенную намъ квартиру. Мое сердце полюбило Елеонъ. Окна открыты; видъ на весь Іерусалимъ, панорама замѣчательная! Воздухъ много свѣжѣй, вѣтерокъ охлаждаетъ его. Передъ нами въ саду гранаты, маслины, виноградъ, леандры цвѣтутъ во всемъ блескѣ. Послѣ обѣдни, я опять вернулась въ Іерусалимъ, на осликѣ до Гевсиманіи, а затѣмъ въ экипажѣ до Яффскихъ воротъ. Все хорошо, но грустно видѣть часовню, въ которой сохраняются стопочки Господни въ рукахъ мусульманъ. Что дѣлать! На все воля Божія!

На вершинѣ Елеона есть еще нѣсколько домовъ турецкихъ, вся же гора каменистая и на ней въ большинствѣ масличныя дерева. Турецкія владѣнія, русскія и Галилея (греческія),—все огорожено каменными оградами. Конечно, турецкія—самыя грязныя, но это самый малый кварталъ, гдѣ мечеть, при которой часовня—Стопы Христовы.

Сообщилъ **Князь А. Дадіанъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ майской книжкѣ на стр. 302 третья строка сверху напечатано: мой племянникъ князь Анатолій; слѣдуетъ читать князь Антоній.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

20. Пребываніе въ Новочеркаскѣ. Скучный и грустный день. Въ ту минуту, когда получено извѣстіе, что государь по болѣзни не будетъ въ Новочеркаскъ, узналъ о смерти И. И. Дмитріева [1]). Жизнь часъ отъ часу болѣе теряетъ своего здѣшняго достоинства. Настоящее достоинство человѣческой жизни есть должность. Она одна остается подъ конецъ ея. Все прочее исчезаетъ. Посѣщеніе выставки. У Власова. Длинный и скучный обѣдъ за общимъ столомъ въ дворянской залѣ. Орловъ-Денисовъ [2]) съ двумя сыновьями. Григорій Д. Иловайскій съ женою. Ефремовъ. Панинъ и пр. Ввечеру у Иловайскаго. Жена Бердяева [3]) прекрасная женщина.

21. Пребываніе въ Новочеркаскѣ. Прибытіе государя въ $1/_2$ 11 Его коротенькая и выразительная рѣчь въ кругѣ, окруженномъ знаменами и регаліями атаманскими. Церемонія безъ величественности. Блескъ и лохмотья. Передъ старымъ деревяннымъ соборомъ и недостроеннымъ новымъ, въ виду фундамента Платовскаго дома [4]) и его разрушающейся бесѣдки. Въ этомъ ничтожномъ, бэзжизненномъ городѣ день тріумфальныхъ воротъ. Обѣдъ за маршальскимъ столомъ. Разсказы о опасности государя. Прощеніе Лермантова [5]). Почему Бенкендорфъ [6]) упомянулъ обо мнѣ? Весь вечеръ дома.

22. Смотръ двадцати казачьихъ полковъ. Государь недоволенъ «Это мужики, а не армія». Отъ чего? Казацкая армія можетъ существовать только на границѣ, въ виду непріятеля. Покой ее портитъ. Или она становится обыкновенною регулярною арміею. Но они смотрятъ только на выправку. Балъ. Четыреугольная длинная зала, обитая кисеею. Богдановичъ параличный. Иловайскій съ женою. Жена Бердяева. Внучка Платова и его сынъ въ перевязкѣ. Анекдотъ о его женѣ, послѣ того какъ она, уже невѣста, узнала о несчастіи жениха: мнѣ нужно его сердце, а не лице, и я имѣю одно только слово. Нѣсколько прежнихъ костюмовъ безъ всякаго вкуса и оригинальности. Тулупъ, перевязанный поперегъ поясомъ, или шлафрокъ; на шеѣ косынка; на головѣ просто колпакъ. Некрасиво, и всѣхъ даже молодыхъ дѣлаетъ старыми.

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ скончался 3 октября 1837 года.

[2]) Генералъ-адъютантъ графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.

[3]) Генералъ-маіора, начальника штаба Войска Донскаго.

[4]) Извѣстнаго атамана войска Донскаго, героя войны 1812 года, графа Матвѣя Ивановича Платова († 1818).

[5]) М. Ю. Лермонтовъ за свои стихи На смерть Пушкина былъ отправленъ на Кавказъ и служилъ тамъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Теперь онъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ апрѣлѣ 1838 г. послѣдовалъ его переводъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ прежде.

[6]) Шефъ жандармовъ графъ А. Х. Бенкендорфъ.

23. Поутру въ 7 часовъ отъѣздъ государя съ великимъ княземъ Мы остаемся на 24 часа. Ѣздилъ съ гр(афомъ) Панинымъ [1]) въ уѣздное училище, которое въ весьма хорошемъ положеніи. Былъ у архіерея Аѳанасія, весьма достойнаго человѣка, перваго здѣшняго [2]). Онъ уже 8 лѣтъ. Его благоразумныя дѣйствія съ раскольниками: уже они склонены принять архіерея, только бы безъ консисторіи. Это важный шагъ. Визиты: къ атаману [3]), къ Бердяеву, къ Рубашкину, къ Кузнецову [4]), къ Орлову-Денисову, къ Иловайскому. Обѣдъ со всѣми ними въ дворянскомъ домѣ. Ввечеру балъ, данный мачихою гр(афа) Орлова-Денисова, урожденною Иловайскою [5]). Разговоръ съ Кузнецовымъ о краѣ. Лучшее образованіе на счетъ очереди и опредѣленія властей. Нѣкоторыя неудобства. Правительство слишкомъ мѣшается во всѣ подробности: ловушки, въ которыя рыба не ловится и которыхъ не позволяютъ смолить въ пользу ихъ продавцевъ. Добываніе соли менѣе выгодное. Энергическое и полезное, но соверш(енно) самовластное правленіе Платова [6]). Упрямый Денисовъ. Худой правитель Иловайскій. Слабый Кутейниковъ. Власовъ съ предразсудками и упрямствомъ. Хорошо дать атамана русскаго. На балѣ. Гр(афиня) Платова и Сысоева фрейлина (третья дочь гр(афа) Орлова).

24. Выѣздъ изъ Н(ово)черкаска. Проказы втулки и оси; несчастное и безполезное мазанье. . . . . въ Каменкѣ. Дѣятельность Черкасова, и сонъ богатырскій на стульяхъ.

25. Верхнелоговая. Питіе чаю. Переправа черезъ Донъ въ Казанской станицѣ. Обѣдъ въ Матюшкинскомъ [7]) логу. Капу(ста) и кашица съ огарками. Соленый арбузъ, раненая индюшка и жареный картоф(ель) и чай въ —.

Павловскъ. 26. Въ 4 часа. Чай и смотритель Филоновъ, не помнящій цѣли бытія своего. Конецъ голой степи. Начало луговъ и жилья. Донъ влѣвѣ... Шестакова. Деревня въ долинѣ, съ одной стороны голыя горы, съ другой покрытыя рощею (пл)одовыхъ деревьевъ. Ручей по лугу и насыпь. Воронежъ. Глупая ребяческая ссора. Обѣдъ у губернатора. Выборы. Никитинъ и Тюменевъ. Кольцовъ.

---

[1]) См. выше, стр. 367, прим. 6-е.

[2]) Донская епархія учреждена въ 1829 году; преосвященный Аѳанасій (Телятевъ) († 1847) ранѣе былъ тамбовскимъ архіереемъ.

[3]) М. Г. Власову.

[4]) Генералъ-лейтенанту войска Донскаго Михаилу Михайловичу Кузнецову.

[5]) Наказный атаманъ войска Донскаго Василій Петровичъ Орловъ былъ женатъ во второмъ бракѣ на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Иловайской.

[6]) Платовъ, Денисовъ, Иловайскій и Кутейниковъ — атаманы войска Донскаго.

[7]) Т. е. Матюшенскомъ.

26, середа. Проѣздъ черезъ Задонскъ рано поутру. Извалы, помѣстье Семена Ал(ексѣевича) Викулина. Ужинъ и мировая въ Ефремовѣ.

27. Въ Тулѣ. Въ трактирѣ Петербургскомъ. Чтеніе некрологіи Дмитріева [1]). Въ Серпуховѣ чуть не пр(о)валились. Городъ большой съ большими пустырями. Гостинница Брошлева..... почти феноменъ. Подольскъ. Гостинница для свиней.

1838.

3 мая, вторникъ. Выѣздъ въ $1/_2$ 7 часа отъ Вьельгорскихъ.—Пили чай въ Котовѣ, гдѣ встрѣтился съ М-е Ch....

4, середа. Обѣдали въ Тормѣ.—Черезъ Дерптъ проѣхали уже въ 9 часовъ вечера.

5, четвергъ. Завтракали въ Гульбенѣ. Здѣсь к(нязь) Долгорукій остался съ изломанною рессорою. Отпр(авились) обѣдать въ Neyemühlen.

6, пятница. Ужинали въ Энгельгардсгофѣ. Завтракали въ Янииштахъ. Исторія Потоцкой, которая родила въ трактирѣ въ Янииштахъ и оставила у трактирщицы свою дочь, которая прожила у нея 1 годъ и 8 мѣсяцевъ. Эта Потоцкая сестра Косаковскаго; живетъ близъ Гродно. Въ Шавляхъ встрѣча съ княземъ Долгорукимъ. Завтракъ. Въ Таурогенѣ обѣдъ въ шесть часовъ вечера. Изъ Тильзита выѣхали въ $1/_2$ 11-го часа.

7, суббота. Въ Кенигсбергъ пріѣхали въ 10-мъ въ исходѣ. Ввечеру осматривали Маріенбургъ [2]), откуда отправились въ $1/_2$ 11-го. 1. Рыцарская комната съ окнами королевской фамиліи [3]). 2. Домашняя церковь съ старинными образами. 3. Большая зала собранія о двухъ колоннахъ. — Въ сокровищницѣ образъ походный ордена и чаша старинная.

9, понедѣльникъ. Завтракали въ Зеловѣ. Въ половинѣ третьяго часа пріѣхали въ Берлинъ. Мы съ Толстымъ [4]) помѣщены въ Branderburger Hof. Тотчасъ отправились во дворецъ представляться императору и

---

[1]) Некрологъ И. И. Дмитріева, написанный С. П. Шевыревымъ, былъ напечатанъ въ № 83 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1837 года (отъ 16-го октября).

[2]) Мѣстопребываніе гохмейстеровъ Нѣмецкаго ордена.

[3]) На окнахъ залы изображены, между прочимъ, гербы членовъ Прусскаго королевскаго дома, предпринявшихъ реставрацію этой залы.

[4]) Вѣроятно, съ флигель-адъютантомъ Павломъ Матвѣевичемъ Толстымъ.

*

императрицѣ. Ихъ не было. Въ Шарлотенбургѣ встрѣча съ Бранденбургомъ [1]) и Тюменомъ [2]). Липранди [3]). Тюменъ по старому колокъ изъ-подтишка, за то ужасно вычернилъ волосы, оставя рыжіе усы. Визиты. Нигдѣ не принятъ: всѣ въ концертѣ. Возвратился домой убирать горницу. Легъ спать въ одиннадцать часовъ.

10 (22), вторникъ. Визиты къ принцамъ. Пріятные полчаса у старика Витгенштейна [4]), который есть образецъ добродушной учтивости. Заѣзжалъ къ Манцурову [5]). Обѣдъ у принца Вильгельма [6]) въ толпѣ. Домъ принца. Отличный вкусъ. Все до послѣдняго порядочно. Прекрасная лѣстница. Зала, гдѣ обѣдали, состоящая изъ трехъ. Гумбольдъ [7]). Блокъ [8]) постарѣлъ и похудѣлъ; за то дочь его растолстѣла. Графъ Редернъ [9]). Графиня Бранденбургъ [10]) по старому милая. Принцъ Оранскій [11]), который здѣсь понравился мнѣ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Принцъ Веймарскій [12]), нѣсколько странный, но привѣтливый. Принцесса Вильгельмъ [13]), ни мало собою не перемѣнившаяся. Король Гановерскій [14]) сталъ похожъ на струся. Кронпринцъ постарѣлъ, а Вильгельмъ [15]) помолодѣлъ. Жены Карла и Вильгельма [16]) подурнѣли, особливо первая. Марья Павловна [17]) мила и похожа [болѣе], нежели когда-нибудь, на свою мать. Послѣ обѣда отдыхалъ дома. Потомъ часть вечера

---

[1]) См. выше, стр. 110, прим. 2-е.

[2]) См. выше, стр. 102, прим. 2-е.

[3]) Быть можетъ, флигель-адъютантъ Павелъ Петровичъ Липранди (впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, † 1864).

[4]) См. выше, стр. 75, прим. 8-е.

[5]) Т. е. Мансурову. Генералъ-адъютантъ Александръ Павловичъ Мансуровъ состоялъ при нашей миссіи въ Берлинѣ.

[6]) Брата короля Прусскаго.

[7]) Знаменитый естествоиспытатель баронъ Александръ Гумбольдтъ († 1859).

[8]) Прусскій генералъ (см. выше, стр. 93, прим. 1-е).

[9]) См. выше, стр. 311, прим. 1-е.

[10]) См. выше, стр. 116, прим. 1-е.

[11]) См. выше, стр. 75, прим. 14-е.

[12]) Вѣроятно, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій Карлъ-Фридрихъ, супругъ великой княгини Маріи Павловны.

[13]) См. выше, стр. 76, прим. 4-е.

[14]) См. выше, стр. 76, прим. 5-е.

[15]) Будущій германскій императоръ.

[16]) См. выше, стр. 75, прим. 10-е. Принцъ Карлъ былъ женатъ на принцессѣ Маріи Саксенъ-Веймарской, а принцъ Вильгельмъ (будущій императоръ на принцессѣ Августѣ Саксенъ-Веймарской.

[17]) Великая герцогиня Саксенъ-Веймарская.

провелъ съ Клейстомъ у Радзивила [1]). Видѣлъ жену Вильгельма [2]), Богуслава съ женою [3]) и Ванду съ мужемъ [4]). Какое раззореніе въ этой семьѣ! Говорили о Лулу [5]). Клейстъ все тотъ же, какъ былъ, добродушный іожикъ. Отъ Радзивила къ Волхонскому [6]); пилъ чай вмѣстѣ съ его женою. Разсказы о баварскихъ интригахъ и о M-e Nesselrode и Krüdener, и пр.

11 (23), середа. Aspect de Berlin [7]) ..... коробки съ зеленью. Зонтики. Будки съ мясомъ. Покупщики. Проходящія войска. Deutsche Thurm. Театръ.—Въ десять часовъ къ Гумбольду, не засталъ. (Hinter dem Neuen Packhof. Оленья голова въ передней). Отъ Гумбольда къ Клейсту. Добрѣйшее существо. Отъ него подарокъ портреты Луизиныхъ дѣтей [8]). (Портретъ Луи(з)ы, писанный Э. Радзивилъ) [9]).—Разговоръ о кронпринцѣ, у котораго отняли всѣхъ его приверженцовъ: Радовица [10]), Герлаха [11]), Грёбена [12]) и Виллисена [13]). Опасность піетизма. Разговоръ о источникѣ грѣха и сущности религіи. Человѣкъ палъ въ ту минуту, когда сказалъ *я*. Видимый міръ есть созданіе грѣха. Эти мысли Клейста темны. Къ Рауху [14]): Вакханаль, барельевъ. Три прожекта памятника Фридриху. Одинъ съ колонною и классическій. Другой (который для меня предпочтительнѣе)—Фридрихъ верхомъ, на пьедесталѣ, окруженный его генералами. Наяда для императора. Викторія для Валкалы [15]). Сидячая дѣвочка Рейнгарда. Амазонка на конѣ, сра-

---

[1]) У сына князя Антона Радзивила († 1833), князя Вильгельма Радзивила.

[2]) Князь Вильгельмъ Радзивилъ былъ женатъ, во второмъ бракѣ, на княжнѣ Матильдѣ Клари (Clary und Aldringen).

[3]) Братъ князя Вильгельма Радзивила, князь Богуславъ Радзивилъ былъ женатъ на княжнѣ Леонтинѣ Клари (Clary und Aldringen).

[4]) Ихъ сестра, княжна Ванда Радзивилъ была замужемъ за княземъ Адамомъ Чарторискимъ.

[5]) См. выше, стр. 169—172, 176 и 212.

[6]) Къ министру двора князю Петру Михайловичу Волконскому. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской.

[7]) Т. е. Обозрѣніе, или видъ Берлина.

[8]) Т. е. дѣтей покойной принцессы Луизы Радзивилъ, рожденной принцессы Прусской.

[9]) Дочерью принцессы Луизы, княжною Элизою Радзивилъ.

[10]) См. выше, стр. 211, прим. 6-е.

[11]) См. выше, стр. 251, прим. 8-е.

[12]) См. выше, стр. 86, прим. 7-е.

[13]) Баронъ Фридрихъ-Августъ фонъ Виллизенъ (v. Willisen, р. 1798†1863), впослѣдствіи бывшій генераломъ-отъ-кавалеріи.

[14]) См. выше, стр. 77, прим. 6-е.

[15]) Walhalla—великолѣпный мраморный храмъ недалеко отъ Регенсбурга, основанный королемъ Баварскимъ Лудвигомъ I. Въ немъ собраны мраморные бюсты германскихъ знаменитостей.

жающаяся съ тигромъ, Кисса[1]). Ученость (?) Рауха.—Къ Шинкелю[2]). Его прекрасное жилище, достойное архитектора. Прожектъ фресковъ для музеума.—Обѣдъ въ Belle Vue у принца Августа[3]). Молодой принцъ Веймарскій[4]), милый своею искренностію и добросердечіемъ. Онъ нравится и нашему наслѣднику, чему я очень радъ. Тотчасъ послѣ обѣда въ театръ: балетъ, прекрасно поставленный, но безъ всякаго смысла. Le Diable boiteux. Представлялся королю. Гросгерцогу Ольденбургскому. Beaulieu[5]). Вицлебенъ, его гофмаршалъ и камергеръ.

12 (24), четвергъ. Поутру визиты. Къ Клейсту. Къ Штегману[6]). Къ Шильдену[7]). Къ Крюгеру[8]). Обѣдъ у короля. Король Виртембергскій и принцъ Фридри(хъ). К. В.[9]) Préoccupation. Traits de famille. Sarcasme[10]). За обѣдомъ подлѣ Криднеръ. Разговоръ о королѣ. Консти(ту)ція = justice. Verité = Glauben, Schönheit[11]). О народной пѣснѣ О женитьбѣ в(еликаго) князя. Въ театръ. Vor hundert Jahren, замѣчательная піэса Раупаха[12]). Прекрасный видъ на театръ. Вечеръ дома.

13 (25), пятница. Поутру въ 9 часовъ къ Крюгеру. У него встрѣча съ Вернетомъ[13]), который привезъ свою картину парада. Въ музеумъ. Общій обзоръ картинъ. Къ Hedwig Olfers. Ея милая дочка. Къ графинѣ Брюль; ея прелестная дочка. Разговоръ о Клаузевитцѣ, о Брюлѣ, о Вильдерметъ[14]).—Обѣдалъ дома. Въ театрѣ Валленштейна Tod. Максъ, есть чувство, но вялъ. Валленштейнъ—Ротъ слишкомъ, выразителенъ, особливо въ послѣднемъ актѣ. Текла—Гагенъ[15]). Мизерно и бездушно.

---

[1]) Августъ Киссъ (Kiss), ученикъ Тика.

[2]) См. выше, стр. 91, прим. 7-е.

[3]) У принца Августа Прусскаго (р. 1779 † 1843), генералъ-инспектора артиллеріи.

[4]) Сынъ великой княгини Маріи Павловны, принцъ Карлъ-Александръ-Августъ (р. 1818 † 1901) (см. выше, стр. 310, прим. 12-е).

[5]) Баронъ de Beaulieu-Marconnay, оберъ-шенкъ двора великаго герцога Ольденбургскаго.

[6]) См. выше, стр. 100, прим. 9-е.

[7]) См. выше, стр. 113, прим. 6-е.

[8]) См. выше, стр. 312, прим. 2-е.

[9]) Т. е. Король Виртембергскій?

[10]) Т. е. Озабоченность; фамильныя черты; сарказмъ.

[11]) Т. е. справедливость. Истина=вѣра, красота.

[12]) Извѣстнаго драматическаго писателя Эрнста Раупаха (р. 1784†1852).

[13]) Съ извѣстнымъ французскимъ живописцемъ Орасомъ Вернè (Vernet, р. 1789 † 1863).

[14]) См. выше, о Клаузевитцѣ, стр. 119, прим. 4-е; Брюлѣ, стр. 83, прим. 1-е, и г-жѣ Вильдерметъ, стр. 64, прим. 4-е.

[15]) Шарлотта фонъ Гагнъ (v. Hagn), игравшая въ Берлинѣ въ 1833—1843 гг., до выхода своего въ замужество.

Буттлеръ—Францъ, довольно хорошо; но не выразилъ неумолимости. Октавія ничего замѣчательнаго. Врангель. Шведскій вѣстникъ Девріенъ [1]), очень хорошо. Графиня Терска—Крелингеръ [2]), съ большимъ искусствомъ.—Послѣ театра домой.

14 (26), суббота. Поутру рано къ Крюгеру. Во дворецъ. У Крюгера. Визитъ съ графинѣ Шуваловой = Шлифенъ [3]). Обѣдъ у принца Карла. Великолѣпно, но тяжело. Прекрасная слодовая въ греческомъ вкусѣ. За столомъ между княземъ Радзивилъ и графинею Фирекъ. Послѣ обѣда у Клейста. Разговоръ о дѣлѣ кель(н)скомъ [4]). Постановленіе Тридентскаго собора на счетъ смѣшанныхъ браковъ. Прежній архіепископъ кельнскій [5]) и тайное съ нимъ соглашеніе на счетъ браковъ: ошибка прусскаго правительства. Нынѣшній епископъ [6]) принялъ оное и отъ него отказался. Гермесово ученіе [7]). Михелисъ [8]). Достъ фонъ Бекгаузенъ. ..... Позенскій епископъ. Бунзенова [9]) проруха.—Отъ Клейста въ театръ. Лебединая пѣснь M-e Seidler [10]) въ 4 актѣ Роберта [11]).

15 (27), воскресенье. Поутру рано къ Крюгеру. Вихманъ [12]) и

---

[1]) Вѣроятно, Карлъ-Августъ Девріенъ (р. 1797 † 1872).

[2]) Августа Крелингеръ (рожденная Düring, въ первомъ бракѣ Stich) (р. 1795 † 1864). См. выше, стр. 96, прим. 8-е.

[3]) См. выше, стр. 75, прим. 5-е, и стр. 142, прим. 3-е.

[4]) Объ отказѣ кельнскаго архіепископа Климента-Августа Дросте фонъ Фишеринга (Droste von Vischering, р. 1773 † 1845) принять постановленіе прусскаго правительства о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Дросте поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ были крещены въ католическую вѣру. Прусское правителельство смѣнило въ 1837 г. Дросте и сослало его въ крѣпость Минденъ; въ 1840 г. онъ былъ освобожденъ отъ заключенія.

[5]) Графъ Фердинандъ-Августъ фонъ Шпигель (р. 1764†1835).

[6]) Дросте фонъ Фишерингъ.

[7]) Георгъ Гермесъ (Hermes, р. 1775 † 1831), профессоръ Боннскаго университета, основатель философско-догматической школы въ католической церкви; изъ постановленій Тридентскаго собора онъ признавалъ только тѣ, которыя не противорѣчатъ разуму, и находилъ, что частныя доктрины христіанства могутъ быть признаваемы истинными лишь по стольку, по скольку они не стоятъ въ противорѣчіи съ результатами естественнаго откровенія.

[8]) Эдуардъ Михелисъ (р. 1813 † 1855), католическій священникъ, котораго кельнскій архіепископъ Дросте фонъ Фишерингъ назначилъ своимъ секретаремъ; Михелисъ былъ также сосланъ въ 1837 г. въ Минденъ.

[9]) См. выше, стр. 263, прим. 3-е, и стр. 287, прим. 1.—Бунзенъ велъ переговоры съ папскимъ престоломъ по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ; вслѣдствіе кельнскихъ событій Бунзенъ былъ въ 1838 году отозванъ изъ Рима.

[10]) См. выше, стр. 92, прим. 11-е. Въ 1838 г. M-e Seidler оставила сцену.

[11]) Въ оперѣ Мейербера Robert le Diable.

[12]) См. выше, стр. 311, прим. 7-е.

Клейстъ. Къ обѣднѣ. Пріѣздъ Липмана[1]) съ товарищи. Въ музеумъ съ великою княгинею[2]). Маркусъ[3]) и профессоръ Вагенъ. Быстрый взглядъ на исторію живописи. Обѣдъ у Клейста. Замѣчательный разговоръ о разницѣ между правосудіемъ и справедливостію: légalité et justice; Gesetzlichkeit und Recht[4]). Въ театрѣ Agnes v(on) Hohenstaufen[5]); прекрасныя декораціи и скверная музыка. Разговоръ съ королемъ Виртембергскимъ и съ принцессами. Вечеръ дома. Липманъ. Смѣшной нѣмецъ съ своими затрудненіями.

16 (28), понедѣльникъ. Утро у меня Ольбергъ[6]). Къ графу Редерну. Картины новой школы Мурилло. Рюисдаль. Разговоръ о tiers état. Къ великому князю. Въ музеумъ. Вялый осмотръ статуй. Осмотръ съ Вагеномъ Нидерландской школы и древнихъ картинъ. Обѣдъ у Крюгера съ Вернетомъ, Гумбольдомъ, Шадовымъ[7]), Вахомъ[8]), Бегасомъ[9]), Вихманомъ, Тикомъ, Шинкелемъ, Шпикеромъ, Бейтомъ[10]), и пр. Вечеръ дома.

17 (29), вторникъ. Утро. У Гумбольда. У меня Липгартъ. Въ Шарлоттенбургѣ déjeuné dansant. Уѣхалъ ранѣе другихъ. Въ театрѣ: Норма[11]). Вечеръ у Липгарта съ профессоромъ Вагеномъ: замѣчательное собраніе гипсовъ и гравюръ. Разсматривали Марк. Антонія и Альбрехта Дюрера.... Надобно имѣть очень привычные глаза, чтобы понимать превосходство старыхъ мастеровъ предъ новыми; но тутъ вмѣшивается и фанатизмъ.

18 (30), середа. Поутру съ Вангеномъ (sic) въ галлерею Рачинскаго[12]). Замѣчательная картина Каульбаха[13]), представляющая сраженіе Гунновъ и Римлянъ. Въ этой же галлереѣ: Жнецы Робера[14]). Дѣти Эдуарда

---

[1]) Быть можетъ, доктора правъ Ѳедора Ивановича Липмана, бывшаго преподавателя наслѣдника.

[2]) Маріею Павловною.

[3]) Вѣроятно, лейбъ-медикъ Михаилъ Антоновичъ Маркусъ,

[4]) Т. е. законность и справедливость; законность и право.

[5]) См. выше, стр. 212, прим. 3-е.

[6]) Капитанъ прусскаго генеральнаго штаба, знакомый съ русскимъ языкомъ и съ русскою литературою (см. С. Т. Аксаковъ, Біографія М. Н. Загоскина, М. 1855, стр. 57—58).

[7]) См. выше, стр. 77, прим. 5-е.

[8]) Wilhelm-Karl Wach (р. 1787†1845), живописецъ.

[9]) Karl Begas (р. 1794†1854), живописецъ.

[10]) Вѣроятно, Петръ-Христіанъ-Вильгельмъ Бейтъ (Beuth, р. 1781 † 1853), завѣдывавшій въ министерствѣ финансовъ отдѣломъ торговли и промышленности и оказавшій много услугъ прусской промышленности.

[11]) Опера Беллини.

[12]) Графа Аѳанасія Рачинскаго (р. 1788†1874).

[13]) Извѣстнаго Вильгельма Каульбаха (р. 1805†1874).

[14]) См. выше, стр. 295, прим. 1-е.

Гильдебранда [1]), Итальянка съ младенцемъ Месса; Путешественники посреди пустыни. Изъ старыхъ картинъ замѣчательвы Три сестры за шахматною доскою, и пр. Оттуда къ Вагнеру, у котораго много картинъ новыхъ мастеровъ. Кончилъ музеумомъ, гдѣ съ великимъ княземъ разсматривалъ Италіанскую школу и потомъ рѣзные камни и бронзы. Заѣзжалъ къ Шенку. Обѣдъ въ русскомъ обществѣ у Манцурова [2]) съ Радзивиломъ, Адлербергомъ, Кавелинымъ и Долгорукимъ. Въ театръ: Le père de la débutante [3]). Francisque весьма хорошій комикъ. M-elle Edelin, M-e Dechanel, M-e Pechena. Вечеръ у гр(афа) Редерна. Музыка, толпа и пожаръ несносный. Министръ Вертеръ [4]).

19 (31) мая, четвергъ. Поутру у меня Ольбергъ. Къ в(еликой) княгинѣ и вмѣстѣ съ нею къ Вагнеру. Потомъ къ Шинкелю. Его приготовленные фрески. I. Міръ первобытный, Уранъ, окруженный звѣздами. II. Торжество свѣта. Сцена на небѣ. III. Торжество искусства и красоты на землѣ. IV. Міръ грядущій. V. Нравственная сторона человѣка: самопожертвованіе во время бѣдствій, происходящихъ отъ человѣка. VI. Самопожертвованіе во время бѣдствій, происходящихъ отъ природы. — Планъ дворца для короля Греческаго [5]). У великаго князя. У Герлаха. Обѣдъ у принца Радзивила съ Клейстомъ. Ivoix. Голландскій маршалъ. Княгиня Клари [6]). Обѣ ея дочери Радзивилъ, милыя, умныя и простыя. Взглянулъ на горницы принцессы Луизы [7]); все на старомъ мѣстѣ. Послѣ обѣда у Клейста. Чтеніе стиховъ Шамиссо; прекрасное письмо Крейтона [8]). Въ Singacademie: Faust Радзивила [9]). Слушалъ полусонный отъ жару. На балъ къ принцу Вильгельму; великолѣпный домъ, отдѣланный со вкусомъ; ротонда посреди зала для танцевъ. Круглая горница, составляющая сообщеніе съ фонтаномъ. Биліардная съ маленькою библіотекою. Все отмѣнно хорошо, но нѣтъ индивидуальности и веселой жизни про себя.—Съ Гумбольдомъ разговоръ о Чихачевѣ [10]). Разговоръ съ кронпринцемъ. Картины: Пажъ, Мадонна Шадова, Читающая дѣвочка.

---

[1]) Эдуардъ Гильдебрандтъ, живописецъ (р. 1817†1868).

[2]) См. выше, стр. 372, прим. 5-е.

[3]) Водевиль Bayard'a и Théolon, шедшій въ первый разъ въ Парижѣ въ 1837 году.

[4]) Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ (по смерти извѣстнаго Ансильона) баронъ Генрихъ фонъ Вертеръ (Werther, р. 1772†1859).

[5]) Для короля Греческаго Оттона.

[6]) См. выше, стр. 373, прим. 2-е и 3-е.

[7]) См. выше, стр. 97, прим. 3-е.

[8]) См. выше, стр. 85, прим. 1-е.

[9]) См. выше, стр. 119, прим. 7-е, и стр. 176, прим. 1-е.

[10]) Извѣстномъ путешественникѣ Платонѣ Александровичѣ Чихачевѣ.

Зимній ландшафтъ. Впрочемъ, мало замѣчательнаго. Картины для стѣнъ.

20 мая (1 іюня), пятница. Поутру у в(еликаго) князя. Къ Шинкелю. Къ Гропіусу. Въ рабочую Вихмана. У Краузе. Пароходъ среди бурнаго моря. У Шоппе [1]). Купающіяся одалиски. У...[2]). Леонора, вѣнчающая Тасса. У Шмита. Портреты.—Къ дѣвицѣ Вальденбургъ, дочери принца Августа и сестры Вихмана. Несесеръ: Der Wirthin Töchterlein, Goldsmits Tochter, Kätchen von Heilbron. Бегамовъ [3]) Спаситель или проповѣдь на горѣ. У Шадова. Фрескъ Бендемана [4]), его рисунки, его портреты, фамильный портретъ Бендемана. Молодой Шадовъ [5]) и новая картина Нереида. У Кура картина Вернета Невольницы. — У Гропіуса.—У Людерица [6]) встрѣча съ Ольферсомъ и его женою. Къ Осанну [7]). Разговоръ о смерти Гуфеланда [8]). Обѣдалъ у графа Бранденбурга съ Фокомъ. Eine unheimliche Scene. Вечеръ у Ольферса съ Клейстомъ, Форстеромъ, Тикомъ, Вертеромъ и Штегманомъ [9]). О актахъ въ Гётевомъ Фаустѣ.

21 мая (2 іюня), суббота. Записка отъ Вяземскаго [10]). Ужасная участь парохода въ ночь съ 18 на 19 мая [11]). Во дворцѣ. Съ Вяземскою въ музеумѣ. Корреджіевъ Св. Франдискъ. У Крюгера. У Орлова и Бенкендорфа [12]). Съ Вяземс(кимъ) къ Юрьевичу [13]). Déjeuné dansant у Рибопьера [14]). Толпа. Зала на дворѣ, убранная со вкусомъ. Лѣстница, уставленная цвѣтами. Чихачевъ, путешественникъ. Странная фраза насчетъ Клейста. Гумбольдъ. Сави(н)ьи [15]). Обѣдалъ дома съ Вяземскимъ и Маркеловымъ [16]). Консультація о Вьельгорскомъ [17]). Вечеръ пріятно

---

[1]) Юлій Шоппе (Schoppe), профессоръ Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

[2]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ.

[3]) Живописецъ Гансъ-Зебальдъ Бегамъ (Beham, р. 1500 † 1550).

[4]) Живописецъ Эдуардъ Бендеманъ (р. 1810), сынъ банкира Бендемана.

[5]) Сынъ извѣстнаго скульптора, живописецъ Фридрихъ-Вильгельмъ Шадовъ (р. 1788†1862).

[6]) Густавъ Людерицъ (р. 1803†1884), граверъ.

[7]) Эмиль Осаннъ (Osann, р. 1787 † 1842), племянникъ и зять Гуфеланда, врачъ и профессоръ въ Берлинѣ.

[8]) См. выше, стр. 87, прим. 7-е.

[9]) См. выше, стр. 100, прим. 9-е.

[10]) Отъ князя П. А. Вяземскаго.

[11]) Пожаръ парохода „Николай I" на пути изъ Петербурга въ Травемюнде.

[12]) Графа А. Ѳ. Орлова и графа А. Х. Бенкендорфа, сопровождавшихъ государя въ его поѣздкѣ.

[13]) См. выше, стр. 324, прим. 4-е.

[14]) См. выше, стр. 311, прим. 5-е.

[15]) См. выше, стр. 119, прим. 3-е.

[16]) См. выше, стр. 230, прим. 5-е.

[17]) О молодомъ графѣ Іосифѣ Михайловичѣ Віельгорскомъ.

провелъ у Озерова[1]), съ его женою, Өедоровымъ[2]), Шлиппенбахомъ, Вяземскимъ и Маркеловымъ. Заѣзжалъ къ Юрьевичу, котораго жена пріѣхала живая вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ.

22 мая (3 іюня), воскресенье. Троицынъ день. Все утро ѣздилъ по визитамъ. У Шинкеля. У Юрьевича. У Тика. Осматривалъ горницы кронпринца. Къ Шиллеру. Къ графинѣ Брюль, къ Гумбольду, къ Ольферсу, къ Грёбену, къ Хитровой, къ Рибопьеру, къ графу Перпонше[3]), къ Савиньи. Къ Радзивилу обѣдать. Вернетъ, Савиньи, Раухъ, Крюгеръ. Милая Леночка Радзивилъ[4]). Матильда[5]). Подлѣ меня за столомъ ея младшая сестра[6]). Въ театрѣ. Весталка[7]). Изъ театра къ графинѣ Перпонше; просидѣлъ съ нею и съ графинею Реде. Возвратясь домой, узналъ, что надобно ѣхать завтра. Къ Ливену[8]).

23 мая (4 іюня), понедѣльникъ. Поутру, уложившись, къ Клейсту. Чтеніе письма его сестры и его жалкая сердечная тайна. Къ Шлифену. Къ Крюгеру. Къ Ливену. Къ Вяземскому. Обѣдалъ у Ягора[9]) съ Вяземскимъ, Полоніусомъ, Озеровымъ и Толстымъ[10]). Послѣ обѣда у Клейста. Потомъ къ Озерову. Письма къ Миллеру и Сиркуръ[11]). Отдалъ пакетъ съ литографіями Шенку.—Связка съ книгами и статуя Гумбольда Клейсту. Крюгеру заплачено за портретъ съ тѣмъ, чтобы для меня вылитографировать и 200 экземпляровъ на веленевой и китайской бумагѣ, давъ мнѣ остальное. Въ Kunsthandlung.

24 мая (5 іюня), вторникъ. Выѣхали изъ Берлина въ 1 часъ утра. Переѣздъ продолжался 11 часовъ. Время было дождливое. До Ангермюнде не видѣлъ ничего. Окрестности дороги однообразныя; но земля хорошо обработанная. Аллеи каштановыя осѣняютъ прекр(асное) шоссе. Шведтъ небольшой городокъ съ замкомъ маркграфа; къ нему ведетъ

---

[1]) Ивана Петровича Озерова, старшаго секретаря нашего посольства въ Берлинѣ.

[2]) Младшій секретарь посольства въ Берлинѣ Алексѣй Тимоѳеевичъ Өедоровъ.

[3]) См. выше, стр. 88, прим. 1-е.

[4]) Вѣроятно, Жуковскій вспомнилъ о первой женѣ князя Вильгельма Радзивила, княгинѣ Еленѣ (р. 1805 † 1825).

[5]) Вторая жена князя Вильгельма Радзивила, княгиня Матильда, рожденная княжна Клари и Альдрингенъ (см. выше, стр. 373, прим. 2-е).

[6]) См. выше, стр. 373, прим. 3-е.

[7]) См. выше, стр. 78, прим. 6-е.

[8]) Къ генералъ-адъютанту князю Христофору Андреевичу Ливену († 1838), бывшему попечителю наслѣдника.

[9]) См. выше, стр. 82.

[10]) См. выше, стр. 371, прим. 4-е.

[11]) См. выше, стр. 262, прим. 1-е.

каштановая аллея. Здѣсь въ 1833 г. свиданіе императора съ королемъ[1].—Штеттинъ старинный городъ, укрѣпленный. До 35.000 жителей. Много каменныхъ домовъ; замѣтна живая торговля. Корабли по Одеру до 250 ластовъ входятъ въ самый городъ. Осматривали церковь св. Іакова, замѣчательную своею готическою архитектурою; но она сгорѣла въ 1677 году во время осады города великимъ курфюрстомъ. Есть памятники шведскіе. Шпага защитника города. Великолѣпные органы. Запрестольный образъ Снятіе со креста, писанный въ Римѣ берлинскимъ живописцемъ въ строгомъ стилѣ италіанскомъ. Штеттинъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ взятъ въ 1721 году Меншиковымъ, который здѣсь получилъ знаки Чернаго Орла, хранящіеся у нынѣшняго Меншикова. Здѣсь родилась Екатерина, которой отецъ находился въ прусской службѣ; она подарила городу собраніе русскихъ медалей, которое съ тѣхъ поръ всегда дополняютъ. Здѣсь также родилась и Марія Ѳедоровна, которой отецъ также находился въ прусской службѣ.

25 мая (6 іюня), середа. Выѣхали изъ Штеттина въ 4 часа, а пароходъ отправился въ 6. Лѣвый берегъ Одера пріятный видъ. Правый—равнина. По самому берегу луга; за ними холмы, покрытые рощами. Отъ домовъ къ рѣкѣ прорыты каналы. Зеленые берега, обросшіе тростникомъ, гдѣ лягушки.—Весьма узкая рѣка, раздѣляющаяся на три рукава. Встрѣча корабля, плывшаго на всѣхъ парусахъ по вѣтру, для насъ противному. Отъ Штеттина до устья 2 добрыя мили. Устье Damans, влѣво городокъ Pölitz. Потомъ широкій разливъ Одера на $^3/_4$ мили. Потомъ Pappenwasser, $2^1/_4$ мили. Потомъ Гафъ 4 мили; потомъ Swine Strom 2 мили. Всего 11 миль отъ Штеттина.—Свинемунде пріятный городокъ съ довольно живописными окрестностями; съ ближней горы, говорятъ, прекрасный и восхитительный видъ на весь заливъ[2].

26 (7), четвергъ. Государь[3] выѣхалъ изъ Штеттина въ 12 часовъ, но пароходъ «Проворный» попортился при самомъ выѣздѣ изъ города; его буксировалъ пароходъ прусскій «Кронпринцесса». Государь пріѣхалъ поздно. Нашъ пароходъ теперь набитъ какъ боченокъ съ сельдями. На

---

[1]) См. выше, стр. 312, прим. 5-е.

[2]) Далѣе въ дневникѣ помѣщены, подъ заголовкомъ „Выписки о Швеціи", краткія замѣтки на французскомъ языкѣ о членахъ шведскаго королевскаго дома и лицахъ, занимавшихъ тогда въ Швеціи высшія должности.

[3]) Посѣщеніе императоромъ Николаемъ Швеціи было для всѣхъ неожиданнымъ.

пароходѣ: Орловъ [1]), Меншиковъ [2]), Адлербергъ [3]), Львовъ [4]), Гейденъ [5]), Арендъ [6]), Философовъ [7]) и проч.

27 мая (8 іюня), пятница. Весь день довольно холодный и пасмурный. Дождь. Поутру чувствовалъ себя весьма нездоровымъ; нѣсколько прошло, но весь день не по себѣ. Около вечера туманъ. Фрегаты на станціяхъ.—Если бы было употреблено такое же вниманіе на администрацію, политическія мысли и государственную экономію и просвѣщеніе, какъ на детали военныя, сколько бы ясныхъ мыслей въ головѣ утвердилось. Но все это кажется намъ недостойнымъ уваженія и второстепеннымъ. Главнымъ кажется намъ дѣло военное. Поццо [8]) и Ливенъ [9]): послѣдній кажется намъ опытнѣе и надежнѣе. Геніальные люди и глубокомысленные государственные насъ стѣсняютъ. Ввечеру всѣ въ каютѣ; разсказы о Головинѣ [10]) и путешествіи въ Грузію нар(очно?) Орлова. Государь приказалъ Толстому [11]) писать журналъ путешествія. Мнѣ, кажется, хотятъ дать бюлетень газетный; этого и будетъ.—Ввечеру въ густой туманъ сигналъ для фрегатовъ. Около 11-ти часовъ туманъ легъ; увидѣли множество кораблей купеческихъ и нашъ фрегатъ. Легъ спать въ $^1/_2$ 12-го.

28 мая (9 іюня), суббота. День прояснился и былъ весь хорошъ. Прошли мимо Готланда. Ввечеру пѣніе: Боже, царя храни, хоръ Меншикову. Образчикъ любви къ поэзіи. Слово Кавелина (?) [12]): жалкая

---

[1]) Графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Өедоровичъ Орловъ.

[2]) Начальникъ Главнаго морскаго штаба, генералъ-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

[3]) Генералъ-адъютантъ Владиміръ Өедоровичъ Адлербергъ.

[4]) Флигель-адъютантъ Алексѣй Өедоровичъ Львовъ (директоръ придворной пѣвческой капеллы).

[5]) Эскадръ-маіоръ, флигель-адъютантъ графъ Логгинъ Логгиновичъ Гейденъ († 1901 въ чинѣ адмирала).

[6]) Лейбъ-медикъ Николай Өедоровичъ Арендъ.

[7]) Генералъ-маіоръ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) Алексѣй Илларіоновичъ Философовъ, состоявшій при великихъ князьяхъ Николаѣ Николаевичѣ и Михаилѣ Николаевичѣ.

[8]) Извѣстный дипломатъ, графъ Карлъ Андреевичъ Поццо ди Борго (р. 1764†1842), въ то время нашъ посолъ въ Лондонѣ.

[9]) Генералъ-адъютантъ князь Христофоръ Андреевичъ Ливенъ († 1838), бывшій долгое время посломъ въ Лондонѣ, а потомъ попечителемъ наслѣдника Александра Николаевича.

[10]) Евгеній Александровичъ Головинъ (р. 1782†1858) былъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, потомъ прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

[11]) См. выше, стр. 371, прим. 4-е.

[12]) Фамилія написана не вполнѣ разборчиво.

судьба в(еликаго) к(нязя), что при немъ двѣ посредственности. Пѣніе обѣдни и тому подобное.

29 мая (10 іюня), воскресенье. Поутру въ половинѣ осьмаго часа были недалеко отъ начала шкеровъ и маяка Ландсурна. Скоро увидѣли ѣдущій намъ на встрѣчу пароходъ. Это былъ шведскій, на немъ вся наша миссія: гр(афъ) Потоцкій [1]) съ Глинкою [2]), консуломъ Фанъ-Бринъ [3]), полковникомъ Бодиско [4]) и генераломъ Сухтельномъ. Съ ними генералъ Мöрнеръ и графъ Пиперъ, камергеръ.—Сцена сюрприза, когда увидѣли императора. Старикъ Мöрнеръ любезный и простодушный. Нашъ министръ весьма умный. Замѣчательное состояніе Швеціи, гдѣ конституція совершенно свободная мѣшаетъ улучшеніямъ, но также мѣшаетъ и потрясеніямъ. Шведы не рады соединенію съ Швеціею Норвегіи. По теперешнему положенію они естественные друзья Россіи.—Въѣздъ въ шкеры. Голые невысокіе утесы покрыты сначала одними елями, потомъ елями и березами. Кое-гдѣ разсѣяны хижины и деревеньки. Всѣ домы выкрашены красной краской (rouge sulfureux) для прочности и покрыты кирпичемъ. Форма домовъ не живописная, и домы не видны по своей темной краскѣ. Проѣхали мимо крѣпости Даларö, которой салютовали и которая намъ отвѣчала. Послѣ обѣда, скоро потомъ, часа въ четыре были противъ крѣпости Ваксхольма, близъ которой насъ ждали два парохода: Александрія и Ижора. Прекрасное дѣйствіе пушечныхъ выстрѣловъ между утесистыми островами: эхо.—Острова, приближаясь къ Штокгольму, болѣе покрыты зеленью. Крѣпость Ваксгольмъ посреди пути: башня, окруженная бастіонами на скалѣ.—Скоро показалась изъ-за лѣсистыхъ острововъ колокольня св. Екатерины, и мало по малу выдвинулся Штокгольмъ. Канонерскія лодки у входа въ городъ. Дворецъ на высотѣ, построенный Карломъ XI, при коемъ сгорѣлъ, и достроенный Карломъ XII, который самъ сгорѣлъ, его не достроивъ. Постыд(ная) встрѣча. Генералъ-губернаторъ Шпренг(т)портенъ; в(еликій) князь въ большой каретѣ. Императоръ пѣшкомъ. Сперва къ кронпринцу [5]); потомъ къ королю [6]); потомъ къ ко-

---

[1]) Нашъ посланникъ (въ 1836—1839 гг.) въ Стокгольмѣ графъ Левъ Севериновичъ Потоцкій.

[2]) Дмитрій Григорьевичъ Глинка († 1883), старшій секретарь нашей миссіи въ Стокгольмѣ, впослѣдствіи посланникъ въ Бразиліи и Лиссабонѣ.

[3]) Генеральный консулъ въ Стокгольмѣ, д. с. с. Исаакъ Абрамовичъ Фанъ-Бринъ.

[4]) Военный агентъ въ Стокгольмѣ.

[5]) Оскару (р. 1799 † 1857), впослѣдствіи королю шведскому.

[6]) Карлу XIV Іоанну (Бернадотту) (р. 1764 † 1844).

ролевѣ[1]) и къ кронпринцессѣ, которая прелестна[2]). Отдохнувъ съ часъ, ужинъ на половинѣ королевы. Разсадили насъ за столомъ по билетамъ. Мнѣ досталось сидѣть между дочерью о(беръ)-гофмейстерины кронпринцессы Шлавдебрандъ и Порвинской, уроженки Фальбе; обѣ умныя, и мы довольно скоро познакомились; разговоръ былъ comme de raison о сюрпризѣ[3]), о костюмахъ двора (костюмъ дамскій черный, съ бѣлыми выпусками на рукавахъ, головной уборъ ad libitum)[4]).— Столъ не отличный. Галлерея обшита краснымъ штофомъ съ золотыми бордюрами. Великолѣпіе дворца далеко отъ нашего; никакого ensemble, къ убраннымъ горницамъ переходишь черезъ нечистые сараи. Галлерея съ картинами и мраморами. Послѣ ужина насилу добрались до горницы; хлопоты графа Пипера и разсѣяніе людей нашихъ. Мнѣ достались двѣ маленькія комнатки окнами на дворъ, чистыя, но тѣсныя. Люди знаютъ только по-шведски.

30 мая (11 іюня), понедѣльникъ. У меня графъ Потоцкій. Любезный и отмѣнно умный человѣкъ. Торговый трактатъ между Швеціею и Россіею. Измѣненіе торговыхъ отношеній Финляндіи и Швеціи. Постепенность. Черезъ три года новое измѣненіе. Наконецъ черезъ шесть лѣтъ трактатъ во всей своей силѣ. Король заносчивъ на словахъ и умѣренъ въ дѣйствіи. Слабый характеръ регента можетъ быть вреденъ для самой Швеціи.—Здѣсь совершенная свобода тисненія. Журналъ либеральной партіи.—Прождавъ по пустому коляски и человѣка до 12 часовъ, наконецъ съ Глинкою отправился осматривать городъ. Съ высоты, называемой Моисеева гора, видѣли прекрасную панораму Стокгольма, который построенъ на островахъ и очень неровенъ. По крутымъ скатамъ тянутся длинныя улицы; дома узкіе, но съ широкими окнами и простѣнками; множество поперечныхъ переулковъ въ сажень шириною. Строенія не красивы и не имѣютъ никакого характера. Замѣчательнѣйшее зданіе дворецъ, который величественно прекрасенъ. Двѣ терассы. Фасадъ на протокъ съ прекраснымъ гранитнымъ сходомъ. Между двухъ выпусковъ садъ на Меларнъ. Противъ дворца островокъ, соединенн(ый) мостомъ, подъ коимъ гулянье. Отъ торга идетъ Королевина улица, лучшая въ городѣ, узкая и длинная. Худая мостовая. Нечистота. Гранитная облицовка. Старый дворецъ, совсѣмъ перестроенный. Противъ него недостроенная церковь, гдѣ гробы нѣкоторыхъ ко-

---

[1]) Бернадоттъ былъ женатъ на Евгеніи-Дезирè Клари, дочери марсельскаго купца, невѣсткѣ Іосифа Бонапарта.

[2]) Кронпринцъ Шведскій Оскаръ былъ женатъ на герцогинѣ Жозефинѣ Лейхтенбергской.

[3]) Т. е. о неожиданномъ пріѣздѣ императора Николая Павловича.

[4]) Т. е. по желанію.

ролей.—Посѣщеніе Берцелліуса [1]). Замаранныя руки его и мое желаніе. У Глинки. У Потоцкаго. У Лавоніуса [2]). Обѣдъ у королевы. За обѣдомъ подлѣ Шарлотты Мёрнеръ, дочери нашего старика Мёрнера. Послѣ обѣда пыльная прогулка въ Thiergarten, гдѣ есть прекрасные дубы. Множество прекрасныхъ лицъ между молодыми женщинами, и ножки, не во гнѣвъ Домону, худо обуты. Вечеръ у кронпринца. Разговоръ съ графинею Шильдебрандъ и Делагарди о видѣніи Карла [3]); онъ уничтожалъ его истину тѣмъ, что люди, названные свидѣтелями, въ то время не существовали. Подробности о убійствѣ Густава III-го [4]).

31 мая (12 іюня), вторникъ. Поутру государь ѣздилъ осматривать войска отъ 12 до $3^1/_2$. Я ходилъ по музеуму съ профессоромъ Röck. Между марморами замѣчательны: Спящій Эндиміонъ, Девять музъ, Минерва, отличающаяся прекрасною draperie; между произведеніями здѣшней скульптуры статуи и группы Сергеля [5]), процвѣтавшаго во время Густава III. Его группа Психея и Амура и Экарта: Діомедъ съ Палладіумомъ, Умирающій воинъ, Лежащій Фавнъ, Марсъ, защищающій Венеру. Ахиллъ, призывающій Ѳетиду, Ахиллъ и Харонъ. Геркулесъ Фарнезскій и Германикъ.—Его же статуя Густава III и Оксенштіерна [6]) и Исторія, группа у входа во дворецъ. Его же монументъ Декарту въ церкви Адольфа Фридриха.—Замѣчательная статуя Фогельсберга [7]) (находящагося въ Римѣ): Одинъ въ коронѣ, на коей два ворона, со щитомъ, на коемъ скандинавская миѳологія.—Картинная галлерея бѣд(н)а: очень хороша картина Рубенса, замѣчательный Лукасъ Кранахъ; копія или повтореніе картины Мурилло Нищій мальчикъ. Изъ рисунковъ разсматривалъ рисунки Фламандской школы и нѣсколько Рафаелевыхъ.—Въ кладовой: три старыхъ русскихъ створчатыхъ образа; постель, на коей умеръ Карлъ XIII; серебряный тронъ; колыбель Карла XII, его помочи и игрушки и дѣтская колясочка; въ

---

[1]) Іоганнъ-Іаковъ Берцелліусъ (р. 1779 † 1848), знаменитый химикъ, президентъ Стокгольмской Академіи наукъ.

[2]) Александръ Абрамовичъ Лавоніусъ былъ младшимъ секретаремъ нашей миссіи въ Стокгольмѣ.

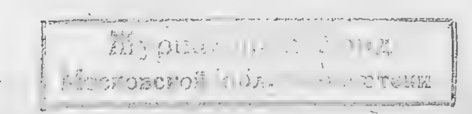
[3]) См. объ этомъ извѣстномъ видѣніи короля Карла XI въ статьѣ Жуковскаго „Нѣчто о привидѣніяхъ“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 113—115).

[4]) Густавъ III былъ убитъ въ 1792 году.

[5]) Іоганнъ-Тобіасъ Сергель, знаменитый шведскій скульпторъ (р. 1740 † 1814).

[6]) Знаменитаго шведскаго канцлера графа Акселя Оксенширна (р. 1583 † 1654).

[7]) Бенгтъ-Эрландъ Фогельбергъ (р. 1787†1854), шведскій скульпторъ, ученикъ Кановы и Торвальдсена.

«тотъ штатный Ѳерапонтовъ монастырь, яко требующій на возобновленіе въ немъ ветхостей великихъ, казенныхъ издержекъ, въ отвращеніе оныхъ, упразднить и обратить въ приходскую церковь», и отмѣтка: «Быть по сему» утверждаетъ этотъ докладъ. Въ соборѣ—прекрасныя входныя двери, изразцы, замѣчательная стѣнная живопись, великолѣпно сохранившаяся, прекраснаго письма иконы, особенно нижній ярусъ, паникадило—даръ царя Михаила Ѳеодоровича, деревянные шкафчики съ рѣзьбой,—словомъ, все отражаетъ одно прошлое безъ примѣси новизны. Въ ризницѣ находится прекрасной работы плащаница, шитая шелками и золотомъ, съ греческою надписью, полотняная риза преподобнаго Мартиніана, а по стѣнамъ—рядъ изразцовъ съ изображеніемъ какого-то животнаго.

Въ книгѣ графа Шереметева собрано немало интересныхъ памятниковъ древней литературы. Вотъ, напримѣръ, заговоръ о т ъ з а й ц е й: «Стану я, рабъ Божій Иванъ, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, взойду на гору Сіоню и помолюсь земному Богу. Какъ птица орлина летаетъ, прочь не отлетаетъ, такъ бы зайцы черноухіе не отбѣгали отъ моихъ ловушекъ»; или заговоръ противъ крови: «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, на бѣломъ горючемъ камнѣ сидитъ Мать Пресвятая Дѣва и тчетъ шелковыя тетивы и связываетъ у раба Божія... кровь и болѣзнь отъ придки его, отъ сердца его, отъ печени его. Аминь тѣ руды».

Особенно много удалось собрать разныхъ пѣсенъ: хороводныя, свадебныя, историческія, любовныя, рекрутскія и пр. Изъ свадебныхъ мы приведемъ начало одной, д а в н и ш н е й:

Стелю́тъ ковры, сте́лютъ бархатные,
Съ по тѣмъ коврамъ, да съ по тѣмъ бархатнымъ
Идутъ попы, да идутъ дьяконы,
Что за дьяконами идутъ пѣвчики,
За пѣвчиками да добырай молодецъ, идетъ,
Добрый молодецъ купецъ, что Василій молодецъ.
За собою онъ ведетъ красну дѣвицу душу́,
Красну дѣвицу душу́, да онъ Агнію хорошу́.

Вотъ образецъ рекрутской пѣсни:

«Изъ правленья было слышно
Про некрутскій про наборъ.
Намъ родители писали:
Дѣти ѣхали домой,
Дѣти ѣхали скорѣе
Во некрутскій во наборъ...
Близко къ дому подъѣзжали,
Облились сердца въ слезахъ,
Во свой домикъ заходили,
Поздоровались со всѣми.
Наша матушка родная
Замертвешинько лежитъ.
Двѣ сестрицы однокровны
Подъ окошечкомъ сидятъ.
Нашъ отецъ-то старикъ старый
Онъ во стульчикѣ сидитъ,
Слезно плачетъ, говоритъ...

Наибольшее впечатлѣніе,—говоритъ г. Шереметевъ,—произвела б а с н я о Тихменѣ Адехмептьевичѣ. Эта былина извѣстна подъ другимъ именемъ, какъ былина о царѣ Сухманѣ. Къ ней присоединена другая—о Василисѣ Никулишнѣ. Есть въ книгѣ нѣсколько сказокъ, изъ которыхъ интересна о конокрадѣ Конопѣ.

На возвратномъ пути графъ Шереметевъ со своимъ спутникомъ посѣтили село Кубенское. Село это, называвшееся К у б е н и, встрѣчается еще въ XV вѣкѣ, какъ владѣніе князей Заозерскихъ. Въ началѣ XVII вѣка царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ его боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову, и въ роду Салтыковыхъ оно держится до 1785 года. Съ этого года и до 1790 оно принадлежитъ Ѳеодору Алексѣевичу Пушкину. Съ 1790—1797 г. имъ владѣлъ графъ Ѳ. Г. Орловъ, отъ котораго оно перешло, по завѣщанію, къ Т. Ѳ. Ярославовой, въ пожизненное владѣніе. Въ 1847 г. Кубенское снова перешло къ Орловымъ. Въ церкви этого села обращаетъ на себя вниманіе икона Воскресенія Христова, разбитая на квадратики, подъ каждымъ—вирши. Въ ризницѣ хранятся вклады Салтыковыхъ: евангеліе печати 1759 г., потиръ, дискосъ и двѣ тарелки; наиболѣе старый даръ—серебряное вызолоченное кадило 7174 (1666) года.

Книга графа Шереметева снабжена многочисленными прекрасными рисунками разнообразнаго содержанія; очень интересны узоры на полотенцахъ и утиральникахъ, собранныхъ въ волостяхъ Петропавловской и Пречистенской, Кирилловскаго уѣзда.

Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, приложенія и указатель именъ личныхъ, предметовъ и географическихъ названій.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

